

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН

Комиссия историков России и Болгарии

**Российско-болгарские
научные дискуссии**

**Российская и болгарская
государственность:
проблемы взаимодействия.
XIX–XXI вв.**

Москва
2014

Издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Отделения историко-филологических наук РАН

Редколлегия:

Чл.-корр. РАН В.П. Козлов (отв. ред),
д.и.н. Т.В. Волокитина,
к.и.н. Е.Л. Валева,
к.и.н. М.М. Фролова

Рецензенты:

к.и.н. О.А. Дубовик,
к.и.н. Ю.В. Лобачёва

Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. М.: ИСл РАН, 2014. 347 с.

Очередной выпуск серии «Российско-болгарские научные дискуссии» подводит итоги двустороннего научно-исследовательского проекта «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.».

В центре внимания авторов – российско-болгарские отношения в контексте становления и развития болгарской государственности и влияния России на этот процесс.

На основе представительного корпуса документов из архивов России и Болгарии в книге рассматриваются актуальные проблемы двусторонних отношений, многие из которых сохраняют дискуссионный характер, в том числе, особенности процесса объединения территорий проживания болгарского населения, значение и последствия для Болгарии Сан-Стефанского мирного договора, история возникновения и развития идеи единения славянского мира и ее судьба, роль российской и советской дипломатии в переломные моменты болгарской истории XIX–XX вв., состояние и перспективы отношений России и Болгарии в наши дни и др.

Для специалистов, преподавателей и студентов вузов и всех интересующихся историей взаимоотношений и современным развитием двух братских стран.

ISBN-978-5-7576-0325-4

© Институт славяноведения РАН, 2014

© Коллектив авторов, 2014

Содержание

КОЗЛОВ В.П. Предисловие	5
СТОЙЛОВА ТАМАРА Колонизация юга России в 60-е годы XVIII в.	9
ФРОЛОВА М.М. О роли русских консулов в развитии школьного образования болгарского населения г. Битолы 1861–1877 гг.	38
МАКАРОВА И.Ф. Из истории проектов по территориальному переделу Балкан: переговоры русского посла в Вене Е.П. Новикова и министра иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши (август 1875 – декабрь 1876 гг.).	70
ГРИШИНА Р.П. Другая сторона Сан-Стефано.	101
ГУСЕВ Н.С. Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн.	125
КОСИК В.И. Борис III. Воспитание чувств не по Гюставу Флоберу.	141
ГРИГОРОВА ДАРИНА «Время славянофильства». Первая мировая война и русские ожидания: между иррационализмом и прагматизмом.	150
ПЕЙКОВСКА ПЕНКА Социально-экономический облик русской эмиграции в Болгарии в 20-е годы XX в. (по данным переписи населения).	162

ВАСИЛЬЕВА Н.В.

К вопросу об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Болгарией: упущенные возможности. **184**

ВОЛОКИТИНА Т.В.

Болгарское государство, мусульманское население и планы создания «коммунистической нации» (1960-е – 1970-е гг.). **209**

ГРИГОРОВА ИРИНА

Действия СССР и Болгарии по реализации Хельсинкских соглашений во второй половине 70-х годов XX в. и западные державы. **231**

ВАЛЕВА Е.Л.

«Примите наше презрение к Вашей чудовищной политике»: реакция в СССР на «возродительный процесс» в Болгарии. **249**

БОГДАНОВА РУМЯНА

P.S. Размышления о монументальном искусстве того времени, когда социализм являлся знаком нашей государственности. **260**

БАЕВА ИСКРА

Трансформационный кризис в советско-болгарских отношениях 1989–1991 гг. **281**

МАРЧЕВА ИЛИЯНА

Болгаро-российские отношения в 1992–2013 гг.: заметки и наблюдения. **308**

НАШИ АВТОРЫ**345**

Предисловие

С конца 1990-х годов историки России и Болгарии успешно реализуют совместные исследовательские проекты, отличительной особенностью которых являются разнообразие тематики и широкий хронологический диапазон. Основную роль в организационном обеспечении проектов играет двусторонняя Комиссия историков России и Болгарии. Итоги исследований отражают регулярно публикуемые на русском и болгарском языках сборники, объединенные в серию «Российско-болгарские научные дискуссии»¹. Вот и на сей раз на суд заинтересованного читателя выносят результаты своих изысканий участники очередного проекта «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.»².

Предметом изучения стали российско-болгарские отношения в контексте становления и развития болгарской государственности и влияния России на этот процесс. Особенность его состояла в том, что на Берлинском конгрессе 1878 г. болгары получили не только высокую степень автономии, но и рекомендации строить новое государство по западным «лекалам». Это определило перспективу введения в стране конституционного строя, разграничения законодательной и исполнительной властей, формирования партий и партийной системы и пр. Для патриархального болгарского общества, управлявшегося ранее по преимуществу

---

¹ България в сферата на съветските интереси. София, 1998; България и Русия през XX век. София, 2000; Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002; 1956 год. М., 2008; Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М., 2010; България, Балканите и Русия. XVIII–XXI век. София, 2011; О чем поведают архивы. Российско-болгарские отношения и связи. М., 2011.

² Проект поддержан грантом Отделения историко-филологических наук РАН по программе № 3 «Возникновение, эволюция и типология государственности в мировой истории».

местными общинами и потому не знавшего государственнического чувства и сознания, это было делом трудным. И не случайно государственно-политические институты, заимствованные на Западе, плохо приживались на новой почве и, как правило, только имитировали исходные образцы.

Решения Берлинского конгресса наделяли Россию правом помощи в деле первоначальной организации болгарских управленческих структур и, следовательно, создавали для нее большие возможности влиять на развитие событий. Тем более, что опыта государственного управления у России было более, чем достаточно. И, действительно, на первых порах она сыграла неоценимую роль в становлении болгарского государства, однако вскоре – в 1886 г. – дипломатические отношения между Княжеством Болгария и Россией были прерваны на целых десять лет.

В конце XIX – первой четверти XX в. в российско-болгарских отношениях важное место занимал вопрос объединения территорий проживания болгарского населения. Как крупный международный фактор Россия оказывала официальной Софии дипломатическую поддержку, хотя и не всегда последовательно. В 1915 г., когда Болгария в стремлении взять реванш за проигрыш во Второй Балканской войне, перешла на сторону Центральных держав, российско-болгарские отношения были вновь прерваны.

Этим сложным сюжетам в сборнике посвящены статьи Т. Стоиловой, И.Ф. Макаровой, М.М. Фроловой Р.П. Гришиной, Н.С. Гусева. Роль русско-турецкой войны 1768–1774 годов в колонизации юга России выходцами с Балкан, российская дипломатия в борьбе за укрепление болгарского языка и организацию на его основе школьного образования, Сан-Стефанский мирный договор как нереализованная идея создания Великой Болгарии, наблюдения за характерами и мотивацией действий отдельных представителей болгарской военной элиты в период Балканских войн 1912–1913 гг. – эти и другие актуальные и сохраняющие дискуссионный характер вопросы рассматриваются авторами.

В 1934 г. установлением дипломатических отношений СССР и Болгарии начался новый этап в их развитии, охва-

тывающий большой промежуток времени, вплоть до нынешнего дня. Войдя по итогам Второй мировой войны в сферу влияния СССР, Болгария восприняла советскую общественно-политическую модель, в том числе и в государственном строительстве. Под эгидой Советского Союза функционировал коалиционный режим народной демократии, проходило становление монопольной власти коммунистической партии, создавалось социалистическое общество. Под влиянием советской перестройки в начале 1990-х гг. наступил крах болгарского социализма.

Участники проекта проявили особенно большой интерес к этому периоду, сосредоточившись на таких проблемах, как установление в 1934 г. советско-болгарских дипломатических отношений, действия СССР и НРБ по реализации в 1970-е годы Хельсинкских соглашений, противоречивая и рождающая немало вопросов картина взаимоотношений России и Болгарии последнего двадцатилетия. Обращают на себя внимание попытки воссоздать психологический портрет царя Бориса III, анализ публичной и непубличной методологии формирования «коммунистической нации» и осуществления «возродительного процесса» в Болгарии в 60-е – 80-е годы XX в.

Авторы приглашают к размышлениям о сути и причинах так и не состоявшейся в жизни Европы идеи единения славянского мира, характерной для части общественного сознания России и других славянских стран, включая Болгарию. Последний всплеск популярности славянской идеи в начале Первой мировой войны сменился разочарованием, правда, родившим идею евразийскую, а после окончания Гражданской войны в России в определенной степени реализованной широким потоком русской эмиграции в славянские страны, в том числе и в Болгарию. Рожденный российской бедой этот поток обрел здесь свою вторую родину. Сохранив в изгнании жизни тысяч россиян, он привнес немало ценного и в жизнь тех славянских народов, которые приютили изгнанников. Указанные сюжеты нашли отражение в статьях Н.В. Васильевой, И. Григоровой, И. Мар-

чевой, В.И. Косика, П. Пейковской, Т.В. Волокитиной, Д. Григоровой, Р. Богдановой, И. Баевой.

Как и прежде, в основе публикуемых материалов – оригинальные источники из архивов России и Болгарии. Предложенная научная интерпретация новых документов свидетельствует, что авторы статей абсолютно раскованы в своих размышлениях и лишены любого стремления к какой-либо ангажированности выводов, демонстрируя исключительно профессиональный подход к рассматриваемым вопросам.

Появление очередного сборника серии «Российско-болгарские научные дискуссии» подтверждает, что многолетнее сотрудничество российских и болгарских ученых заложило прочные основы взаимных творческих контактов. Испытывая определенные трудности, обусловленные в немалой степени реалиями современного мира с его меняющимися системами ценностей, историческая болгаристика в России и русистика в Болгарии продолжают развиваться, отражая и поддерживая взаимный интерес к истории и культуре двух стран.

Председатель Российской части
Комиссии историков России и Болгарии
член-корреспондент РАН
В.П. КОЗЛОВ

КОЛОНИЗАЦИЯ ЮГА РОССИИ В 60-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА

Взойдя на престол, Екатерина II быстро вошла в роль правительницы огромной империи, где предстояло наводить порядок, особенно после шести месяцев самоуправления Петра III. Ясные цели и размах при их достижении – вот краткая характеристика политики, которую с самого начала стала проводить новая императрица. «Царствовать и играть свою роль в мире переходит у нее в ее страсть», – так французский дипломат Дюран обобщенно выразил суть многолетне-го пребывания Екатерины на российском троне¹.

В первые годы своего правления императрица накапливает опыт, не страшась ошибок или поражения. Уверенная в себе и в своих приближенных, она ответила и на те вызовы, которые шли извне, и на те, которые были заложены в самой империи. Она быстро поняла, какая политика была выигрышной, – именно та, которая обеспечила бы России основную роль в европейских делах. Не менее важным было и то, что она знала, как этого можно достичь. Перед ней был пример Петра I и его реформаторской политики, и она понимала необходимость новых реформ. Каждое время требует своих перемен и ищет своего преобразователя. Амбициозная и наделенная талантом править Екатерина почувствовала верное направление. Увлечение идеями Просвещения, которое она демонстрировала, не было для нее лицемерием и желанием понравиться. Подобная суетность не соответствовала тому положению, какое она занимала, а еще меньше тем действиям, которые она предприняла. Это доказывает и совершенно новая демографическая политика, которая во многих отношениях повторяла европейское понимание и действия.

Екатерина II получила в наследство нерешенные внутриполитические и социальные проблемы, одна из которых была связана с необходимостью заселить и защитить южные области империи. Процессы, которые там начались, повлияли на ее общее состояние. Несмотря на то, что иностранные

переселенцы и конкретно прибывшие из османских владений составляли незначительную часть общего переселенческого потока, их присутствие было заметно благодаря принесенной ими бытовой и хозяйственной культуре. Это помогало осваивать новые земли, полученные от российского правительства. Будучи носителями иных традиций и ментальности, они оказались полезными России.

В процессе переселения иностранного населения в Российскую империю в XVIII в. выделяют три условных периода: правление Петра I, когда потребности момента положили ему начало; от Петра до Екатерины II, когда утверждались принципы, но все еще отсутствовала всеобъемлющая правовая основа; царствование Екатерины II – третий этап и высший момент переселенческой политики, которая отражала и новое положение Российской империи. Значительное увеличение территорий на юге, помимо специальных мер по их защите, вызвало и необходимость их заселения и освоения.

Колонизационная политика в южных областях после 1762 г. прошла два основных этапа. Для периода до заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. характерна комплексная программа колонизации южных степей. После 1774 г. стало возможным приступить к новому этапу, который в большой степени был предопределен условиями самого договора.

Объектом исследования настоящей статьи является политика Петербурга по колонизации южных областей России на ее первом этапе. Как часть общей проблемы представлена и переселенческая политика по отношению к православному населению Османской империи.

Императрица, заботясь «о тишине и благоденствии всей Нам вверенной от Бога пространной империи и о умножении в оной обитателей», манифестом от 4 декабря 1762 г. предоставила возможность селиться тем людям, которые «бьют челом, чтоб Мы им позволили в Империи Нашей поселиться», а также позволила «свободно возвратиться в свое отечество» бежавшим из России, которые были

прощены за совершенные прежде преступления. Старые споры между Россией и Польшей по этому вопросу оставались нерешенными до того момента, пока российская сторона просто не возвратила себе беглецов вместе с землями, в которых они проживали и которые стали частью российской доли при разделе Речи Посполитой².

Манифест был немедленно направлен русским посланникам в европейские столицы, а А.М. Обресков, посланник в Константинополе, получил и дополнительные указания, которые отражали как негативное отношение Порты к возможностям территориального расширения Российской империи и особенное внимание турецкой стороны к заселению Новой Сербии, так и стремление Петербурга избежать ненужных конфликтов. Согласно указаниям, данным русскому посланнику в Константинополе, манифест не следовало открыто распространять на территории Турции. Посланник должен был раскрывать намерения Петербурга относительно приглашения новых переселенцев только перед теми лицами, которые проявили бы интерес к возможности подобного переселения³.

22 июля 1763 г. вышел новый манифест, в котором подробно были разработаны условия приема колонистов. Манифесты Екатерины II от 1762 и 1763 гг. являются началом экономической программы, вызванной имперскими амбициями: «Мы, ведая пространство земель нашей империи, между прочаго усматриваем наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших мест, до сего еще праздно остающихся, не малое число, из которых многие в недрах своих скрывают неизчерпаемое богатство разных металлов; а как лесов, рек, озер и к коммерции подлежащих морей довольно, то и к размножению многих мануфактур, фабрик и прочих заводов способность великая». Порта, со своей стороны, видела в колонизации незаселенных земель, граничащих с ней, прямую угрозу своему господству в Северном Причерноморье. Содержание новых манифестов внесло дополнительное смятение и усилило недовольство, ранее рожденное в связи с созданием Новой

Сербии и Славяно-Сербии. Это потребовало специальных мер для того, чтобы распространить указанные обращения среди подданных султана.

Манифест от 22 июля 1763 г. давал право всем иностранцам переселяться в Российскую империю туда, где они пожелают. Они могли прийти в специально созданные отделения Канцелярии опекунства иностранных*, к губернаторам или к главным городским начальникам пограничных городов. Те люди, которые не имели достаточно средств, чтобы добраться до России, могли получить денежную помощь от русских министров и представителей за рубежом. Приехавшие должны были в обязательном порядке сообщить русским властям, кто они по своим занятиям и где в соответствии с ними желали бы поселиться: ремесленники и торговцы в городах, земледельцы на свободных землях, в колониях и т.п. Манифест обещал, что их выбор будет уважен. Переселенцы, со своей стороны, должны были принести обыкновенную присягу, что будут верными русскими подданными.

В пункте 6 манифеста перечислялись 11 прав и привилегий, которыми пользовались переселенцы. На первом месте стояло право беспрепятственного исповедования своей религии теми переселенцами, которые поселялись в колонии. Они имели возможность строить церкви, в которых служили священники в необходимом количестве, но не имели права основывать свои монастыри и привлекать в свою конфессию российских христиан. Это положение не относилось к мусульманам пограничных районов, которые не только могли быть крещены, но и закрепощены переселенцами-христианами.

Переселенцы освобождались от податей и чрезвычайной службы в зависимости от выбранного ими места поселения: на 30 лет – поселившиеся в колониях, на 5 лет – те, кто пожелали жить в Петербурге, Москве, лифляндских, эстляндских, ингерманландских, карельских и финских го-

---

* Канцелярия опекунства иностранных – так называлось это учреждение (прим. ред.).

родах, на 10 лет – те, кто захотели обосноваться в других городах. Всем переселенцам предоставлялось бесплатное жилье на 6 месяцев. Каждому пожелавшему заниматься земледелием или каким-либо ремеслом давались необходимое количество земли или другая поддержка, которая была особенно важна в случае, если это было новое, не известное еще в России, занятие. Переселенцы получали из казны скот, орудия труда, припасы и др. материалы.

Колониям предоставлялось право иметь свою собственную юрисдикцию и устанавливать порядок, в который российские власти не могли вмешиваться. «А в прочем» они были обязаны подчиняться гражданскому праву России («нашему праву гражданскому»). По желанию колонистов им мог быть прислан особый человек «для опекунства или для безопасности своей и охранения».

Прибывшие в пограничные пункты переселенцы получали деньги на дорожные расходы до места назначения. Имущество, которое ввозилось для личного пользования, не облагалось таможенной пошлиной. Освобождались от таможенного налога и товары стоимостью до 300 руб. при условии, что переселенец намерен прожить на территории России не менее 10 лет. В противном случае при выезде из России с него взыскивались «ввозные и вывозные пошлины». В период действия привилегий переселенцы не привлекались ни к военной, ни к гражданской обязательной службе, кроме «обыкновенной земской». Тем же, кто добровольно поступал в солдаты, полагалась однократная выплата в 30 руб. дополнительно к жалованью.

Переселенцы получали право строить фабрики, мануфактуры и заводы на собственные средства, которые они ввозили, а также право покупать необходимых для своего производства крепостных людей и крестьян. Произведенная переселенцами новая для России продукция экспортировалась беспошлинно в продолжение 10 лет. В колониях позволялось организовывать рынки и ярмарки без «всякого платежа пошлины».

Всеми правами и привилегиями в течение льготного времени пользовались и дети колонистов и переселенцев, даже если были рождены уже в России. По истечении льготных лет на переселенцев распространялись все обязательства, которые имели по отношению к государству русские подданные. Желавшие выехать из России были свободны в своем выборе, но выплачивали в казну налоги с приобретенного имущества: те, кто прожили от 1 года до 5 лет, должны были заплатить 1/5 часть от стоимости своего имущества; прожившие от 5 лет и дольше – 1/10 часть. Если кто-то из переселенцев желал иметь дополнительные права и привилегии, то он должен был обратиться в Канцелярию опекунства иностранных, которая докладывалась императрице, и, в зависимости от обстоятельств, просьба удовлетворялась или отклонялась⁴.

Канцелярия опекунства иностранных была создана для урегулирования проблем, возникавших у переселенцев. С ее помощью государство рассчитывало быстро устранять трудности и успешно осуществлять колонизацию пустовавших земель, чтобы оживить производство. Статус коллегии предоставлял ей значительные права и власть. Доказательством тому служит и инструкция, которую Канцелярия получила одновременно с изданием манифеста от 22 июля 1763 г. Прежде всего, Канцелярия не должна была отчитываться за свою деятельность, исключение составлял только финансовый отчет, который нужно было предоставлять Ревизион-коллегии. Канцелярия могла обращаться напрямую к императрице по вопросам приема иностранцев, по отдельным положениям императорских распоряжений по переселению и в случаях возникновения непредвиденных обстоятельств. Сенат только получал информацию о происходящем. Предоставленные Канцелярии права свидетельствовали о внимании, уделявшемся проблеме приема иностранцев в русских владениях. Это подтверждает и назначение графа Григория Орлова президентом Канцелярии⁵.

За месяц до оглашения манифеста от 22 июля 1763 г. Екатерина II предложила генерал-прокурору Правительст-

вующего Сената А.И. Глебову (1761–1764), чтобы Сенат определил земли для переселяющихся в Россию иностранцев. В результате 22 июля 1763 г. вместе с манифестом и учреждением Канцелярии опекунов иностранных был опубликован список свободных и удобных для заселения земель, с указанием точных параметров каждого участка – наличие сенокоса, леса, пахотных земель. Дополнительным указом от 12 августа 1763 г. организовывалась денежная помощь иностранцам, которые прибывали в Россию для постоянного проживания и принимали русское подданство.

Указ и манифесты были направлены для исполнения русским посланникам при европейских дворах, но в специальном примечании к документам указывалось на необходимость избегать лишних расходов. Особо оговаривалась возможность временного пребывания в России всех, кто пожелает. Однако для этой категории лиц не предусматривались денежное вспомоществование и специальные договоренности⁶. Предоставляя иностранцам возможность предварительно изучить условия и быт, российское государство демонстрировало желание развивать торговые отношения и экономические связи.

Манифесты от 1762–1763 гг. оцениваются исследователями как основа для иностранной колонизации Новороссии в царствование Екатерины II, Павла и Александра I. Эти новые правила еще в процессе их создания необходимо было распространить и на переселенцев 1750-х гг. Петербург следил за их деятельностью и за развитием отношений с ними. Накопленный опыт в Новой Сербии и Славяно-Сербии, вероятно, был полезен для оформления принципов переселенческой политики 1760-х гг. Правительство строго спрашивало за каждое злоупотребление. Так, специальная комиссия расследовала спекуляции Ивана Хорвата, который бесконтрольно властвовал в Новой Сербии и использовал свою власть для личной выгоды⁷.

Из донесений действительного советника Фливека в Военную коллегию от 24 декабря 1763 г. становится ясно, что Петербург рассчитывал на то, что Прерадович и Шевич

примут прибывавших из Срема, Болгарии, Баната, Темешвара, Трансильвании, Валахии и Молдавии православных переселенцев разных народностей, готовых покинуть родные места, чтобы служить русской императрице. В приказе уделялось внимание и предусматривались специальные меры для того, чтобы в российское подданство не были приняты люди, совершившие преступление⁸.

Петербургское правительство старалось установить прямые контакты и с народами Османской империи. Осенью 1763 г. русский посланник в Константинополе Алексей Обресков получил напечатанные на разных языках экземпляры манифеста с приглашением иностранцев в Россию. Обресков не решился их распространять. В реляции от 29 ноября 1763 г. указывалось на невозможность открыто распространять манифесты от 1762 и 1763 гг. Посланник усмотрел в них обидные для турок положения: предоставление привилегий мусульманам, которые принимали христианство, и возможность христиан закрепощать мусульман. Обресков, имея в виду то обстоятельство, что для России основной целью переселения являлось развитие экономики, и ей, прежде всего, были необходимы люди, владевшие ремеслами и другими знаниями и умениями, разговаривал с некоторыми из «полезных» для России турецких подданных. Он сообщил, что уже сумел склонить к переезду Анастасия Панжигора, грека, секретаря переводчиков Порты. В феврале 1764 г. тот отправит в Россию своего человека — Папа Димитриу, чтобы создать в Черкасске или в другом городе Воронежской губернии завод по переработке продуктов животноводства и изготовлению сальных свечей и различных молочных продуктов, которые производились в Валахии и Македонии. Спустя некоторое время в Россию должен был приехать сам Анастасий и привезти все необходимое для этого производства, где в первое время будут заняты 15–20 человек. Готовая продукция предназначалась для торговли с Константинополем. В связи с этим, помимо пастбищ для животных, Анастасий просил императрицу выдать патент на имя Папы Димитриу (чтобы скрыть свое

участие в связи со служебным положением в Константинополе), который обеспечивал ему монополию на это производство и торговлю его продукцией.

Обресков полагал, что не следовало создавать затруднений Анастасию. То, чего он добивался, можно было бы гарантировать на 5 или 6 лет. Тем более, что русские подданные не торговали с Турцией, а коммерция Анастасия велась бы от имени России. К торговле будет привлечен новый участник, который станет полезным для русских подданных в будущем⁹. Кроме пользы, которую Россия извлечет из производства сальных свечей и молочных продуктов, удовлетворение условий, выдвинутых Анастасием, принесет пользу и самому Обрескову благодаря тому посту, который Анастасий занимает в турецкой администрации¹⁰.

Анастасий уехал в Молдавию вместе с господарем княжества, но оставил в Константинополе доверенного человека ожидать ответ из Петербурга.

Рескрипт от 31 марта 1764 г. уведомлял Обрескова о положительном ответе императрицы по этому вопросу. Была приложена и копия доклада Григория Орлова, президента Канцелярии опекунов иностранных.

В интересах дела Обресков настаивал и на издании специального указа воронежскому губернатору, который обеспечит Анастасию помощь и предотвратит злоупотребления или пренебрежение, могущие остановить всех желавших переселиться в Россию¹¹.

В той же реляции Обресков сообщал, что уговорил венецианского торговца Василяки поискать корабельного мастера, склонного переселиться в Россию, чтобы строить галеры и обучать учеников этому ремеслу. По ходу решения вопроса должен был быть уточнен размер жалованья, которое мастер запросит¹².

В отличие от Обрескова, для которого было невозможно открыто распространять манифесты, русский посланник в городах Ганзейского союза А.С. Мусин-Пушкин и резидент в Данциге И.М. Ребиндер уже летом 1764 г. общались о переселенцах, отправленных в Россию. Ребиндер

приложил список в 78 человек – взрослые и дети из Дрездена, Эльзаса, Гданьска, Саксонии, Мекленбурга, Стокгольма, Любека, Берлина, Польской Пруссии, Бранденбурга, Бреславля, Пруссии, Австрии, Вюртенберга, Франкфурта. Среди них имелись четыре переселенца с Балкан, которые добровольно возвращались в Россию¹³.

19 марта 1764 г. Екатерина II утвердила доклад Сената о разграничении земель, определенных для заселения иностранцами. Доклад явился результатом представленного в Сенат мнения графа Григория Орлова как президента Канцелярии Опекунства иностранных. Предложение Орлова относилось к тем землям, на которых могли бы поселиться иностранцы и которые необходимо было специально описать и разграничить. Планировалось обсуждение вопросов о владении и наследовании земель, о количестве их, которым могло обладать каждое семейство и каждая колония, а также о развитии торговли и других видов хозяйственной деятельности и увеличении численности жителей в переселенческих колониях. Орлов предлагал и механизм распределения земель.

Сенат утвердил мнение графа Орлова и рекомендовал дополнительно объявить условия, на которых Россия принимает иностранных поселенцев в своих границах. В содержание доклада от 19 марта 1764 г. вошел подробный обзор «удобных к населению мест», каких было «весьма много» по всей территории империи. Меры предусматривали специфику каждого региона и учитывали количество и положение местных жителей. Каждый пункт предложения разъяснялся в соответствии с манифестом от 22 июля 1763 г. В докладе была подробно и конкретно разработана техническая сторона распределения земель, предназначенных для иностранных переселенцев. Императрица дала свое согласие на проведение данного предложения в жизнь¹⁴.

За этим докладом в Сенате последовал доклад Никиты Ивановича и Петра Ивановича Паниных, влиятельных членов Сената, приближенных императрицы. Согласно их предложению от 22 марта 1764 г., Новая Сербия была переиме-

нована в Новороссийскую губернию, в которую включались и новые земли. Доклад информировал о состоянии полков в данном регионе, о жаловании офицерам и расходовании денежных средств. Для колонизации региона были важны меры, принятые для его защиты от «тамошних нерегулярных соседей», какими в то время были, главным образом, татары. Основным укрепленным пунктом оставалась крепость Св. Елисаветы. Предполагалось налаживание торговли с Турцией с центром в местечке Орел, где «под видом гостиного двора» будет построено небольшое укрепление¹⁵.

Екатерина II одобрила доклад Паниных и вместе с ним «План о раздаче в Новороссийской Губернии казенных земель к их заселению». В нем предусматривались привилегии для переселенцев независимо от их национальности. Различия были только в деятельности, которой им предстояло заниматься. Производят впечатление льготы, которые получало военное население при обустройстве своего хозяйства. И военные, и гражданские поселенцы получали землю в «вечное потомственное владение». Военная служба была не обязательна. Разрешалась торговля вином и солью. Первое время торговля за границей оставалась беспешинной.

В плане заселения Новороссийской губернии подробно рассматривались административное деление территории, категории населения и подати, которые платила каждая из этих категорий, обязательства перед армией и т.п. Особого внимания заслуживает глава VI: «О коммерции, купцах, фабриках и заводах». В первом пункте настоятельно рекомендовалось распространять торговлю на Крымское ханство и Турцию. Ремесленники для покупки необходимых им инструментов и материалов получали кредит без процентов. Переселенцы, как иностранцы, так и русские подданные, могли записываться в купеческие гильдии и ремесленные цеха в крепости Св. Елисаветы, Орле, Архангельске, Миргороде, Крюкове, Мишурине.

В главе VII были подтверждены границы с Польшей, зафиксированные в последнем мирном договоре. Крепость

Св. Елисаветы и все остальные укрепления должны были поддерживаться согласно специальным указам и планам¹⁶. Этот план заселения и хозяйственной деятельности, бесспорно, является заявкой на наступательную колонизационную политику. Н. Полонская-Василенко рассматривала его как попытку подчинить жизнь в этом регионе требованиям колонизации, начиная с раздачи земель и до решения вопросов, связанных с воспитанием и образованием. Она считала, что «План» был не только проектом заселения, но и действующим сводом прав, которым руководствовались в Новороссийской губернии даже в 80-е годы XVIII в.¹⁷. Два документа от июня и июля 1764 г. закрепляли новое положение Славяно-Сербии как Екатеринославской провинции Новороссийской губернии¹⁸.

Предложенная перемена стала ответом на повеление императрицы об улучшении оборонительной линии с Крымом. Доклад подробно описывал местность, крепостные сооружения и живущее в тех местах население. В полках Шевича и Прерадовича жалование получали 1264 человека, на что ежегодно расходовалось 41333 руб. и 12 коп. Сделанный финансовый отчет о текущем состоянии дел был дополнен подсчетом возможных убытков для казны при сохранении прежних условий пополнения полков (первоначальное военное заселение составило 4264 чел.). Полученные цифры, как и опыт с Новой Сербией, стали причиной создания одного полка из 627 служащих вместо прежних двух. Ежегодная сумма, выделявшаяся для этого полка составляла 63 796 руб. Изменение соотношения между численностью воинского контингента и его финансовым содержанием очевидно.

Доклад предусматривал реорганизацию и в других полках этого региона, административное деление и разграничение земель, трехлетний срок для пополнения двух гу-

сарских и трех пикинерных полков* в количестве 25 300 человек (5 366 военных и 4416 обученных для гусарского полка и 15 468 – для пикинерных полков). Доклад был подробным и, кроме конкретных предложений, содержал и аргументы для тех, кто выражал надежды, что если не появятся «непредвиденные затруднения», все будет исполнено согласно начертанному плану. Реализация плана на практике была необходима для того, чтобы надежно защитить границу с Крымом и чтобы губерния сама могла содержать полки. Очевидно различие в понимании способа, по которому южные области следовало организовать в административном, военном и экономическом планах. С самого начала Екатерина II существенно изменила проводимую политику. Но не остановилась на этом, особенно после того, как значительно расширила южные территории в результате войны с Турцией в 1768–1774 гг.

В 1764 г., однако, южные границы все еще были небезопасны, и это вызвало специальное распоряжение, предусмотренное документом от 11 июня. Приграничное положение Новороссийской губернии и желание быстрее ее колонизировать обусловили появление специального распоряжения относительно «ненадежных» поселенцев. Для предотвращения их возможного переселения из России «полезнее будет, если оных на поселение и в службу в Сибирские полки пересылать»¹⁹.

Совершенно новый элемент в политику заселения Новороссии вносил указ от 22 июля 1764 г., согласно которому украинцев (малороссиян) «невозбранно» принимали на службу в данном регионе, они могли свободно поселиться там или уйти в Малороссию, если пожелают²⁰.

Эти документы, которые не ликвидировали военные поселения, стали шагом к новым отношениям в пограничных областях. Их заселение и развитие хозяйственной дея-

---

* Пикинерные полки – поселенные конные полки российской армии, вооруженные пиками. Существовали на протяжении 1764–1783 гг. (прим. ред.).

тельности были полезны для экономики страны и стали весьма важным условием для осуществления планов по отношению к Турции. Быстрота, с которой были изданы дополнения к системе пошлин, присяга переселенцев на верность и некоторые другие общие положения²¹, как и тщательно прописанные в документах отдельные детали, отражают целенаправленный интерес власти, который, превратившись в политику, быстро дал результат.

10 ноября 1764 г. была учреждена Малороссийская коллегия, и графа П.А. Румянцева назначили ее президентом. От графа Румянцева по занятию этой должности требовалось, прежде всего, успокоить соседей и, таким образом, обеспечить подходящие условия для колонизации южных земель. Конкретные инструкции к действию, принятые с учетом соседства с Польшей и турецкими владениями, были объединены в 6 основных правил юрисдикции двух сторон, направленных на поддержание безопасности на границе. Постоянная угроза набегов врагов и «воров» требовала строгих мер по поддержанию порядка и боевой готовности форпостов и военных подразделений. Графу Румянцеву предписывалось озаботиться получением оперативной информации об иностранных отношениях. Перешедших польскую границу следовало принимать радушно, независимо от их социального положения и религиозных убеждений. Особенно было важно не допустить бегства с русских территорий и возвращения назад российских подданных, пустившихся в бега по различным причинам. Перед Малороссийской коллегией ставилась особая задача по части торговли как средства увеличения государственных доходов. Прежде всего, требовалось обеспечить благоприятные условия для ее развития, но при этом одновременно принять меры для предотвращения контрабанды и беспощинной перевозки грузов²².

После 1764 г. петербургское правительство приступило к активной вербовке переселенцев. Тайные агенты объезжали соседние империи (Османскую и Австрийскую) и другие европейские государства с целью привлечь населе-

ние в южнорусские районы. Этой деятельностью занимались и русские дипломатические представители в Константинополе и Вене. Переселенцам создавались благоприятные условия для развития хозяйственной и торговой деятельности. 16 января 1768 г. вышел специальный указ о пропуске за границу по торговым делам поселившихся в Новороссийской губернии иностранцев («Об отпуске за границу для торговых промыслов поселившихся в Новороссийской Губернии иностранцев»)²³.

С 1764 г. русское правительство посылало специальных тайных агентов для привлечения колонистов из стран, в которых запрещалась эмиграция. Внимание правительства было направлено, главным образом, на Балканский полуостров и Австрию²⁴.

В 1764 г. русское правительство, чтобы усилить переселенческое движение в Россию, одновременно с отправкой специальных агентов по вербовке колонистов из подвластных Австрии и Турции народов решило прибегнуть и к содействию частных посредников. В российском законодательстве они назывались «вызывателями». Они заключали с Канцелярией Опекунства иностранных или с дипломатическими агентами России за границей договоры, в силу которых за определенное вознаграждение обязывались доставить колонистов. Действуя под свою ответственность, с помощью своих наемных агентов и «эmissаров», иногда организовывая целые товарищества на равноправной основе, «вызыватели» находили возможность вербовать переселенцев не только в германских княжествах – главной арене своей деятельности, но и в тех странах, где эмиграция строго запрещалась – во владениях Габсбургов, Франции и др.²⁵.

Посланник в Константинополе Обресков, обеспокоенный стремлением России быстро заселить Новороссийскую губернию, предупреждал местные власти, чтобы те избегали размещать на своей территории бывших турецких подданных, поскольку это станет известно Порте. Она, без сомнения, по своему обыкновению увеличит их количество

стократно, а это приведет к ухудшению отношений, в результате чего последуют набеги татар²⁶.

Много усилий направлялось на поиски человека, который принимал бы в Килии колонистов из Австрии и на греческих кораблях отправлял их до крепости Св. Димитрий. Трудности проистекали из того, что этот посредник не мог быть русским подданным. Нельзя было рассчитывать на местных жителей. Кроме того, отсутствовали корабли, которые ходили бы в Таганрог от Килии или устья Дуная. Перевоз переселенцев морем сопровождался различными препятствиями, одним из которых была швартовка кораблей с переселенцами на борту в турецком порту, где процедура учета пассажиров не позволяла их сокрыть.

Обресков перечислил и другие трудности, грозившие переселенцам. Трудный путь мог стать причиной того, что в российские области прибыли бы одни мужчины без своих семейств, что не отвечало целям, поставленным переселенческой политикой. Опасения Обрескова были вызваны и тем, что переселенцы из австрийских владений являлись славянами по происхождению. Их переход через турецкие территории сопровождали дополнительные риски. Порта могла обвинить Россию в том, что она агитировала ее подданных к переселению, и потребовать их возвращения. Посланник ссылался на подобный случай, имевший место несколькими годами раньше²⁷.

Обресков предвидел трудности и при переправе через Днепр. По его мнению, она должна была производиться постепенно и незаметно для турецкой стороны или с предварительными заверениями в дружбе. В противном случае Порта могла перейти к шантажу, чтобы добиться выгодного для себя решения других проблем.

Н. Панин считал, что только в крайнем случае следовало упоминать о переселенцах в переговорах с Портой. Переселение, считал он, продолжится в течение нескольких лет, и едва ли необходимо заранее, как предлагал Обресков, расширять эту проблему. Время подскажет способ действия по отношению к Порте, как и то, насколько нужно, чтобы

она была убеждена в необходимости защитить это население от возможных потрясений²⁸.

В апреле 1765 г. Румянцев объезжал Малороссию и приказал сделать Генеральную опись – перепись населения, а также учет движимого и недвижимого имущества²⁹.

Итог, подведенный в ноябре 1766 г., показал, что Россия не подготовлена к приему всех желающих переселиться в ее пределы. После лета 1766 г. их число оказалось неожиданно большим. Финансовые трудности, невозможность быстрого расселения, перспектива роста задолженностей заставляли русских посланников и эмиссаров отказывать в приеме всем желающим. Для устранения возникших трудностей и во избежание появления новых прием иностранцев в Россию был временно прекращен до того времени, когда уже принятые переселенцы получают обещанные дома, орудия труда, скот и все остальное, что было им необходимо для хозяйственной деятельности. Отказ сопровождался обещанием, что желающим переселиться будет заранее сообщено о возобновлении приема. Российская сторона обязывалась предварительно построить дома для новых переселенцев³⁰.

Но деятельность по привлечению иностранных переселенцев не прекращалась. В тот период, когда официально Россия приостановила прием, в Австрию, Молдавию, Валахию, Трансильванию, Банат и в «турецкие пределы» для привлечения переселенцев отправились Василий Миролюб, переводчик восточных языков, сербский священник Филипп Тербохович и полковник Филиппович. Сохранились некоторые документы, отразившие деятельность этих «вызывателей» и транзит переселенцев через Киев.

Доклад графа Орлова «О правилах для поселения вызываемых полковником Филипповичем и собою выходящих чрез Киев иностранцев»³¹ отражал уже выработанный механизм расселения и «узкие места» в процессе колонизации южных областей. Оказалось, например, что определенная для заселения Белгородская губерния уже не располагала свободными землями. Причиной допущенной ошибки

стали несогласованность действий и недостаток информации. Поскольку земли для иностранцев, определенные Канцелярией Опекунства иностранных «отчасти по Именным, а отчасти по Сенатским указам, доньше уже разного звания людьми заселены», для проживания шедших через Киев иностранцев была определена Богородицкая степь. Но и этот вариант не был последним³².

Не стали окончательными и меры, предусмотренные для создания условий, которые бы привлекли большее количество переселенцев. Они отражали главные принципы колонизационной политики, и заслуживают особого внимания. Прежде всего, очевидна их связь с основным манифестом о призыве иностранных переселенцев в Россию. Канцелярия Опекунства иностранных предлагала увеличить для купцов и ремесленников количество льготных лет: «еще пять лет на выстройку города или главного их местечка, в таком рассуждении, что совсем новый город завести труднее, нежели распространять старый». Что касается переселенцев-земледельцев, то Канцелярия посчитала, что привилегий, которые они получали, достаточно и нет нужды их увеличивать, даже льготный период в 30 лет был строго определен во времени: он начинался с 1767 г. и не зависел от года конкретного переселения.

Первые трудности, связанные с огромным наплывом желавших переселиться, поставили вопрос и о возможном прекращении приема. Но во избежание неприятностей Канцелярия предложила объявлять о прекращении приема заранее, не менее чем за 6 месяцев. При этом Орлов докладывал, что переселенцы из Германии не просто компенсируют потери от недостатка переселенцев через Киев, но их оказалось столь много, что Канцелярия с трудом с ними справится³³.

Подтверждением возникших трудностей являлась необходимость дополнительных мер для приема иностранных переселенцев. Их прибытие преподносило сюрпризы, для которых предварительно выработанные правила оказывались недостаточными. Для переселенцев, прибывших через Киев, в Малороссийской коллегии была создана специаль-

ная экспедиция во главе с обер-аудитором Башиловым. Заботы по их устройству взял на себя лично граф П.А. Румянцев. В ноябре 1767 г. полковник Филиппович и В. Миролюб доставили 276 семейств (729 человек)³⁴. Общая сумма, которую Канцелярия Опекунства иностранных выделяла «для полного их обзаведения», составляла 42 228 руб.³⁵.

С того времени проявился и недвусмысленный интерес Франции к новым демографическим процессам в России. Согласно распоряжению министра иностранных дел Этьена Ф. Шуазеля от 15 июня 1767 г., французский поверенный в делах в Петербурге Россиньоль должен был найти планы и карты границ России и Новой Сербии, о которых уже упоминал посланник де Боссе³⁶.

Кроме трудностей, которые неизбежно сопутствуют переселению иностранцев, российской администрации предстояло справиться и со злоупотреблениями некоторых соседей-земледельцев, нарушавших права переселенцев. Естественным было столкновение интересов. Издавна жившие на юге собственники земли пытались изгнать новых колонистов. Русские подданные из других районов стремились использовать привилегии, данные иностранным поселенцам. Приходилось в очередной раз, имея уже в виду конкретные факты, защищать их права³⁷.

До войны в силе оставалась привилегия беспошлинной торговли, которую иностранные переселенцы Новороссийской губернии получили по решению от 24 мая 1764 г. В Петербурге понимали, что отмена этой привилегии лишит население средств к существованию. Особенно пагубным был бы запрет на беспошлинную торговлю, так как один из важных компонентов питания – крупы поступали из Польши. Кроме того, запрет на беспошлинную торговлю мог вызвать сомнение в доброжелательности России, что повлияло бы на переселенческий процесс в целом³⁸.

Русско-турецкая война 1768–1774 г. способствовала новому притоку балканского населения в Россию. Императорский указ киевскому генерал-губернатору Воейкову от 16 ноября 1769 г. установил право православным валахам,

грекам, армянам, посланным в Киев из Первой армии, выбрать место для поселения в России, а также возможность служить в русской армии. Как и во время предыдущей войны с Турцией они были свободны выбирать между Екатеринославской провинцией, Малороссией и внутренними губерниями. Им предстояло также выбрать себе занятие и соответствовавший ему уклад жизни. Важно констатировать связь переселенческой политики с политикой по отношению к православным: влахов, греков, армян и раскольников следовало принимать «с ласкою, а не яко пленных» «в рассуждении единоверия» и «для приласкания прочих их одноземцев к здешней стороне». Этот указ явился первым прорывом в русской политике по отношению к евреям. Несмотря на то, что им была отведена для поселения только одна Новороссийская губерния, важность этого шага трудно переоценить: впервые евреям официально разрешалось оседать на российской территории³⁹.

Война между Россией и Турцией остановила хозяйственное развитие южных областей, но способствовала росту населения, благодаря переселенцам из османских владений. В этот период Петербург проводил целенаправленную политику по отношению к православному населению. Русское правительство одновременно с мерами по возвращению беглых активно заселяло южные районы прибывавшими из других стран представителями различных народов. В 1773 г. в России поселились 2 471 молдован и влах, а также 704 серба, грека, болгарина, грузина, венгра, поляка, шведа и немца⁴⁰. За период 1771–1773 гг. на левый берег из районов Цибыра, Тульчи, Малчина, Тутракана, Карамурата и других мест прибыли более 40 тыс. человек⁴¹. Официальная турецкая документация за 1773–1774 гг. свидетельствует о переселении «в неизвестность» сотен крестьянских семейств из Видинского края⁴².

Губернские ведомости за 1772 г. зафиксировали общую численность населения в Новороссии – 241 886 человек обоего пола, из них 131 985 мужского. Однако сложно произвести сравнительное изучение ведомостей различных

лет из-за разницы в показателях при переписи. Этим объясняется и значительно меньшее количество населения в 1774 г. – 107 008 мужчин⁴³. По данным А. Скальковского, взятым из ведомости, которую Военная коллегия потребовала в 1768 г. в связи с предстоящей войной с Турцией, в Новороссийской губернии проживали 52 019 мужчин и приблизительно 100 000 человек обоих полов. Но число жителей в Новороссии быстро увеличивалось: в 1773 г. – 123 748 душ обоего пола, в 1774 г. – 158 097 душ⁴⁴. Согласно другой статистике, общая численность населения в Новороссийской и Азовской губерниях в 1774 г. составила 250 000 душ обоего пола.

В этих ведомостях не уточнялся национальный состав, но среди переселенцев во время войны и непосредственно после нее были представители всех балканских народов. Их связи с Россией стали более близкими, но и более сложными. Движение русских войск по берегам Дуная активизировало их, что обеспокоило турецкие власти⁴⁵. О наличии армян, греков, евреев, влахов среди запорожских казаков упоминалось в одной записке старшин Сечи, составленной во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Вероятно, все иностранцы в Запорожской Сечи стали жителями Новороссии после ее присоединения в 1775 г. Существовало много причин ликвидации Сечи, но необходимость военных поселений в пограничных районах осталась, и к ним были отнесены многие места проживания иностранных переселенцев⁴⁶.

Призывая к общей борьбе против Турции⁴⁷, русские войска тем самым искали поддержку у местного населения. Желавшим переселиться предлагалась помощь, но нередко прибегали и к насильственному выселению: обезлюдевшие земли должны были создать затруднения турецким войскам⁴⁸. Специальный манифест графа Румянцева, изданный в связи с переправой русских войск через Дунай – 23 мая 1773 г., призывал православное население сохранять спокойствие и оказать помощь, а при желании и переселиться в Россию⁴⁹. Но его надежды на радушный прием русских

войск со стороны местного населения не сбылись, и он жаловался, что не получал поддержку от христиан за Дунаем⁵⁰.

В докладе Сената от 10 января 1774 г. отмечен любопытный факт: вспомоществование для поселения в Сибири получили польские конфедераты и принявшие православие турки и татары⁵¹. Следовательно, в соответствии с предыдущим распоряжением российское государство не отказалось принимать всех, кто пожелали переселиться, но соблюдало два основных условия: принимать христиан, чтобы турецкая сторона не имела оснований потребовать возвращения своих бывших подданных, и поселение в Сибири, т.е. далеко от той границы, которую перешли.

Война с Турцией закончилась договором, который стал основой развития мирных отношений, благоприятных для России. Возможности для торговли и судоходства, права христиан и православной церкви в Османской империи, как и «полная и беспредельная вольность строить вновь в областях и границах своих в таковых местах, каковые найдутся удобными, всякого рода крепости, города, жилища, здании и селении, равно как починять или поновлять старые крепости, города, жилища и прочее»⁵², предоставили возможности для развития и колонизационной политики. Территориальное расширение Российской империи явилось, с одной стороны, предпосылкой, а с другой – стимулом к заселению южных областей. Новое, независимое от Порты положение Крымского ханства также благоприятствовало развитию южных районов.

В договоре не предусматривались конкретные действия по приглашению новых переселенцев. Но они и не запрещались. Под видом заботы о тех, кто помогал русским войскам во время войны, Россия предоставила по договору возможность беспрепятственного переселения османских подданных в русские владения. Переселение желающих, будь то греки с островов и молдоване и влахи из Дунайских княжеств, регулировалось одним и тем же текстом в статьях 16 и 17, которые определяли все послевоенное положение островов и княжеств: «Фамилиям, по-

желающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размены настоящего трактата»⁵³.

Достигнутые договоренности Петербурга с Османской империей предоставляли России выход к Черному морю и новые территории, т.е. места для колонизации, что неизбежно требовало от правительства принятия на себя определенных обязательств при выработке переселенческой политики. Это нашло выражение и в Кючук-Кайнарджийском договоре. Активная послевоенная русская политика по отношению к православному населению Османской империи привела к увеличению числа переселенцев из османских владений. Новое положение и приток переселенцев в Россию в 70-е – 80-е годы XVIII в. диктовали внутренние перемены различного характера и, прежде всего, проведение административных реформ, которые существенно отличались от прежних. Создание новых административных единиц учитывало положение и нужды местного населения.

В результате целенаправленной политики Петербурга к концу XVIII в. постепенно стабилизировались и демографические процессы в южных областях. Хотя внутренние закономерности их развития еще не определились окончательно, можно сказать, что непредвиденные неожиданности и потрясения вряд ли были возможны. Русская переселенческая политика в XVIII в. удовлетворила нужды империи в населении, которое воевало, хозяйствовало и платило подати, хотя четкий механизм взаимодействия переселенцев и государства был отлажен не сразу. Переселение компактных групп и создание колоний на новоприсоединенных и пустующих землях были результатом имперских амбиций и территориальных приобретений и одновременно демонстрировали хорошо продуманную и последовательно проводимую политику. С точки зрения

Российского государства и его интересов задача колонизации южных территорий была успешно решена.

(Перевод с болгарского М.М. Фроловой)

Примечания

¹ Из дипломатической переписки о России XVIII века // Русская старина. Т. 86. СПб., 1896. С. 115; La cour de Russie il y a cent ans 1725–1783. Berlin, 185. P. 265.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее – ПСЗ). Т. 16. СПб., 1830. С. 126–127; *Ястребов О.В.* Архив крепости Св. Елисаветы // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Т. 15. Одесса, 1889. С. 548–593; *Андриевский А.А.* Исторические материалы. Из архива Киевского губернского правления. Вып. I, IV. Киев, 1882–1884. С. 186; *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730–1823. Ч. I: с 1730 по 1796. Одесса, 1836. С. 60.

³ Рескрипт Обрескову от 19 февраля 1763 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). Т. 48. СПб., 1885. С. 329; *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). М., 1909. С. 72–73.

⁴ ПСЗ. Т. 16. С. 313–316; Под стягом России: сборник архивных документов. М., 1992. С. 409–413; *Андриевский А.А.* Исторические материалы... С. 192–193; *Писаревский Г.* Указ. соч. С. 72–73; Г. Занетов оценивал этот манифест как „начало всех последующих земледельческих колоний, которые превратили бывшие степи в плодородный и цветущий край”. См.: *Занетов Г.* Българското книжовно дружество в Русия. // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец. Кн. 37. Средец, 1891. II. С. 378–379.

⁵ ПСЗ. Т. 16. С. 316–318; *Скальковский А.* Указ. соч. С. 61; Г. Занетов также не мог не оценить роль, которую играла Канцелярия. См.: *Занетов Г.* Указ. соч. С. 379.

⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Турцией (далее – АВПРИ. Ф. СРТ). Д. 336. Л. 27; Сборник РИО. Т. 7. СПб., 1871. С. 301; Под стягом России... С. 413–415; ПСЗ. Т. 16. С. 335; Дворянская империя XVIII века (основные законодательные акты). Сборник документов. М., 1960. С. 6; *Багалей*

Д.П. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд // Киевская старина (далее – КС). Т. 26. Киев, 1889. С. 117–118.

⁷ Доклад от 28 июня 1762 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 264–266; *Багалея Д.П.* Колонизация Новороссийского края... С. 120.

⁸ Централен държавен архив. Колекция микрофилми (далее – ЦДА, КМФ) 09. Инв. № 187/3. Част II [Центральный государственный исторический архив Украинской Советской Социалистической республики (далее – ЦГИА УССР). Ф. 755. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 44–55].

⁹ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 336. Л. 27–28; *Писаревский Г.* Указ. соч. С. 72–73.

¹⁰ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 336. Л. 29.

¹¹ Там же. Д. 355. Реляция 31. 13 июля 1764 г. Л. 44–45.

¹² Там же. Л. 46.

¹³ Под стягом России... С. 415–421; Здесь необходимо вспомнить предложение бригадира Лафона о переселении французских гугенотов в Россию. Документ не датирован, но можно предположить, что он относится к этому периоду. См.: Архив князя Воронцова. Т. 25. М., 1882. С. 206–211.

¹⁴ ПСЗ. Т. 16. С. 648–655.

¹⁵ Там же. С. 657–659.

¹⁶ ПСЗ. Т. 16. Высочайше подтвержденный план о раздаче в Новороссийской Губернии казенных земель к их заселению. С. 663–667.

¹⁷ *Полонская-Василенко Н.* Из истории Южной Украины в XVIII в. Заселение Новороссийской губернии (1764–1775) // Исторические записки. Т. 13. 1942. С. 136–139; *она же.* Заселение Южной Украины в середине XVIII в. // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 38–42.

¹⁸ ПСЗ. Т. 16. № 12 180. 11 июня 1764. Высочайше утвержденный доклад Генерал-фельдцейхмейстера Вильбоа, Действительного Тайного Советника и Сенатора Панина, Генерал-Аншефа и Военной Коллегии Вице-Президента Графа Чернышева и Генерал-Поручика Мельгунова. – Об Украинской линии Славяно-Сербии, о состоящем за тою линию поселении и о подчинении онаго к Новороссийской Губернии под единое право. С. 795–799; № 12 211. 22 июля 1764.

Сенатский. По Высочайше утвержденному июня 11 дня доклада Генерал-фельдцейхмейстера Вильбоа. – О назывании Славено-Сербии Провинциею Екатерининскою; о подчинении оной Новороссийской Губернии и о принятии желающих там селиться Малороссиян. С. 842–843.

¹⁹ ПСЗ. Т. 16. С. 795–799.

²⁰ Там же. С. 842–843.

²¹ Там же. С. 708–709; Т. 17. СПб., 1830. № 12 491. 11 октября 1765 г. Сенатский по Высочайше утвержденному докладу. – О дозволении выезжающим в Россию на поселение иностранцам привозить с собою беспошлинно товары на сумму до 300 рублей (С. 357–358); № 12 519. 8 декабря 1765 г. Именной. – О обмежевании земель под население иностранных колонистов. Содержит общие положения по заселению (С. 451–458); № 12 619. 10 апреля 1766 г. Высочайше утвержденный доклад Президента Канцелярии Опекунства иностранных Графа Орлова. – О порядке ведения прихода и расхода сумм по Канцелярии Опекунства иностранных (С. 656–659); № 12 692. Июля 7, 1766 г. Сенатский. – О приводе вышедших в Россию иностранцев к присяге по обыкновенной генеральной форме (С. 841–842).

²² Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел. Т. I. 1744–1764. СПб., 1871. С. 389.

²³ ПСЗ. Т. 18. СПб., 1830. С. 431–433; ЦДА, КМФ 09. Инв. № 187/3. Ч. II (ЦГИА УССР. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 4963. Л. 1–3, 11–23 об.; Ед. хр. 9482; Ед. хр. 5272. Л. 1–2; списки переселенцев болгарской народности за 1765, 1766, 1767 гг.; Ед. хр. 4972: Киевская губернская канцелярия. Донесения и ведомости за период от 30 марта до 7 июля 1766 г. о денежных расходах по содержанию венгерских, болгарских, немецких и других переселенцев в Россию); Писаревский Г. Указ. соч. С. 85–88.

²⁴ Писаревский Г. Указ. соч. С. 85.

²⁵ Там же. С. 88.

²⁶ Обресков Мельгунову, сентябрь 1764 г. – АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 359. Реляция 43. 4 октября 1764 г. Л. 38.

²⁷ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 379. Реляция 26. 30 июля 1765 г. Л. 13.

²⁸ АВПРИ. Ф. СРТ. Д. 379. Реляция 30. 30 июля 1765 г. Л. 115–116.

²⁹ О деятельности графа П.А. Румянцева как президента Малороссийской коллегии и после как киевского генерал-губернатора (1776–1790) см.: *Лазаревский А.М.* Граф П.А. Румянцев-Задунайский // Чтения в Историческом обществе „Нестора Летописца“. Т. 12. С. 4–6; *Загоровский Е.* Организация управления Новороссией при Потемкине в 1774–1791 годах // ЗООИД. Т. 31. 1913. С. 65.

³⁰ ПСЗ. Т. 17. С. 1067–1068; *Писаревский Г.* Указ. соч. С. 170.

³¹ ПСЗ. С. 18. № 12 836. 28 февраля 1767 г. С. 35–49.

³² Там же. С. 35–36.

³³ Там же. С. 44–49.

³⁴ Там же. С. 391–392; *Писаревский Г.* Указ. соч. С. 85–86; Ведомость иностранцам, призванных для поселения в Россию, составленная полковником Филипповичем: немцы, сербы, влахи, австрийцы (цесарской нации), венгры, саксонцы, чехи. (Архив на Института по история, БАН (далее – АИИ БАН). Арх. кол. IX. Оп. 30. А.е. 4. Л. 21–23). Список иностранцам, пришедшим в Россию для заселения, доставленным посыльным полковника Филипповича капитаном гусарского полка Данилой Жамбокретом и его товарищем поручиком Леопольдом Засловым. Переселенцами были немцы, саксонцы, венгры, 1 француз, 1 швед. Все они были земледельцами и ремесленниками – каретник, хлебник, портной, оружейный мастер. Всего 58 человек, из которых только два пожелали стать гусарами. (АИИ БАН. Арх. кол. IX. Оп. 30. А.е. 5. Л. 24–26). Список переселенцев 1767 г. Упоминаются влахи, немцы, молдоване, венгры, 20 болгар с одной фамилией – Ервеви (7 мужчин, плюс женщины и дети); Неделчо Иванов, 46-летний портной из села Котел. (АИИ БАН. Арх. кол. IX. Оп. 30. А.е. 5. Л. 27–31).

³⁵ ПСЗ. Т. 18. С. 391; Согласно ведомостям от 1764–1773 гг. расходы Иностранной коллегии варировались от 101 655 руб. в 1766 г. и 101 567 руб. в 1771 г., когда затраты были самыми высокими, до одинаковой, самой низкой суммы в 42 353 руб. в 1764 и 1765 гг. Сумма, выделяемая на колонизацию, в тот период была одинакова для всех лет – 200 000 руб. – Государственные расходы по ведомостям 1764–1773 годов. // Сборник РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 228–229.

³⁶ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française.* Т. 9. Russie. II (1749–1789). Paris, 1890. P. 260.

³⁷ Сенатский указ от 13 ноября 1767 г. // ПСЗ. Т. 18. С. 388; О развитии этих отношений см.: *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 26. Кн. XIII. М., 1994. С. 410–411.

³⁸ ПСЗ. Т. 18. № 13 057. 16 января 1768 г. С. 432.

³⁹ ПСЗ. Т. 18. № 13 383. 16 ноября 1769 г. С. 1018. С самого начала своего царствования Екатерина столкнулась с проблемой приема евреев в России. Через несколько дней после восшествия на престол она появилась в Сенате, где первым вопросом в повестке дня оказался проект принятия евреев. Сама императрица считала свое положение весьма деликатным: необходимо было считаться с тем фактом, что была возведена на престол для защиты православной веры, которую русский народ преданно исповедовал, а духовенство ожидало возвращения своих земель и средств к пропитанию. И поскольку она не могла начинать свое царствование с приема евреев, и в то же время не могла объявить этот проект вредным, она просто настояла на том, чтобы его обсуждение было отложено. (Екатерина II. О собственном царствовании. // Сочинения. М., 1990. С. 478–479). В начале русско-турецкой войны, уже доказав свои возможности как императрицы, Екатерина спокойно могла решить и наболевший вопрос о приеме евреев в России. Естественно, это было связано с планами развития торговли. (О проблеме изгнания евреев из России в 1745 г. см.: *Монтескьо Ш.* За духа на законите. София, 1984. С. 509).

⁴⁰ *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 27.

⁴¹ *Семенова И.В.* Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник. Кн. 2. Кишинев, 1970. С. 337.

⁴² *Гандев Хр.* Един опит за въстание във Видин и Видинско по време на руско-турската война от 1768–1774 г. // Исторически преглед. 1954. № 6. С. 52.

⁴³ *Полонская-Василенко Н.* Из истории Южной Украины... С. 164–170.

⁴⁴ *Скальковский А.* Указ. соч. С. 77, 90, 95.

⁴⁵ Об участии балканских народов и о специальных русских эмиссарах на Балканах во время этой войны см.: *Семенова И.В.* Указ. соч. С. 327–328, 331–339; *Дойнов С.* Българите и руско-турските войни 1774–1856. София, 1987. С. 5–40; *Скальковский А.*

Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I. Одесса, 1850. С. 229–230; ЦДА, КМФ 09. Инв. № 187/20 (ЦГА-ДА. Госархив. Ф. X. Кабинет Екатерины II. № 629. Л. 462); Опись турецких документов о России, Польше и Чехии, сохранившиеся в Восточном отделе Национальной библиотеки им. Свв. Кирилла и Мефодия. Ч. I. София, 1974. С. 43.

⁴⁶ *Щебальский П.* Потемкин и заселение Новороссийского края // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей принадлежащих. Кн. 1. М., 1868. С. 133; Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. 1739–1791 // Русская старина. Т. 12. СПб., 1875. С. 694–695; Запорожье в конце XVIII века (Современная записка). // КС. Т. 27. 1889. С. 628, 633; *Рыстенко А.В.* Рукописи, принадлежащая библиотеке Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Т. 28. Одесса, 1910. С. 73, 75, 77; *Загоровский Е.* Указ. соч. С. 52; *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 8.

⁴⁷ Материалы по истории русской армии. Русские полководцы. П.А. Румянцев. Т. 2. 1768–1775. М., 1953. С. 174–175, 189–191, 259–260, 421, 423–425, 477, 495, 563, 577, 588.

⁴⁸ Там же. С. 270–271, 432, 589, 640.

⁴⁹ Там же. С. 613–615.

⁵⁰ Там же. С. 654.

⁵¹ ПСЗ. Т. 19. СПб., 1830. С. 888–889.

⁵² Статья 4 Кючук-Кайнарджийского договора, которая была перенесена из проекта мирного договора буквально; статья 9 обсуждалась в Бухаресте Обресковым и Абдур-Резаком 29 октября 1772 г. – 9 марта 1773 г. См.: *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (Его подготовка и заключение). М., 1955. Приложение 1 и 3. С. 340, 351.

⁵³ Этот текст имеется и в Бухарестском проекте, статья 19 и 20. См.: *Дружинина Е.И.* Указ. соч. Приложения 1 и 3. С. 344, 345, 354, 355.

**О РОЛИ РУССКИХ КОНСУЛОВ В РАЗВИТИИ
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ г. БИТОЛЫ
1861–1877 гг.**

Развитию болгарского национального просвещения, имевшего огромное значение для формирования и консолидации болгарского народа в XIX в., посвящена богатая исследовательская литература, в которой рассматривались, в том числе, вопросы распространения и упрочения светского школьного образования как в болгарских землях Османской империи вообще, так и в отдельных регионах. О становлении национальной школы в Македонии писали Й. Ванчев, А. Димитров, И. Галчев, П. Петров, А. Трајановски, С. Сидоровска-Чуповска¹ и др. Однако авторы не ставили перед собой задачу исследовать роль русских дипломатов, которые работали в г. Битола, в деле развития школьного образования у болгарского населения этого региона Македонии. Привлечение новых архивных документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, и прочтение в их контексте ранее опубликованных источников дает очередной импульс для обращения к этой теме, актуальность которой не теряет остроты и в наши дни.

Город Битола (Монастир) с перемещением в него из Софии Главной квартиры Военного командования Румелии, или III-го военного округа, и резиденции вали (генерал-губернатора) стал административным центром Румелийского или Битольского эялета. Здесь также располагалась митрополия Пелагонийской епархии, дипломатические представительства Австрии, Англии, Греции. В 1861 г. в Битоле было открыто императорское российское консульство. Благодаря сосредоточению значительного числа турецких чиновников, офицеров, богатых беев в Битоле процветала торговля, население его множилось, и, по свидетельству современников, к началу 60-х годов XIX в. «во всех отношениях он стал первым городом в Македонии и центром всей Западноевропейской Турции»². С введением

системы вилаетов в 1867 г. Битола не потеряла значения «центра, влиявшего на всех болгар Северо-Западной Македонии и Албании»³, как отмечал русский консул В.А. Максимов (1873–1877) в донесении от 3 апреля 1876 г. послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву (1864–1877). В газете «Македония» (1869. № 12) подчеркивалось, что Битола – это ключ к Македонии, открывающий для всей Македонии болгаризм, запертый Великой идеей⁴. Пониманием важности для всей Македонии событий и процессов, происходивших в Битоле, и обусловлено наше пристальное внимание к этому городу и его болгарскому населению.

В Битоле насчитывалось около 50 тыс. человек, из них 25 тыс. турок, 20 тыс. христиан и 5 тыс. евреев. Христианская община города, во главе которой стоял Пелагонийский митрополит Венедикт (1854–1868), состояла из болгар, греков, влахов* и албанцев, большая часть из которых переселилась сюда из разных городов и селений. Болгарское население Битолы, которое в количественном отношении превосходило другие народности, было также «сборищем» пришлых из разных местностей и в разное время людей, которые различались уровнем «нравственного состояния и образования»⁵.

Христианскую общину Битолы раздирали вражда партий. Эллино-греки или панэллинисты ориентировались на Афины, где, как правило, они получали образование. В своем стремлении «огречить» местное православное население они довольно преуспели, поскольку влахи, составлявшие в Битоле «денежную аристократию», были совершенно эллинизированы. Воспитанные в греческом духе, они почти утратили свою национальность, являясь «более греками, чем сами греки», мечтали о восстановлении Византийской империи⁶. Многие болгары, которые переселились в Битолу сравнительно рано, оказались под мощным

---

* Влахами в Македонии называли выходцев из Валахии (современная Румыния), которые в основном занимались скотоводством и торговлей.

воздействием владов⁷. Богатые влады, по преимуществу, торговцы, являлись большей частью личными противниками митрополита и его партии, к которой принадлежали так называемые турецкие греки, фанариоты, состоявшие на турецкой службе или связанные своими коммерческими делами с турецкими властями. Их влияние на местную турецкую администрацию было велико. Укрепляя свои позиции и стремясь заправлять делами, они нередко прибегали к интригам. Болгарское население, составлявшее в основном городские низы и находившееся «на самой низкой степени общественного развития», было в целом индифферентно. Только городские эснафы (цехи) поддерживали то одну, то другую из враждовавших партий, «но, в сущности, не сочувствовали ни одной из них»⁸.

М.А. Хитрово, первый русский консул в Битоле (1861–1864), констатировал, что «здесь собственно не было и нет особенного антагонизма между болгарами и греками, а есть только вражда между приверженцами митрополита и его противниками»⁹. Он также отмечал, что в начале 1860-х годов болгарский церковный вопрос* в Битольском санджаке (округе), «удаленном от всякого внешнего влияния», не имел «отголоска»¹⁰. Как писал в своих воспоминаниях учитель К. Шапкарев (1834–1909), «до 1860 г. болгарское чувство в Битоле спало или его совсем не существовало, а у кого оно и было, то те не смели и шевельнуться»¹¹. В училищах Битолы, которые содержала христианская община,

---

* Издание хатт-и хумаюна 1856 г., провозглашавшего равноправие мусульман и христиан Османской империи и предусматривавшего реформирование Вселенского патриархата, позволило болгарской общине в Стамбуле, принявшей на себя представительство всего славянского населения Турции, подать султану Абдул Меджиду прошение от имени 6 400 000 болгар. В нем было выражено желание иметь свою, не зависящую от Константинопольской патриархии церковь. Высокая Порта передала это прошение Константинопольской патриархии, которая отказала в его удовлетворении. Лишь в 1870 г. султан издал фирман об учреждении самостоятельной болгарской церкви.

преподавание велось исключительно на греческом языке и ориентировалось на школьное образование Греции. Болгары Битола не знали о существовании кириллицы; «дошло до того, что болгары для письма на своем языке употребляют греческие буквы», «вот факт, который в других частях Болгарии, говорят, нигде не повторяется»¹², – констатировал Хитрово. «Священники, люди вовсе не образованные и весьма часто не умеющие даже читать, а если и умеющие, то единственно по-гречески. Ни в одной из церквей, которые я до сих пор посетил, не нашел я славянской книги и не встретил священника, знающего славянскую грамоту»¹³, – отмечал русский дипломат.

Первыми ситуацию в Битоле начали менять католические миссионеры ордена «Св. Лазаря», обосновавшиеся здесь в 1856 г. Правда, вначале усилия главы миссии аббата Лепавека, специально выучившего греческий язык, были направлены на греков и владов. Но ему не удалось вовлечь в лоно католической церкви ни одного из них. В 1858 г. в Битола прибыл аббат Е. Боре, руководитель ордена лазаристов и его миссий на Востоке, которому стала подчиняться битольская миссия. Он дал распоряжение ввести в богослужение и в преподавание болгарский язык¹⁴. Находясь в Стамбуле, Боре внимательно следил за разгоравшейся греко-болгарской церковной борьбой. Миссионерам в Битоле необходимо было быстро перестроить свою деятельность, развернуться в сторону болгар, чтобы воспользоваться предоставлявшейся возможностью – использовать церковный конфликт в своих целях и привлечь болгар к унии. В конце 1859 г. из Стамбула был прислан болгарин Васил Манчев (ок. 1825–1907). Он поселился в миссии и стал обучать Лепавека и его помощника брата Касена болгарскому языку. В школе при миссии Манчев также начал преподавать болгарский язык. Кроме того, он давал уроки французского языка в Военном училище и частным образом сыновьям представителей турецкой администрации и богатых беев, что вызывало должное уважение к нему со стороны болгар. Однако учителя в греческих школах и другие эллинофилы,

по словам самого В. Манчева, ненавидели его и научили детей обзывать его обидным словом «дифсизз»* (разделение), которое выкрикивали ему вслед в течение всего его пребывания в Битоле (по 1866 г.)¹⁵. М.А. Хитрово свидетельствовал, что Манчев был правой рукой католических пропагандистов, «деятельно» пытаясь внедрять мысли об унии, «но до сих пор успел приобрести со стороны болгар общее презрение»¹⁶. Он пользовался «самой незавидной репутацией», поскольку в городе болгары знали, «что он своих убеждений не имеет и служит Лепавеку единственно из-за денег». Русский дипломат считал, что деятельность Манчева в самой Битоле не могла быть опасна¹⁷.

Тем не менее, преподавание болгарского языка привлекало в миссионерскую школу учеников из Битолы и окрестных сел, превратившись в одно из «главных орудий» католической пропаганды. Служба в католической церкви велась на церковно-славянском языке. Вероятно, открытие в Битоле российского вице-консульства в марте 1861 г. заставило Лепавека закрепить свои позиции на поприще образования болгар. Он отправился в Париж и в Рим с предложением создать в Битоле семинарию или училище типа «*école normale*» для подготовки священников и учителей. Школа лазаристов активно работала до 1869 г., когда были прекращены солидные субсидии из Франции. Обучение становилось платным, и болгары покинули школу, которую пришлось на два года закрыть.

Противодействие католическим миссионерам, которое входило в задачи российских дипломатов на Балканах, могло быть в то время действительно эффективным в Битоле лишь в том случае, если бы христианская община города ввела болгарский язык как в преподавание, так и в богослужение. Хитрово активно следовал курсом, начертанным министром иностранных дел А.М. Горчаковым, согласно которому необходимо было «ускорять развитие христианского населения в Турции, вступление которого в полити-

---

* «*διαίρεσις*» – с греч. разделение, разцепление.

ческую жизнь обещает нам естественных союзников и гарантии лучшего равновесия»¹⁸. Хитрово был одушевлен идеей пробуждения национального самосознания у славян вверенного его попечительству Битольского санджака. Вначале он надеялся, что в его силах было достаточно быстро преломить ситуацию в городе, а, следовательно, и в регионе. Его уверенность основывалась на том важном обстоятельстве, что Пелагонийский митрополит Венедикт, в свое время отказавшийся присутствовать при открытии в городе вице-консульства Греции «под предлогом опасения турок», не только принял предложение Хитрово, но тотчас же обратился к генерал-губернатору Абдул Керим-паше «просить разрешение и показал в этом случае весьма много доброй воли». Вместе с тем русский дипломат не обольщался на счет митрополита, который поссорился с греческим дипломатом Вальяно, местными эллинистами и со «знатнейшими и богатейшими христианами» и теперь искал расположения Хитрово.

При открытии российского консульства в Битоле 23 апреля (5 мая), в день Светлого Воскресенья, митрополит Венедикт в полном облачении отслужил во дворе консульства на славянском языке молебствие, помянул на ектении имена императорской фамилии и окропил флаг святой водой. Столь торжественная церемония произвела неизгладимое впечатление на христианскую общину. Многие после этого примирились с митрополитом. Значительная часть состоятельных христиан, которые прежде боялись посещать Хитрово, чтобы не навлечь подозрения турок, «теперь явились выразить свое сочувствие императорскому правительству». Хитрово констатировал, что с его приездом Пелагонийский митрополит стал употреблять славянский язык при богослужении: одна ектиния и Евангелие читались постоянно на славянском языке. Русский дипломат полагал, что при таких хороших отношениях с митрополитом ему удастся «в скором времени ввести болгарский язык в здешнее училище, где до сих пор в употреблении единственный греческий»¹⁹. Он писал: «Мало помалу, быть может, удастся

приобрести и более значительные уступки и нововведения, необходимые в здешней стране, где до сих пор тяготило более, чем где-нибудь, двойное иго турецкого самоволия и фанариотского корыстолюбия»²⁰.

Русский дипломат использовал все предоставлявшиеся случаи и средства, чтобы воздействовать на влиятельных членов христианской общины и погасить в ней раздоры. Сначала его усилия были направлены на митрополита, чтобы склонить его к более примирительному образу действий. Но уже в донесении от 31 августа 1861 г. Хитрово с сожалением признавал, что в Венедикте он встречал «только турецкого чиновника, жертвующего интересами христиан для собственных интересов и изыскивающего все возможные средства угодить и подслужиться местным властям». Венедикт, по свидетельству русского дипломата, «гонит и преследует греков и в то же время под предлогом опасения их оскорбить не делает ничего для болгар». Он решительно отказался вводить преподавание болгарского языка в школу на том основании, что эта мера якобы восстановит против него огреченных влахов. «А между тем он оскорбляет ежедневно этих последних и выставляет их туркам как людей беспокойных и опасных для правительства»²¹. Хитрово пришел к выводу, что все старания митрополита были направлены на то, чтобы уничтожить единство между христианами, к выгоде турецким властей.

Впрочем, русский дипломат уверенно проводил свою линию. С его легкой руки в конце сентября 1861 г. состоялись выборы новых эпитропов* общины, причем не из партии митрополита. Они с энтузиазмом взялись за дела христианской общины: были учреждены новые сборы в пользу школ и других общественных учреждений, и общий капи-

---

* Эпитропία (греч. Επίτροπή – комиссия) – в греческом церковном праве, а также в греческом обществе – структура самоуправления. Эпитропия образуется путем выборов. Голосованием избираются члены комиссий (эпитропы), которые впоследствии осуществляют исполнительную власть.

тал значительно увеличился. В центральное училище наняли нового учителя, и при его вступлении в должность назначили публичный экзамен, на который были приглашены все консулы. Хитрово писал (5 октября 1861 г.), что в Битоле такая публичная церемония проводилась в первый раз, и школа была полна народу. Но митрополит, которого просили отслужить молебен, не пришел, желая расстроить торжество. Молебен был совершен приходским священником²².

Новые эпитропы предложили выбрать новых коджабашей (старшин) общины. Митрополит Венедикт не только не утвердил выборы, но дабы одержать вверх, поспешил оклеветать вновь избранных лиц в глазах турецкой администрации. Подтверждались нелестные отзывы о митрополите Хитрово, которые он с первых дней своего пребывания в Битоле слышал от английского консула Кальверта. Британский дипломат в свое время неоднократно просил посла в Стамбуле об отзыве Венедикта, указывая на митрополита «как на главного виновника всевозможных интриг, увеличивавших бедственное положение здешних христиан и прикрывавших злоупотребления местной администрации»²³. Русскому дипломату также пришлось согласиться с тем, что удаление Венедикта «было бы истинным благодеянием для края и положило бы, быть может, конец тем распрям, которые так долго раздирали здешнюю христианскую общину»²⁴. Об этом он писал в первый раз в донесении от 31 августа 1861 г., а в донесении от 5 октября 1861 г. уже конкретно ставил вопрос перед князем А.Б. Лобановым-Ростовским, российским посланником в Константинополе (1859–1863), о необходимости ходатайствовать в Патриархате, чтобы Пелагонийский митрополит был заменен. Впоследствии почти каждое донесение Хитрово содержало факты, разоблачавшие действия Пелагонийского митрополита против его паствы. Местные христиане также неоднократно подавали жалобы на своего митрополита в Патриархат, добиваясь его отстранения²⁵. Однако до 1867 г. позиции митрополита Венедикта оставались прочными.

Хитрово весьма беспокоила направленность школьного обучения в Битоле. Грекофилы, убедившись, что достаточно сложно эллинизировать большинство православной общины, обратили свое внимание на подрастающее поколение и решили превратить школу в рассадник эллинизации. В городское училище на должность главного учителя был приглашен Маргаридес, причем с огромным жалованием – 20 тыс. пиастров в год. Он также пользовался покровительством греческого вице-консула. Благодаря Маргаридесу в училище остались работать только учителя-греки, которые внушали детям идеи национальности. В школе учились мальчики разных национальностей – славяне и греки, причем к грекам себя причисляли все «городские арнаулы и в особенности куцо-влахи, являющиеся несравненно более фанатичными филоэллинами, чем сами греки». Между детьми поселилась вражда, которая стала часто переходить в драку. Хитрово предвидел будущие раздоры от «засеваемых семян» в разнородном христианском населении этого региона. Русский дипломат стремился погасить пламя разгоравшийся ненависти между православными народами этого региона. Он беседовал с епитропами, старшинами, влиятельными людьми, убеждая в пагубности подобного обучения. «Благоразумнейшие из чорбаджи» соглашались с мнением Хитрово, «но здесь столько партий и разных вредных влияний, что большей частью движение к благой цели бывает затруднено»²⁶, – писал русский консул 18 января 1862 г.

В этом же донесении имеется интересная информация о том, что в болгарской части города в конце 1861 г. была открыта небольшая школа, где все преподавание велось на болгарском языке. В середине января 1862 г. несколькими епитропами в ней был произведен неожиданный обыск. Школа была закрыта под предлогом якобы найденных католических книг. Хитрово утверждал, что это была интрига греческого консула Вальяно и греческого учителя Маргаридеса. Единственная книга, которую конфисковали, была издана Галатской типографией, а Псалтырь был одобрен

Константинопольским Синодом. Митрополит Венедикт, в чье отсутствие произошел этот инцидент, выразил негодование эпитропам за своевольное распоряжение. Школа не работала только один день, но, по словам Хитрово, «это маленькое событие произвело сильное впечатление на славянскую часть городского населения и раздражило партии»²⁷. К сожалению, об этой школе в сохранившихся документах русского дипломата более не упоминается, поэтому не ясным остается вопрос, кто открыл эту школу и кто в ней преподавал. Поскольку при обыске искали католические книги, логично было бы предположить, что это мог быть В. Манчев. Но он открыл свою частную школу, опираясь на поддержку Хитрово²⁸, только после разрыва с Лепавеком в октябре 1863 г. и снял для нее дом рядом с английским консульством²⁹, т.е. не в бедном болгарском квартале, удаленном от центра города.

1862 год не принес положительных результатов в плане введения болгарского языка в преподавание: «фанатизм греческой партии, поддерживаемый в этом случае митрополитом, не допускает» в училища преподавание болгарского языка. Несогласия в христианской общине привели к тому, что православные училища Битолы, впрочем, как и другие учреждения – больница, тюрьма и проч., находились «в самом жалком положении». «Имения и капиталы, предоставленные разными лицами на содержание общинных учреждений, управляются бесконтрольно и разорительно»³⁰, – отмечал Хитрово. Но в 1862 г. на окраине Битолы, рядом с болгарским кварталом, на кладбище, была заложена новая православная церковь во имя Воскресения Христова (в болгарском переводе – Св. Неделя). Построенная на пожертвования беднейших жителей города церковь была освящена 13 октября 1863 г. Митрополит Венедикт, не без основания усматривая в этом событии проявление «народного самосознания», под разными предлогами уклонялся от назначения священника и причта в церковь Св. Недели, чтобы не образовывать таким образом отдельный приход.

Поэтому литургию по праздникам и воскресениям совершали поочередно городские священники.

В октябре 1863 г., благодаря увещаниям Хитрово, В. Манчев, поссорившись с Лепавеком, ушел из миссии. Хитрово считал Манчова «человеком весьма способным», но опасался в чем-либо доверять ему³¹. Тем не менее, он оказал поддержку Манчеву в организации частной школы³², в которой преподавался болгарский язык для болгарских детей бесплатно, т.к. Хитрово исходатайствовал школе ежемесячное пособие в 600 пиастров³³. Но в своих воспоминаниях Манчев отрицал всякую помощь от Хитрово, которая могла «скомпрометировать его предприятие в глазах турок»³⁴.

После разрыва с лазаристами Манчев стал агитировать против католических миссионеров и выступать за введение славянского языка в литургию церкви Св. Недели. Не получая на это от митрополита официального разрешения, в мае 1864 г., когда митрополит Венедикт уехал на 3 месяца в Европу, битольские и прилепские болгары, среди которых были и ученики Манчева, самовольно начали петь по-славянски во время богослужения на правом клиросе, что спровоцировало драку в церкви. Присутствия Хитрово на литургии в следующее воскресенье оказалось достаточным для предупреждения новых столкновений; более того, «даже некоторые из влахов, вполне огреченные, в тот день примкнули к славянскому хору и пели по-славянски».

Хитрово считал, что это были «первые еще только со стороны здешних болгар попытки заявления их народности». В донесении от 6 июня 1864 г., где описывалось случившееся в церкви Св. Недели, русский консул отмечал: «Возбуждать чувство славянской народности в здешней местности, где оно до сих пор дремало, мне казалось неосторожным, но теперь, когда оно раз само проявляется, отказывать ему вовсе в сочувствии вряд ли было бы с нашей стороны благоразумным»³⁵. Однако Хитрово лукавил: едва появившись в Битоле, он много ездил по краю, дарил церковную утварь, одеяния, книги, говорил о необходимости введения болгарского языка в богослужение и преподава-

ние в школах. Австрийский вице-консул Зелнер считал, что все русские домогательства «завоевать болгаро-славян для русских интересов» были «до настоящего момента неуспешны»³⁶, о чем сообщалось в докладе от 11 декабря 1862 г. Но Хитрово был настойчив и последователен. В «Инструкции» от 12 января 1863 г., которую он специально составил для секретаря русского консульства в Битоле Е.М. Тимаева, замещавшего его на время отпуска, Хитрово указывал: «...весьма было бы желательно, чтобы народность славянская получила здесь большее развитие, вступила бы в законные права, ибо в противном случае ей угрожает совершенное подчинение ее заискивающему влиянию ревнителей эллинизации. Первым из средств к движению этой цели было бы введение славянского языка в церковном служении и преподавание его в здешних училищах»³⁷. Присутствие русского дипломата в Битоле, выступления Хитрово против произвола местных турецких властей, козней митрополита Венедикта и натиска католической пропаганды исподволь трансформировали умонастроения болгар Битолы.

Летом 1864 г. болгары периодически возобновляли чтение молитв на болгарском языке в церкви Св. Недели и даже попытались узаконить свои действия, но духовенство Битолы не решилось на этот шаг в отсутствие митрополита Венедикта. 7 августа 1864 г. в церкви вновь произошла драка, и вверх одержали греки, изгнав болгар. Австрийский вице-консул полагал, что в этих событиях явно замешан Хитрово, который «через своих сотрудников разными правдами и неправдами постоянно подталкивает болгар на выступления против турецкой власти»³⁸.

Без сомнения, нельзя не принимать во внимание состояние церковного греко-болгарского вопроса, который решался в Стамбуле. Патриарх Софроний III (1863–1866) был вынужден сам пойти на некоторые уступки в болгарском вопросе. С назначением в 1864 г. Н.П. Игнатьева русским посланником (1864–1877) в столицу Османской империи резко повысился авторитет российской миссии³⁹.

Все эти перемены стали сказываться и в Битоле. В начале осени 1865 г. болгарские старшины Битолы подали в митрополию просьбу об отпращивании ими церковной службы на своем родном языке и открытии болгарского училища во избежание необходимости отдавать своих детей на воспитание католикам. Просьба была одобрена и принята в митрополии. Но 18 октября по приказу генерал-губернатора Хюсни-паши (1864–1866) была закрыта частная школа В. Манчева под тем предлогом, что он не имел официального разрешения из Стамбула. Манчев, оправдываясь перед Хюсни-пашой, указал на греческое училище, подобное его школе. Генерал-губернатор закрыл и его. Русский консул Н.Ф. Якубовский (1864–1873) подчеркивал, что в Битоле имелось более 8 греческих училищ, а училищ, в котором преподавался болгарский язык, кроме заведения Манчева, в городе не было⁴⁰.

Прошению болгарских старшин об открытии болгарского училища в Битоле митрополия намеренно не давала хода. Тогда болгары обратились к генерал-губернатору Хюсни-паше. Зять митрополита Венедикта Димитраки, который управлял делами епархии в его отсутствие, поспешил сообщить болгарским старшинам, что он получил письмо от митрополита, который в то время заседал в Синоде Константинопольского Патриархата, будучи его членом. Митрополит не только разрешал болгарам иметь учителя болгарского языка, но обещал сам его приискать и прислать в Битолу. 29 октября 1865 г. 40 человек пришли в митрополию и просили членов совета передать благодарность митрополиту Венедикту и просить его, чтобы жалованье учителю болгарского языка выдавалось из церковной кассы, как и греческим учителям.

Уступая болгарам, греческая партия была уверена, что, предоставив учителю болгарского языка место в одном из центральных училищ города, она найдет какие-нибудь недостатки в его работе и уволит его, чему уже были примеры. Болгары полагали, что им удастся показать, что преподавание болгарского языка в греческом училище не со-

всем удобно и не достаточно для самих болгар, и затем просить об открытии отдельного училища. Н.Ф. Якубовский надеялся, что если со стороны турецкой администрации города не будет препятствий, то болгары должны выйти победителями⁴¹. Игнатъев, реагируя на донесение Якубовского, выступил в защиту болгар Битола, обратив внимание патриарха и пелагонийского митрополита на необходимость удовлетворить требования болгар⁴².

Перед Рождеством Христовым 1865 г. в центральном греческом училище Битола была открыта «кафедра болгарского языка». Учителем был назначен Йован Жинзифов, отец известного публициста Райко Жинзифова. На уроки болгарского языка стали приходиться более 60 детей. Болгары надеялись закрепить успех и со временем открыть свое училище⁴³. Об открытии отделения болгарского языка сообщил также и австрийский вице-консул П. Окули⁴⁴. До издания болгарским ученым акад. Д. Косевым подборки консульских донесений из Битола в книге «Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869» (София, 1978), а также до публикации документов в сборниках «Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876» (Т. 2. София, 1990) и «Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78» (Т. 1. София, 1994) в историографии было принято утверждение, что в 1863 г. в Битоле было открыто болгарское училище, в котором преподавал Й. Жинзифов и которое недолго просуществовало из-за происков грекоманской партии⁴⁵. К сожалению, историки Македонии до сих пор продолжают придерживаться этой неверной точки зрения⁴⁶.

Успехи болгар Битола тревожили Димитраки, зятя митрополита Венедикта, который управлял делами епархии в его отсутствие. Он решил изгнать из города Манчева, поскольку тот не только давал уроки болгарского языка, но и «усердно распространял среди болгар Битола идею независимой болгарской церкви». Кроме того, Манчев постоянно отсылал в болгарскую газету «Турция» статьи с критикой действий Хюсни-паши⁴⁷. 1 мая (21 апреля) 1866 г. вали, ко-

торый ревностно относился к своему престижу и у которого Димитраки был в особой милости, выслал Манчева под конвоем из трех жандармов в его родной город Свиштов.

Эта потеря для болгар города была уже не так страшна. Количество учащихся у Й. Жинзифова увеличилось до 100 человек. Через 7 месяцев после открытия кафедры болгарского языка в центральном греческом училище был проведен публичный экзамен, на котором ученики продемонстрировали большие успехи. Болгары решили нанять еще одного учителя, более сведущего, чем Жинзифов. Они пригласили Георгия Икономова, который преподавал болгарский язык в Прилепе и Велесе. Митрополия, не отказывая в этой просьбе, отвечала, что церковная касса не имеет средств платить жалованье двум болгарским учителям. Болгары указали на то, что церковная касса содержала 15 греческих учителей, тратя на их жалованье 70 тыс. пиастров в год. Составляя большую часть христианской общины, болгары надеялись, что епитропы выделят 6 тыс. пиастров в год на жалованье двум учителям болгарского языка. Однако 2 сентября 1866 г. договор с Икономовым не был заключен митрополией под предлогом нехватки средств в кассе. Болгары решили составить просьбу в Патриархию, в которой после изложения сути дела заявляли о том, что если не будут произведены необходимые распоряжения в митрополии Битола и болгары не будут уравнены в правах с греками, то они по примеру дунайских болгар будут просить об отделении их от греков⁴⁸. Однако была ли отправлена эта просьба, не известно.

Критское восстание (сентябрь 1866 г.) дало болгарскому церковному вопросу новый оборот. В донесении от 2 декабря 1866 г. Якубовский сообщал, что болгары Велеса и Штипа послали в Стамбул просьбу об отделении их от греческой патриархии. Битольские болгары были менее решительны в своих действиях. Они приготовили прошение, в котором просили предоставить им право богослужения, чтения и пения на болгарском языке в церкви Св. Недели. Просили еще о том, чтобы священник и певчий этой церкви

были из болгар, чтобы им было позволено назначать епитропов из болгар для заведования кассой церкви Св. Недели, а также открыть в болгарских кварталах два болгарских училища (мужское и женское) и иметь в них учителей из болгар. В заключение болгары Битола предупреждали, что они последуют примеру других болгар и будут просить об отделении их от греческой патриархии, если им будет отказано в искомым ими правах⁴⁹.

Донесения Якубовского за 1867–1868 гг. убедительно свидетельствуют о том, что болгары добились открытия своего училища не в результате борьбы с митрополитом Венедиктом, как принято считать в историографии, а благодаря тому, что сумели грамотно воспользоваться обстоятельствами. Вернувшийся в 1867 г. после длительного отсутствия Венедикт настроил против себя всю свою паству. Влахи старались всеми средствами исходатайствовать от решение его от места. Их активно поддерживали английский и греческий дипломаты, каждый преследуя свою цель⁵⁰. Венедикт, чтобы сохранить место, решил привлечь на свою сторону болгар, обещая им исполнить их желания, в чем им отказывали влахи, управлявшие христианской общиной города. И действительно, митрополит «посвятил в дьяконы одного болгарина», Георгия, родом из Прилепа⁵¹, в церкви Св. Недели, а потом «посвятил в священники с разрешением совершать богослужение на славянском языке», создавая, таким образом, столь ожидаемый болгарам города причт этой церкви, о чем сообщал Якубовский в донесении от 25 сентября 1867 г.⁵². Но вопрос об открытии училища для девочек не сдвигался с мертвой точки, хотя оно было внесено в список 9 училищ, которым Н.М. Гошков, торговец из Одессы, намеревался высылать по 3 тыс. пиастров в год⁵³.

В феврале 1868 г. острота конфликта заставила митрополита Венедикта открыто обратиться к болгарам с обещанием выполнить все их законные требования. Тем самым он стремился побудить их к поддержке. Болгары, убежденные, что ничего не могут получить от влахов, решили встать на

сторону митрополита и отправить депутацию в Патриархат в поддержку Венедикта. Якубовский отмечал, что в той ситуации «болгары заметно возвышаются духом. Между ними везде проявляется чувство национальности и поддерживаются ее права»⁵⁴. В октябре 1868 г. болгары провели собрание, на котором единодушно решили избирать из своей среды эпитропов для церкви Св. Недели. Они открыли болгарское училище для мальчиков, куда главным учителем был приглашен Д. Македонский, а также училище для девочек. Помещения для классов приходилось арендовать.

12 октября 1869 г. в Битолю приехал Янинский митрополит Парфений, назначенный на место митрополита Венедикта. Он не признал достижений болгар и приказал вернуть церковь Св. Недели под управление эпитропов митрополии, т.е. влахам, а также выслать из Битолы священников этой церкви. 23 октября 1869 г. болгары на собрании объявили, что они не признают ни митрополита, ни греческого патриарха⁵⁵. Болгарский историк П. Петров подчеркивал, что тогда болгарская община не была признана официально и существовала в качестве Временного болгарского комитета, и только после того, как прошла эйфория в связи с объявлением 28 февраля 1870 г. султанского фирмана об учреждении самостоятельной болгарской церкви – «Болгарского экзархата», болгары Битолы приступили к формированию своей общины: в 1871 г. они избрали руководство во главе с председателем Павлом Божигробски⁵⁶.

Однако это не совсем так. В АВПРИ сохранился важный источник, который никогда прежде не привлекался исследователями, – отчеты русских дипломатов из Битолы о расходовании суммы в 5 тыс. руб. серебром, присланной в консульство по секретному распоряжению Азиатского департамента МИД от 30 апреля 1862 г. Эта сумма была составлена «из частных пожертвований» и предназначалась «на раздачу вспомоществований страждущим единоверцам». Как правило, русские консулы к двум христианским праздникам – Рождеству Христову и Святой Пасхе – передавали эпитропам христианской общины Битолы под рос-

пись каждый раз значительную сумму (424–440 пиастров)⁵⁷. Часть денег должна была раздаваться бедным христианам, а часть денег шла на нужды самой христианской общины. Русские консулы всегда щедро одаривали церкви при личном посещении, раздавали милостыню. Особую статью ежемесячного расхода консульства составляли также пожертвования в тюремную кружку и отдельно в больничную кружку христианской общины города. Нередко жертвовались деньги в пользу православных училищ города. А 24 декабря 1869 г., согласно отчету, к празднику Рождества Христова русский консул Якубовский подарил «эпитропам греческим из митрополии на бедных и больных 585 пиастров», а также «эпитропам болгарским из церкви Св. Недели на бедных и больных 585 пиастров»⁵⁸. В отчетах за последующие годы это деление на греческую общину и болгарскую общину неуклонно соблюдалось, и жертвовались на их нужды одинаковые суммы. Таким образом, из данного источника следует, что русский консул Якубовский признал учреждение болгарской общины еще в 1869 г. и в дальнейшем постоянно поддерживал ее денежным вспомоществованием.

Дальнейшие события в столице Османской империи, где был созван первый собор Болгарской церкви (март 1871 г.), принят Экзархийский устав (май 1871 г.), избран экзархом Анфим I (февраль 1872 г.), объявлена Вселенской патриархией схизма (11 сентября 1872 г.) и т.п., оказали огромное влияние на ход болгарского дела в Битоле и ее окрестностях, а также на настроения проживавшего здесь болгарского населения.

Согласно фирману 1870 г. в Болгарский экзархат не вошли епархии со смешанным населением, к числу которых относилось большинство епархий в Македонии, включая и Пелагонийскую епархию. В них предполагалось провести истилям (опрос, референдум), и если не менее 2/3 населения высказывалось за подчинение юрисдикции Болгарского экзархата, то эти епархии становились его частью. Султанский фирман, таким образом, разжег еще большую борьбу за самосознание христианского населения в Македо-

нии, и она разворачивалась, прежде всего, на поприсе про-
свещения. По сведениям, собранным Максимовым (1874 г.), в
Пелагонийской епархии проживали до 11 870 болгарских
семей и только 940 владшских семей, в Битольском санджа-
ке болгарское население составляло 258 000 душ, «тогда
как валахов и греков вместе едва насчитывалось до 41 650
человек»⁵⁹. Но болгарское население, забитое турками, на-
ходилось «в бедности и простоте неведения». В селах учи-
лищ не было, «и только сельские священники, которых об-
разование по большей части состоит в знании читать и пи-
сать», знакомили детей поселян с «грамотностью»⁶⁰, – с со-
жалением констатировал Якубовский.

Греческий митрополит Парфений имел мощную опору
в лице богатых владш города, не утративших «нравствен-
ное в стране преобладание, руководство и весь почин
своей общественной деятельности». Митрополит также не
гнушался использовать административный ресурс турецких
властей, чтобы сохранить болгар в лоне Константинополь-
ской патриархии. Греки начали создавать силогосы (обще-
ства) «для распространения в Македонии греческой гра-
мотности, для приготовления молодых греков к занятию
учительских мест», делать «денежные и книжные вспомо-
ществования существующим училищам» и открывать но-
вые⁶¹. Силогосы состояли в ведении Афинского силогоса,
откуда получали деньги и литературу, имели «жертвовате-
лей в Вене, Константинополе и Одессе между тамошними
греками»⁶². Максимов подчеркивал, что «греческое мини-
стерство [иностранных дел] на консульский пост в Битолу
уже давно назначает людей, знакомых со школою. Таков
Логофет, нынешний консул, бывший учитель» Афинского
лица⁶³. Через Логофета в Битолу постоянно поступали
книги и значительные денежные вспомоществования для
греческих училищ, «довольно порядочно устроенных». В
городе были открыты два класса гимназического курса, для
которых был выписан учитель из Афин. «Эллинская школь-
ная пропаганда организована здесь в стройную систему, ко-
торая должна давать весь веский результат, присваиваемый

народному образованию»⁶⁴, – писал Максимов в донесении от 15 ноября 1873 г. В связи с неопределенностью положения Пелагонийской епархии многие болгары уже в 1871 г. «стали поддаваться действию греческой пропаганды, и только усилия, неусыпность и материальные жертвы стоящих во главе народа удерживают болгар на пути национального развития»⁶⁵, – отмечал Якубовский.

Болгарская община нуждалась в хорошем здании для болгарского училища, а также в более просторном храме, чем скромная церковь Св. Недели. Был найден большой хан (гостиница), расположенный в самой красивой части города. Но за него просили 800 лир. Среди битольчан нашелся удивительный человек К. Мишайков, городской и военный врач, один из уважаемых и деятельнейших руководителей болгарского движения в Битоле, родной брат митрополита Пловдивского Панарета, который в 1868 г. принял сторону болгар в церковной распри с Константинопольской патриархией. К. Мишайков отдал болгарской общине все свои сбережения – 400 турецких лир. Остальную сумму пытались собрать, занимая деньги под проценты у богатых болгар города. Тем не менее, до указанной цены не хватало 160 лир. Тогда доктор Мишайков продал украшения своей жены и внес недостающую сумму. К. Шапкарев подчеркивал, что такие известные благотворители, как В. Априлов, жертвовали от избытков, а К. Мишайков отдал на великое и благое дело все свои сбережения, накопленные им за время работы врачом. Подобный патриотизм, по-болгарски родолюбие, встречался крайне редко и, по словам Шапкарева, «заслуживает особую признательность болгарского народа»⁶⁶. Согласно донесению австрийского вице-консула П. Окули от 7 марта 1872 г., цена хана, приобретенного болгарской общиной у наследников дивизионного генерала Осман-паши, была иная – 1025 турецких лир⁶⁷. Но львиную долю внес К. Мишайков.

Благодаря этому щедрому дару доктора, его хлопотам в получении фирмана на строительство церкви, в 1873 г. была сооружена часовня Рождества Пресвятой Богородицы и при

ней училища⁶⁸ (первоначальное и двухклассное мужское, а также женское). Затем были открыты еще три первоначальных училища в других болгарских кварталах города.

Русские консулы не оставляли болгарскую общину Битола без своего внимания, содействуя укреплению национального дела болгар. В 1871 г. Якубовский, сообщая о состоянии народного образования в крае, вверенном его наблюдению, писал об основании болгарских училищ в Битоле, об отсутствии библиотеки учебной литературы и вообще о крайнем недостатке книг. Болгарская община располагалась очень скудными средствами, поскольку все общинные здания, все доходы митрополии находились в руках греков, а болгары получали незначительные доходы от церкви Св. Недели, расположенной в удалении от города. Они не могли себе позволить приобрести необходимых для этих учебных заведений учебников и пособий. Русский консул ходатайствовал о высылке учебных пособий, прежде всего, книг и, причем, на русском языке, поскольку учителя, ученики и их родители были «проникнуты убеждением в необходимости преподавания русского языка». Особенно об этом просили молодые люди, которые желали продолжать свое образование в России⁶⁹. Якубовский мотивировал свое ходатайство и обеспокоенностью, вызываемой усилением эллинской пропаганды, которая «с неутомимым усердием действует в этом крае», «не останавливаясь ни перед какими материальными жертвованиями, чтобы распространить греческий язык и образование».

По получении донесения Якубовского Н.П. Игнатьев 30 ноября 1871 г. обратился к П.Н. Стремоухову, директору Азиатского департамента МИД (1864–1875), с просьбой «выпросить у министра народного просвещения или у существующих в России Славянских комитетов пожертвованных – несколько экземпляров русских грамматик и книг, издаваемых для чтения юношества». Игнатьев подчеркивал: «Без сомнения, было бы весьма полезно, если бы лица, интересующиеся у нас славянским делом, обратили внимание на это положение дел в Битольском округе и без из-

лишней огласки приняли участие в поддержании болгарской народности в этом крае, составляющем средоточие борьбы между греческой и славянской народностями и имеющем огромную важность для будущности наших единоплеменников на Балканском полуострове»⁷⁰. Стремоухов адресовался к председателю Петербургского славянского комитета А.Ф. Гильфердингу об оказании «некоторой поддержки болгарским училищам Битольского округа в виду усиления в них народного славянского направления и для утверждения их нравственной связи с Россией»⁷¹.

В конце октября 1873 г. по приглашению К. Мишайкова в Битолу приехал учитель К. Шапкарев, чтобы занять должность главного учителя и управляющего всеми болгарскими училищами города. Он попытался по-новому организовать преподавание в городе, разработал Устав для училищ, который был одобрен и принят всей общиной, что подтверждали подписи ее членов, скрепленные печатью общины. Консул Максимов, оценив усилия деятельного и авторитетного учителя, каким являлся Шапкарев, пожертвовал 10 лир – 1000 пиастров «на усиление средств к преподаванию: покупку книг и пр.»⁷². Согласно донесению от 12 января 1874 г., в Битоле тогда действовало 6 болгарских школ, в которых обучалось около 500 детей обоего пола⁷³.

Однако учителя, работавшие в болгарских училищах, не пожелали следовать указаниям Шапкарева, община тщетно пыталась их принудить, и в результате разгорелись очередные склоки. Шапкарев отработал учебный год и покинул город, не дополучив 6 лир. К сожалению, болгарская община города не смогла избавиться от страшного недуга – раздоров, которым была больна прежняя христианская община Битолы. Несогласия вспыхнули между двумя ее лидерами – доктором К. Мишайковым и братьями Д. и К. Робевыми, возглавлявшими битольское отделение крупной торговой фирмы «Братья Робевы и Сыновья», имевшей своих представителей во многих европейских странах – Германии, Австро-Венгрии, Италии, Франции, Греции, Румынии⁷⁴. По словам К. Шапкарева, Робевы завидовали сла-

ве доктора, но не спешили следовать его примеру⁷⁵, хотя являлись одними из самых состоятельных людей города. Из-за интриг болгарская община была разделена на две партии. Незначительность доходов еще больше усиливала в ней разлад. В марте 1875 г. из-за отсутствия средств был уволен главный учитель, закрыто Центральное болгарское училище, в котором учились около 60 детей⁷⁶. В апреле 1875 г. русский консул В.А. Максимов просил Н.П. Игнатьева исходатайствовать постоянное денежное пособие Центральному болгарскому училищу в Битоле по примеру охридского училища «Кирилла и Мефодия»⁷⁷. В 1864 г. М.А. Хитрово посетил город Охрид и ознакомился с училищем в бедном квартале Кошиш (Кошишча), где преподавался болгарский язык. Чтобы его поддержать материально и защитить от козней митрополита Мелетия, 14 октября 1864 г. М.А. Хитрово обратился к директору Азиатского департамента с просьбой назначить ежегодное денежное пособие в 300 руб. серебром училищу «Кирилла и Мефодия». С 1 января 1865 г. это пособие начало аккуратно выплачиваться. Охридское училище получало материальную помощь из России вплоть до 1885 г.⁷⁸. Скорее всего, это вспомоществование было продолжено и далее, но для этого следует изучить иные пласты документов за следующий период, который в настоящий момент не входит в наше исследовательское поле.

Восстание в Герцеговине, вспыхнувшее летом 1875 г., позволило Пелагонийскому митрополиту Парфению оклеветать руководителей болгарской общины Мишайкова, Н. Робева и др. Их отправили в Салоники и посадили в тюрьму. Мишайкова затем препроводили в стамбульскую тюрьму, где продержали недолго⁷⁹. Но болгарская община на время была парализована и запугана. В связи с русско-турецкой войной консул Максимов в конце марта 1877 г. покинул Битолу.

Другим направлением в деятельности русских консулов в поддержку национального образования на Балканах был отбор болгарских воспитанников для российских учеб-

ных заведений, снабжение их средствами на путевые расходы и другие хлопоты. В России для обучения славянской молодежи из Османской империи было выделено 10 казенных стипендий в военно-учебных заведениях, 75 стипендий в духовных семинариях и академиях (1856 г.); начиная с 1860 г., Министерству народного просвещения ежегодно ассигновывалось 5000 руб. сер. для образования в русских гимназиях и университетах славян из Турецкой империи⁸⁰. Славянский благотворительный комитет также имел значительное число своих стипендиатов. Принято считать, что до 1878 г. в России получили образование около 700 человек⁸¹, однако из-за отсутствия сведений точно определить, из каких населенных пунктов Османской империи они прибыли, не представляется возможным. Известно, например, что совершивший путешествие в Македонию в 1858–1859 гг. А.В. Рачинский, впоследствии русский консул в Варне (1860–1862), лично привез из Македонии 4 юношей и поместил их в гимназии. Д. Миладинов отправил учиться в Россию в 1856 г. своего младшего брата Константина, а в 1858 г. – еще 8 «болгаромакедонцев»⁸².

Арест Д. Миладинова в 1861 г. и его печальная участь произвели тяжелое впечатление на жителей Битола. На приглашение русского консула Хитрово получить бесплатное образование в России откликнулся Николаки Бояно из села Магарево. Его 13-летний сын Стерио должен был выехать из Битола вместе с Хитрово, который собрался в отпуск в Россию в январе 1863 г. Однако против отъезда С. Бояно была организована акция, в которой объединились лазаристы, английский и греческий консулы в Битоле, Пелагонийский митрополит, битольские эллинисты, не говоря уже о турецкой администрации города. Мальчик остался дома, а действия турецких властей запугали христианское население Битола⁸³.

Смена генерал-губернатора, изменения во внутреннем положении Битольского региона после черногорско-турецкой войны 1862 г., упрочение позиций русского консульства сделали возможным отъезд болгар на учебу в Россию.

В начале сентября 1864 г. Хитрово начал ходатайствовать, как по официальным каналам, так и в частном порядке, в личном письме к П.Н. Стремоухову «о предоставлении средств к безвозмездному образованию» для 14-летнего сына Д. Миладинова Страшимира. Хитрово полагал, что для юноши было бы полезнее учиться не в гимназии, а в Белградской семинарии. Старшая дочь Д. Миладинова, 12-летняя Царевка, обнаруживала «замечательные способности». Познакомившись с реалиями Битольского региона, Хитрово пришел «к сознанию о необходимости для здешнего народонаселения женского образования, которое одно способно очистить их нравы и развить в них чувства долга, гражданственности и патриотизм»⁸⁴. В 1866 г. Царевка Миладинова была принята в киевский институт с пансионом графини А.В. Левашовой.

В отсутствие Хитрово из Битолы в Николаевскую гимназию вместо А. Богданова, болгарина из Велеса, был послан совсем другой человек. Русский дипломат не только отправил Богданова в Россию за свой счет, но и взял на себя его содержание в Николаеве, что составляло ежегодно 180 руб. Для Хитрово такие расходы были обременительны, но он нес их «во внимание к особенной ревности к образованию, выказанной Богдановым». И только тогда, когда Хитрово получил известие об отличном поведении и успехах Богданова, он попросил директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова принять болгарского юношу на казенный счет. Знаменательны его слова в письме к Стремоухову от 31 мая 1866 г.: «Пожертвовав уже несколько лет на службу на Востоке, я поневоле сжился с интересами здешних людей, как со своими собственными, и потому неудивительно, что принимаю их горячо к сердцу»⁸⁵.

В феврале 1872 г. временно исполнявший обязанности консула в Салониках Якубовский получил предписание Н.П. Игнатьева, в котором сообщалось, что с 1 октября 1871 г. было открыто «воспитательное заведение для южно-славянских девиц при Алексеевском женском монастыре в Москве», в котором были две вакансии. Еще два места для болгарских девушек предоставлялись в школе при Покров-

ском монастыре, где готовили народных учительниц. Якубовский поручил консульскому драгоману (переводчику) А. Лаппе объявить болгарам Битола о возможности получить бесплатное образование в России четырьмя болгаркам⁸⁶. В настоящий момент нет сведений о том, воспользовались ли битольские болгары этим приглашением.

По линии русского консульства в Битоле весной 1874 г. выехал поступать в киевскую гимназию Каранфилов, в ноябре 1874 г. Д. Димитрова, воспитанница битольского училища, отправилась в Одессу⁸⁷. Список⁸⁸ уроженцев Битольского региона, посланных на учебу в Россию, требует многих дополнений и уточнений. Так, например, в 1864 г. Славянский комитет в Москве принял стипендиатом Василя Мишайкова из Битола, племянника епископа Пловдивского Панарета⁸⁹. Однако он прибыл в Россию, отучившись 3 года в афинской гимназии, и о нем хлопотал Н.П. Игнатъев, а не битольское консульство⁹⁰.

Итак, первый русский дипломат в Битоле М.А. Хитрово, прибыв в город весной 1861 г., предполагал найти в нем центр «замышляемых южными славянами движений»⁹¹, но обнаружил деморализованное христианское население, находившееся под сильным впечатлением от посещения их города великим визирем, который приказал арестовать 9 человек, членов «Казино», просветительского общества типа «читалищ», где читали и обсуждали книги, периодику. Один из членов «Казино» был казнен. Эти тяжелые эмоции накладывались на общее состояние духа христиан Битола, которая, «будучи внутри Балканского полуострова, очень часто была свидетелем дикого выражения мусульманского фанатизма и многократных случаев турецкой несправедливости»⁹². Хитрово много ездил по региону и обратил внимание на то, что «неудовольствие христиан в Салоникском санджаке несравненно сильнее, чем в Битоле. Здешние христиане, живя в глуши, отчужденные от внешних влияний, не успели еще усвоить себе надежд на возможность лучшего положения дел. Напротив, поселяне из окрестностей Салоник, входя в довольно частые сношения

с иностранцами, часто посещая приморский торговый город, получили уже возможность сравнивать свое незавидное положение с иным порядком вещей, существующий где-то, но только не у них на родине»⁹³.

Эти открытия в мироощущениях христиан Битола в сравнении с болгарами Салоникского края вызвали у Хитрово известное разочарование, поскольку он предполагал действовать энергично, со всем пылом своей натуры, натуры человека молодого, желавшего помочь своим единоверцам и единоплеменникам в их тяжелом положении. Кроме того, к форсированию событий не предрасполагала и сама обстановка в городе. Как известно, личность дипломата всегда привлекла повышенное внимание со стороны турецких властей, коллег из других стран, а также населения города. Представитель России, государства, недавно находившегося в состоянии войны с Турцией, вызывал у турецкой администрации Битола особенное нерасположение и неприязненность⁹⁴, а дипломаты из стран Западной Европы с пристрастием следили за его деятельностью. Хитрово поэтому пришлось действовать осторожно, исподволь, постепенно привлекая на свою сторону влиятельных людей города, чтобы и для них стало насущной потребностью действовать в интересах своего народа и стать во главе болгарского населения города. Такого образа действий придерживались и другие русские консулы – Н.Ф. Якубовский и В.А. Максимов.

Тактику русских консулов Битола можно сравнить с тактикой учителя в Прилепе К. Шапкарева, также фигуры весьма заметной в городе. Шапкарев, понимая, что народное чувство еще не было развито у жителей города, сблизился с болгарами Прилепа крайне осмотрительно, отыскивая среди них верных помощников, чтобы постепенно через них воздействовать на болгар, «покорнейших детей Вселенской патриархии», пробуждая в них осознание своей народности⁹⁵. Именно такой образ действий в течение четырех лет в конечном итоге принес свои плоды, ярким про-

явлением чего явилось празднование в Прилепе 11 мая 1865 г. – дня святых Кирилла и Мефодия⁹⁶.

Материалы АВПРИ раскрывают значительную помощь русских дипломатов в процессе внедрения национального образования в Битоле. Противостояние русских консулов католическим миссионерам, пропаганда и активные действия русских дипломатов в защиту введения болгарского языка в преподавание и богослужение, информация, получаемая от них о развитии болгарского национального движения в других болгарских землях Османской империи, даже само присутствие русского консульства в городе, все эти компоненты вместе дали импульс пробуждению и развитию национального самосознания у славянского населения Битолы. Введение болгарского языка в преподавание, учреждение затем болгарских училищ всесторонне поддерживались русскими консулами как материальными средствами, так и по дипломатической линии, стали общим и значимым делом для болгарского населения Битолы. Это во многом способствовало преодолению разобщенности болгар и превращению отдельных членов христианской общины города в единую болгарскую общину, которая постепенно начинала осознавать свои национальные интересы, ощущать себя как часть болгарского народа.

Примечания

¹ Ванчев Ё. Българското учебно дело в Македония през втората половина на XIX в. // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 386–424; *он же*. Ново-българската просвета в Македония през Възраждането (до 1878 година). София, 1982; *Димитров А.* Училището, прогресът и националната революция. Българското училище през Възраждането. София, 1987; *Галчев И.* Българското самосъзнание на населението в Македония през Възраждането. София, 2005; *Петров П.* Д-р Константин Иванов Мишайков // Македонски преглед. 2011. Кн. 1–2; *Трајановски А.* Црковно-училишните општини во Македонија. Скопје, 1988; *он же*. Престојот и школувањето на македонската и балканската интелигенција во Русија // Балканот и Русија: општото и специ-

фичното во историскиот и културниот развиток. Скопје, 2010; Сидоровска-Чуповска С. Развојниот пат на образовните институции во Македонија (Со посебен осврт на XIX век) // Балканите между традицијата и модерноста. Софија, 2009.

² Шапкарев К. За възраждането на българщината в Македония. Неиздадени записки и писма. Софија, 1984. С. 243.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 24.

⁴ Македония. Сборник от документи и материали. Софија, 1978. С. 241.

⁵ Шапкарев К. Указ. соч. С. 243–244.

⁶ Косев Д. Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. Софија, 1978. С. 144.

⁷ Шапкарев К. Указ. соч. С. 243–244.

⁸ Косев Д. Указ. соч. С. 145, 163.

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 21.

¹¹ Шапкарев К. Указ. соч. С. 244.

¹² АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 21 об., 29 об.

¹³ Там же. Л. 29 и об.

¹⁴ Генчев Н. Франция в българското духовно възраждане. Софија, 1979. С. 102.

¹⁵ Манчев В. Спомени. Софија, 1982. С. 71.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 36 об.

¹⁷ Там же. Л. 67 и об.

¹⁸ Цит. по: Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 169.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 23, 24.

²⁰ Там же. Л. 26 об.

²¹ Косев Д. Указ. соч. С. 145.

²² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 139.

²³ Там же. Д. 1416. Л. 125.

²⁴ Там же. Д. 1415. Л. 139.

²⁵ Там же. Д. 1416. Л. 125.

²⁶ Там же. Л. 15–16.

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Д. 1417. Л. 115 об.

²⁹ Манчев В. Указ. соч. С. 80.

- ³⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 191; Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 518 об.
- ³¹ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 115 об.
- ³² Там же.
- ³³ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 2. София, 1998. С. 36.
- ³⁴ Манчев В. Указ. соч. С. 81.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 133–134.
- ³⁶ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. С. 270.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 2. Л. 519.
- ³⁸ Македония през погледа... Т. 1. С. 326–327.
- ³⁹ См.: *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 126–127.
- ⁴⁰ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. С. 218–219.
- ⁴¹ Там же. С. 223.
- ⁴² Там же. С. 224.
- ⁴³ *Косев Д.* Указ. соч. С. 165.
- ⁴⁴ Македония през погледа... Т. 1. С. 358.
- ⁴⁵ *Ванчев Й.* Българското учебно дело в Македония... С. 413; *он же.* Ново-българската просвета в Македония... С. 108.
- ⁴⁶ *Сидоровска-Чуповска С.* Указ. соч. С. 139.
- ⁴⁷ *Косев Д.* Указ. соч. С. 167; Македония през погледа... Т. 2. С. 35–36.
- ⁴⁸ *Косев Д.* Указ. соч. С. 169–170.
- ⁴⁹ Там же. С. 172.
- ⁵⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 17.
- ⁵¹ *Шапкарев К.* Указ. соч. С. 129.
- ⁵² Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 3. София, 2002. С. 101–102.
- ⁵³ Македония. Сборник от документи и материали. С. 225.
- ⁵⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 13 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 1423. Л. 76; *Косев Д.* Указ. соч. С. 177–178.
- ⁵⁶ *Петров П.* Д-р Константин Иванов Мишайков // Македонски преглед. 2011. Кн. 2. С. 35.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 21 об.; Д. 15. Л. 6 об., 15 об., 18 об., 20, 21 об.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 28 об.

- ⁵⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1428. Л. 8, 9 об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 1424. Л. 8 об.
- ⁶¹ Там же. Д. 2271. Л. 61 об.
- ⁶² Там же. Л. 62.
- ⁶³ Там же. Д. 1427. Л. 19 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 20.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6705. Л. 3.
- ⁶⁶ *Шапкарев К.* Указ. соч. С. 247–250.
- ⁶⁷ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 3. София, 2001. С. 29.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1427. Л. 6.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6705. Л. 1 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 3 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 5 об.
- ⁷² Там же. Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 40.
- ⁷³ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1428. Л. 9.
- ⁷⁴ *Галчев И.* Указ. соч. С. 72.
- ⁷⁵ *Шапкарев К.* Указ. соч. С. 249.
- ⁷⁶ Македония. Сборник от документи и материали. С. 307.
- ⁷⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1429. Л. 39 об.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6684. Л. 44.
- ⁷⁹ *Петров П.* Указ. соч. С. 57–58.
- ⁸⁰ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 118, 448, 471.
- ⁸¹ *Степанова Л.И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции (50–70-е годы XIX в.). Кишинев, 1981. С. 159; *Генчев Н.* Българската култура XV–XIX в. София, 1988. С. 203.
- ⁸² *Ванчев Й.* Ново-българската просвета в Македония... С. 140–141.
- ⁸³ Подробнее см.: *Фролова М.М.* «Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 61–73.
- ⁸⁴ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 50.
- ⁸⁵ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 2. С. 292.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2270. Л. 33 и об.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 159. Оп. 667/2. Д. 94. Л. 2, 14.

⁸⁸ Подробенее см.: *Трајановски А.* Престојот и школувањето на македонската и балканската интелигенција во Русија // Балканот и Русија: општото и специфичното во историскиот и културниот развојок. Скопје, 2010. С. 82; *Ванчев Ѓ.* Ново-българската просвета в Македонија... С. 142–143.

⁸⁹ *Ванчев Ѓ.* Ново-българската просвета в Македонија... С. 142.

⁹⁰ Македонија. Сборник от документи и материали. С. 221.

⁹¹ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.

⁹² Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1419. Л. 8 об.

⁹³ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 304.

⁹⁴ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 20-21.

⁹⁵ *Шапкарев К.* Указ. соч. С. 122, 125, 131.

⁹⁶ Там же. С. 137.

**ИЗ ИСТОРИИ ПРОЕКТОВ ПО
ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ПЕРЕДЕЛУ БАЛКАН:
ПЕРЕГОВОРЫ РУССКОГО ПОСЛА В ВЕНЕ Е.П. НОВИКОВА
И МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АВСТРО-ВЕНГРИИ
Д. АНДРАШИ (АВГУСТ 1875 – ДЕКАБРЬ 1876 ГГ.)**

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) сохранилась обширная подборка документов, посвященная истории подготовки Будапештской конвенции 1877 г.¹. В научной литературе отношение к этому документу, равно как и к предшествовавшему ему соглашению, заключенному между императорами Александром и Францем-Иосифом летом 1876 г. на встрече в замке Рейхштадт (Богемия), весьма неоднозначно. Балканские, прежде всего сербские, ученые нередко называют Рейхштадское соглашение и Будапештскую конвенцию предательством национальных интересов южных славян², западные – частью дипломатической подготовки России к широкомасштабной агрессии на Балканы³. Позиция отечественных историков, за исключением, пожалуй, лишь нескольких авторов, опубликовавших свои работы в 20–30-е годы XX в.⁴, традиционно отличалась и продолжает отличаться высокой степенью уклончивости. В современной историографии, причем, как в трудах обобщающего характера⁵, так и в специальных исследованиях⁶, наибольшей популярностью пользуются оценки, восходящие к тексту двух советских изданий «Истории дипломатии»⁷. Суть этих оценок сводится к двум основным постулатам: во-первых – «политика царского правительства во второй половине 1876 г. пыталась решить нелегкую дипломатическую задачу: оказать поддержку балканским славянам, но при этом не столкнуться с Австро-Венгрией», во-вторых – Россия была вынуждена идти на союз с Габсбургами ради нейтрализации угрозы со стороны Австро-Венгрии в случае начала войны с Турцией⁸.

Выявленные в АВПРИ материалы* позволяют не только внести некоторые уточнения в эти оценки, но и поставить под вопрос достоверность популярного в отечественной историографии тезиса о «противоречивости», «непоследовательности» и «пассивности» балканской политики России накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг.**

Упомянутая подборка включает в себя переписку российского посла в Вене Е.П. Новикова с министром иностранных дел А.М. Горчаковым, временно управлявшим делами российского МИД А.Г. Жомини, а также императором Александром II, относящуюся к периоду с августа 1875 г. по конец декабря 1876 г. Основная тема обсуждения – ход переговорного процесса между Е.П. Новиковым и министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши

---

* Впервые данный комплект документов был частично использован Е.К. Вяземской при анализе эволюции взглядов российской дипломатии по вопросу автономии Боснии и Герцеговины в кандидатской диссертации «Восстание в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 г. – апрель 1877 г.)», защищенной в 1984 г., а также ряде статей.

** Вот что пишет, например, по этому поводу, суммируя наиболее часто встречающиеся мнения, современный исследователь С.А. Кучуков: «Император пустил балканскую проблему на самотек», «у Александра не существовало своего понимания балканской проблемы», «император и его окружение скорее оказались во власти обстоятельств, неудержимого исторического развития событий, чем принимали решение», «русское самодержавие в 1875–1877 гг. шло в фарватере действий общественных движений. Фактически до конца 1876 г. у царя не было устоявшегося мнения относительно того, начинать войну или нет. Именно русское общество подталкивало царя к определению позиции по Восточному вопросу». Подробно см.: *Кучуков С.А. «За братьев-славян». Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 342, 339, 353, 155.*

по сближению позиций, касающихся политического будущего балканских провинций Османской империи.

Необходимо отметить сразу, что в рассматриваемых документах личность российского императора присутствует постоянно. Часть писем Е.П. Новиков адресовал непосредственно Александру II, монархии пометы в изобилии встречаются на полях посольских донесений, а подавляющее большинство инструкций и депеш, поступавших в Вену из Петербурга, помечены высочайшей визой – «Быть по сему». Что касается эмоционального фона документов, то первое, что бросается в глаза, это сугубо прагматичная и конструктивная позиция русской стороны. Освободительная, а тем более мессианская риторика в них отсутствует полностью, речь идет исключительно о базовых государственных интересах договаривающихся сторон и выработке взаимоприемлемых решений. Что касается темы освобождения турецких славян, то как таковая она предметом обсуждений не являлась. С некоторой натяжкой в данном ключе можно говорить, пожалуй, лишь о проблеме так наз. «болгарской автономии», которую Петербург последовательно и жестко лоббировал на всех этапах двусторонних консультаций.

Судя по выявленным документам, своеобразным толчком к будущим переговорам, завершившимся в итоге подписанием Будапештской конвенции, стала российская инициатива о предоставлении восставшим провинциям Боснии и Герцеговины широкой внутренней автономии, озвученная в августе 1875 г. на встрече в Вене министров иностранных дел России, Германии и Австро-Венгрии. Тем же временем, а именно 9 (21) августа 1875 г., датируются и высочайше утвержденные инструкции, отправленные из Петербурга послу Е.П. Новикову⁹, открывшие шлагбаум для переговорного процесса. На данном этапе российскому послу предписывалось инициировать диалог с Д. Андраши с целью «вызвать к жизни согласие с Австрией» на случай обоих сценариев развития событий на Востоке, т.е. победы или поражения Порты. Основной темой обсуждения долж-

на была стать тема создания в «треугольнике между верхним течением Дуная и Далмацией» «более или менее автономных вассальных государств», «складывающихся по закону национального притяжения». Существенная деталь – волей императора послу был фактически дарован карт-бланш в вопросе выбора «способа и момента» для начала переговоров. Оговаривалась лишь необходимость выстраивания диалога таким образом, чтобы с формальной точки зрения инициатива принадлежала австрийской стороне. Вскоре из Петербурга последовало дополнительное разъяснение. В утвержденной императором депеше от 29 августа (9 сентября) Е.П. Новикову было прямо указано, что «согласие с Австрией является коренной необходимостью нашей политики в Европе и на Востоке» и что «Австрия заинтересована, как и мы, получить от нынешнего кризиса улучшенное статус-кво»¹⁰.

Уже 1 (13) октября Е.П. Новиков докладывал лично императору о своем первом успехе в выполнении порученного задания¹¹. Особо отметив в качестве собственной заслуги выстраивание контактов таким образом, что инициатива исходила со стороны Д. Андраши («я эти разговоры не вызывал»), он сообщил о начале обсуждения указанного вопроса и изложил позицию австро-венгерского министра. Он сообщил, в частности, что, по мнению Д. Андраши, на данный момент между двумя империями на Балканах не существует «никаких принципиальных разногласий», но, чтобы избежать в будущем и «предупредить возникновение каких-либо горячих проблем», необходим конструктивный диалог. Д. Андраши подчеркнул, что венский кабинет не является в настоящий момент принципиальным противником идеи учреждения в регионе «небольших славянских автономий», а если и отвергает это решение применительно к Боснии и Герцеговине, то лишь потому, что «не считает его жизненным» (в силу сосредоточения там слишком большого количества мусульман). Однако в качестве условия для дальнейшего выстраивания переговорного процесса министр напомнил о принципиальном несогласии Вены «тер-

петь на флангах Австрии политические формации, которые заключали бы в себе опасность для самой монархии, ... например, агломерацию, формирующую зародыш большого южного славянского государства», способного стать центром притяжения для австрийских славян. Следует отметить особо, что на этом докладе Е.П. Новикова сохранились многочисленные одобрительные пометы Александра II: «Это естественно», «Это то, что он мне сам много раз повторял», «Это так», «Да».

Успешно начатые конфиденциальные переговоры были, однако, внезапно прерваны по распоряжению самого же императора. По воспоминаниям историка С.С. Татищева, служившего в 1875–1876 гг. секретарем русского посольства в Вене, в октябре 1875 г. А.М. Горчаков известил Е.П. Новикова по телеграфу, что «государю негодно отделяться в восточных делах от своих союзников, и он вполне одобряет проект реформ, составленный для Боснии и Герцеговины австро-венгерским министром иностранных дел»¹². Этот проект, известный в историографии как нота Андраши, был поддержан великими державами – гарантами Парижского мирного договора (1856), и уже 18 (30) декабря 1875 г. вручен Порте. Однако фактический отказ османского кабинета, а затем и повстанцев принять предложенный план реформ к исполнению предопределил неизбежность нового раунда многосторонних международных консультаций. В частности, на май 1876 г. в Берлине была запланирована встреча министров иностранных дел России, Германии и Австро-Венгрии, приуроченная к визиту в немецкую столицу Александра II.

Состоявшаяся встреча получила громкую известность благодаря подписанию так наз. Берлинского меморандума, содержащего рекомендации, нацеленные на урегулирование балканского кризиса при соблюдении принципа сохранения территориальной целостности Османской империи. Гораздо менее известен другой факт: на переговорах между А.М. Горчаковым, О. Бисмарком и Д. Андраши откровенно и, возможно, впервые обсуждалась схема дележа европей-

ских провинций Турции. Предложение прозвучало из уст австро-венгерского министра: по его мнению, в случае развала Османской империи Россия могла бы претендовать на возврат отторгнутой от нее в 1856 г. части Бессарабии, а Австро-Венгрия на так наз. турецкую Хорватию (Боснийскую Крайну). В секретной записке российского МИД от 1 (13) мая 1876 г., содержащей пересказ деталей этого разговора, сообщалось, что при этом Д. Андраши еще раз обозначил принципиальную позицию своего правительства: «Австро-Венгрия, не имея возможности терпеть формирование рядом с собой большого славянского государства, не будет возражать, при необходимости, против маленьких автономий под господством султана»¹³.

Хотя схема территориального передела Балкан и была озвучена Д. Андраши, в историографии принято называть в качестве истинного автора ее идеи О. Бисмарка. Сохранились свидетельства, что впервые предложенный вариант (плюс эксклюзивное предложение – предоставление Великобритании свободы действий в Египте) был высказан им в январе 1876 г. английскому послу О. Расселу а затем российскому послу в Берлине П.П. Убри¹⁴. Имеются документальные доказательства – письмо Д. Андраши императору Францу Иосифу, что накануне встречи в Берлине трех министров иностранных дел О. Бисмарк излагал эту идею и министру Австро-Венгрии¹⁵.

Берлинская встреча знаменательна еще одним малоизвестным фактом. Выявленные документы свидетельствуют, что именно в процессе ее подготовки Е.П. Новиков получил из Петербурга распоряжение (телеграмма от 29 марта (10 апреля) 1876 г.¹⁶) об организации конфиденциальной встречи императора Александра с Францем-Иосифом («в месте и по выбору» последнего). Важно отметить, что, судя по дате телеграммы, желание русского императора, вскоре воплотившееся во встречу в Рейхштадте, не могло быть связано с обострением балканского кризиса, поскольку начало восстания в болгарских землях и заключение военного

союза между Сербией и Черногорией относятся к более позднему сроку.

Переговоры в замке Рейхштадт состоялись 26 июня (8 июля) 1876 г. на фоне уже набиравшей к тому времени обороты сербо-черногорско-турецкой войны. Их итогом стало достижение конфиденциального соглашения, суть которого была предельно откровенно, если не сказать цинично, сформулирована в секретной записке от 10 (22) июля 1876 г. непосредственным участником подготовки и оформления итоговых документов Е.П. Новиковым. «Австрия и Россия, – писал он в докладе А.М. Горчакову, – равно заинтересованные в великой ликвидации, должны либо договориться, либо действовать самостоятельно, с риском столкнуться как враги. Интересы мира и самой России побуждают склониться к договоренности; Рейхштадтская программа является золотой серединой. Первостепенный интерес России требует, чтобы Оттоманская империя не была заменена могущественной греческой или славянской политической единицей, которая была бы в силе устранить русское влияние в этом регионе. Рейхштадтская программа целиком отвечает этой необходимости предложенным дроблением Турции на мелкие автономные или независимые государства: болгарское, сербское, албанское и греческое – достаточно большие, чтобы существовать, слишком маленькие, чтобы освободиться от России, и предназначенные обеспечить России длительное влияние в бассейне Черного моря. Это дробление взамен гарантирует монархии Габсбургов упрочение могущества на Адриатике в противовес сербским и, особенно, итальянским притязаниям. ... Рейхштадтский проект – лишь черновой набросок, он не касается ни деталей, ни вопроса о путях, средствах и политических линиях, но он создает единство трех северных дворов по отношению к Западной Европе. ... Будущее не сможет упрекнуть тех, кто заключил Рейхштадтское соглашение, в отсутствии предусмотрительности и интуиции»¹⁷.

Поскольку итоговый документ по результатам встречи не был оформлен юридически, в отечественной историо-

графии, традиционно нацеленной на изучение освободительной составляющей балканской политики России, принято приуменьшать значение этого, не слишком выгодного для поддержания имиджа покровительницы угнетенных славян, соглашения. Один из способов действия в этом направлении – стремление избегать термина «соглашение», заменяя его расплывчатым понятием «договоренности» (предложение С.А. Никитина) или еще более аморфным – «гипотеза» (предложение В.Д. Конобеева)¹⁸. Широко распространено также мнение (в том числе и в специальной литературе¹⁹), что русский и австро-венгерский варианты записи Рейхштадского соглашения были составлены договаривающимися сторонами не сразу по итогам встречи, а самостоятельно и спустя некоторое время, результатом чего стало появление серьезных разночтений, обнаружившихся лишь осенью 1876 г. в ходе непосредственной работы над текстом Будапештской конвенции. Однако данное утверждение приходит в прямое противоречие с информацией секретаря российского посольства в Вене С.С. Татищева, кстати, убежденного монархиста и горячего патриота. Описывая в своей книге события тех дней, он прямо пишет: «Взаимные обязательства монархов не были занесены в протокол, а только записаны, со слов обоих министров, присутствовавших при свидании, русским послом при венском дворе»²⁰, т.е. Е.П. Новиковым. Аналогичную информацию можно обнаружить и в дипломатической переписке. В докладе А.М. Горчакову от 3 (15) ноября 1876 г.²¹ Е.П. Новиков мимоходом упоминает не только факт своего участия в оформлении австрийского варианта записи соглашения (со слов Д. Андраши), но и составления для руководства российского МИД памятной записки (от 10 (22) июля 1876 г.), в которой излагается содержание этой записи.

В Рейхштадте результатом трудов Е.П. Новикова стало появление двух не вполне идентичных записей: предельно краткого, тезисного варианта, записанного им со слов князя Горчакова, и более развернутого австрийского, записанного со слов графа Андраши. Оба варианта Рейх-

штадского соглашения опубликованы и хорошо известны историкам²². Документ констатировал позицию невмешательства России и Австро-Венгрии в войну Сербии и Черногории с Портой, но на случай поражения турецкой армии оговаривал схему новой конфигурации границ на Балканах. В частности, Россия получала право восстановить «свои естественные границы до 1856 г. и увеличить свою территорию со стороны Черного моря и в Азиатской Турции в той степени, в какой ей это потребуется для установления более удобных границ в этом направлении и в качестве эквивалента за часть территории, присоединяемой к Австро-Венгрии» (австрийский вариант текста). Согласно русской записи текста, Австро-Венгрия приобретала право аннексировать «турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней части Боснии»; согласно австрийской записи – основную часть Боснии и Герцеговины за исключением части Герцеговины, расположенной между Сербией и Черногорией и отходящей к этим княжествам (с границей по течению реки Лима). Территориальные приращения предусматривались для Греции. Константинополь с пригородами получал шанс стать вольным городом. На территории Румелии, Боснии и Албании допускалось появление автономных образований (по русской записи – независимых княжеств). В соглашении особо подчеркивалась недопустимость появления на Балканах нового крупного государства.

Начиная с момента встречи двух императоров и вплоть до конца 1876 г., ссылки на «идеи Рейхштадта» стали постоянной составляющей дипломатической переписки между Петербургом и Венной, тем своеобразным камертоном, с которым обе стороны регулярно сверяли степень приемлемости тех или иных политических инициатив в отношении Балкан. Например, оценивая в начале сентября 1876 г. британское предложение по урегулированию Восточного кризиса, включавшее в себя план перемирия и идею автономного управления для Боснии, Герцеговины и Болгарии, князь Горчаков отмечал, что эта программа не противоречит «идеям Рейхштадта, основная цель которых –

избежать Великой Сербии и обеспечить территориальное увеличение Австрии в случае распада Турции»²³. Именно в духе развития идей Рейхштадта трактовалось и российское дополнение к этому британскому проекту, изложенное в личном письме императора Александра к Францу-Иосифу. Монаршее послание доставил в Вену 14 (26) сентября 1876 г. генерал-адъютант граф Сумароков-Эльстон. В качестве меры принуждения Порты Александр II предлагал следующие меры: параллельное занятие Боснии австро-венгерскими, а Болгарии русскими войсками, вступление в Босфор эскадры великих держав. Информация о содержании этого письма была в тот же день передана русским послом в Лондоне П.А. Шуваловым английскому министру иностранных дел Э. Дерби²⁴.

Франц-Иосиф предложение об оккупации Боснии и Болгарии отклонил, но к идее морской демонстрации перед Константинополем отнесся сочувственно. Комментарии графа Андраши к отказу австрийского императора от этой российской инициативы были изложены Е.П. Новиковым в письме А.М. Горчакову от 20 сентября (2 октября) 1876 г.²⁵. По словам российского посла, аргументы, отвергающие идею оккупации, которые Д. Андраши привел в беседе с графом Сумароковым-Эльстоном, излагались им российской стороне еще год назад*. Сводились они к нескольким пунктам: временная оккупация Боснии и Герцеговины непременно спровоцирует вспышку фанатизма мусульман; австрийской стороне чрезвычайно трудно гарантировать возможность вывода своих войск, поскольку, во-первых, указанные провинции в силу их географического положения

---

* Данная оговорка заставляет вспомнить распространенную в западной историографии версию о существовании российских планов по разделу Османской империи, относящихся ко второй половине 1875 г. – началу 1876 г., о чем еще в начале XX в. писал австро-венгерский историк Е. Вертхаймер. Подробно см.: *Wertheimer E. Graf Julius Andrassy. Bd.2. Stuttgart, 1911. S. 297–298.*

вряд ли будут готовы вернуться под господство Турции, вторых, Западная Европа, скорее всего, благосклонно отнесется к возможности австрийского обладания ими. Поэтому, с точки зрения графа Андраши, отказ Франца-Иосифа от этой комбинации является благом для всех заинтересованных сторон. Что же касается идеи ввода эскадр в Босфор, то позитивная реакция императора, по словам министра, объясняется, прежде всего, желанием обеспечить отсрочку распада Османской империи. Впрочем, по мнению Д. Андраши, российские предложения в любом случае вряд ли имеют шансы на успех, поскольку ориентированы на консенсус великих держав. В связи с трудностями по достижению подобного консенсуса министр предложил обратить внимание на возможность реализации так наз. второго Рейхштадтского решения, т.е. комбинированной военной акции Австро-Венгрии и России. В этой связи Е.П. Новиков посчитал своим долгом отметить, что у него сложилось впечатление о склонности австрийской стороны именно к этому варианту развития событий. «Андраши не намерен ускорять падения Оттоманской империи, – писал он А.М. Горчакову, – но, когда настанет момент, не остановится перед совместными с Россией военными действиями в рамках Рейхштадтских соглашений. ...Андраши сказал, что не последует примеру России, если война не будет развязана самой Турцией, но сохранит нейтралитет, если успехи России не выйдут за рамки Рейхштадта и не создадут угрозы Константинополю»²⁶.

Относительно трудностей в деле достижения международного консенсуса по проблеме Балкан Д. Андраши не ошибся. В Лондоне идея вторжения русских войск в болгарские провинции спровоцировала скандал. Об этом 27 сентября (9 октября) 1876 г. поспешил сообщить императору из английской столицы П.А. Шувалов. Он вынужден был констатировать, что русское предложение вызвало в Англии бурю негодования. Однако эта реакция была обусловлена, по его мнению, «никак не решительной позицией России по отношению к Восточному вопросу, но единст-

венно вероятностью оккупации Болгарии русскими войсками. Английский народ, – подчеркнул он, – желает энергичных мер с целью положить конец турецкому конфликту, но в этом круге идей он не допускает мысли о вступлении наших войск в пределы Оттоманской империи»²⁷. По информации графа Шувалова, ситуация усугубляется еще и тем, что премьер-министр Б. Дизраэли подозревает Россию в подготовке войны с Турцией. Именно как составную часть этой подготовки Б. Дизраэли рассматривает факт упорного лоббирования Петербургом идеи болгарской автономии. Истинную цель учреждения этой автономии он видит в стремлении создать в регионе надежный для России стратегический плацдарм (под видом болгарского государства-сателлита, возглавляемого пророссийски настроенным князем), предназначение которого – помочь Петербургу «удовлетворить свои амбиции в день падения Оттоманской империи»²⁸.

Осенью 1876 г. подозрения английского премьера относительно подготовки России к войне вряд ли можно было назвать абсолютно беспочвенными. Одновременно с отправкой в Вену графа Сумарокова-Эльстона из Ливадии, где в тот момент находились император Александр, канцлер А.М. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин и посол в Стамбуле Н.П. Игнатьев, последовало высочайшее повеление о подготовке к мобилизации войск Одесского, Харьковского, Киевского и части Кавказского военных округов²⁹. Серединой сентября – октябрём 1876 г. датируется и дипломатический зондаж, предпринятый российской стороной для выяснения позиции Берлина на случай проведения ею изолированной военной акции против Порты и возможного конфликта с Австро-Венгрией (справедливости ради, стоит, впрочем, отметить, что аналогичный зондаж был предпринят и со стороны Вены – так наз. миссия барона Мюнха). Не дожидаясь ответа от германского правительства, император Александр провел 3 (15) октября 1876 г. в Ливадии знаменитое совещание с участием цесаревича Александра Александровича, великого князя Нико-

лая Николаевича и министра финансов М.Х. Рейтерна. Обсуждался вопрос о возможности вооруженного вмешательства России в дела Балкан. По запросу императора министр финансов подготовил даже смету расходов на ведение боевых действий, не преминув, впрочем, при этом отметить, что война приведет «не только к расстройству, но... к погрому наших финансовых и экономических интересов»³⁰. На совещании было решено, что в случае разрыва с Турцией основным объектом военных операций станет Константинополь. Позднее, вспоминая события тех дней, великий князь Николай Николаевич, назначенный тогда же главнокомандующим Дунайской армией, писал государю из Сан-Стефано в феврале 1878 г.: «Когда ты объявил мне свою волю назначить меня главнокомандующим действующей армии, я у тебя спросил, к какой цели должен стремиться, ты мне лаконично ответил: «Константинополь!», и ровно через шестнадцать месяцев я, со всею гвардией, под Царьградом»³¹. Тогда же, в начале октября 1876 г., в Ливадии стартовали переговоры с румынским премьер-министром Й. Братиано, посвященные заключению военной конвенции о «проходе российских войск через Румынию, для действия за Дунаем»³².

Именно с этого времени тема войны начала открыто звучать и в дипломатической переписке между Петербургом и Венной. В первых числах октября между императорами России и Австро-Венгрии произошел очередной обмен посланиями, в которых обсуждалось предложение Александра II о своевременности практической реализации так наз. второго Рейхштадтского решения. Суть ответа Франца-Иосифа на предложение русского монарха была изложена Е.П. Новиковым (со слов Д. Андраши) в секретном письме А.М. Горчакову от 11 (23) октября 1876 г.³³. Из пересказа следовало, что австрийский император признал необходимость скорейшей реализации идей Рейхштадта, а именно, параллельного «австро-русского вмешательства», однако оговорил эту реализацию условием – если это вмешательство «будет вызвано сопротивлением Турции». Конкретные

детали будущей совместной операции следовало, по его мнению, оговорить в специальной конвенции. В вопросе о выборе времени для начала военных действий первенство он признавал за Россией. Лишь после этого Австрия намеревалась ввести свои войска в Боснию и Герцеговину. Как писал Е.П. Новиков, Австрия займет «Боснию и Герцеговину, чтобы уже не оставить их, но она не провозгласит того заранее, не объявит даже войны Турции; она вмешается под предлогом необходимости не позволить длиться анархии в приграничных турецких провинциях, правительство которых не способно восстановить порядок». Напротив этой фразы сохранилась помета Александра II: «Это же именно то, чего мы хотели бы, и это совершенно не принято нами во внимание». Что касается заключения двусторонней конвенции, то в ходе ее подготовки особое внимание, по словам Д. Андраши, следовало уделить секретности. По его мнению, весь процесс переговоров и итоговый документ должны были остаться исключительно «тайной двух императоров» и ни в коем случае не стать достоянием министров, «не говоря уж об остальных державах. Только тогда можно будет надеяться на возможность создания впечатления изолированной деятельности, в то время как в действительности она будет происходить в соответствии с заранее условленным планом».

По поводу обсуждаемых в Вене перспектив военных действий Е.П. Новиков высказался абсолютно недвусмысленно в письме А.М. Горчакову от 18 (30) октября 1876 г.³⁴. «Война, – писал он, – а, в сущности, говоря открыто, совместная австро-русская интервенция, будет предусмотрена лишь на случай, если Порта окажет сопротивление программе, происшедшей из европейского согласия, и если это сопротивление выразится в резне. Гипотеза войны, основываясь на этом условии, становится достаточно проблематичной. ...Остается альтернатива, согласно которой мы, принимая во внимание лишь наши собственные нужды, самостоятельно начнем кампанию либо будущей весной, либо раньше. Именно ...ее здесь ожидают от нас. Австро-

Венгрия ответила бы на нее окончательным вводом своих войск в Боснию и Герцеговину... исключительно со ссылкой на свои собственные интересы и с явной целью предохранить свою собственную территорию от анархической заразы соседей... это не будет войной... это будет всего-навсего оккупацией залога, но с тайной мыслью более не возвращать его. Хотя и согласованная с нами, она не представится таковой Европе, поскольку наше согласие останется в тайне».

В переписке между Петербургом/Ливадией и Веной, датированной осенью-началом зимы 1876 г., трудно обнаружить ссылки на какие-либо внешнеполитические события, которые оказывали бы принципиальное влияние на вектор переговоров. Ни победы турецких войск над сербами, ни планы подготовки международной конференции в Константинополе, ни, тем более, активность славянофильски настроенной русской общественности не находили в этой переписке ни должного отражения, ни эмоционального отклика. Исключение составляет, пожалуй, лишь реплика А.Г. Жомини, с досадой брошенная им в письме Е.П. Новикову по поводу принятия Портой русского ультиматума о перемирии: «Если бы он (ультиматум – *И.М.*) был отвергнут, – написал он 21 октября (2 ноября) 1876 г., – это упростило бы нашу позицию в том, что касается характера разрыва, и руки у нас были бы развязаны в том, что касается войны»³⁵.

Создается вполне определенное впечатление, что для узкого круга лиц, посвященных в ход переговоров в Вене, неизбежность скорой войны с Турцией не вызывала сомнений. Во всяком случае, в выявленных документах невозможно обнаружить никаких намеков на нерешительность со стороны высшего политического руководства Российской империи. Начало военных действий в дипломатической переписке наиболее часто связывается с будущей зимой или весной. Что же касается процесса подготовки текста конвенции с Австро-Венгрией, то для него был характерен явно ускоренный режим.

В отечественной историографии прочно утвердилось мнение (обязанное своим появлением очевидцу событий С.С. Татищеву), что переговоры между Е.П. Новиковым и Д. Андраши по подготовке Будапештской конвенции начались в ноябре 1876 г. после получения известия о мобилизации русских войск³⁶. Однако все вышеприведенные документы противоречат этому свидетельству. В связи с этим можно выдвинуть две версии: предположить, что степень секретности, созданная вокруг предварительной стадии переговоров, была до такой степени высокой, что даже секретарь посольства оставался в полном неведении, или же, что С.С. Татищев намеренно искажал истину в угоду соображениям идеологического порядка.

Исходя из выявленных материалов, можно с полным основанием утверждать, что в ноябре 1876 г. начались не переговоры, а непосредственная работа над текстом конвенции. В частности, уже 21 октября (3 ноября) 1876 г. датируются составленные А.Г. Жомини и высочайше утвержденные инструкции для Е.П. Новикова, определившие конкретное содержание основных статей будущего документа³⁷. Поскольку эти инструкции явили собой, в силу своего директивного характера, фактически российскую программу-максимум, предопределившую для Е.П. Новикова весь ход дальнейшей работы над текстом конвенции, имеет смысл процитировать их подробно. «Насколько мы поняли виды императора Франца-Иосифа из письма, которое он направил нашему Августейшему Покровителю, – отмечалось в инструкциях, – кабинет Вены допускает совместную акцию лишь в случае, если распад Оттоманской империи, осуществившись сам собой, вынудил бы Европу желать вмешательства. Его Величество предпочел бы дожидаться этого момента, который, по его мнению, не слишком отдален. Если же, однако, наш Августейший Покровитель счел бы своим долгом предупредить его, действуя незамедлительно, император Франц-Иосиф согласился бы на акцию, независимую на вид, но на деле согласованную таким образом, чтобы вести к общей цели путями, приспособленными

к исключительному положению и к парламентским нуждам Австро-Венгрии. Что касается нас, то нет возможной альтернативы. Россия слишком взволнована событиями, происходящими на Востоке, она в них слишком непосредственно заинтересована ...Его Величество не верит более в европейскую дипломатию ...Император полон решимости действовать самостоятельно и без промедлений. Мы должны, таким образом, основывать наш союз на второй из альтернатив, предложенных в письме Франца-Иосифа. Речь идет о том, чтобы связать оба правительства точными обязательствами. ...Такова задача, которую доверяет Вам наш Августейший Покровитель. Первая фаза будет главным образом дипломатической. Австрия обязуется занять позицию абсолютно благожелательного нейтралитета по отношению к изолированной акции России. Она парализовала бы этой позицией попытки коллективного вмешательства или посредничества, которые, возможно, предпримут другие кабинеты. ...Поскольку любое решение Европы на основании договора от 18 (30) марта и отдельного договора от 15 апреля 1856 г. требует единодушия держав-участников договоров, от Австро-Венгрии зависело бы сделать это единодушие невозможным. ...На этой стадии вопроса необходимо будет уточнить практические меры, посредством которых эта позиция благожелательного нейтралитета должна была бы претвориться в военную точку зрения. Следует обусловить, в частности: 1) чтобы австро-венгерское правительство оказало содействие организации русских санитарных заведений по линии железной дороги Лемберг-Черновиц, так же как движение вагонов, необходимых санитарной службе, из Царства Польского в Румынию и обратно; 2) чтобы оно не чинило никаких препятствий членам комиссии и агентам русского правительства, осуществляющим в пределах австрийской территории закупки и заказы предметов, необходимых русской армии, и заключению с железнодорожными и пароходными компаниями контрактов о военных перевозках (за исключением войск) и фурнитуре для судов и вагонов. В случае если венский кабинет

сочтет необходимым вступить в Боснию, момент и способ приступить к этому будут зависеть от его суждения. Следует, однако, пожелать, чтобы эта мера была лишена всякого признака враждебной нам оппозиции даже в том случае, если она не приобретет характера солидарности с нашей оккупацией Болгарии. Во всяком случае, необходимо будет, чтобы венский кабинет обязался не распространять зоны своего военного влияния на Румынию, Сербию, Герцеговину и Черногорию. Главное, чтобы эти страны сформировали сплошную зону, предназначенную предохранить от всякого контакта армии обеих империй. Австрийское правительство должно будет, равным образом, обязаться ни в чем не стеснять ни наших военных операций, ни операций христианских провинций, которые присоединятся к нам против турок. Есть, наконец, один деликатный вопрос, который венский кабинет, должен помочь нам разрешить. Это вопрос о Дунае. Необходимость устроить там порт и защитить его от турецких канонерок вынудит нас создать временные трудности для навигации на этой реке, гарантированной договорами. Мы должны приготовиться к протестам. Венский кабинет... будет в состоянии смягчить эту проблему до размеров временного инцидента, неизбежного в случае войны, но не задевающего великих принципов, сохранение которых интересуется Европу. С этой целью мы готовы, со своей стороны, взять формальные обязательства соблюдать принцип нейтралитета Дуная и восстановить его, как только нужды войны позволят это сделать. Время года, естественно приостанавливающее судоходство по этой реке, облегчит венскому кабинету задачу устранения дипломатических трудностей, которые могли бы возникнуть вокруг этого вопроса. Останется, наконец, урегулировать последствия войны. Они могут составить предмет отдельного обязательства. В этом акте необходимо будет четко уточнить объем взаимных выгод, которые оба двора выговаривают для себя, сообразовываясь с тем, что было условлено в Рейхштадте ...».

Данные инструкции имели характер официального, открытого для австрийской стороны документа. Одновременно с ними Е.П. Новиков получил датированные тем же числом секретные разъяснения³⁸. При оформлении конвенции послу было рекомендовано обратить особое внимание на точность формулировок, учитывая, как было сказано, все риски, связанные с конституционным характером монархии Габсбургов. В частности, отмечалось: «Мы должны оградить себя от парламентских сюрпризов; конституционные правительства подчинены им и всегда могут прикрыться ими. Именно это соображение вы должны в особенности иметь в виду. ...Возможно, вы сочтете необходимым заключить открытый акт и секретный договор. Мы не имеем ничего противного. Подпись императора Франца-Иосифа имела бы значение обязательства чести. Этот секретный акт должен был бы содержать регламент последствий войны и четко определить размер приобретений, на которые претендует Австрия». Особое беспокойство А.Г. Жомини вызывала проблема аннексии Герцеговины, которая, согласно австрийской записи Рейхштадского соглашения, должна была стать зоной австрийской оккупации, а в русской оказалась должным образом не прописана. Трудно сказать, было ли это беспокойство временно управлявшего делами российского МИД чиновника искренним, вызванным плохим знанием ситуации, или являлось частью задуманного Петербургом торга. В пользу первого предположения говорит жалоба на Д. Андраши, высказанная А.Г. Жомини российскому послу: министр «обещал мне подробную карту Боснии» с обозначением зон, отходящих к Австро-Венгрии, но до сих пор «ее не направил». Перед Е.П. Новиковым была поставлена задача прояснить данный вопрос в ходе консультаций. Впрочем, сопровождающая фраза – «Мы не хотим сутяжничать из-за размеров приобретений», явно намекала на нежелательность превращения этого пункта в яблоко раздора. В качестве ответного жеста от австрийской стороны ожидалось понимание озабоченности России в отношении ее приобретений на востоке Балкан («на-

ша умеренность дает нам право требовать определенной взаимности»).

В тот же день, которым датированы инструкции Е.П. Новикову, император Александр принял в Ливадии британского посла лорда Лофтуса и постарался развеять подозрения английской стороны относительно агрессивных планов России на Балканах. Сохранился опубликованный С.С. Татищевым подробный пересказ письма британского посла министру иностранных дел Э. Дерби с отчетом об этой аудиенции³⁹. В ходе беседы обсуждалась тема созыва международной конференции. Учитывая высокую вероятность ее провала, император высказался в пользу свободы действий для России на Балканах. При этом он подчеркнул, что Россия не стремится к завоеваниям, он «дал священное честное слово», что не имеет намерения завладеть Константинополем, прибавив, правда, что если обстоятельства и вынудят его занять часть Болгарии, то лишь на время – для обеспечения мира и безопасности христиан.

Спустя несколько дней император Франц-Иосиф принял по просьбе Александра II посла Е.П. Новикова в связи с возложенным на того неким секретным поручением. Этим поручением оказался акт официального вручения австрийскому императору вышеупомянутых открытых инструкций. Подробный отчет об этой аудиенции посол отправил канцлеру А.М. Горчакову 3 (15) ноября 1876 г.⁴⁰. По его наблюдениям, реакция императора на предложения российской стороны была в высшей степени позитивной. «Я смог констатировать, – пишет он, – как трудно ему было освоиться с идеей неизбежной и близкой войны России с Турцией, но все-таки он с ней смирился». Прочитав документ, Франц-Иосиф несколько раз повторил: «Мы, видимо, договоримся», добавив, что предстоит только сделать несколько уточнений, например, относительно фразы о «не распространении» зоны австрийского военного влияния на Герцеговину. Благодаря этому повороту разговора Е.П. Новикову удалось вызвать императора на обсуждение темы аннексии Герцеговины. Франц-Иосиф высказался на этот счет следу-

ющим образом: «Эта провинция была включена в Рейхштадте в сферу нашего влияния. Впрочем, мы не претендуем на то, чтобы полностью обладать ею. Было решено, что Черногория должна иметь в ней свою долю». Е.П. Новиков заметил в ответ, что в представлении российского кабинета, в Рейхштадте речь шла «главным образом о части Герцеговины, соседствующей с Черногорией и Старой Сербией», на этом тема была закрыта. Однако в своем докладе в Петербург Е.П. Новиков посчитал долгом дать необходимые разъяснения. «На вероятную аннексию большей части Герцеговины, – напомнил он, – как входящей в треугольник, заключенный между Далмацией, Хорватией и Словенией, было указано мне графом Андраши еще во время встречи в Рейхштадте в числе предрасположений, касающихся будущего. ...Впрочем, поскольку узкая полоса земли, отделяющая сегодня Сербию от Черногории, была в этой же записке присуждена обоим княжествам, с руслом Лима в качестве границы между ними, это уже формирует ту сплошную зону, на необходимость которой указывают мои инструкции и которая предназначена предохранять армии двух империй от непосредственного контакта».

К моменту аудиенции у Франца-Иосифа процесс работы над текстом будущей конвенции был в самом разгаре. Об этом Е.П. Новиков сообщил А.М. Горчакову в другом письме, датированном тем же 3 (15) ноября 1876 г.⁴¹. Он отметил, в частности, что пункт о единстве действий на Константинопольской конференции разногласий не вызывает, в том числе и по вопросу о предоставлении Болгарии статуса автономии. Д. Андраши без труда поддержал идею доброжелательного нейтралитета Австро-Венгрии в случае начала Россией изолированной военной акции. При обсуждении вопроса о методах противодействия странам-гарантам Парижского мирного договора (в случае начала изолированной военной акции России) Д. Андраши заметил: «Если Вы вступите в Турцию, а Англия и Франция обратятся к нам, чтобы именем Конвенции потребовать прекращения использования силы..., мы заявим, что не расце-

ниваем ваши передвижения как повод к войне». Австрийский министр согласился также с необходимостью создания нейтральной зоны, которая надежно разделила бы две армии от контакта.

Уже 14 (26) ноября 1876 г. Е.П. Новиков отправил в Петербург составленный им проект будущей конвенции⁴². Параллельно этот же текст он представил на рассмотрение Д. Андраши. Проект предполагал достижение следующих договоренностей. В первом параграфе значилось: осуществлять действия, «независимые на вид, но на самом деле согласованные, которые отвечали бы общим предвидениям и частной позиции обоих государств». Во втором параграфе констатировалось: «согласие по вопросу о необходимости потребовать на конференции в Константинополе широкой автономии, окруженной серьезными гарантиями, для Болгарии». В третьем и четвертом параграфе австрийская сторона обязалась соблюдать в случае начала Россией военных действий «позицию благожелательного нейтралитета и парализовать, таким образом, попытки вмешательства или коллективного посредничества, которые могли бы быть приняты другими державами, как в ходе конференции, так и позднее». Параграф пятый был посвящен проблеме судоходства на Дунае. Шестой и седьмой – конкретным вопросам технического взаимодействия в ходе предстоящей военной операции. Имелось в виду содействие австрийской стороны в организации русских временных госпиталей на железнодорожных линиях Краков – Леополь (Львов) – Черновцы (между Границей и Сучавой) с ветками на Волочиск и Броды, допуск русских раненых в местные госпитали «по ныне действующему австрийскому военному тарифу»; благоприятствование перемещению российских железнодорожных составов из Королевства Польского в Румынию и обратно, а также деятельности агентов по закупкам «предметов, необходимых для русской армии, и заключению с железнодорожными и пароходными компаниями контрактов на военные перевозки» (за исключением войск) и на поставку судов и вагонов. В восьмом параграфе за Австро-

Венгрией оговаривалось право «свободы выбора и способа занятия Боснии своими войсками». В девятом параграфе стороны принимали взаимные обязательства не стеснять друг друга в ходе проведения военных операций и не распространять сферы своего влияния: Россия – на Боснию (и многоточие), Австрия – на Румынию, Сербию, Черногорию (и многоточие). Предполагалось создание нейтральной зоны. Десятый параграф налагал на австрийскую сторону обязательство не стеснять военные действия русских войск и военные операции христианских провинций, которые желали бы объединиться с Россией против Порты. Русская сторона брала на себя аналогичное обязательство в отношении операций австрийских войск. Одиннадцатый и двенадцатый параграфы указывали на необходимость заключения дополнительной конвенции, касающейся урегулирования территориальных изменений на Балканах. Стороны брали на себя обязательство сохранять достигнутые договоренности в строгой тайне.

Замечания российского руководства к проекту Е.П. Новикова были изложены послу в депеше от 23 ноября (5 декабря) 1876 г.⁴³ В документе сообщалось, что проект одобрен царем и что по большинству пунктов возражений не имеется. Конкретные замечания министра иностранных дел касались параграфа, посвященного определению территории военной оккупации и нейтральных зон. А.М. Горчаков не высказал никаких возражений против распространения зоны военного влияния Австро-Венгрии на Герцеговину, но указал на желательность создания нейтральной зоны на той части ее территории, которая отделяет Сербию от Черногории. Особое внимание он уделил статусу Сербии и участию ее населения в предстоящей войне. Этой теме министр посвятил наибольшее количество строк, что указывает на ее важность для Петербурга. «Если бы австрийское правительство согласилось на совместную акцию, – писал он, – было бы естественным сохранить нейтралитет как Сербии, так и Черногории. Но в случае единоличного действия Россия не может отказаться от содействия этих двух стран;

кроме того, невозможно было бы удержать их народы от вооруженных действий, а в таком случае следует урегулировать организацию их военных действий. В остальном Россия не намерена осуществлять там иного влияния, кроме того, которое по необходимости отвечает военным требованиям. Россия согласна также на освобождение от ее влияния, в случае необходимости, западной части Сербии, граничащей с Боснией. Но полный нейтралитет Сербии и Черногории невозможен для России, так же как и введение в Сербию и Черногорию австрийских войск или распространение на них австрийского военного влияния».

Предварительные замечания Д. Андраши к проекту (до ознакомления с ним императора Франца-Иосифа) касались в основном конкретных деталей. Они были изложены Е.П. Новиковым в докладе А.М. Горчакову от 16 (28) ноября 1876 г.⁴⁴. Основные проблемы возникли в связи с обсуждением вопросов военно-технического взаимодействия. Д. Андраши обещал содействие венского кабинета в организации санитарных учреждений и приеме русских раненых в австрийские госпитали по действующему войсковому тарифу. Рядом с этой фразой сохранилась помета Александра II: «Это уже больше, чем я надеялся». Однако министр категорически возражал против военного транзита, ссылаясь на нарушение статуса нейтралитета Австро-Венгрии. Сложными для обсуждения оказались вопросы о нейтральной зоне, о границах русской оккупации и участии в войне местных христиан. Д. Андраши воспринял в качестве технической ошибки включение в нейтральную зону территории Герцеговины. Он напомнил, что аннексия большей части этой провинции в пользу Австро-Венгрии была оговорена в Рейхштадте. Рядом с этой фразой сохранилась помета Александра II: «Нет, речь шла лишь о части Боснии».

Исходя из этой реплики русского императора, можно предположить, что в Рейхштадте все же могла иметь место элементарная путаница в терминологии. Дело в том, что во второй половине XIX в. Босния и Герцеговина составляли единый Боснийский вилайет, фигурировавший в докумен-

тах того времени чаще всего под общим названием «Босния»⁴⁵. В частности, именно этим термином обычно именовал Д. Андраши (и не только он) обе территории в переписке со своими дипломатами⁴⁶. Е.П. Новиков и А.М. Горчаков, как профессионалы в делах Балкан, и судя по их переписке, были в курсе данного обстоятельства, но, исходя из пометы Александра II, русский император, похоже, этого действительно мог не знать (равно, кстати, как и А.Г. Жomini). Впрочем, в дальнейшем эта тема на переговорах более не всплывала. Из этого факта можно сделать лишь один вывод: необходимая информация Александру II была предоставлена.

Что касается других замечаний Д. Андраши к проекту, то одни из наиболее серьезных касались определения границ нейтральной зоны. Министр настаивал на включении в нее Сербии, Черногории и разделявшего их участка Герцеговины. С этим пунктом Александр II также не был согласен. «Это то, чего мы не можем допустить», – оставил он помету. Однако в итоговый текст Будапештской конвенции вошел именно данный вариант. Большие сомнения вызвало у Д. Андраши желание России использовать военный потенциал местных христиан. На его взгляд, эта попытка могла, спровоцировав ожесточенные этнорелигиозные конфликты, привести к анархии, способной угрожать безопасности приграничных австрийских провинций. Он также опасался, что участие балканских народов в военных действиях могло породить с их стороны претензии на самостоятельность при определении будущих границ в регионе (без учета договоренностей, достигнутых между Россией и Австро-Венгрией). Е.П. Новиков подобные опасения не разделял. Он полагал, что «это анархическое движение перестанет быть опасным, когда будет управляться Россией». Рядом с этими словами сохранилась помета Александра II: «Я надеюсь на это». Опасения Д. Андраши относительно возможных территориальных претензий славян вызвали у императора не понимание, а лишь язвительный комментарий: «Это высшая степень коварства, ибо он хотел бы, что-

бы Австрии, а не нам обе эти провинции были обязаны увеличением». Д. Андраши не упорствовал. В окончательном варианте конвенции было записано, что австрийское правительство «не будет противиться комбинированным действиям сербских и черногорских сил вне пределов их государств совместно с русскими войсками».

После консультаций с императором Францем-Иосифом Д. Андраши подготовил для обсуждения с российской стороной отредактированный им текст. Предложенный им вариант конвенции⁴⁷ максимально полно совпадает с подписанным в Будапеште официальным документом. Разночтения касаются главным образом статьи VIII. Д. Андраши предложил формулировку, предполагающую не распространять военные операции австрийских войск на Румынию, Болгарию, Сербию и Черногорию. В окончательном варианте текста записано – на Румынию, Сербию и Черногорию. В отношении аналогичных обязательств российской стороны расхождения следующие: в проекте Е.П. Новикова значилась лишь Босния и многоочие, у Д. Андраши и в подписанном в Будапеште документе – Босния, Герцеговина, Сербия и Черногория. Кроме того, русский посол предлагал поместить столь важный для российской стороны пункт об автономии Болгарии в статью II, у Д. Андраши и в итоговом варианте он помещен в статью I.

Значительная часть заключительной стадии переговоров, прошедшей в Будапеште, куда Е.П. Новиков прибыл 20 ноября (2 декабря) 1876 г., была посвящена конкретным вопросам военно-технического взаимодействия. Именно по этим вопросам (в отличие от политической составляющей конвенции) договаривающиеся стороны никак не могли прийти к консенсусу. В данной связи военный министр Д.А. Милютин даже предоставил российскому послу особые полномочия, о чем канцлер А.М. Горчаков сообщил Е.П. Новикову в телеграмме от 16 (28) ноября⁴⁸. Переговоры проходили трудно. Российской стороне так и не удалось включить в текст разрешение на передвижение российских

транспортов по железным дорогам Австро-Венгрии, в том числе из Царства Польского в Румынию⁴⁹.

Окончательный вариант текста быстро прошел процедуру необходимых согласований в Петербурге, откуда 15 (27) декабря 1876 г. был направлен обратно Е.П. Новикову⁵⁰. В сопроводительном письме отмечалось, что император «ничего не имеет возразить против соображений» (т.е. поправок) графа Андраши и доверяет австрийскому министру «самому составить на этих основаниях акт». Согласно изложенной в письме высочайшей воле, военная конвенция должна была быть подписана незамедлительно, причем, одновременно с подготовленным в ходе переговоров дополнительным секретным актом, «имеющим такую же силу и значение».

По информации С.С. Татищева, готовый текст обеих частей конвенции был направлен Александром II с личным письмом германскому императору Вильгельму 31 декабря 1876 г. (из текста не очень понятно, о каком стиле – старом или новом, идет речь, поскольку автор склонен по своему усмотрению использовать оба варианта)⁵¹. По сведениям того же источника, хотя в качестве официальной даты подписания Будапештской конвенции значится 3 (15) января 1877 г., однако из-за интриг О. Бисмарка этот акт состоялся на самом деле значительно позднее – в начале апреля 1877 г.⁵², т.е. в самый канун русско-турецкой войны. Данная точка зрения, дополненная предположением о одновременном подписании двух частей Будапештской конвенции⁵³, получила статус общепризнанной в отечественной историографии. Однако документальных подтверждений тому в выявленных материалах обнаружить не удалось. Впрочем, это обстоятельство в данном случае не столь важно. Гораздо важнее, что итоговый текст конвенции⁵⁴, почти полностью совпадающий с проектом Е.П. Новикова и полученными им высочайше утвержденными инструкциями, можно без преувеличений считать безоговорочным свидетельством успеха отечественной дипломатии. Из основных положений российской программы-максимум посол не смог

добиться включения в окончательный вариант текста лишь пункта о военном транзите через территорию нейтральной Австро-Венгрии и появления на документе подписи императора Франца-Иосифа.

В заключение можно констатировать, что документальная история подготовки Будапештской конвенции оставляет не слишком много места для рассуждений о «пассивности» и «нерешительности» русского императора и правительства в целом накануне войны 1877–1878 гг., о бескорыстной защите Россией интересов балканских славян, о тяжелых и вынужденных дипломатических уступках Габсбургам, о том, что в 1875–1877 гг. на позицию русского самодержавия едва ли не решающее влияние оказывало общественное мнение внутри страны. Скорее эта история достаточно наглядно иллюстрирует наличие у высшего политического руководства России ясного понимания национальных интересов прежде всего собственного государства (в том виде, как они ему на тот момент представлялись), твердой воли и последовательности в их реализации, причем, вне зависимости от соответствия оных надеждам, чаяниям и претензиям турецких христиан.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. Д. 127, 128, 129.

² *Попов Џ.* Srbija na puti oslobođenja. 1808–1878. Београд, 1980; *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији у 19 веку. Београд, 1982; *Екмечић М.* Устанак у Босни. 1875–1878. Београд, 1996; *Екмечић М.* Друго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку. 1492–1992. Београд, 2008; *Войводић М.* Русско-сербские отношения периода Восточного кризиса 1875–1878 гг. в сербской историографии // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010.

³ *Seton-Watson R.* Disraeli, Gladstone and Eastern Question. London, 1935; *Harris D.* Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875–1878. Stanford – London, 1936; *Sumner B.* Russia and the Balkans. 1870–

1880. Oxford, 1937; *Hegedüs R.* The Foreign Policy of Count Julius Andrassy // *The Hungarian Quarterly.* 1937. V. 3. № 3/4; *Rupp G.* Wavering Friendship. Russia and Austria 1876–1878. Cambridge, London, 1941; *Bridge F.* From Sadowa to Serajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866–1914. London, 1972; *Mac-Kenzie D.* The Serbs and Russian Pan-slavism. 1875–1878. New York, 1967; *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007.

⁴ *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., 1923; *Пушкаревич К.А.* Балканские славяне и русские освободители: Славянские комитеты и события на Балканах перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг. // Труды Института славяноведения АН СССР. М.–Л., 1934.

⁵ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; *Киняпина Н.С.* Външната политика на Русия през XIX в. София, 1980; Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) М., 1999; История дипломатии. М., 2005; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006; *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005; *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010; История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878. М., 2012.

⁶ *Вяземская Е.К.* Восстание в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 г. – апрель 1877 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Вяземская Е.К.* Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. // Советское славяноведение. 1984. № 1; *Вяземская Е.К.* Из предыстории Будапештской конвенции 1877 г. ИНИОН РАН. Деп. рук. № 17124. М., 1984.

⁷ История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время. 1872–1919. М., 1945; История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время. 1871–1914. М., 1963.

⁸ История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 95, 111. История дипломатии. М., 2005. С. 596.

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 112. Л. 557–562.

¹⁰ Там же. Д. 114. Л. 119–119 об.

¹¹ Там же. Д. 113. Л. 12–17.

- ¹² *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1996. С. 278.
- ¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 86. Л. 29–29 об.
- ¹⁴ *Hegedüs R.* Op.cit. P. 629.
- ¹⁵ *Harris D.* Op.cit. P. 292.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 66.
- ¹⁷ Там же. Д. 128. Л. 206–211.
- ¹⁸ *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 176; *Конобеев В.Д., Мазаев В.И.* Россия и национально-освободительное движение болгарского народа (от Апрельского восстания 1876 г. до русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878–1978. М., 1978. С. 16.
- ¹⁹ *Вяземская Е.К.* Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. С. 29–30.
- ²⁰ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 294.
- ²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 292–298 об.
- ²² Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 гг. М., 1952. С. 144–148.
- ²³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 181 об.
- ²⁴ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 303.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 294–299 об.
- ²⁶ Там же. Л. 282–288 об.
- ²⁷ Там же. Д. 76. Т. 2. Л. 165–167.
- ²⁸ Там же. Д. 76. Т. 1. Л. 229–232.
- ²⁹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 315.
- ³⁰ *Степанов В.А.* Михаил Христианович Рейтерн // Отечественная история. 1994. № 6. С. 47.
- ³¹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 436.
- ³² Российский государственный Военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 485. Д. 1568. Л. 2–2 об.
- ³³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 308–313 об.
- ³⁴ Там же. Л. 314–320 об.
- ³⁵ Там же. Д. 129. Л. 202.
- ³⁶ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 331–332.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 215–220 об.
- ³⁸ Там же. Л. 207–210 об.
- ³⁹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 308–310.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 292–298 об.

⁴¹ Там же. Л. 306–311.

⁴² Там же. Л. 330–337 об.

⁴³ Там же. Д. 129. Л. 281–286.

⁴⁴ Там же. Д. 128. Л. 341–350.

⁴⁵ *Ripp G.* Op.cit. P.145.

⁴⁶ *Вяземская Е.К.* Из предыстории Будапештской конвенции 1877 г. С. 17.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 434–443.

⁴⁸ Там же. Л. 388 об.

⁴⁹ Там же. Л. 389.

⁵⁰ Там же. Д. 129. Л.317–317 об.

⁵¹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 334.

⁵² Там же. С. 334–335.

⁵³ Например, авторы «Истории дипломатии» (Т. 2. М., 1963. С. 112), а за ними и большинство советских историков относят датировку основной части конвенции к 3 (15) января 1877 г., а ее дополнительной части к 6 (18) марта 1877 г.

⁵⁴ Сборник договоров России с другими государствами. С. 149–155.

ДРУГАЯ СТОРОНА САН-СТЕФАНО

Сан-Стефано – образ, который связывал Россию и Болгарию на протяжении многих десятилетий. Следы этой связи легко обнаруживаются и сейчас. Это не только празднование 3 марта – дня подписания Сан-Стефанского мирного договора, ставшего государственным праздником Болгарии. Особые следы этой связи – в памяти людей старшего поколения: сильная родовая память, свойственная болгарам, понуждает передавать события прошлого от отца к сыну, от сына к внуку и так далее. Она отражается и в работах ряда болгарских историков, продолжающих чувственно, эмоционально переживать так и не ушедшую от них эпоху, с особым вниманием относиться к фактам и документам.

В трудный переходный период 1990–2000-х гг. Сан-Стефано как традиционный и долговременный национальный идеал, в который болгары привыкли верить, был «уволнен в отставку». И это повергло многих в уныние, привело на распутье: что же теперь считать национальным идеалом, как жить дальше? Такие вопросы не раз приходилось слышать в болгарских радио- и телепередачах. Казус Сан-Стефано расширил круг «простых» болгар, интересующихся подробностями его происхождения и истории.

В этом свете неудивительно выступление софийской газеты «Стандарт» в канун 135-й годовщины Освобождения Болгарии: ее редакция, избежав юбилейных шаблонов, предложила ученым-историкам ответить на несколько конкретных вопросов, до конца не проясненных в науке. В частности, на вопрос о том, каким же образом, в условиях Восточного кризиса 1870-х гг. и жесткой борьбы великих держав Запада против стремления России усилить свои позиции на Балканах, им все же удалось достичь общего консенсуса, как это случилось на Константинопольской конференции 1876 г., где и был предложен и даже принят российский проект «Великой Болгарии». В литературе этот факт просто фиксируется, как таковой. Или на вопрос об отстаивании графом Н.П. Игнатьевым обширных сан-стефанских границ

нового болгарского государства, в то время как Россия в предварительных Рейхштадском, Будапештском и Лондонском соглашениях брала обязательство не создавать «Великую Болгарию»^{1*}. К этим темам можно присовокупить и другие подобные, например, зачем России нужна была «Большая Болгария», какую роль в создании казуса Сан-Стефано сыграл лично граф Н.П. Игнатъев.

О том, что означало для Болгарии Освобождение из-под власти турецкого султана и о как бы «завещанных» в Сан-Стефано приобретениях, в том числе касательно территории, делавшей ее едва ли не гегемоном на Балканах, написаны горы научной, популярной и пропагандистской литературы. В исследованиях болгарских и отечественных историков, занимавшихся проблемой Сан-Стефано, первоначальное внимание традиционно отводилось и отводится именно Константинопольской конференции послов (декабрь 1876 – январь 1877 гг.), ибо на ней, впервые на международном уровне, были очерчены границы будущей Большой Болгарии. Как и ее герою генералу Н.П. Игнатъеву, олицетворявшему «начало начал» болгарского национального идеала. На этих «константах» концентрировалось внимание ученых. Обозначенный тогда образ Сан-Стефано, благодаря неустанному повтору стал затем ассоциироваться с болгарским национальным идеалом. Усилиями политиков, интеллигенции, разного рода энтузиастов-идеалистов представление о сан-стефанском предназначении Болгарии глупо вошло в сознание болгарского народа.

Этому не помешало обстоятельство, что Сан-Стефанский договор не был реализован, просуществовав на бумаге всего три месяца. На международном конгрессе 1878 г. в Берлине он был заменен известным трактатом.

---

* Здесь неточность: Будапештское (январь 1877 г.) и Лондонское (март 1877 г.) соглашения хронологически не могли предвещать решения Константинопольской конференции.

Берлинский конгресс поставил крест на многих планах и мечтаниях российской общественности, особенно славянофильской, требовавшей решения якобы исторической задачи России – осуществить полное освобождение славян. Ведь именно славянофилы так горячо подталкивали в 1877 г. монарха к объявлению войны Турции. Широкая пропагандистская кампания 1875–1877 гг. в России явилась примером сознательного идеологического воздействия на массовое сознание населения со стороны лидеров славянофильского течения с его главным тезисом о мессианском предназначении России. Для этого целеустремленно были задействованы такие институты, как славянские комитеты, распространенные по всей стране, церковь, пресса². В скобках скажем, что феномен общественного движения, организованного для достижения определенной цели, еще не раз проявил себя (и проявляет) в России, да и в Болгарии тоже (например, летом 1912 г.), причем, как правило, становясь средством подталкивания страны к войне. Эксплуатируя чувство человеческого сострадания, заинтересованные круги организуют на свой лад общественное движение, ориентируя его на рискованные действия. Что и порождает циничное правило политиков: «пропаганда питается болью».

* * *

Добиться в тяжелой войне 1877–1878 гг. задуманного России в полной мере не удалось. И все чаще в российском обществе стали возникать сомнения и скептицизм в отношении характера внешней политики страны, сожаление из-за ее недостаточного прагматизма. Внутророссийские процессы не были однолинейными. Наряду с сохранением влияния славянофильства, в среде которого почитался высокий авторитет Н.П. Игнатьева, росло желание реально оценить произошедшее. Одним из наибольших разочарований российской общественности стало осознание того, что балканская действительность сильно отличается от пропагандировавшихся идеальных представлений о «славянской

взаимности». Еще в 1877 г. князь В. П. Мещерский опубликовал по возвращении с сербско-турецкой войны книгу «Правда о Сербии», где рассказал о покоробившем его «раздрае» среди балканских славян (болгары против сербов, сербы против болгар и т. п.) и об их «странном» отношении к русским. Мещерский огорченно ухватил главное: русские, писал он, на войну «отправились с мыслью найти братьев. Они нашли народ, в котором образованная его часть считает себя выше русских и стыдится перед Европой братством с русскими, а низшая часть – народ, в главных проявлениях своего духовного мира равнодушен к русским, потому что не дорос до понимания их». Причину неготовности русских к встрече с балканцами он понял так: «Мы виноваты в том, что не предвидели событий сегодняшних, не позаботились вчера о том, чтобы Ристичи воспитывались для Сербии в России, а не в Париже»³.

Если в 1878 г. дипломатическое поражение в Берлине воспринималось российским обществом преимущественно эмоционально (как тут не вспомнить знаменитую речь И. С. Аксакова, приведшую к его высылке, а Славянский комитет к закрытию), то спустя время проявились и плоды восприятия событий 1877–1878 гг. сквозь призму критического анализа. Хотя, естественно, и эта критика была окрашена в тона, свойственные идеологии продолжавшейся патриотическо-православной эпохи. Все же Александр III во внешней политике стал несколько больше заботиться о собственных интересах России. Изменилось и отношение к Болгарии. Из одаряемой вниманием императора и сочувствием широкой российской общественности она перешла в положение враждебной страны, правда, в основном из-за неприятия царем болгарского князя Александра Баттенберга и распри между ними. В июле 1886 г. император утвердил программу и условия дальнейших взаимоотношений с Болгарией, в которой имелся примечательный пункт: «Не преследовать во что бы то ни стало дальнейшего разрешения болгарского вопроса в смысле создания Великой Болгарии, а предоставить его последователь-

ное развитие политическим нуждам...»⁴. Так для великодержавной России окончилась практика, связанная с мифическим Сан-Стефанским проектом. В августе того же года официальные отношения с Болгарией были прерваны на целых десять лет.

В такой обстановке вновь проявили себя круги, не забывшие об общественных «балканских разочарованиях» 1878 года, в частности, – о Сан-Стефано и Берлинском конгрессе. В 1888 г., в очередную годовщину подписания прелиминарного мирного договора, на страницах русского журнала «Гражданин» развернулась полемика, своеобразно осветившая события недалекого прошлого. Этот редко используемый источник, до некоторой степени приоткрывающий завесу над тайной Сан-Стефано, интересен и для нас нынешних.

Участников полемики в журнале «Гражданин» (редактор В.П. Мещерский) интересовали вопросы – как мог случиться с Россией такой внешнеполитический провал в Берлине, кто виноват в дипломатическом унижении великой страны, какие ошибки допустил граф Игнатъев и др. Писатель и публицист Владимир Петрович Мещерский был довольно крупной фигурой на крайнем правом идеологическом фланге царской России. Свою тогда еще газету «Гражданин» он основал в 1862 г. (позже стала именоваться как газета-журнал). Это издание из-за близости редактора сначала к Александру II, а потом к Александру III, считали проправительственным.

Одним из поводов для критического выступления некоего анонимного автора в «Гражданине» послужил выход в свет «исторической справки» С.С. Татищева. В ней известный публицист в весьма благожелательном духе поведал о том, как в ноябре 1877 – январе 1878 гг. составлялись планы и проекты мирного договора с Турцией. В свое время 30-летний Сергей Спиридонович Татищев участвовал в русско-турецкой войне, был ординарцем генерала Э.И. Тотлебена, возглавившего главное командование войсками после отставки великого князя Николая Никола-

евича. Татищев, кроме того, присутствовал в Адрианополе и Сан-Стефано во время мирных переговоров с турками, а в 1881–1883 гг. состоял чиновником особых поручений при ставшем министром внутренних дел графе Н.П. Игнатьеве (уволен с дипломатической службы в 1878 г.). Иными словами, он был не только свидетелем важных событий, но имел непосредственные контакты с Игнатьевым и, очевидно, не избежал его влияния.

Позиция Татищева, выраженная в его сочинении, вызвала бурную реакцию в печатном органе Мещерского. В №122 от 3 мая 1888 г. «Гражданина» неназванный автор опубликовал статью «Larsus memoriae у г. Татищева». Автор статьи обращал внимание читающей публики на то, о чем, по его мнению, в «исторической справке» не говорилось вообще, а именно: на *последствия* Сан-Стефанского договора, которые и привели к «печальной памяти» Берлинскому трактату. «Гражданин» требовал от Татищева «полного беспристрастия», особенно, «когда пишешь не памфлет, а историческую правду». В представленном же сочинении Татищева «деятели Сан-Стефанского /договора/ оказались в сиянии ангельской невинности», в то время как виновники Берлинского – под обвинительным приговором.

Нельзя не отметить справедливость этих претензий автора «Гражданина», констатировавшего случайное или намеренное игнорирование внутренней («иерархической») связи между первым и вторым договорами. Но, как ни странно, именно татищевский, действительно необъективный, подход к освещению истории двух договоров 1878 г. оставался довлеющим на всем протяжении существования мифа о Сан-Стефано, вплоть до наших дней. Такой подход присущ и многим современным историкам. В болгарской литературе до сих пор преобладает мнение о «хорошем, белом Сан-Стефанском договоре» и «плохом, черном Берлинском».

Далее автор «Гражданина», ссылаясь на результат собственного, «внимательного рассмотрения бед России по болгарскому вопросу», выделяет роль личности дипломата Н.П. Игнатьева, который «по какому-то странному недора-

зумению пользуется незнанием публики всей дипломатической эпопеи с самого начала болгарского вопроса, чтобы пребывать нерушимо в ореоле какого-то подвижника патриотизма для России, коего великие дела будто бы разрушили русские дипломаты год спустя – на Берлинском конгрессе». И если Татищев, продолжает критик, никак не связывает «невыгодное положение России после войны 1877 г.» с предыдущими действиями Игнатьева, то сам он открыто заявляет: Игнатьев был тем, кто поставил русских послов в Берлине в положение оправдывающихся перед Европой, хотя и соглашается, что сами послы не проявили себя там на должном уровне.

Претензии к графу были продолжены в № 124 газеты-журнала от 5 мая 1888 г. в статье «Сан-Стефанский договор». Ее заповом стало признание высокой миссии Игнатьева, выраженное весьма высокопарно: «Граф Игнатьев, имел от Русского Царя и, спешим прибавить, от всей русской земли и от Бога святейшее из святых и счастливейшее из счастливых призваний – кончить русскую, вековую тяжбу восточного вопроса ...»; при этом он был наделен такими полномочиями, каких до него не имел ни один уполномоченный от России для ведения переговоров с турками; он имел полную возможность принудить Порту ко всему, что нужно было России.

Автор статей упрекает Игнатьева в том, что тот слишком увлекся отстаиванием в Сан-Стефано болгарских интересов, создавая Великую Болгарию, тогда как в первую очередь должен был думать об интересах России. При этом он, дескать, произвольно использовал широту предоставленных ему полномочий, что и стало одной из наиболее серьезных претензий «Гражданина» к дипломату. «Граф Игнатьев широтою своих полномочий воспользовался вполне, – говорилось в статье, – и до такой степени вполне, что он признал себя вправе даже упускать из виду предшествовавшие войне 1877 г. обязательства, принятые на себя русским кабинетом относительно некоторых союзных государств, и вообще поступал настолько самостоятельно и независимо

от русского кабинета, что самая необходимость нового конгресса после Сан-Стефанского для России явилась именно вследствие того, что, пользуясь широким своим полномочием, Сан-Стефанский уполномоченный не принимал в соображение то, что он предписывал Порте, и подписывал согласно с условиями общеевропейской политики русского кабинета», «он позволял себе поступать вопреки этой политике, не стесняясь ничем. Он воспользовался этим правом слишком легкомысленно».

При этом автор статьи полагал, что речь шла не о случайной ошибке дипломата, а о его сознательных действиях, очевидно, добавим от себя, рассчитанных на красоту жеста и эффект бурного нажима.

По мнению «Гражданина», во время сан-стефанских переговоров Болгария и ее судьба должны были оставаться на втором плане, а на переднем плане должны были находиться интересы «повелительного положения» России. Игнатьев же, дескать, сделал все наоборот; ошибочно отставив в первую очередь интересы Болгарии, а не России, он в результате не достиг и основной цели – разрешения Восточного вопроса. Под этой целью автор «Гражданина» понимал «узаконение прочного порядка, раз навсегда устанавливающего решающее и повелительное значение России на Балканском полуострове». Для этого России предстояло озаботиться обеспечением следующих условий: 1) мир церковный как основание всего нового здания; 2) мир со всеми балканскими единоверческими государствами посредством привлечения их к внутреннему единению с Россией; 3) мир с Турцией, посредством условий, делающих для нее союз с Россией более выгодным, чем с европейскими государствами и, наконец, 4) мир с Европой.

Такая программа вполне соответствовала духу казённого патриотизма и идеологии русского мессианства времени Александра III. В этом смысле «Гражданин» не предлагал ничего нового. Разве только для читающей публики интерес, на мой взгляд, может представлять раскрытие автором журнала существа церковного вопроса, как занимав-

шего первенствующее место в системе отношений России с балканскими народами. Сюжет подробно освещается в первой из указанных статей. Посвятим ему несколько строк.

Первым делом аноним упрекает русскую дипломатию в том, что ее представители «во все времена» относились «слишком равнодушно» к единению православных церквей на Востоке с Русской церковью, «как основе, единственно прочной и единственно органичной, для решения всего узла восточного вопроса». Задолго до войны 1877 г., продолжает он, Россия «малодушно предала вечные духовные интересы правды Православной Вселенской церкви» и в угоду временным интересам стала замазывать и улаживать акт преступного своеволия, осуществленный болгарскими церковными агитаторами против матери-церкви^{*}. И вновь всплывает Игнатьев, большой опыт которого, по мнению автора статьи, мог подсказать ему, сколь ошибочной является уступчивость России в отношении болгарской церкви. Но, говорилось в статье, ни тогда – в разгар «болгарского церковного бунта» – Игнатьев, будучи послом в Константинополе, не взглянул на вопрос с его догматической стороны, не дал синоду в России и правительству в Санкт-Петербурге оружие в руки и нравственный импульс к борьбе с восставшей Болгарской церковью, не выступил в защиту оскорбленного авторитета Восточной церкви в лице константинопольского патриархата; ни позже – при заключении Сан-Стефанского мира – он не попытался исправить ошибку, оценить ее с точки зрения политической стороны Восточного вопроса в будущем. Казалось, продолжал автор, он все имел в руках, чтобы исправить ошибку шестилетней давности. И резюмировал: разве не должен был Игнатьев положить в основу всего дела создания болгарского государства «заботу об уничтожении церковной смуты, с ясным сознанием, что России немислимо устроить судьбы отвоеванного ею у Турции народа-брата, не начав-

---

^{*} Речь идет о создании автономной Болгарской церкви и ее отделении от Константинопольской патриархии.

ши с приобретения ему, так сказать, права на благословение Божие?».

Критик считал, что на Балканах «уполномоченному России» надлежало в первую очередь озаботиться тем, чтобы «православные церкви на всем полуострове были поставлены в свои исторические, единственно прочные и единственно верные отношения к Константинопольской греческой Церкви, как к своей главе и своей матери, с целью раз навсегда прекратить такое положение вещей на Балканском полуострове, вследствие которого политические раздоры берут начало в смутах церковных, и наоборот, смуты церковные разжигают страсти политические».

Выдвижение автором на первый план церковного вопроса как условия установления порядка и мира в будущем было, конечно же, не случайным. Фактор религиозного единства большого массива балканцев и русских, обозначившийся во внешней политике России в ранние годы XVIII в., со временем превратился для русских правящих кругов в краеугольный камень строительства отношений с населением отдаленного региона, ему придавалось значение глубинной стародавней традиции. Во второй половине XIX в. для усиления воздействия идеологии, основанной на признании единства православного мира, в качестве дополнительного фактора стала использоваться идея славянского единства, общих славянских корней. Мысль об этнорелигиозном родстве русских и балканских славян стала внедряться и в сознание балканцев. При этом идея подавалась а priori, насколько же реально существовало это единство, «старшего брата» до поры, до времени не интересовало.

Нельзя не признать, что традиционалистские, во многом архаичные и мифологизированные ориентиры, свойственные внешней политике Российской империи, уводили ее в сторону от выработки действенных, прагматических приемов, необходимых для реализации действительных национально-государственных задач страны, как это уже вошло в практику на Западе⁵.

Любопытен в этой связи один из разделов «Обзора деятельности ведомства Православного исповедания за время царствования императора Александра III» (СПб, 1901)⁶, в котором, в частности, говорилось: «Православная восточная церковь в минувшее царствование находилась в трудном положении. Оскудение духа христианского братолюбия в некоторой части наших восточных единоверцев породило среди них самих раздоры и волнения». Далее отмечалось, что отношения между Константинопольской патриархией и Болгарской церковью «как признанной схизматической» оставались прежними и не отличались христианским братолюбием. И далее: «Болгарские правители, с своей стороны, разжигали церковную смуту, так что и патриарший престол был в затруднительном положении» (С. 378–379).

* * *

В полемику в «Гражданине» втянулся и граф Игнатъев, не занимавший тогда уже высоких постов в государстве. Обороняясь, он настаивал на том, что никакими «неограниченными полномочиями» во время переговоров с турками не обладал и действовал только согласно указаниям Александра II. Такая защита не выглядела доказательной, допускала различные толкования.

Нельзя не принять во внимание внешние обстоятельства начала 1878 г., в которых проходили русско-турецкие переговоры о мире в Сан-Стефано. В то время чрезвычайно осложнилась международная обстановка. С одной стороны, главы западных держав, остро реагируя на частично оповещенные российской дипломатией условия мира с Турцией, заявляли, что считают их завышенными и что многие вопросы имеют не чисто российское, а европейское значение. И действовали соответствующим образом. Дьюла Андраши угрожал выйти в отставку в случае непринятия предостережений Австро-Венгрии. Это весьма нервировало А.М. Горчакова, настроенного на сдержанность и умерен-

ность*. Более того, Великобритания, протестуя, ввела в Мраморное море свои броненосцы, что привело русского царя в сильное вмятение.

С другой стороны, большое воздействие на ситуацию оказывало то великое обстоятельство, что русские войска стояли у ворот Константинополя, и мысли императора, жаждавшего войти в «город царей», хотя бы на время, были устремлены к такой возможности. Нервозность восприятия сложившейся ситуации отражали телеграммы Александра II из Петербурга в Сан-Стефано: нередко они противоречили друг другу или даже «не доходили» до адресата. На этой почве осложнялись отношения императора с братом – главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем, стремившимся скорее закончить войну.

Учитывая известную рассогласованность в российских верхах в то время, вряд ли будет преувеличением сказать, что поле переговоров о мире в Сан-Стефано находилось в руках именно Н.П. Игнатьева, и что конкретную тактику, им же соответствующим образом интонационно окрашенную, определял он сам. А руководствовался он не в последнюю очередь представлениями, что дипломатическими угрозами западных держав можно пренебречь. Такую позицию Игнатьев отстаивал и позже в своих мемуарах: «Спрашивается, – писал он с возмущением, – почему Россия не имела права, проливая кровь сотен тысяч своих сынов и издержав сотни миллионов на

---

* Игнатьев занимал противоположную позицию. Позже в воспоминаниях он так передавал свое тогдашнее настроение: «Странно, что канцлер так испугался ухода графа Андраши, который его обворожил личной лестью и притворною откровенностью». Игнатьев полагал, что будет лучше, если Андраши уйдет в отставку, и что ему лучше ответить «скатертью дорога» (Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатьева с примечаниями А.А. Башмакова и К.А. Губастого // Исторический вестник. Петроград, 1915. №2. С. 403; №3. С. 766).

то, чтобы заставить турок подчиниться, в сущности, единоголосному решению европейской конференции (Константинопольской 1876 г. – *Р.Г.*) ...заключить самостоятельно мир с Портою? Если только сделаться слепым исполнителем воли других держав и войти в роль как бы подчиненного мифической Европе, то не стоило начинать войну... Почему одна Россия не могла и не смела заключать самостоятельный договор с Турцией, когда князь Бисмарк не затруднился решить европейские вопросы с явным нарушением постановлений Венского конгресса и в 1866 г., и в 1871 г.?»⁷.

В ходе Восточного кризиса 1870-х гг. подобные настроения были довольно широко распространены в славянофильских и военных кругах России. Поддался им и Александр II. Еще в 1876 г., выступая 29 октября в Кремле перед почтеннейшей публикой по поводу перемирия между Турцией и Сербией-Черногорией, император сообщил, что предстоит «совещание в Константинополе между представителями шести великих держав для определения мирных условий. Желая весьма, – говорил он далее – чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Если же оно не состоится, и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать *самостоятельно* и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту это нужным и честь России того потребует»⁸ (курсив мой. – *Р.Г.*).

* * *

Острые вопросы о степени «дипломатического мастерства» Н.П. Игнатьева, обнажившиеся в ходе дискуссии в «Гражданине», пролили некоторый свет на тайну Сан-Стефано. Но не раскрыли ее до конца, не расставили все точки над *i*. При этом никто из современников не задумался о долговременных внешнеполитических последствиях Сан-Стефано, о том, что в Сербии, Греции, Румынии, уже су-

ществовавших в 1878 г. как государственные образования, с недоумением и враждебно было воспринято известие о самой возможности появления на полуострове нового государства, к тому же самого большого и многочисленного, – государства гегемона, по их оценкам.

Именно в Сан-Стефано, думается, были заложены корни негативного отношения к Болгарии со стороны соседей, считавших себя обделенными прелиминарным миром. Такой тренд только усилился после Соединения и Сербско-болгарской войны 1885 г. Если греческая «Мегали идея» и сербские «Начертания» Илии Гарашанина родились как национальные объединительные программы еще до 1878 г. и предполагали в сравнительно общей форме территориальное расширение этих стран в том или ином направлении, то, например, в проекте 1885 г. Милутина Гарашанина конкретно определялся первостепенный враг Сербии. И им называлась Болгария. «В сегодняшней ситуации, – говорилось в разработанной автором «Инструкции по поддержанию сербского влияния в Старой Сербии», – наш противник в тех землях, о которых идет речь (Старая Сербия, Македония. – Р.Г.) не Турция, а Болгария. В той деятельности, которая здесь описана, и Греция, и Сербия имеют сейчас общие цели работать вместе против Болгарии. Для окончательного успеха необходимо иметь на своей стороне Турцию, так как в ее руках власть»; не помешает и Румыния в качестве союзницы⁹.

Хотя современные исследователи старательно подчеркивают непубличный характер этих документов и в целом настрой их разработчиков на мирный путь достижения цели, нельзя не отметить глубину, тщательность и пунктуальность проработки таких материалов. Пусть и негласные, они представляли собой долговременные национальные доктрины, так или иначе претворявшиеся в жизнь.

Развитие недружелюбных отношений между странами Балканского полуострова было довершено Межсоюзнической войной 1913 г. Потерпев в ней, а затем и в Первой мировой поражение, где болгары также воевали с другими

балканцами, Болгария надолго оказалась в кольце враждебных соседних государств, которые так и не выпустили ее из состояния изоляции ни в 1920-е, ни в 1930-е годы. А предположить (и предупредить!) такую судьбу Болгарии искусный дипломат и «уполномоченный России» Н.П. Игнатъев не мог?

Следует сказать также о воздействии Сан-Стефанской эпопеи на внутреннее национально-государственное развитие Болгарии. Сан-Стефанский образ, предложенный российской дипломатией, пришелся по вкусу властям Княжества и был взят на вооружение как *национальный идеал*. Однако, осуществлять его никто не спешил, он долго оставался лишь символом – болгары, достигнув успеха Соединением Восточной Румелии и Княжества в 1885 г. и в войне с Сербией, не предпринимали затем военных, дипломатических или каких-либо иных мобилизационных мер для реализации идеала. Недаром об атмосфере того времени в Болгарии говорили как о «пропитанной политическим идеализмом».

Дискуссии по национальному вопросу оживились в Княжестве лишь с новым обострением Восточного вопроса в конце XIX – начале XX вв. О желательности объединения болгарского народа в границах единого государства стало говорить и писаться много. Но «готовое» сан-стефанское изделие играло такую большую роль во внутри- и внешнеполитической агитации, что уже не оставляло ни места, ни стремления у политико-дипломатического корпуса, у элиты страны к выработке самостоятельной болгарской национальной программы, в том числе в части, касающейся отношений с балканскими соседями. Задачи ее разработки не брала на себя ни верховная власть в Болгарии, ни отдельные политические партии. В итоге единой национально-государственной доктрины выработано не было даже в преддверии Балканских войн. Формула национального идеала, полученная в готовом виде извне, а не разработанная болгарской элитой, ее мобилизационным напряжением, обрекала общество на пассивность. И на поощрение военно-

пропагандистских вылазок в Македонию, мало что дававших для решения стратегически важного национально-государственного вопроса. Не потому ли столь велика оказалась роль партизанщины, приведшей к 2-й Балканской войне?

Долгое время Сан-Стефанский мирный договор в отечественной и болгарской историографии, вслед за политической пропагандой, оценивался односторонне, лишь как акт прогрессивного значения, принеший Болгарии Освобождение из-под гнета Османской империи. В современной российской ученой среде привычно восхищаться маневренностью, упорством в достижении цели, дипломатическим талантом сан-стефанского героя Н.П. Игнатьева, слегка пожурив его за противоречивость, мечтательный романтизм, «налет авантюризма» и прочее, что скорее можно отнести к скрытым плюсам (В.М. Хевролина, В.И. Косик). Правда, в последние годы намечаются некоторые подвижки в соотношении черных и белых красок в отношении Берлинского трактата и Сан-Стефанского мирного договора, но отчетливо – пока только в виде либо доклада на конференции¹⁰, либо статьи в журнале¹¹. В Болгарии, где граф Игнатьев вошел не только в историопись, но и в саму ткань национальной истории, и где он занимает одно из самых почетных мест, подвижки происходят еще натужнее. Берлинский окончательный мирный договор, – пишет известный болгарский историк Петко Петков, – «все еще трудно воспринимается в болгарском обществе как преимущественно положительный фактор»¹². Ибо, утверждает другой именитый историк, Сан-Стефано до сих пор сохраняется в массовом сознании болгар «незабвенной исторической мечтой»¹³.

* * *

Зададимся вопросом, как и из каких побуждений выстраивал Игнатъев свою Великую Болгарию? Понять это полной мере вряд ли возможно. Но главным было, на мой взгляд, ощущение им этого дела своим личным. Осуществление амбициозного проекта должно было стать его карьерным триумфом. Отличный переговорщик, используя личную харизму, он одержал победу на Константинопольской конференции декабря 1876-января 1877 гг. – добился осуществления международного консенсуса в вопросе о будущей территориально обширной Болгарии. Но как стал возможен этот консенсус шести великих держав, стремившихся, в первую очередь, не позволить России усилить ее позиции на Балканах?

Ответа на вопрос по-прежнему нет. Но можно подумать о некоторых косвенных обстоятельствах. Для этого вернемся хронологически немного назад.

Объявленная 18/30 июня 1876 г. Сербией-Черногорией война против Турции была воспринята заинтересованными великими державами как очередное обострение Восточного кризиса. Буквально через неделю после возникновения военного конфликта, как по сигналу тревоги, два императора – Александр II и Франц-Иосиф встретились в австро-венгерском Рейхштадте, чтобы обсудить положение. Оба посчитали, что ситуация пока не требует их вмешательства. Что касается перспективных действий, они связывали их с двумя вариантами развития дальнейших событий, а именно – в зависимости от того, кто победит в сербско-турецкой войне. Иными словами, главы двух крупнейших империй с полной серьезностью допускали возможность победы балканских христиан над Османской империей. Но уже тогда императоры согласились не создавать на Балканах большого государства, славянского или какого-то другого – его возможные компоненты не оговаривались. Вместе с тем в Рейхштадте Австро-Венгрия уверенно заявила о своих интересах, в том числе территориальных, в

отношении Сербии и родственных ей славянских провинций – Боснии и Герцеговины. О балканских интересах России ничего не говорилось ни в российской, ни в австро-венгерской протокольных записях конференции (они не во всем совпадали), ее запросы уводились в зону Кавказа и Бессарабии.

Однако уже в октябре Сербия и Черногория потерпели поражение в войне. Россия усилила нажим на Турцию, добиваясь заключения сначала перемирия между воюющими сторонами, а затем и общего решения вопроса о реформах в Османской империи. Тогда же было достигнуто соглашение о созыве конференции в Константинополе для заключения договора о мире и определения условий улучшения жизни населения в турецких провинциях. Особое место среди них стала занимать Болгария, где и после Апрельского восстания продолжались чудовищные зверства турок, вызывавшие открытое возмущение европейского общественного мнения. Благодаря поддержке У. Гладстона кампания приобрела массовый характер.

И все же, как следует из вышеприведенной речи Александра II от 29 октября 1876 г., уверенности, что «общее соглашение» шести держав состоится, не было. Отсюда и заявление монарха, что в этом случае он сохраняет за собой право действовать самостоятельно. Возможно, такая позиция императора поддержала и кураж Игнатьева, сыгравшего на Константинопольской конференции (декабрь 1876 – январь 1877 гг.) руководящую роль. Его стараниями Болгария являлась на ней едва ли не центром внимания.

Конференция собралась на уровне послов, представлявших в столице Османской империи Россию, Австро-Венгрию, Германию, Великобританию, Францию и Италию. Граф Н.П. Игнатьев к тому времени уже 12 лет исполнял обязанности посла здесь. Для большинства же остальных участников конференции Константинополь был новым местом пребывания или ставшим им совсем недавно: за два года до этой международной встречи – в 1874 г. – назначение на посты послов сюда получили К. Вернер (Гер-

мания), Ф. Зичи (Австро-Венгрия), в 1875 г. – Жан-Батист Шокорди (Франция), вообще пришедший в дипломатию только в 1871 г. Оба французских представителя во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. покинули посольские посты, один по собственному желанию, другой – будучи уволенным в отставку.

Иностранные представители обладали разным дипломатическим опытом. К. Вертер сделал за свою жизнь большую дипломатическую карьеру, и она уже шла под уклон – командировка в Турцию стала в ней последним аккордом. Для Ф. Зичи, наоборот, назначение в Константинополь явилось его первой и единственной дипломатической службой, до этого он занимал ряд высоких должностей в государстве, но все они – по административной линии. В качестве «чрезвычайного посланника и второго полномочного министра», вероятно, в помощь ему на конференцию был направлен сравнительно молодой дипломат 43-летний Г. Каличе.

Заседания международной конференции проходили в здании российского посольства, где Игнатъев находился в своей стихии. Современники не без язвительности отмечали, что, неся службу в Константинополе, граф был в упоении собственного политического значения; события его окружали таким ореолом, что он становился как бы вождем всего славянства. Свою роль в повышении государственного реноме России играли традиционно устраивавшиеся по четвергам в посольстве большие приемы, нередко с танцами, а по праздникам и в дни императорских тезоименитств – большие балы и обеды, на них собирались по 150–200 чел. – весь дипломатический корпус¹⁴. При этом оказалось, что с рядом участников конференции Игнатъев находился на сравнительно короткой ноге: Ф. Зичи и Л. Корти (представитель Италии на конференции) были его давними знакомыми, часто обедали в посольстве.

Способствовали ли указанные обстоятельства установлению консенсуса между европейскими дипломатами, что и определило лицо Константинопольской конференции и ее решение о Великой Болгарии («в сущности единоглас-

ное», как писал Игнатъев в мемуарах¹⁵)? Трудно сказать, остается только догадываться, но привести их считаю полезным.

Константинопольские послы еще продолжали собираться для обсуждения положения после решительного отказа Турции принять европейское вмешательство в их лице, а уже 15 января 1877 г. между русским послом в Вене Е.П. Новиковым и министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши была подписана секретная Будапештская конвенция. Согласно ей, Дунайская монархия рассчитывала на новое расширение своих требований в отношении Балкан в случае русско-турецкой войны, неизбежность которой для России вытекала из провала Константинопольской конференции – последней попытки договориться дипломатическим путем с Османской империей о необходимых реформах. В Будапештской конвенции стороны подтверждали положения Рейхштадтского соглашения о недопущении создания большого славянского государства на Балканах. Говорилось о судьбах Болгарии, Румынии, Албании, Фессалии, Эпира, Крита, Константинополя. Были и другие условия¹⁶. Как пишется в дипломатических словарях, России пришлось пойти на уступки, дабы обеспечить «дружественный нейтралитет» Австро-Венгрии на случай русско-турецкой войны.

Несмотря на провал на Константинопольской конференции, согласованные на ней решения, благодаря получившемуся там международному консенсусу, обрели с позиций российской дипломатии некую легитимность. Годом позже именно они были заложены в условия прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора, одним из наиболее активных разработчиков которых выступал тот же Н.П. Игнатъев.

* * *

Военная кампания 1877–1878 гг. была победной для России, но расчеты императора Александра II и русского правительства на то, что успех баталии позволит значительно увеличить, усилить влияние России на Балканах, не оправдались. Состояние эйфории от военных побед мешало российской дипломатии на заключительном этапе войны и в Сан-Стефано правильно учесть непростое соотношение сил на международной арене, а, скорее все-таки – победители вообще не хотели утруждать себя таким учетом. При всех колебаниях император и его канцлер до последнего отстаивали содержание мирного договора между Россией и Турцией. Однако результатом явился Берлинский конгресс. Он-то и вошел в историю, как легитимизировавший государственную независимость Сербии, Черногории, Румынии, а также полунезависимость княжества Болгария, хотя эти новшества предполагал утвердить Александр II в своем мирном договоре. Так была уважена военная победа России, но ее дипломатический триумф не состоялся.

«После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и русская интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится...»¹⁷. Авторитетный русский историк В.О. Ключевский написал эти строки в апреле 1904 г., когда со времени окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. прошло достаточное время, чтобы делать уверенные выводы. К этому можно присовокупить соображение А.А. Башмакова, известного славянофильского публициста, весьма благожелательно комментировавшего издание «Записок» Н.П. Игнатьева в 1915–1916 гг. на русском языке. Башмаков писал об отсутствии к 1875 г. «прочно и определенно сложившихся традиций русской дипломатии относительно того, куда идет Россия, в чем состоит ее кровный интерес, чего наши государственные люди должны неустанно домогаться из рода в род»¹⁸.

Кажется, из этих мыслей можно сформировать тезис: отсутствие в верхушке страны глубинной, осмысленной прагматики в ее внешней политике вызывает к деятельности в этой области людей, одаренных немалыми способностями и большим упорством, в которых выполнение государственных обязанностей слишком крепко сплавляется с личной заинтересованностью. В нашем случае азартность и целеустремленность Н.П. Игнатьева, желание доказать, что, невзирая ни на какие международные договоренности, уполномоченный России может действовать самостоятельно, через голову других партнеров, сыграли с ним и со всей страной дурную шутку. «Берлинский трактат, – писал А.М. Горчаков царю в 1878 г., – есть самая черная страница в моей служебной карьере», на что государь ответил: «И в моей тоже»¹⁹. На этом закончилась и блестящая, как считалось, дипломатическая служба главного творца Сан-Стефано графа Н.П. Игнатьева.

Поскольку речь идет о «человеческом факторе» и его роли в истории, нелишне вспомнить о таких личных качествах Игнатьева, как его высокое самомнение, самонадеянность, преувеличенное представление о своих возможностях». В его «Записках» характерен стиль: подробно описывая каждый свой шаг, автор представляет себя то в первом, то в третьем лице*, то есть, говорит и от собственного имени, и одновременно как бы наблюдает себя со стороны, оценивает слова и действия графа Игнатьева, настолько они представляются ему важными.

С этой точки зрения любопытны строки из одного его письма к супруге. 15 августа 1877 г. еще до победы русских под Плевной, он пишет ей о себе, как о человеке, который «мог устроить сам весь Восточный вопрос, бывший у меня в руках», а в его отсутствие «наделали бездну глупостей – политических, военных и административных, когда урони-

---

* Психологи не проходят мимо таких проявлений личности.

ли в грязь знамя, которое я столько лет один держал высоко, когда испортили, может быть, навсегда (не дай Бог) положение наше в Турции и даже среди христианских населений...»²⁰. Еще примечательнее слова Мидхат-паши о «нашем буйном генерале», которые приводит Ил. Тодев в уже цитировавшейся статье: «Он как будто мечтает переделать /перефасонить/ свою любимую Болгарию в новую Византию, а корону Палеолога водрузить на собственную голову». Этот эпизод Тодев сопровождает данными о том, что Игнатъев имел большие шансы на избрание его первым князем Болгарии²¹.

В Болгарии многие серьезные историки признаются, что не понимают сан-стефанского хода России, которая как будто «лезла на рожон», хотела позлить Европу невниманием к ней. Наиболее добродушное из высказанных мнений звучит так: заявление о территориально большой Болгарии давало русской дипломатии возможность для маневра, чтобы, отступая и торгуясь, получить на европейском форуме эвентуальный максимум. Есть и другое соображение – целью было поставить болгар в положение быть вечно обязанными русским и испытывать вечную неприязнь к Западу²². Существуют также другие версии. Однако попытку до конца разгадать тайну Сан-Стефано обезоруживает признание профессора Ивана Илчева: «Я провел больше года, изучая документы графа, – сообщает он, – знаю его византийские ходы, но все же определенного ответа дать на этот вопрос не могу»²³.

Примечания

¹ «Стандарт». 1 март 2013. София.

² См. *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960.

³ *Мещерский В.П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 171.

⁴ Цит. по: *Косик В.И.* Русская политика в Болгарии. 1879–1886. М., 1991. С. 133.

⁵ *Гришина П.* Российское общественное мнение и Балканы (1870-е гг.) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 150–151.

⁶ Раздел назывался «Отношение русской церкви к единоверным церквям Востока и славянских земель».

⁷ Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатъева // Исторический вестник. Петроград, 1915. №2. С. 403.

⁸ Москва – Сербия. Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественные связи. 1804–1878 гг. Белград-Москва, 2011. Док. 214.

⁹ *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878-1912. СПб., 2007. С. 43.

¹⁰ *Гришина Р.П.* Россия – Сан-Стефано – Болгария // България и Русия. Между признателността и прагматизма. Доклади. София, 2008. С. 89–95.

¹¹ *Виноградов В.Н.* Триумф и драма победителя // Славяноведение. 2013. №3. С. 14–26.

¹² *Петков П.* Ст. Руско-турската война от 1877–1878 г. и начало то на новата българска държава // Дриновский збірник. Т. 3. Харків – София, 2009. С. 159.

¹³ *Тодев Илия.* Граф Игнатиев и раждането на съвременна България // България и Русия. Между признателността... С. 99.

¹⁴ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М., 2009. С. 163.

¹⁵ Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатъева... №2. С. 402.

¹⁶ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 149–155.

¹⁷ *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 374–375.

¹⁸ «Исторический вестник». 1915. № 2. С. 402.

¹⁹ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 5.

²⁰ *Игнатъев Н.П.* Походные письма 1877 года. Письма Е.Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 212.

²¹ *Тодев Ил.* Указ. соч. С. 97.

²² *Илчев И.* Миф за Сан-Стефанска България като «свещенна крава» на българския патриотизъм // История. София, 1995. №6. С. 55–60.

²³ Там же. С. 58.

**БОЛГАРСКОЕ ВОЕННОЕ РУКОВОДСТВО В
ОЦЕНКАХ РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ
В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН**

Русское общество с интересом следило за событиями на Балканах 1912–1913 гг., и его внимание, естественно, привлекали и персоналии, определяющие исход событий. Однако для большей части населения руководство Болгарии, пожалуй, только за исключением фигуры царя, являлось *terra incognita*. В связи с этой неосведомленностью большую роль приобретала пресса, мнение очевидцев: по словам французского социолога А. Сови, они являлись «рупорами», которые формировали и в значительной степени отражали общественное мнение в этом вопросе¹.

Главкомандующим болгарскими вооруженными силами согласно конституции был царь Фердинанд, однако фактическим руководителем армии являлся его заместитель, генерал Михаил Савов.

Михаил Савов родился в 1857 г. в Старой Загоре. Его отец был сельским священником из Хасковского района². Военное образование он получил в Военном училище в Софии, закончив его в 1879 г. (был в числе первых выпускников этого учебного заведения), в 1881–1885 гг. продолжил обучение в Академии Генерального Штаба в Петербурге. В битве при Сливнице в 1885 г. командовал левым флангом болгарской армии. В правительстве Стефана Стамболова занимал пост военного министра, с его отставкой был уволен из армии, но затем восстановлен. В 1903 г. прославился своим участием в крупной коррупционной сделке по поставке оружия из Австро-Венгрии, получившей в Болгарии название «афера Шарль и Жан». Однако будучи в хороших отношениях с князем, избежал наказания и оставался в армии. На этот факт его биографии не раз указывал Л.Д. Троицкий в своих статьях в газете «Киевская мысль»³.

Русские военные агенты в Софии отмечали крайнее честолюбие Савова и отсутствие у него способностей, необходимых для занятия столь высокого поста⁴. Австрий-

ские специалисты характеризовали его следующим образом: «самоуверен, с необыкновенно импульсивным характером, сочетающимся с железной безоглядностью»⁵.

Осенью 1912 г. в нескольких выпусках журнала «Нива» был помещен очерк князя Д.П. Багратиона «Славяно-греко-турецкая война». Следует отметить, что это произведение является явно болгарофильским. В нем утверждалось, что способности М. Савова вполне сопоставимы с гением А.В. Суворова. При этом было подчеркнуто, что болгарский военачальник учился в России, а преподавал ему нынешний российский военный министр В.А. Сухомлинов⁶. Капитан русского Генерального штаба П.С. Махров, написавший свою книгу еще до распада Балканского союза, считал Михаила Савова человеком «большой силы воли и большого ума»⁷, а не закончивший свой труд генерал-майор В.Н. Акимов – «способнейшим человеком с громадным умом, редкой эрудицией»⁸. Так считали военные, восхищенные болгарскими победами. Но после Межсоюзнической войны «Нива» назвала Савова «роковым генералом» и обвинила в развязывании боевых действий с бывшими союзниками⁹. Савова обвиняли не только в этом. По свидетельству корреспондента «Утра России» Н.П. Мамонтова, именно он вмешался в планы командующего 3-й армией Радко Димитриева под Чаталджой, устроил кровопролитный, но безуспешный штурм. Корреспондент назвал его «злым гением Чаталджи», обвинил в желании стяжать лавры, не неся при этом никакой ответственности¹⁰ и считал «эгоистом до мозга костей», не стесняющимся отвергать инициативы подчиненных, препятствовать им в реализации разумных замыслов ради того, чтобы выдвинуть себя на передний план¹¹. Однако очевидец событий, русский капитан Самосеев писал, что, несмотря на всю неудачность плана М. Савова, в данной ситуации невозможно было предложить лучше¹². Журналист газеты «Русская мысль» В.И. Немирович-Данченко описал военачальника нелестно и внешне: «серая крупная фигура с грубыми чертами серого самоуверенного лица»¹³. В 1913 г. бывший добровольцем в

болгарской армии К.В. Чинтулов рассказал в журнале «Военный сборник» интересную историю, случившуюся с М. Савовым после объявления о начале войны. По пути из церкви св. Краля, где был только что зачитан манифест, он, проявив самоуверенность, сам сел за руль, но перепутал маршрут движения, в результате чего произошла задержка последующих экипажей. Генерал понял свою ошибку, и «лицо его было очень красно»¹⁴.

Антиподом М. Савова изображался человек крайне неординарной судьбы, на которого, по словам В.Н. Акимова, «громадные надежды возлагаются»¹⁵ – Радко Димитриев. Родился он в селе Градец, недалеко от Сливена, принимал активное участие в Апрельском восстании, будучи членом и секретарем тайного революционного комитета в городе Котел. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. служил переводчиком в российской армии, в 1879 г. одновременно с М. Савовым закончил Военное училище в Софии. Затем учился в Николаевской академии Генерального штаба России. В 1885 г. в сражении при Сливнице командовал авангардным отрядом, за успешное осуществление задачи был награжден орденом «За храбрость» четвертой степени. Р. Димитриев принимал активное участие в военном перевороте 1886 г., после чего эмигрировал в Россию, где служил в Тифлисе (ныне – Тбилиси). О памяти, оставшейся о нем у русских сослуживцев, говорит тот факт, что, как свидетельствует штабс-капитан Мамонтов, в первую Балканскую войну генерал получил поздравительную телеграмму от «однополчан-тифлисцев», чему был искренне рад¹⁶. В Тифлисе он командовал ротой гарнизона, но на него было возложено и руководство тактическими занятиями офицеров бригады и округа, где на ежегодных маневрах заслужил славу знающего и энергичного офицера. Его коллега по изгнанию, Г. Вазов, считал, что перевод Р. Димитриева в Русский Генеральный штаб в 1895 г. был делом ближайших дней. Но офицера тянуло на Родину, и он писал после падения Стамболова другу: «Время сделать все, чтобы вернуться»¹⁷.

Получив возможность это осуществить, Р. Димитриев не преминул ей воспользоваться и вновь поступил на болгарскую военную службу. В 1904–1907 гг. он занимал должность начальника болгарского Генштаба, русские военные агенты в это время докладывали, что неточности в сведениях Савова приходилось исправлять именно у Р. Димитриева¹⁸. В 1912 г. по случаю празднования двадцатипятилетия правления царя Фердинанда шесть человек были произведены в чин генерал-лейтенанта, одним из них являлся Р. Димитриев. Надо отметить, что впервые офицеры действительной службы получили данное звание¹⁹. Во время Первой Балканской войны Радко Димитриев командовал 3-й армией, воевавшей на фракийском фронте, принимал участие в операциях под Лозенградом, Люле-Бургасом и Чаталджой. Первая Мировая война застала его на посту посланника Болгарии в Петербурге. Он отказался от болгарского подданства и стал российским генералом. Командовал армейскими корпусами, дослужился до чина генерал-аншефа, но после Февральской революции вышел в отставку и уехал с семьей на Кавказ, в окрестности Пятигорска. За время службы он был награжден Георгиевским крестом четвертой и третьей степеней. В 1918 г. прославленный болгарский генерал вместе с другими военачальниками, живущими на Кавказе, был казнен большевиками. Погребен Радко Димитриев в городе Пятигорске.

Российский военный агент в Софии описывал его как крупнейшего в Болгарии военачальника, обладающего особыми способностями, решительностью и громадной инициативой²⁰. Д.П. Багратион характеризовал Димитриева так: «Будущее европейское светило тактики и стратегии», и ставил его в один ряд с А.В. Суворовым и М.Д. Скобелевым²¹. О больших способностях Димитриева писали Н.П. Мамонтов и П.С. Махров, особо отмечая его стремительность в боях²², что, собственно, и вызывало аналогии с М.Д. Скобелевым. Этот его стиль ведения боевых действий имел и негативную сторону. Л.Д. Троцкий указывал на то, что тыловые части не поспевали за стремительным наступлением армии

Димитриева на фракийском фронте и по этой причине резко ухудшалось снабжение и санитарные условия войск²³. Отрицательные отзывы в адрес этого военачальника в печати практически отсутствовали. Исключением стал тот же Троцкий: «Радко Дмитриев – это не только “ответственное”, но и популярнейшее в болгарской армии лицо. И нетрудно понять, какой ужасающий отголосок должен был найти в армии его каннибальский приказ: “Если раненые или пленные будут затруднять транспорты, принять решительные меры к устранению препятствий”»²⁴.

Положительные оценки Димитриеву давали не только русские, но и западные журналисты²⁵. Русский полковник, в будущем генерал, а в тот момент корреспондент газеты «Новое время», В.Н. фон Дрейер лаконично, но емко характеризовал его в своих воспоминаниях: «ярый русофил и отличный генерал». По его свидетельству, часто к ужину в штабе командующего 3-й армией приглашался он, В.И. Немирович-Данченко и Н.П. Мамонтов²⁶. Последний считал Димитриева любящим по-прежнему Россию, энергичным, обладающим большой личной храбростью, хладнокровием, находчивым генералом, пользующимся большим влиянием среди нижних чинов. Завоевал он это благодаря своей неприязнительности в походной жизни, близости к солдатам и вниманию к ним²⁷. Корреспондент описывает его штаб, и это описание подтверждает его слова²⁸. Аналогичные свидетельства предоставляет В.И. Немирович-Данченко²⁹. По свидетельству писателя, Р. Дмитриев «производит сильное впечатление своей простотой». «Болгарский Скобелев» внешне ему показался схожим с Наполеоном Бонапартом, но скромным и не стремящимся ни к какому позерству, занятым лишь текущими боевыми задачами, при этом сохраняющим спокойствие и вдумчивость. По мнению автора, «это чисто болгарский тип, демократический, как его штаб и как его офицеры и солдаты»³⁰. Пример личной храбрости командующего 3-й армией привел П. Махров. При Бунархиссарской битве части дрогнули, и появление «любимого генерала Димитриева», проскакавшего перед фронтом ди-

визий, вернуло уверенность войскам, которые продолжили наступление³¹. Весной 1913 г. генерал в составе болгарской делегации посетил Петербург, где удостоился аудиенции императора. Николай II оставил лестную характеристику в своем дневнике: «Принял болгарского генерала Радко Димитриева, героя последней войны»³².

Современники находили в характерах Радко Димитриева и Михаила Савова некоторое сходство. Л.Д. Троцкий писал: «Отнюдь не худший из генералов болгарской армии, Дмитриев, однако, сам глубоко проникнут теми чертами карьеризма, безразборчивого азарта и нравственного цинизма, воплощением которых является антагонист Дмитриева, главнокомандующий Савов»³³. Троцкий считал, что военачальники конфликтовали друг с другом, и командарм из неприязни по нескольку дней не информировал своего начальника о ходе событий³⁴. В.И. Немирович-Данченко в них видел лишь одно сходство: «оба – сильные». При этом Савов недоступен никаким впечатлениям, «не особенно глубоко рассчитывающий». Дмитриев же – «талант, боевое вдохновение», скромный, рассчитывающий загодя бой, берегущий солдат, переживающий за армию, «этот умрет вместе с поражением, Савов спокойно вернется домой»³⁵. А вот как Немирович-Данченко описал принятие решения о штурме Чаталджинских укреплений, что он наблюдал лично. Заместитель главнокомандующего был торжественен, Р. Дмитриев – мрачен и недоволен: «Он несравненно лучше оценивал положение и был против боевой авантюры»³⁶.

Как видим, о командующем 3-й армией мнение было практически исключительно положительным у русских журналистов, и как минимум двое из них считали виновным в трагических потерях при безуспешном штурме последних укреплений на пути к Константинополю генерала Савова, а Р. Дмитриева считали противником этих действий, в связи с его заботой о солдате и талантом военачальника. Но данное заключение вполне соответствует принципу когнитивной экономии, т.е. склонности человека (в том числе и журналистов) упрощать картину: Дмитриев – русофил,

поэтому он – хороший, Савов – стамболовист, следовательно, плохой.

Интересно отметить, что капитан Самосеев считал, что главный личный конфликт у Р. Димитриева был не с М. Савовым, а с генералом В. Кутинчевым, поскольку, хотя последний был и старше, временно командование одновременно 1-й и 3-й армией было поручено именно Димитриеву³⁷.

Командующий 2-й армией генерал Иванов, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, по мнению Н.П. Мамонтова, «целесообразно» справился со своей задачей³⁸. П.С. Махров считал его популярным и любимым в армии³⁹. В донесениях австрийских военных агентов он также характеризуется положительно и называется русофилом, говорится о его конфликте с высшим командованием⁴⁰. Таким образом, корреспонденты отмечали фактическое противостояние русофилов и так. наз. «русофобов» в командном составе болгарской армии.

Остальным же военачальникам пресса практически не уделяла внимания. Но зато довольно много информации было посвящено общей оценке высшего командного состава и правящим кругам Болгарии. Интересна точка зрения «Вестника Европы», особенно если принять во внимание хотя бы вышеупомянутый скандал с военными закупками. «Никакой суетливости в распоряжениях начальствующих лиц, все предусмотрено заранее и исполняется с безукоризненной добросовестностью... Во всех отраслях военного хозяйства господствует безусловная честность»⁴¹, – писал журнал. И это, представляется, можно считать прямым влиянием болгарских побед, восхищением ими. Скорректировать суперлативы журнала позволяют воспоминания болгарина И. Пастухова о работе комиссии по реквизиции в одном из сел Варненского района, в составе которой кмет, священник и зажиточные крестьяне избавили себя от тягот войны⁴². О систематических хищениях высших армейских чинов писал и сотрудник «Утра России» Е.И. Мартынов⁴³, а общим нравам руководства четкую характеристику дал Троцкий: «Популярный» генерал, которого не успели осу-

дять за казнокрадство, – в качестве главнокомандующего; заведомый... престижитатор – в качестве коменданта; бесцеремонный карьерист – в роли военного цензора; отставной турецкий агент – как необходимая фигура при военном министерстве, – все это вместе бросает достаточно яркий свет на нравы командующего состава армии»⁴⁴.

С началом Второй Балканской войны болгарские правящие круги стали оцениваться в российской прессе исключительно негативно. Как уже говорилось, в развязывании войны обвинялся генерал М. Савов. П.Н. Милуков справедливо считал, что царь и его первый военачальник развязали боевые действия, против которых был кабинет С. Данева⁴⁵. Е.И. Мартынов с ним не соглашался, указывая на тот факт, что под Брегалницей армией командовал генерал Ковачев, бывший одновременно и военным министром⁴⁶.

Следует отметить, что персонификация правящих кругов происходила довольно редко. Как правило, говорилось о «царе Фердинанде и его приближенных, вместе с окружающими их военными честолюбцами»⁴⁷, т.е. ключевой фигурой представлялся именно монарх.

Перейдем непосредственно к фигуре Фердинанда Максимилиана Карла Марии Саксен-Кобург-Готского. Нет необходимости лишний раз пересказывать биографию этой неординарной личности. Стоит только отметить, что несмотря на восстановление отношений между Петербургом и Софией, болгарский царь не вызывал в России большого доверия. Фердинанд жаловался великому князю Андрею Владимировичу в 1911 г. на то, что русское общество клеймит его как австрофила⁴⁸.

С началом Балканской войны российская пресса взглянула на Фердинанда иначе. И это был взгляд, полный восхищения. Накануне боевых действий болгарский царь праздновал двадцатипятилетний юбилей восшествия на престол, и журнал «Родина» упомянул об этом. Фердинанду пели дифирамбы, подчеркивалась главная заслуга в его монаршей деятельности: «мог спокойно сказать, что достойно завершил начатое в 1877 г. Россией дело воссоздания Болгарии»⁴⁹.

В очерке Д.П. Багратиона говорилось, что болгарский народ своими духовными силами обязан народным школам и патриотической литературе, которые активно развивались и создавались в царствование «мудрого Фердинанда»; ставился и риторический вопрос: удастся ли болгарскому правителю повторить 907 год, подвиг Вещего Олега?⁵⁰ Далее князь указал на связи Фердинанда Кобурга с русским двором: он назвал его потомком Ярослава Мудрого и напомнил, что сын и наследник болгарского царя – крестник русского императора Николая II⁵¹.

С началом мирных переговоров в Лондоне царь Фердинанд стал именоваться и главным поборником мира: «Стронники мира могут приветствовать в лице болгарского царя человека, поспешившего положить конец кровопролитию»⁵².

Болгарскому монарху приписывалась и инициатива создания Балканского союза. Д.П. Багратион утверждал, что замысел войны с Османской империей родился у «мудрого правителя Болгарии»⁵³. Н.П. Мамонтов писал, что Кобург «приступил к объединению бывших противников»⁵⁴. «Вестник Европы» так же считал, что Фердинанд являлся «по-видимому, неофициальным главным руководителем военных операций всех союзных армий»⁵⁵. Профессор-историк П.А. Лавров уже после обеих войн в лекции в Петрозаводске 18 августа 1913 г. справедливо признавал, что «честолюбивый и тщеславный [Фердинанд]... оказался недурным политиком»⁵⁶.

О симпатиях к болгарскому царю свидетельствуют телеграммы и письма, отправленные ему из России. Некто за подписью «Славянин» прислал ему письмо из Томска: «Вся Россия будет с Вами, Ваше Величество; весь русский народ без различий по политическим убеждениям поддержит Болгарию. Но пусть она не повторит нашу ошибку 1878 г.»⁵⁷. Русские дети, участвовавшие в сборе помощи для болгарской армии, в своих посланиях царевнам желали Фердинанду «поколотить турок», «взять у турок Святую Софию», писали, что любят его больше других балканских правителей⁵⁸.

Когда обострение в отношениях союзников стало зримым, светлый образ болгарского царя начал блекнуть. «Вестник Европы» в мае 1913 г. утверждал: «Болгария за все двадцатипятилетие царствования Фердинанда Кобургского развивалась вне всякого воздействия России и поддерживала с ней довольно холодные отношения, а политика болгарская большею частью сообразовывалась с австрийскою»⁵⁹. С началом межсоюзнической войны Фердинанд был уже награжден многими отнюдь не лестными эпитетами. Одними из основных обвинений в его адрес стали тщеславие и честолюбие.

Его же русское общество считало виновником Второй Балканской войны. Лидер партии кадетов П.Н. Милуков небезосновательно утверждал, что Кобург начал боевые действия летом 1913 г. вопреки мнению своих министров⁶⁰. Его коллега по Государственной Думе Н.В. Савич, хотя и считал, что личность Фердинанда в разрушении Балканского союза сыграла второстепенную роль, в отличие от австрийской политики, вины с него полностью не снимал. Думский депутат выражал жалость болгарскому народу, которому придется расплачиваться за действия своего царя. При этом Савич крайне негативно характеризовал Фердинанда – «австрийца на славянском престоле», всегда ненавидевшего Россию и русского императора⁶¹.

Бывший первый министр сербского короля Александра Обреновича Владан Джорджевич в интервью Е.И. Мартынову обвинял болгарского царя в мании величия и страсти к интригам. При этом он сообщил журналисту, что Фердинанд, создавая Балканский союз, вступил в тайное соглашение с Австрией, по которому обязывался выставить в случае войны 200 тыс. солдат против России⁶². Выходец из Боки Которской, осевший в России Иероним Табурно, в тот момент сотрудник «Нового времени», в своем публичном докладе обвинял руководство Болгарии в переговорах с австрийцами о разделе Сербии и Македонии, но, по его мнению, этому соглашению помешали завышенные требо-

вания дуалистической монархии⁶³. Как видим, persona царя стала объектом откровенных инсинуаций.

«Нива», подводя итоги двухлетних боевых действий на Балканах, обвинила царя Фердинанда в вероломстве (за это Болгария была наказана утратой Добруджи и почти всей Македонии), в готовности к дальнейшему предательству (расплатой за это стала потеря Адрианополя и Фракии)⁶⁴. В конце 1913 г. журнал, вспоминая минувшие события, даже назвал главного софийского лепидоптеролога* «австрофильствующим правителем Болгарии»⁶⁵. Журнал «Сатирикон» передал приблизительно такое же свое мнение о результатах политики болгарского царя за последние два года. В конце июля издание поместило на обложке характерную карикатуру: у разбитого корыта сидит царь Фердинанд в наряде старухи из известной пушкинской сказки и причитает: «Давно ли я думал о том, кому поднести ключи от Царьграда?..»⁶⁶.

«Вестник Европы», прежде вполне лояльно писавший о болгарских верхах, после Межсоюзнической войны с усердием начал очернять их, пытаясь реабилитироваться в глазах читателя. В издании появился довольно интересный мотив: противопоставление правителей Болгарии и ее народа. Приведем несколько примеров: «ослепленная своими неожиданными успехами в борьбе против Турции, болгарская военная партия сочла возможным отделиться от союзников, чтобы обеспечить для себя первенство на Балканах, и ради этой честолюбивой цели поставила на карту все свои крупные реальные приобретения и самое существование государства»⁶⁷, «болгарские правители пользовались репутацией расчетливых, дальновидных и трезвых политиков, между тем они обнаружили такую бездну легкомыслия и самомнения, что даже лучшие друзья Болгарии ставятся в тупик»⁶⁸, «Болгария жестоко наказана за прес-

---

* Лепидоптеролог – специалист-энтомолог, изучающий насекомых отряда чешуекрылых (бабочек, мотыльков и пр.). (Прим. ред.).

тупные ошибки и увлечения своих политических и военных деятелей, но и противники, и соперники ее на Балканах показали себя с крайне несимпатичной стороны»⁶⁹.

«Русская Мысль» шла тем же курсом – писала об «авантюристах, которые толкнули Болгарию на катастрофу», и сожалела о том, что за ошибки правителей «расплатился многострадальный болгарский народ»⁷⁰. «Нива» еще более явно противопоставляла болгарских правителей и народ, указывая, что болгарам «необходимо решительно и бесповоротно освободиться от тех тлетворных элементов, которые сделали болгарский народ слепым орудием антиславянской политики на Балканах»⁷¹.

Исключением являлись «Русские Ведомости», не ведавшие всех собак на царя Фердинанда и его окружение. Подводя итог 1913 г., издание констатировало, что не без вины Петербурга «расстроена естественная дружба с Болгарией, правительство которой сердцем передалось Вене»⁷².

Итак, как мы видим, центральными фигурами в военной сфере русским очевидцам и обозревателям представлялись Михаил Савов и Радко Димитриев, которые при этом противопоставлялись друг другу, поскольку первый был русофобом, а второй – русофилом. И если первому симпатии доставались лишь при победах, то таланты второго не подчинялись логике изменения политической конъюнктуры. Очевидным для корреспондентов было моральное разложение высших чинов болгарской армии, но при победах Балканского союза общество словно забыло об этом. Блеск болгарских викторий застилал глаза русским журналистам. И на этом фоне выгодно отличался взвешенностью своих суждений Л.Д. Троцкий.

На примере царя Фердинанда заметно кардинальное изменение мнений и характеристик по мере развития событий. Это свидетельствует об определенном уровне политической и ангажированности журналистов, который не позволял объективно оценивать фигуру болгарского царя. С началом войны за освобождение Македонии Фердинанду бы-

ло прощено многое, с началом войны за раздел Македонии отношение к нему стало крайне негативным.

Весьма положительные отзывы начала Первой Балканской войны можно объяснить, учитывая необходимость сформировать образ врага, редуцировать с этой целью отдельные черты противоборствующих сторон. Турции предстояло олицетворять собой зло, а ее противники, воспринимавшиеся русским обществом как «свои», представляться воплощением всех положительных качеств⁷³. С началом Межсоюзнической войны Болгария стала восприниматься врагом и предателем «дела славянства» (чему немало способствовал проигрыш Софии в информационном противостоянии с Белградом⁷⁴), и, соответственно, ее начали изображать негативно. Однако известно, что моментальных изменений стереотипов не бывает, для складывания отрицательного образа необходимы какие-то реальные или длительно навязываемые основания⁷⁵. И они существовали – австрийское происхождение Фердинанда Кобурга, «русофобство» М. Савова, долгий разрыв в отношениях России и Болгарии и т.д. Отрицательные черты Р. Димитриева казались журналистам незначительными, поэтому, на наш взгляд, его образ не пострадал.

И, наконец, стоит отметить факт противопоставления правящих кругов Болгарии и ее народа, фактически прямые советы удаления от власти виновников катастрофы, которые, можно предположить, были обращены, прежде всего, к болгарскому обществу, как некий намек на действия, необходимые для счастья обоих братских народов и славянства в целом. Большой масштаб это приобретет уже с началом Первой мировой войны, с попытками втянуть Болгарию в противостояние на стороне Антанты.

Примечания

¹ Уледов А.К. Общественное мнение как предмет социологического исследования // Вопросы философии. 1959. № 3. С. 48.

² Ганчев Д. Спомени. В. Търново, 2005. С. 459–460.

³ Троцкий Л.Д. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканские войны. URL: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm126.-htm>; <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm141.htm>. (Дата обращения: 20.05.2013).

⁴ Каширин В.Б. Высший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских. М., 2011. С. 210–211.

⁵ Нойков С. Оценки на германския и австро-унгарския генерален щаб за българската армия в Балканската война 1912–1913 г. // Военноисторически сборник. 1983. Кн. 2. С. 48.

⁶ Нива. № 49. (8.12.1912). С. 973.

⁷ Махров П. Балканская война 1912–1913 года (Общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913 г. С. 41.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 102. Л. 10.

⁹ Нива. № 37. (14.09.1913). С. 737.

¹⁰ Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 141.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 37.

¹³ Немирович-Данченко В.И. Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 243.

¹⁴ Чинтулов К. Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 5. С. 163.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 102. Л. 11.

¹⁶ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 109.

¹⁷ Митев Т. Разрешаването на офицерско-емигрантския въпрос през 90-те години на XIX век // Военноисторически сборник. 1981. № 1. С. 41–42.

¹⁸ Каширин В.Б. Указ. соч. С. 211.

¹⁹ Балканската война през погледа на един французин. София, 1977. С. 57.

²⁰ Каширин В.Б. Указ. соч. С. 217.

- ²¹ Нива. № 49 (8.12.1912) С. 975.
- ²² *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 42–43; *Махров П.* Указ. соч. С. 42.
- ²³ *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 259.
- ²⁴ Там же. С. 279.
- ²⁵ *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (Военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 85.
- ²⁶ *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 127.
- ²⁷ *Мамонтов Н. П.* Указ. соч. С. 43.
- ²⁸ Там же. С. 109.
- ²⁹ *Немирович-Данченко В.И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 159.
- ³⁰ Там же. С. 120.
- ³¹ *Махров П.* Указ. соч. С. 79.
- ³² Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 387.
- ³³ *Троцкий Л.Д.* Перед историческим рубежом...
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Немирович-Данченко В.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 244.
- ³⁶ Там же. С. 244–245.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 473. Л. 28.
- ³⁸ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 44.
- ³⁹ *Махров П.* Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁰ *Нойков С.* Указ. соч. С. 48.
- ⁴¹ Вестник Европы. 1912. № 11. С. 405.
- ⁴² *Пастухов И.* Из преживяного. Спомени, статии, речи. София, 2008. С. 38.
- ⁴³ *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 64.
- ⁴⁴ *Троцкий Л.Д.* Сочинения... С. 251.
- ⁴⁵ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 109.
- ⁴⁶ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 12.
- ⁴⁷ Вестник Европы. 1913. № 8. С. 389.
- ⁴⁸ Дневник Великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. Л.–М., 1925. С. 95.
- ⁴⁹ Родина. № 34 (19.08.1912). С. 1.
- ⁵⁰ Нива. № 46 (17.11.1912). С. 916.
- ⁵¹ Нива. № 48 (1.12.1912) С. 954.
- ⁵² Вестник Европы. № 1. 1913. С. 216.
- ⁵³ Нива. № 46 (17.11.1912). С. 916.

- ⁵⁴ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 6.
- ⁵⁵ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 357.
- ⁵⁶ *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый кризис. Петро-
заводск, 1914. С. 10.
- ⁵⁷ Вечерна поща. № 67 (12.12.1912).
- ⁵⁸ Мир. № 3793 (7.02.1913).
- ⁵⁹ Вестник Европы. 1913. № 5. С. 421.
- ⁶⁰ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 109.
- ⁶¹ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 113.
- ⁶² *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 14.
- ⁶³ *Табурно И.П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции
территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 34.
- ⁶⁴ Нива. № 37 (14.09.1913). С. 737.
- ⁶⁵ Там же. № 46 (16.11.1913). С. 919.
- ⁶⁶ Сатирикон. № 30 (26.07.1913).
- ⁶⁷ Вестник Европы. 1913. № 8. С. 388.
- ⁶⁸ Там же. С. 389.
- ⁶⁹ Там же. С. 390.
- ⁷⁰ Русская мысль. 1913. № 9. С. 2.
- ⁷¹ Нива. № 37 (14.09.1913). С. 738.
- ⁷² Русские Ведомости. № 1 (01.01.1914).
- ⁷³ См.: *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый
синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага.*
М., 2005; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века.
Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
- ⁷⁴ *Гусев Н.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // *Родина.*
2014. № 6.
- ⁷⁵ См.: *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.

БОРИС III. ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ НЕ ПО ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

*«Борис, когда однажды ты будешь призван на царство,
постарайся быть самым хорошим царем среди царей»
Мария-Луиза¹*

Великие даны, чтобы их цитировали или отсылали к ним. Что ж, не буду им изменять. Монтень как-то заметил, что самая трудная профессия – быть царем, причем достойным. Пожалуй, можно оспорить эту мысль, утверждая, что «хороших царей» не бывает. Но дело не в споре, а в самой сути мысли великого француза. И в этом разбирательстве может оказаться полезной история царя Бориса. Его царствование не раз было предметом исследований историков, любителей и профессионалов, отечественных и зарубежных².

И устоявшиеся оценки, бывало, ломались вместе с изменением власти в стране. Впрочем, это обычное явление – меняться вместе с политической конъюнктурой – имеет интернациональный характер.

Но меня занимает не собственно политическая деятельность последнего болгарского царя, а иная, более тонкая материя, относимая к сфере чувств, причем, не только самого царя, но и внушаемых им своим подданным. Возможно, что «вторжение» в эту область поможет лучше понять «царскую профессию».

Итак, вначале немного о времени, в котором прошли «детство, отрочество и юность» будущего царя. Это теракты и революции. Достаточно назвать хотя бы убийство премьер-министра Димитра Петкова в Софии, короля Александра в Белграде, П.А. Столыпина в Киеве, свидетелем которого был сам престолонаследник. Все это не могло не сказаться на личности будущего короля Болгарии, его отношении к «царской профессии».

Разумеется, нельзя обойти молчанием сюжет о воспитании и образовании престолонаследника, памятуя о том,

что только умственное и нравственное воспитание являются собой своеобразный фундамент любой личности.

Тема образования, представленная в дневнике преподавателя царского сына Станимира Станимирова³, позволяет сделать умозаключение о весьма обширных знаниях, полученных в частном порядке престолонаследником по курсу классической гимназии. Замечу, что исключительно серьезной оказалась подготовка по русской истории и литературе. Хотя не премину сказать, что знания не равны любви. И став монархом, Борис не выказывал особого интереса к чтению русской беллетристики.

Что же касается воспитания, то его принципы охарактеризовал много позднее, находясь под арестом, брат царя принц Кирилл: «Чувства царя не отражались на его лице. А более всего – тревога... Во дворце – это вопрос воспитания: переносить всякое тревожное и страшное событие спокойно. Церковь, армия и дворец суть три вещи в мире, которые учат, которые умеют и на практике позволяют переносить трагические события спокойно. Сдержанно»⁴.

Добавлю, что «церковь, армия и дворец», взращивая упомянутую «сдержанность» у престолонаследника, закономерно считали, что она является необходимым компонентом царского воспитания.

Не следует «забывать» и фигуру главного воспитателя – отца. Царь Фердинанд обязал своего наследника пройти военную школу с ее маршировкой до седьмого пота, различными тренировками. Сюда добавилось обучение на курсах Военной академии, участие в ряде войн, картины восстания в армейской среде, которые отпечатались в памяти будущего правителя.

Все это равным образом должно было воспитать у Бориса твердость характера, умение принимать нужные решения, и, возможно, самое главное, – видеть в армии ту силу, с которой надо обращаться очень искусно.

В 24 года престолонаследник взшел на трон. Как говорил сам Борис, он «воцарился, когда пушки революции

гремели у стен Софии», и знал, что такое «иметь недовольный народ»⁵.

В наследство ему достались разоренная войнами страна, ненависть населения к его отцу как одному из виновников национальной катастрофы, иллюзорность самой царской власти. Недаром бывший тюремный сиделец, а тогда фактический правитель Болгарии Александр Стамболийский звал Бориса просто «царчик».

И в такой обстановке нужна была сдержанность и еще раз сдержанность. И это качество Борис проявлял неоднократно, почти неизменно добиваясь успеха. Хотя бывали и срывы, вернее, взрывы. Пример тому – запись в дневнике премьер-министра Б. Филова, согласно которой однажды царь, раздраженный своими дипломатами, позволил себе такое циничное выражение, которое уместнее было бы в устах простолюдина⁶.

Но когда дело доходило до контактов с народом, то сдержанность мгновенно уступала место общению, так сказать, «на равных». В литературе приведено множество эпизодов, когда царь запросто входит в разговор, в круг забот, проблем, радостей и горестей рядового болгарина. Думается, все это можно рассматривать в тройном срезе.

Первый: стремление и умение царя чувствовать простого человека.

Второй: воспитывать в народе доверие, уважение, любовь к себе, тем самым, выстраивая определенную линию обороны против антимонархических заговоров.

Третий: как пример обычного популизма. Сюда можно добавить, что подобно калифу Гарун аль Рашиду болгарский монарх тоже имел полезную привычку посещать винные заведения, слушать и вступать в разговоры посетителей⁷. Все это только увеличивало популярность монарха в народе.

Может быть, имело место и первое, и второе, и третье. Однако наиболее важной мне представляется вторая линия.

Жизнь страны, богатая политическими бурями, взрывами, терактами, требовала от монарха искусства выжива-

ния, в том числе, личной смелости, самообладания в тяжелых ситуациях. Свидетельства на этот счет разнятся.

В своих воспоминаниях Кимон Георгиев, например, рисует царя как трусливого человека, прятавшегося в курятнике во время событий 1923 г.⁸, или готового «сдать» своих генералов заговорщикам в ходе майского переворота 1934 г.⁹

Однако не все обстояло так просто. Судя по донесениям английской дипломатии, основанным на личных беседах подданных Ее Величества королевы Великобритании с Борисом III, в сентябре 1923 г. царь проявил немалое мужество при встрече с заговорщиками¹⁰.

И здесь, как мне представляется, написанные гораздо позднее воспоминания К. Георгиева, участвовавшего к тому же в строительстве Народной Республики Болгарии, вызывают определенные сомнения.

Напомню еще, что болгарский монарх, достойно встретивший покушение на свою особу в апреле 1925 г., разъезжал по стране почти без охраны. Царица Иоанна писала в своих мемуарах: «Начиная со второй части своего царствования, т.е. с 1930 г., Борис, не обращая внимания на предупреждения полиции, решил не пользоваться эскортом при передвижении как в городах, так и селах»¹¹.

Царица добавляла далее: «Идеал моего супруга во многом отличался от идеала моего свекра, который думал, что может сделать из Болгарии “Пруссию на Балканах”, в то время как Борис хотел сделать из нее Швейцарию», страну «богатую, высокоцивилизованную, модернизированную..., открытую для туризма из-за богатства ландшафтов, обычаев, промышленности и типичного для страны искусства»¹².

И еще. Для вступления на болгарский престол нужна была храбрость, равно как и для отстаивания впоследствии интересов своей страны в годы Второй мировой войны. Вспомним о защите болгарских евреев.

Разумеется, храбрость не отменяла чувства осторожности, особенно во время поездок за границу. Так, в ан-

глийских дипломатических документах отложилась информация, относящаяся ко времени его путешествия по Италии (1927 г.). После предупреждения итальянских властей о возможном покушении царь постоянно «менял маршрут и программу своих посещений», и ему удалось «смешать карты» террористов¹³.

Пожалуй, одно из самых сильных чувств всегда связывалось с любовью.

Ученые мужи уже в древности писали о разных видах любви, родительской, сыновней, дочерней, платонической, физической, к родине, к деньгам и прочей. В существующей литературе о царе Борисе эти темы затрагивались, но, в своем большинстве, насколько мне известно, косвенно. Попробую и я что-то сказать на эту деликатную тему.

Отношения к отцу были «испорчены» политикой. Царь Фердинанд слыл виновником национальной катастрофы и был вынужден жить за пределами своего бывшего царства. К этому можно присовокупить, что сын не хотел возвращения отца в Болгарию.

Болгарский историк В. Божинов пишет, что царь опасался возможного вмешательства отца в управление страной¹⁴.

По моему мнению, все же это было вряд ли возможно, учитывая ненависть в стране к бывшему монарху.

И небольшой факт, рисующий отношение сына к отцу. В декабре 1923 г. английский дипломат Ирскин передал в министерство иностранных дел сообщение о том, что Фердинанд, по словам царя Бориса, «был разозлен... длительным отсутствием» принцесс Евдокии и Надежды», которые последние два года провели в Болгарии, у брата. Болгарский монарх рассказал, что «отправил одну из них – принцессу Евдокию – провести Рождество с бывшим царем Фердинандом с надеждой, что дела изгладятся». При этом, информировал Ирскин, Борис «с усмешкой добавил, что оставил у себя принцессу Надежду на тот случай, если отец создаст трудности с возвращением принцессы Евдокии»¹⁵.

Теперь немного из истории брака и о чувствах царя. Вопрос брака имел не только личный характер, но и государственный. Как доносил Ирскин своему начальству, «мир и стабильность на Балканах требуют женитьбы царя». Именно к такому заключению пришел кабинет министров, предложивший царю предпринять путешествие по Европе в поисках своей избранницы¹⁶.

Свою невесту, принцессу Джованну, он нашел в Италии. В 1930 г. тридцатилетний царь совершил двойной (православный и католический) обряд венчания с дочерью итальянского короля Виктора-Эммануила.

Любил ли он кого ранее, не известно. Есть сведения, что царь питал нежные чувства к русской княжне Кире Кирилловне Романовой (1909–1967), жившей в Германии¹⁷.

Однако помолвка не состоялась. Можно предположить, что брак не состоялся по «политическим причинам»: Болгарии нужно было упрочить свое положение через царственный брак, и княжна, утратившая империю, не устраивала Софию. Известно лишь, что великая княжна вышла замуж в 1938 г. за Луи Фердинанда, принца Германского и Прусского.

Потерпел неудачу и план женитьбы царя на румынской принцессе Илеане¹⁸.

И только Италия оказалась «счастливой» для болгарского царя и его страны, установившей династические связи с одной из победительниц в Первой мировой войне.

Стал ли счастливым этот брак, сказать нелегко. Да, были дети, жена написала великолепные воспоминания о своем муже. Сам Борис III также не давал никаких явных поводов усомниться в своей верности красавице-супруге.

Как пишет исследователь его жизни А. Леверсон, не было слышно ни одного слова о фаворитках, куртизанках, гетерах. Не известно ни об одном интимном приключении, как будто царь монах или аскет¹⁹.

Хотя слухи на эту тему ходили. Они были связаны с секретаршами царя Надей и Верой Стояновыми, незамуж-

ними дочерьми генерала Алексы Стоянова. Но неверность царя не была подтверждена никем.

Единственная странность, зафиксированная в книге А. Леверсона, состояла в том, что в сентябре 1946 г. перед отъездом на родину царица Иоанна приказала демонтировать царскую кровать и отвезти в дом Нади.

Ее поставили в так называемой царской комнате, которая была в его распоряжении в доме генерала Стоянова. А. Леверсон вопрошал в недоумении: «Что это? Обряд, загадка, суеверие, благодарность, память или любовь? Царица завещала царскую кровать Наде! В этой комнате царь встречал гостей, в ней останавливался сотни раз, когда происходила конфиденциальная встреча или когда искал отдыха, утешения и спокойствия»²⁰.

Как мне представляется, все же это всего лишь желание спасти от нового режима самый интимный предмет, передав его на хранение бывшей секретарше, в которой она не видела счастливую соперницу.

Теперь немного о любви царя к Болгарии. Любители конспирологии могут говорить, что политика Кобургов всегда оказывалась катастрофической для страны. Дескать, начало положил отец, выступив на стороне Германии, а его политику продолжил сын.

Мне представляется, на основе многочисленных свидетельств, да и истории самого царствования, что Борис III любил свою страну, где он родился, берег ее по мере сил и возможностей, стремился вернуть мирными средствами прежние земли, как это было с освобождением «из румынского плена» Южной Добруджи в 1940 году.

Однако есть исследователи, полагающие, что речь идет совсем не о «любви» к стране, а о стремлении царя упрочить положение своей династии, поколебленной отцом и всем временем, обильно политым кровью. В подтверждение приводят смертные приговоры многим болгарам, настоящим и мнимым противникам царской власти. Да и сам Борис, по мнению многих историков, был великолепным актером, игравшим роль «защитника и покровителя»,

каковым он на деле не являлся. И ни о какой «любви» и речи быть не может. Это всего лишь только «игра» в «любовь».

И все же рискну утверждать, что последний болгарский монарх любил свою страну. Разумеется, глагол «любить» для царя, который по определению не должен только «миловать», но и «карать», весьма сложен для истолкования. Но для меня, царь, делавший все для предотвращения смуты и безвластия в стране, все же являет собою натуру, не чуждую, если не любви, то заботы о своих подданных. Впрочем, это и есть любовь по-царски. Ее разрушили война, смерть самого монарха, и сами историки, ведь это так недемократично!

Примечания

¹ Цит. По: *Йовков И.* Хроника на едно царуване. Първа част. София, 1989. С. 28.

² *Гришина Р.П.* Царь Борис III. 1894–1943 // Пленники национальной идеи. М., 1993; *Левerson А.* Цар Борис III. Щрихи към портрета. София, 1995.

³ Дневник на Станимир Станимиров за образование на цар Борис III и принц Кирил. София. Б. г.

⁴ *Топалов М.* Разговори с принц Кирил. София, 1991. С. 56.

⁵ *Левerson А.* Цар Борис III. С. 26.

⁶ Там же. С. 230.

⁷ Там же. С. 146.

⁸ Архивите говорят. Из личния архив на Кимон Георгиев. В 2 т. Т. 1. София, 2005. С. 256.

⁹ Там же. Т. 2. София, 2008. С. 45.

¹⁰ Цар Борис III в британската дипломатическа кореспонденция (1919–1941 г.) в 2 т. Т. I (1919–1934 г.) София, 2005. С. 79.

¹¹ Царица *Йоанна*. Спомени. София, 1991. С. 76.

¹² Там же. С. 76, 77.

¹³ Цар Борис III в британската дипломатическа кореспонденция. С. 132.

¹⁴ *Божинев В.* Земното кълбо не престава да се върти, ако ние и да спим. Разказ за живота Андрей Ляпчев. София, 2005. С. 178.

¹⁵ Цар Борис III в британската дипломатическа кореспонденция. С. 83.

¹⁶ Там же. С. 117.

¹⁷ *Божинев В.* Указ. соч. С. 181.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ *Левerson А.* Указ. соч. С. 10.

²⁰ Там же. С. 485–486.

«ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА».

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКИЕ ОЖИДАНИЯ:
МЕЖДУ ИРРАЦИОНАЛИЗМОМ И ПРАГМАТИЗМОМ**

В 1915 г. русский религиозный философ В.Ф. Эрн, называя переживаемое Россией время «временем славянофильства», писал: «... мы фактически вступаем в славянофильский эон* нашей истории; он же самым тесным образом связан с судьбами всего мира... то, что казалось чистой славянофильской фантастикой и патриотическим сновидением, начинает сбываться, переходить в явь»¹.

«Славянофильская фантастика» представляла собой бегство русской религиозно-философской мысли от политической жизни. И левые, и правые силы российского политического спектра, испытавшие разочарование в связи с бурными событиями 1905 г., ожидали «великую духовную революцию» и «духовное освобождение». Но ожидания эти подпитывались «чувством катастрофичности».

Настоящая статья ставит задачу представить «славянофильские ожидания» от войны таких религиозных мыслителей, возрождавших русское мессианство, как Владимир Эрн, Федор Степун, Евгений Трубецкой, Василий Розанов, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, с одной стороны, и прагматичные воззрения русских либералов Константина Арсеньева, Льва Слонимского, Петра Струве, Павла Милюкова, с другой.

Определение «славянофильское» для начала XX в. употребляется в статье условно и обобщает бытовавшие в русском обществе религиозно-философские интерпретации войны, не имеющие связи ни с ранним славянофильством

---

* Эон – термин древнегреческой философии, означающий «век», «жизненный век», время в аспекте жизненного существования как некая целостная, самозамкнутая структура, в отличие от хроноса.

40-х гг. XIX в., ни с неославизмом Александра Погодина в его «романтичном» периоде от начала XX в. до 1912–1913 гг.

А.Л. Погодин являлся славистом-профессионалом, и его позиции были так же далеки от старых славянофилов, с которыми он себя не отождествлял², как и от религиозных философов, «славянофильствовавших» в преддверии и во время Первой мировой войны.

Основными темами для религиозных философов, создававших иррациональную идеологическую схему времен войны, являлись славянофильство, религиозное мессианство, новые дихотомии, славянская идея.

Славянофильство

В.Ф. Эрн приравнивает славянофильство к «всечеловечеству» Ф.М. Достоевского. «Время славянофильствует в том смысле, что русская идея всечеловечности загорается небывалым светом над потоком всемирных событий», – писал он³.

В.В. Розанов – противник определений «славянофильство» и «западничество» как «цензурных и удобных терминов»⁴. Дефиниция славянофильства, которую он предлагает – «любовь к русскому в России. И она бессмертна»⁵. Поэтому для него война представляет начало «русского ренессанса».

Н.А. Бердяев приближается к интерпретации Розанова, воспринимая славянофильство как синоним русофильства, но, прежде всего, он открывает в нем славянскую идею: «славянскую идею можно искать только в славянофильстве... славянофильство точнее было бы назвать русофильством»⁶.

Н.А. Бердяев оспаривает основную идею В.В. Розанова, изложенную в его книге «Война 1914 года и русское самосознание» (1915), о возрождении славянофильства как основного итога войны. Бердяев ожидает, что вместо славянофильства война породит универсальную всечеловечность через подлинную славянскую идею, которая не противопоставляет православных и католиков и представляет собою начало «нового самосознания»: «нынешний исторический день совершенно опрокидывает и славянофильские,

и западнические платформы и обязывает нас к творчеству нового самосознания и новой жизни»⁷. Другим результатом войны, по Бердяеву, должен стать отказ интеллигенции от «либерального империализма»⁸, понимаемый им как имитация западноевропейского и удаление от русского.

Как и у Ф.М. Достоевского, так и у Н.А. Бердяева, новое осознание всечеловечности равносильно истинно русскому.

С.Н. Булгаков отрицает провинциальное начало в «крайнем славянофильстве», отделяющее Запад от России, которая является нераздельной частью христианской Европы: «Россия... есть существенная и необходимая часть духовного организма Европы, а не простая ее провинция или только количественное расширение». Заслуга Булгакова состоит в борьбе с мещанским соблазном «новевропеизма». Подобно Достоевскому, видевшему в русских подлинных европейцев, Булгаков открывает Европу в тех, «кто отрицали западничество и ощущали себя славянофилами, [кто] теперь гораздо более чувствуют себя европейцами относительно освобождающейся от бремени мещанства Европы, чем те, кто считал себя западниками и ныне стоят недоуменно пред фактом крушения их кумира»⁹.

Религиозное мессианство

Религиозно-нравственный мотив является ведущим в «славянофильских ожиданиях» времен войны.

В.В. Розанов видит величие войны в начавшейся «нравственно-воспитательной» и «великой расовой и культурной борьбе»¹⁰. Основной враг – Германия – представлен В.Ф. Эрном как олицетворение «богоубийственной энергии Запада», западной культуры после эпохи Возрождения с ее «внутренней и внешней секуляризацией», противопоставленной «трансцендентной»¹¹ русской культуре до ее европеизации Петром Великим.

С.Н. Булгаков ожидает от войны начала «нового и великого этапа в истории русского самосознания, именно в

духовном освобождении русского духа от западнического идолопоклонства»¹².

По мысли Е.Н. Трубецкого, война несет, прежде всего, «христианское разрешение национального вопроса», способствует выполнению «сверхнародной, универсальной» задачи «всеобщего политического возрождения всех порабожденных национальностей»¹³. «Сверхнародная» цель России есть борьба «русского патриотизма... против немецкого национализма»¹⁴.

Ф.А. Степун – создатель в годы эмиграции религиозно-философского течения «Новый Град» – первоначально принимает определения «священная» и «честная» для войны как принесение в жертву «Божественной идее», а не «человеческой вздорной выдумке», но при личном столкновении с ней еще в апреле 1915 г. признает расхождение между мечтой и реальностью: «Между войною, которую мы переживаем, и нарисованной мною войною сходства нет»¹⁵.

Либеральная общественная мысль не разделяет энтузиазма, вызванного войною у «славянофильствующих» философов. Публицист «Вестника Европы» Л.З. Слонимский категорически отвергает мессианство и славянофильство как ведущую идеологию: «Идея национального мессианизма приводит народы к тем же результатам, как мания величия цезарей... Притязание на исключительную роль среди народов мира свойственно не одним германцам. В свое время оно сказывалось и у французов, и у англичан; оно лежит также в основе нашего старого славянофильства»¹⁶.

Лидер либеральных кадетов П.Н. Милюков не менее скептичен: «...Наброшенная нашим поэтом картина – в столицах “гремят витии”, а в глубине России царит “вековая тишина” – эта картина оставалась верной. В войне 1914 г. “вековая тишина” получила распространенную формулу в выражении: “Мы – калуцкие”, то есть до Калуги Вильгельм не дойдет»¹⁷.

Новые дихотомии

Религиозно-мессианская интерпретация войны порождает и новые дихотомии: традиционное для XIX – начала XX вв. противопоставление «Европа – Россия» и «Восток – Запад» заменено на «религиозное – светское», «духовное – материальное», «славянское – германское», «идеализм – позитивизм», «патриотизм – национализм».

Россия в «славянофильствующей» интерпретации представляет собою символ религиозного, духовного, славянского, идеалистического и патриотического, в то время как Германия – светского, материального, позитивистского и националистического.

Основное призвание войны есть создание новой Европы, где Франция и Англия вместе с Россией-Святой Русью, объединенные «единым славянским делом», возрождают «подлинные святыни европейской культуры» или Европы, этой, по Достоевскому, «страны святых чудес»¹⁸. Иррациональный подход В.Ф. Эрн и В.В. Розанова к историческому прошлому России и Запада идеализирует русское участие в войне. Старая Европа через свою историю «представляет собою *насилие сильного над слабым*», в то время как русская история «тихая, безбурная», и Россия действительно и реально «не имеет в войне других мотивов, кроме как идеалистических»¹⁹.

Позитивизм и атеизм заклеены В.В. Розановым как носители смерти вместе с революцией и социализмом, символизирующими «солнце западничества», в то время как с войной должно взойти «солнце Востока»²⁰.

С.Н. Булгаков в целом рисует современную Европу как «культурное эпикурейство»: «Этим комфортом, прежде всего, импонировала и привлекала к себе Европа “варварские” народы... начиная с эпохи Петра Великого, потянулись к ней и наши соотечественники ... мне давно уже стало страшно от современной Европы, и я перестал туда ездить: мистическую жуть на меня нагоняло европейское чувство жизни». Европейской «мещанской оседлости» Бул-

гаков противопоставляет живущую в русской душе «стихию степного кочевника»²¹.

Славянская идея

Название войны в самом ее начале как «второй Отечественной» и как «Освободительной» связано больше всего со славянской идеей. «*Единство и целостность России и освобождение родственных славянских народов*, – вот два лозунга, во имя которых ведется война»²², – пишет в августе 1914 г. Е.Н. Трубецкой. В 1915 г. его мысль дополнил В.В. Розанов: «за нашей спиной – все славянство, которое мы защищаем грудью»²³.

В славянской идеологии войны выделяются два основных вопроса: польский вопрос в России, с одной стороны, и защита славян от германского гнета, с другой.

Польский вопрос

Официальная позиция властей в польском вопросе объявлена 3 августа 1914 г. в воззвании Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича к польскому народу, а именно – объединение польских земель в единое государство под русским скипетром в рамках империи.

В.В. Розанов полностью согласен с речью главнокомандующего и настроен против польских амбиций в деле достижения независимости: «Поляки, конечно, погубят себя, если будут стараться выйти за пределы слов Главнокомандующего»²⁴.

Е.Н. Трубецкой уделяет особое внимание польскому вопросу, усматривая в «воскресении Польши» «непременное условие собственного нашего русского национального возрождения». Только через искупление «своего исторического греха» (именно так Трубецкой оценивает разделы Польши) Россия может осуществить свою освободительную миссию среди славянства²⁵. Трубецкой, однако, выступает за сохранение Польши в пределах Российской империи.

Н.А. Бердяев усматривает в войне начало осознания славянской идеи «перед лицом грозной опасности германизма», хотя и признает ее «печальное» состояние в русском обществе, где она, по его мнению, находится на подсознательном уровне, впрочем, как и у остальных славян, разъединенных между собой. Русофильство старых славянофилов мешает славянскому единению, так как противопоставляет православие и католицизм: «Славянофильство отпугивает и поляков, и славян, и прогрессивные слои русского общества». Бердяев видит путь реализации славянской идеи только через «русский духовный универсализм, русскую всечеловечность, русское искание Града Божьего, а не русскую национальную ограниченность и самодовольство, не русский провинциализм»²⁶.

Только через всечеловечность могут быть преодолены русско-польские противоречия, которые Бердяев объясняет разделом славянского мира на «Славянский Запад», к которому принадлежит Польша, и «Славянский Восток» с центром в России²⁷.

Либералы восприняли положительно речь Великого князя Николая Николаевича, но, в отличие от «славянофильствующих», часть из них выступала за предоставление автономии объединенной Польше. В январе 1915 г. П.Н. Милюков предложил правительству внести на рассмотрение соответствующий законопроект.

К.К. Арсеньев, ведущий автор «Вестника Европы», даже уподобляет воззвание от 3 августа 1914 г. манифесту от 17 октября 1905 г., считая его началом новых русско-польских отношений, а поляков называет «воскресшей нацией».

В отличие от эйфории, демонстрируемой В.В. Розановым и Е.Н. Трубецким, он не идеализирует русско-польские отношения и отмечает, что война носит братоубийственный характер, так как поляки и литовцы «разорваны надвое», находясь в противоположных лагерях²⁸.

П.Н. Милюков признает в своих воспоминаниях, что во время войны «шли... преследования против националь-

ностей; в частности, не соблюдалось обещание, данное полякам»²⁹.

Правый либерал П.Б. Струве не отрицает, что Польша и Финляндия не подлежат ассимиляции вследствие «особенной своей судьбы»: он рассматривает их как неделимую часть Великой России: «Принадлежность Царства Польского к России есть для последней чистейший вопрос политического могущества ... для России ... необходимо сохранить в “составе” Империи Царство Польское»³⁰.

Если русский идеал включает Польшу в пределы Великой России, то польский идеал – единая и независимая Польша. Это русско-польское историческое размежевание заранее обрекает на неудачу реализацию славянской идеи во время войны.

Славянское дело

Если первое заблуждение «славянофильствующих» общественных кругов есть отношение к Польше и славянской миссии России во время войны, то вторым заблуждением стало сравнение войны 1914 г. с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

В начале Первой мировой войны, когда Болгария еще сохраняла нейтралитет, В.И. Немирович-Данченко пишет письмо-обращение к болгарам: «Болгары! Где вы? Отчего в этот светлый и радостный час общей великодушной жертвы вы не с нами? Спешите! Завтра, может быть, будет уже поздно»³¹. Колебанию Болгарии «славянофильствующие» круги противопоставляют героизм Сербии.

Либеральная точка зрения относительно Болгарии лишена эмоциональных упреков и беспристрастно отмечает несовпадение болгарской и русской позиций: «Болгары не могут забыть, что и Греция отняла у них часть македонских земель, что Румыния захватила даже часть их собственной территории, и что эти захваты санкционированы Бухарестским трактатом 28 июня 1913 г., при молчаливом одобрении русской дипломатии... Македонские болгары, насиль-

ственно отданные под власть Сербии, восстают будто бы против своих угнетателей и, естественно, ищут убежища в пограничных округах Болгарии, где им оказывают покровительство по мотивам человеколюбия»³².

* * *

В заключение заметим, что сравнение войны 1914 г. с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. присутствует только на страницах «славянофильствующей» публицистики. Если на 1877–1878 гг. приходится пик славянской идеи, когда наблюдается уникальный момент единения власть – общество – народ вокруг «морального дела» по спасению балканских славян³³, то в 1914 г. ситуация абсолютно иная.

Германия и Россия имеют очень много точек соприкосновения, несмотря на войны, которые ведут: они принадлежат к одной культуре – культуре христианской Европы, в то время как Османская империя представляет собою культурный антипод русской. Столкновение между Германией и Россией, начавшееся в 1914 г., не является столкновением между двумя цивилизациями, как это произошло в 1877–1878 гг. (европейская, представленная Россией, и ориентальная – Турцией). Война 1914 г. разделила европейские культуры, с одной стороны, и славянские народы, с другой, что сделало славянскую идею не способной превратиться в ведущую идеологию русского общества, для которого отсутствие «моральной каузы» обесмысливает его участие в военных действиях.

Объединительная идея в русском обществе так и не была найдена, и Первая мировая война, может быть, являет собой одну из самых бессмысленных для России войн (за исключением временного освобождения в Галиции русско-го населения – русинов, подвергавшихся жестокому преследованию австрийскими властями в военное время).

Отсутствие идейной мотивации участия России в войне отмечено и Ф.А. Степуном. В апреле 1916 г. он писал с линии фронта: «С самого начала войны не перестаю бо-

яться того, что к концу ее все народы Европы – и наши союзники, и наши враги – чем-то своим “европейским” перекликнутся между собою и тем самым в каком-то, сейчас еще невидимом смысле, встанут все против несчастной России. Вот помяни мое слово!»³⁴.

Идеология, которая побеждает в России в войне 1914 г., суть та же, что и в революции. П.Б. Струве оказался прав: «Мировая война недаром имела демократическую идеологию... В ведении этой войны государства как никогда прежде, апеллировали к народным массам. Во время войны и в силу войны народные массы и, в частности, социалистически настроенные массы, почувствовали свою силу»³⁵.

Если и есть нечто общее для русской общественной мысли в 1914 г., то это иррациональное ожидание, что война выступит объединителем русской нации. Русский национально-образовательный процесс открыт и сегодня – это одна из отличительных особенностей русской идентичности. Русская нация находится в состоянии постоянного самоопределения, она – «нация-феникс», которая возрождается после очередного исторического катаклизма (1917, 1941–1945, 1991)³⁶.

В преддверии Первой мировой войны в результате идейных споров среди религиозно-философской «славянофильствующей» мысли зарождается единственная в XX в. оригинальная концепция русского национального проекта, развитая в эмиграции, – евразийство.

Именно в 1914 г. один из основоположников евразийства историк Георгий Вернадский публикует исследование «Против солнца»³⁷.

Автор самого понятия «евразийство» – языковед Николай Трубецкой – разрабатывает евразийские идеи еще в 1909–1910-х гг. Он создает новую европейскую мифологию, которая базируется на отказе от славянской идеи как ведущей в русском национальном вопросе и в русской геополитической ориентации. В этом смысле евразийство предлагает альтернативу русской национальной идентичности и

не случайно присутствует в идеологии современной России после распада в 1991 г. СССР.

Парадоксально, но именно евразийская мысль представляет собою то прагматичное зернышко, оставшееся от иррациональных споров в русских религиозно-философских кругах времен Первой мировой войны.

(Перевод с болгарского В.И. Косика)

Примечания

¹ Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа, Россия. М., 1915. С. 6.

² Лаптева Л.П. Александр Львович Погодин (1872–1947) как исследователь истории славян // Средневековый город: межвузовский научный сборник. – Саратовский государственный университет. 2006. Вып. 17. С. 166–184.

³ Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 7.

⁴ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. М., 1915. С. 45–46.

⁵ Розанов В.В. Мимолетное. 1914 год // Розанов В.В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 441.

⁶ Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея // Судьба России. М., 1990. С. 131.

⁷ Бердяев Н.А. О вечно-бабьем в русской душе // Судьба России. С. 40.

⁸ Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания // Судьба России. С. 53.

⁹ Булгаков С. Война и русское самосознание». М., 1915. С. 28, 30, 46–47.

¹⁰ Розанов В.В. Война 1914 года... С. 33, 31–32.

¹¹ Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 22, 31, 33.

¹² Булгаков С. Указ.соч. С. 42.

¹³ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России. М., 1915. С. 11.

¹⁴ Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М., 1914. С. 7.

¹⁵ Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск. 2000. С. 68.

¹⁶ Слонимский Л.З. Новое язычество на почве национализма // Вестник Европы. 1915. № 5. Май. С. 341–342.

- ¹⁷ Милоков П.Н. Как принята была война в России // Милоков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 157.
- ¹⁸ Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 22, 23, 36.
- ¹⁹ Розанов В.В. Война 1914 года... С. 48, 51, 116.
- ²⁰ Розанов В.В. Мимолетное... С. 197, 213–214.
- ²¹ Булгаков С. Указ. соч. С. 9, 30.
- ²² Трубецкой Е. Смысл войны. С. 20.
- ²³ Розанов В.В. Война 1914 года... С. 5.
- ²⁴ Там же. С. 131.
- ²⁵ Трубецкой Е. Смысл войны. С. 13, 42.
- ²⁶ Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея. С. 134, 137.
- ²⁷ Бердяев Н.А. Русская и польская душа // Судьба России. М., 1990. С. 154.
- ²⁸ Арсеньев К.К. Война и национальность // Вестник Европы. 1914. №9. Сентябрь. С. 343–345.
- ²⁹ Милоков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 166.
- ³⁰ Струве П.Б. Великая Россия // *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 57.
- ³¹ Цит. по: Крачкович П.З. Великая Россия и общеевропейская война. М., 1915. С. 24.
- ³² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 5. Май. С. 369, 368.
- ³³ Григорова Д.Г. «Дело славян нам дорого»: Русские либералы и консерваторы о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов // Родина. 2009. № 6. С. 43–45.
- ³⁴ Степун Ф.А. Указ. соч. С. 129.
- ³⁵ Струве П.Б. Размышления о русской революции // Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 265.
- ³⁶ Григорова Д.Г. Евразийството в Русия. София, 2008.
- ³⁷ Вернадский Г.В. Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 56–79.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЛИК РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРИИ В 20-Е ГОДЫ XX В.
(ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ)**

Одним из самых значительных демографических факторов в Болгарии в межвоенный период является русская «белая» эмиграция. В 1920 г. российские подданные составляли 23% всего иностранного населения в Болгарии, а в 1926 г., в связи с ростом потока эмиграции из России, их было уже 36%. В количественном измерении в 1920 г. в Болгарии проживали 8646 чел. с российским подданством, а в 1926 г. – 19698 чел.; и соответственно, 9080 чел. русской национальности в 1920 г. и 19706 чел. в 1926 г. Важную проблему для исследователей представляет вопрос, какой трудовой ресурс составляли русские эмигранты в послевоенной Болгарии и в каких секторах болгарской экономики они трудились. Подробная информация о занятости отдельных русских эмигрантов или эмигрантских групп (как, например, ремесленники, работавшие в «русских мастерских») содержится в богатой (специализированной и неспециализированной) литературе о присутствии русских в Болгарии в межвоенный период, особенно о творчестве известных личностей из среды русской эмигрантской интеллигенции.

Попытку «группового портрета» с точки зрения занятости русской эмиграции в Болгарии в 30-е годы XX в. предпринял исследователь Д. Даскалов в своей книге «Белая эмиграция в Болгарии». Свои выводы и обобщения он сделал на основе информации из российских газет, описывающей достоверно, хотя и не детально, характер их занятости, а именно: за исключением интеллигенции и рабочих-специалистов, русские беженцы занимались тяжелым трудом на производстве; платили им меньше, чем болгарским рабочим; проживали они в суровых экономических условиях¹. Автор также отмечает отсутствие статистических данных, «позволяющих дать исчерпывающую характеристику

занятости и основных сфер производства, где работали русские беженцы»².

В своей монографии «Болгария и русская эмиграция (20-е – 50-е годы XX в.)» историк Ц. Кьосева пишет, что одной из важных проблем, обойденных вниманием исследователей, является вопрос о трудовой адаптации беженцев. Анализируя широкий массив архивных источников и периодических изданий, автор подробно рассматривает и многогранную тему трудоустройства русских эмигрантов. В частности, она обстоятельно и разносторонне прослеживает изменения в правовом регулировании их труда в связи с модернизацией системы трудоустройства в Болгарии в середине 1920-х гг., описывает создание трудовых бюро и курсов переквалификации русских беженцев в целях содействия их трудоустройству, ограничительные меры и льготы, касающиеся их работы, показывает условия их труда, положение бедных, инвалидов и нетрудоспособных, меры по борьбе с безработицей, представляет русские организации (как, например, созданный в 1931 г. Русский Общетрудовой Союз, переросший в 1935 г. в Федерацию русских трудовых союзов). Эти организации отстаивали трудовые права российских рабочих в Болгарии с целью сохранения их рабочих мест и повышения квалификации, оказания им материальной помощи в случае безработицы, предоставления бесплатных юридических консультаций и контактов с болгарскими работодателями. В своей книге Ц. Кьосева подчеркивает (имея в виду 30-е годы XX в.), что «границы трудовой занятости русских беженцев» не могут быть определены с точностью, поскольку все болгарские государственные органы называли лишь общее число лиц с нансеновскими паспортами (русских и армян)³.

В данной статье мы анализируем специфический исторический статистический источник, который до сих пор оставался вне поля зрения исследователей, – переписи населения в Болгарии за 1920 и 1926 гг. Они позволяют дать глубокую и всестороннюю количественную характеристику трудовой активности, отраслевой и профессиональной

занятости и участия трудового ресурса русской эмиграции в разных секторах болгарской экономики, а также проанализировать ее социальную структуру в два определенных исторических момента – в конце 1920 г. и в конце 1926 г., когда проводились переписи. Этот вид исторических источников не отражает динамических изменений, происходивших в картине наблюдаемых явлений и процессов. Например, перепись 1926 г. регистрирует статистические данные в тот момент, когда среди русских эмигрантов в Болгарии увеличилась занятость, а количество безработных значительно снизилось из-за преференциальной по отношению к ним политики премьер-министра Андрея Ляпчева⁴. Это временное облегчение в их профессиональном трудоустройстве было сведено на нет принятием в 1927 г. Устава о трудоустройстве иностранных подданных в качестве наемных рабочих и служащих, в соответствии с которым иностранная рабочая сила являлась для Болгарии вспомогательной и могла использоваться, лишь если на соответствующую должность не находилось кандидата-болгарина. Эти меры касались и русских эмигрантов и строго соблюдались во время экономического кризиса 1929-1933 гг., а затем – вплоть до 1944 г.⁵

Трудовая активность

В вышеупомянутых болгарских переписях активное население отделено от всего населения и, соответственно, активное русское население – от всей русской общности в Болгарии. В то время под активным населением понимались все лица, непосредственно занимавшиеся профессией, приносящей доход, или ремеслом. Следует особо отметить, что из активного населения исключались члены семей, занятые домашней работой (замужние женщины и т.д.), лица, живущие на доходы от движимого и недвижимого имущества, а также лица, имеющие профессии, не связанные с производством, или не указавшие свою профессию⁶. Общая численность активного населения во многом зависит от трудового ресурса, который, в свою очередь, определяется возрастно-половой структурой всего населе-

Таблица 2. Активное население в Болгарии в корреляции с российским подданством и полом, в цифрах и процентах, за 1920 и 1926 гг.

Численность	1920			1926		
	Мужчины	Женщины	Численность	Мужчины	Женщины	Численность
Активное	3048	320	3368	12752	1003	13755
Всего	6459	2187	8646	14974	4724	19698
Активное в %	47,2	14,6	38,9	85,2	21,2	69,8
Всего	100,0	100,0	100	100,0	100,0	100,0

Занятость русской эмиграции в Болгарии мы измеряем при помощи принятого в демографической практике коэффициента активности, который в данном случае представляет собой относительную долю активных русских от общего числа русского населения в Болгарии. Он исчисляется на основе статистических данных по двум вышеупомянутым параметрам: во-первых, рождение за границей и русская национальность, и, во-вторых, российское подданство.

В 1920 г. активное русское население в Болгарии составляло 43,4% в корреляции с параметром рождения за рубежом и русской национальностью и 38,9% в соответствии с параметром российского подданства, но в 1926 г. его доля была намного выше – соответственно, 77,4% и 69,8% (табл. 1, 2). Это скачок в росте занятости русских в Болгарии являлся результатом принятых в то время инициатив болгарских правительств по облегчению их положения и особенно мер, благоприятствовавших русским при назначении на работу, предпринятых премьер-министром А. Ляпчевым за полгода до переписи. По его указанию 10 июля 1926 г. министерство труда потребовало от своих филиалов на местах уравнивать в правах русских беженцев при найме на работу и при увольнении с правами подданных Чехословакии, Румынии и Венгрии, с которыми Болгария имела соответствующие соглашения.

Поэтому указанное значение коэффициента трудовой активности русской общности в Болгарии в 1920 г. в корреляции с рождением за рубежом и русской национальностью близко к значению этого коэффициента для населения всей Болгарии (54%), в то время как по параметру подданства (которое относится к новым русским эмигрантам) этот коэффициент значительно ниже, тем более, что, как правило, мигрировали люди трудоспособного возраста. Хотя с начала февраля 1920 г., после принятия и расквартирования первой волны военных и гражданских беженцев, болгарские власти предприняли меры по их трудоустройству, существовал целый ряд экономических трудностей. В связи с низким уровнем зрелости болгарского капитализма и экономическими последствиями войн 1912–1918 гг., сохранявшимися весь межвоенный период, послевоенный экономический кризис в Болгарии протекал специфично. Экономическая жизнь страны начала постепенно нормализоваться уже в конце 1919 – начале 1920 гг., и это стало заметно в промышленности и внешней торговле. В болгарских условиях мировой кризис 1920–1922 гг. проявился частично в некоторых подотраслях, а промышленное производство в целом продолжало расти. В сельском хозяйстве вместо кризиса перепроизводства налицо было недостаточное производство продуктов⁸. Свое влияние оказали также территориальные изменения и изменения в численности населения⁹. Несмотря на десятки тысяч погибших в боях и резко возросшую смертность гражданского населения, в первые послевоенные годы, в конечном счете, население страны увеличилось более чем на 10%, что стало результатом значительного притока беженцев из Западной и Восточной Фракии, Македонии, с Западных окраин и из Добруджи, а также самой русской «белой» эмиграции. Это увеличение населения означало рост потребления при сокращении производства, усилило земельный голод и вызвало аграрную перенаселенность, увеличение числа безработных, поскольку эмигранты бросились на рынок наемного труда¹⁰.

Какой трудовой ресурс представляли русские эмигранты непосредственно перед проведением переписи в конце 1920 г. с точки зрения их образовательного уровня и профессиональных навыков? Ответ на этот вопрос имеет важное значение, поскольку наряду с вышеупомянутыми демографическими факторами на трудовую активность населения оказывают влияние и такие, недемографические факторы.

В нашем случае трудно определить их конкретное воздействие, так как нет статистических источников, которые предоставляют необходимые сведения об образовательном и профессиональном профиле русской эмиграции в своей массе при прибытии в Болгарию. В результате научно-исследовательской работы ученых, журналистов, краеведов, общественных деятелей имеются многочисленные статьи, исследования и воспоминания о профессиональной деятельности отдельных лиц – представителей русской эмиграции в Болгарии или профессиональных групп¹¹.

Авторы сообщают, что в первые послевоенные годы, в конце 1918 – начале 1919 гг., в Болгарии насчитывалось около 5000 русских военнопленных, а весной 1920 г. – уже 7000¹². Кроме них, в 1920 г. прибыли военные (генералы, офицеры и солдаты) и гражданские лица (видные российские общественные деятели, представители интеллигенции). Представляется возможным сделать лишь самые общие выводы относительно этнокультурного уровня русской эмиграции в Болгарии на основе данных о базовой грамотности. Мы располагаем такими данными в отношении русской эмиграции только за 1920 год. В анализируемых болгарских переписях базовая грамотность измеряется без учета языка, на котором респонденты могут читать и писать, и в трех категориях – грамотные (умеющие читать и писать, независимо от школьного образования), малограмотные (т.е. умеющие читать, но не писать) и неграмотные (т.е. не умеющие ни читать, ни писать). Относительно русских грамотность определена по национальности и в корреляции с территориальным признаком (по округам) и полом, но не с возрастом. Из опубликованных данных видно, что среди

русской эмиграции в Болгарии малограмотных единицы. В 1920 г. она имела чрезвычайно высокий для того времени процент грамотных – 83,7% у мужчин и 77% у женщин (как обычно, ниже)¹³. Эти показатели значительно выше не только с точки зрения сопоставимых данных о грамотности всего населения Болгарии (соответственно 55,8% у мужчин и 33,2% женщин), но и населения без учета детей дошкольного возраста (соответственно, 66,4% у мужчин и 39,2% для женщин)¹⁴. При этом следует принять во внимание, с одной стороны, что детей (включая детей дошкольного возраста) в миграционных потоках (в том числе, в русском), было мало, а с другой – что, как правило, мигрирует грамотное и более образованное население¹⁵.

Нормальные условия для трудоустройства русских эмигрантов в Болгарии были созданы лишь после окончания транспортной забастовки в начале апреля 1920 г. Болгарские власти разрешили тем, кто имел средства к существованию, остаться в городах, а остальным – поселиться в селах и начать работать в сельском хозяйстве¹⁶. С точки зрения предоставления возможности трудоустройства для русских эмигрантов болгарские власти проводили преференциальную политику – отчасти, из-за своих обязательств перед Лигой Наций и в целях сокращения числа тех, о ком заботились благотворительные организации, отчасти потому, что они надеялись получить таким образом льготы и для беженцев из Македонии, Фракии и с Западных окраин¹⁷. Власти решают вопрос о принятии русских специалистов на работу в Болгарии в ноябре и декабре 1920 г., и на протяжении всего 1921 г.¹⁸. Согласно тогдашнему болгарскому законодательству, иностранцы могли приниматься на государственную службу только в том случае, если на соответствующую должность не находилось болгарского специалиста. При назначении любого лица соответствующий министр должен был внести в парламент предложение, которое голосовалось депутатами и вступало в силу с момента издания соответствующего царского указа¹⁹.

В 1926 г. коэффициент трудовой активности русских в Болгарии значительно превышал коэффициент активности местного населения (56,4%). В демографии подобное явление считается нормальным для трудовой эмиграции – коэффициент ее трудовой деятельности может достигать значений, превышающих 90%. Когда речь идет о принудительной или политически мотивированной эмиграции, каковой была русская, то ее трудовая активность зависит от внутриполитического положения, отношения властей, экономической ситуации и рынка труда в стране в данный исторический момент. Свою низшую точку послевоенный экономический кризис в Болгарии прошел в 1921 г., а в 1922 г. уже наметилась тенденция к постепенному оживлению экономики. В то же время, с начала 1921 г. изменился в благоприятную сторону и полицейский контроль над русскими эмигрантами: окружные руководители получили право разрешать русским, которые по личной инициативе нашли работу в других городах, изменять свое место жительства после предоставления свидетельства российского Красного Креста²⁰.

Анализ коэффициентов трудовой активности по полу для русской эмиграции в Болгарии свидетельствует о нормальной тенденции: мужчины имели более высокую активность, чем женщины. В 1920 г. на долю активных мужчин – русских приходилось около половины всего российского сообщества (52,6% с учетом параметра рождения за рубежом и русской национальности и 47,2% с учетом параметра российского подданства), а в 1926 г. их участие в производстве увеличилась соответственно на 90,3% и 85,2% (табл. 1, 2).

Относительная доля женского труда намного меньше – примерно в три раза в 1920 г. и в четыре раза – в 1926 г. (табл. 1, 2). Несомненно, при объяснении этого явления следует учитывать тот факт, что число женщин среди русских было в 3–4 раза ниже, чем мужчин²¹. Но более важным фактором является существовавшее тогда неравенство полов, более низкий статус женщин, их домашняя зависимость – как в соответствии с обычным, так и с кодифицированным правом. О равенстве полов можно говорить лишь

относительно пролетариата, где работница находилась на одном уровне с мужчиной в промышленном производстве. В мелкобуржуазной среде женщинам приходилось бороться за доступ к интеллигентским (свободным) профессиям в конкуренции с мужчинами того же класса. Женщины были допущены ко многим профессиям и к государственной службе во время войны, когда мужчины, занимавшие эти позиции, оказались мобилизованы, и возникла необходимость в женском труде. Несмотря на этот общественный «прорыв», впоследствии они должны были оставить занятые позиции. Исследователи феминизма и процесса эмансипации женщин в Болгарии считают, что социальная среда, в которую попали русские женщины на своей новой родине, оказалась более благоприятной, чем в России, – по крайней мере, с точки зрения обычного права²². Отдельные социальные прослойки и профессиональные круги в русской эмиграции восприняли эту новую среду в принимающей стране по-разному; в свою очередь, мужчины и женщины реагировали на ее вызовы неодинаково²³. Обобщающую оценку роли и функции полов в условиях эмиграции на примере русских эмигрантов в Болгарии дал венгерский дипломатический представитель в Софии Шандор Киш-Немешкери, который в своих мемуарах писал: «Русские женщины... борются более твердо и целенаправленно, чем мужчины. ...Они устремились за новой жизнью с невероятной энергией и смелостью, часто женщина содержала своего мужа, детей и, возможно, его престарелых родителей, в то время как ее муж политиканствовал или ломал себе голову над тем, как можно вооруженным путем свергнуть Советы. ...Что-то... в российских мужчинах сломалось от тоски по потерянной родине; их врожденная чрезмерная чувствительность и богемная легкость часто переплавлялись после многочисленных ударов судьбы в какое-то безразличие, в традиционное «ничего», которое не позволяло проявиться скрытым в их природе большим и хорошим качествам»²⁴.

Далее мы рассмотрим количественное выражение социального и профессионального облика русской эмиграции в Болгарии в 1920 и 1926 гг. в контексте их гендерных аспектов. Среди русских женщин – эмигранток в Болгарии заметно увеличение их трудовой активности, но более низкими темпами, чем у мужчин, что является нетипичным демографическим явлением – обычно бывает как раз наоборот. На коэффициент трудовой активности влияет распределение населения по возрасту, семейному положению, особенно это касается женщин. К сожалению, мы не располагаем сведениями по данным параметрам для русской общности, чтобы уточнить характеристику их трудовой активности.

Отраслевая занятость

В анализируемых переписях отраслевая занятость активного населения в целом и, в частности, русских в Болгарии находит свое отражение по основным профессиям и в корреляции с двумя показателями: один – рождение за рубежом («кинородцы») и русская национальность, а другой – гражданство России. Основные категории профессий сгруппированы в шесть разделов: 1. Земледелие и сельское хозяйство; охота и рыболовство (далее для краткости – «Сельское хозяйство»); 2. Промышленность (включая шахты), ремесла и транспорт (далее – «Промышленность»); 3. Торговля; 4. Государственные службы (военные и гражданские) и свободные профессии (далее – «Свободные профессии»); 5. Домашняя прислуга; 6. Неопределенные профессии (например, служащие, рабочие по найму и с неуказанными профессиями).

Отраслевая занятость активного русского населения в Болгарии наиболее тесно связана с экономическим развитием страны. В рассматриваемый период Болгария – это аграрная страна, страна мелких собственников, где на долю сельского хозяйства приходилось около 60% (в 1924–1928 гг.) национального дохода. Аграрная реформа 1921 г. и продолживший ее закон от 1924 г. позволили получить землю в собственность, чем воспользовались неимущие и прибывшие из соседних стран болгарские беженцы, но не новая русская

эмиграция²⁵. В 1920 г. сельское хозяйство было вторым по значимости в структуре русских эмигрантов в Болгарии по отраслевой занятости, а в 1926 г. его потеснили государственные службы и свободные профессии. В сущности, обеспечение земель, с помощью которой русские эмигранты могли бы обеспечить себе пропитание, оказалось одной из самых сложных проблем, поскольку страна не имела достаточно свободных необрабатываемых государственных земель. Кроме того, по Тырновской конституции власть не имела права единолично раздавать земли иностранцам²⁶. Положение русских беженцев облегчалось тем, что им давали работу в частных хозяйствах. Но это не решало проблему, поскольку в болгарском сельском хозяйстве земля обрабатывалась ее собственниками и членами их семей и, таким образом, доля наемного труда была там очень невелика (1,3%)²⁷. В отдельных случаях землю русским беженцам предоставляло руководство общин в сельскохозяйственных районах, причем в основном – инвалидам для строительства магазинчиков или небольших предприятий²⁸.

В соответствии со структурой занятости русских эмигрантов в Болгарии и в 1920 г., и в 1926 г. большинство работало в промышленности (в т.ч. на шахтах), в ремесле и на транспорте (табл. 5), при этом имелась тенденция в сторону увеличения доли этих секторов. И это естественно, учитывая, что еще в 20-х годах XX в. наблюдалась устойчивая тенденция к снижению доходов от сельского хозяйства и к относительному увеличению доходов в сфере промышленности и торговли. Именно в этом секторе экономики русские раньше всего нашли себе работу. В феврале 1919 г. военнопленные стали третироваться болгарскими властями в качестве беженцев; они были сгруппированы в артели и направлены в разные города для работы на фабриках, чтобы они зарабатывали себе на жизнь, а не создавали дополнительную нагрузку на бюджет. В то время в Болгарии развивалась преимущественно легкая промышленность, производившая потребительские товары. Передовое место в болгарской индустрии занимали текстильная (преимущественно

венно производство шерстяных тканей), табачная (переработка сырья листьев табака на экспорт) и мукомольная промышленность. Тяжелая промышленность занимала скромное место в тогдашней экономической структуре Болгарии. Она была представлена угольными и металлургическими шахтами, предприятиями по ремонту локомотивов и вагонов, по производству мукомольных и других машин, а также цемента. Государство владело двадцатью преимущественно крупными промышленными предприятиями. После формирования врангелевской армии (1922–1923 гг.) ее части были преобразованы в трудовые артели. Врангелевцы получили работу на самых тяжелых производствах – на шахтах, в каменоломнях, карьерах, в строительстве автомобильных и железных дорог, но также в технике (производство двигателей и динамо-машин), в столярных предприятиях²⁹. Кроме того, владельцы многих болгарских фабрик нанимали вооруженные отряды офицеров-врангелевцев для охраны³⁰.

В 1926 г. в структуре по отраслевой занятости активной русской эмиграции в Болгарии с третьего места на второе поднялись государственные службы и свободные профессии (табл. 5). Это явилось результатом успешного трудоустройства ее наиболее квалифицированных представителей. Несмотря на обструкции коммунистов, парламент Болгарии принял решение принимать русских на болгарскую государственную службу, при сохранении условия принимать только специалистов, в которых Болгария нуждается, и при отсутствии болгарских кандидатов. Русские священники получили работу как служители храмов и преподаватели в семинариях, инженеры устроились на работу на шахтах, юристы – в судебном ведомстве и в банках, несколько врачей получили работу в больницах, а некоторые преподаватели были назначены профессорами Софийского университета или учителями в болгарских школах, русские профессиональные артисты были приняты в Народный театр и в частные театры, русские архитекторы и инженеры стали работать в Министерстве общественных зданий, до-

рог и общественных работ, российские агрономы, техники, ветеринары, лесники, инженеры водного хозяйства и специалисты в области рыболовства получили работу в Министерстве земледелия и государственного имущества³¹. Что касается свободных профессий, то их представителей часто использовали как официантов, охранников и музыкантов в отелях и ресторанах.

Таблица 3. Отраслевая структура экономически активного населения в Болгарии в корреляции с рождением за рубежом («инородцы»), русской национальностью и с российским подданством, по полу, за 1920 и 1926 гг., в процентах.

Год переписи	1920			1926			1920			1926		
	<i>Место рождения за границей («инородцы») и русской национальности</i>						<i>Подданство России</i>					
Экономические Отрасли	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Земледелие и сельское хозяйство, охота и рыболовство	27,6	27,1	27,6	13,7	25,6	14,6	24,0	22,6	23,8	12,2	17,2	12,3
Промышленность (в т.ч. шахты), ремесло и транспорт	43,6	12,1	40,2	49,5	27,6	47,8	45,7	11,3	42,5	51,2	32,5	51,0
Торговля	9,6	11,2	9,7	9,8	10,2	9,8	11,7	13,9	11,9	10,5	11,7	10,4
Государственные службы и свободные профессии	12,9	37,5	15,5	14,4	29,8	15,7	11,9	39,0	14,5	13,0	31,3	14,0
Домашняя прислуга	1,9	11,9	3,0	1,2	6,4	1,5	1,9	12,9	2,9	1,2	6,9	1,5
Неопределенные занятия	4,4	0,2	4,0	11,4	0,4	10,6	4,8	0,3	4,4	11,9	0,4	10,8
<i>Всего в сфере занятости</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Социальная значимость женского труда возрастает как в старой российской диаспоре, так и среди новой эмиграции – в сельском хозяйстве и в индустрии (табл. 4). Среди недавно прибывших эмигрантов самый большой скачок наблюдался в таких отраслях, как торговля и промышленность. Доля женского труда значительно уменьшилась в свободных профессиях и среди домашней прислуги.

Таблица 4. Доля женского труда в Болгарии по основным категориям работы в корреляции с рождением за рубежом («инородцы»), русской национальностью и с российским подданством, по полу, за 1920 и 1926 гг.

Экономические отрасли	По месту рождения за рубежом («инородцы») и русской национальности		По российскому подданству	
	1920	1926	1920	1926
Земледелие и сельское хозяйство, охота и рыболовство	10,5	13,5	9,0	10,0
Промышленность (в т.ч. шахты), ремесло и транспорт	3,4	4,5	2,5	4,5
Торговля	12,3	8,0	3,3	8,0
Государственные службы и свободные профессии	25,8	14,8	25,5	15,9
Домашняя прислуга	42,5	32,4	41,8	31,6
Неопределенные профессии	0,7	0,3	0,7	0,3

Социальная структура

Переписи населения в Болгарии за 1920 и 1926 гг. позволяют определить социальный состав только активного населения в русской эмиграции (которое, как мы видели, в 1926 г. составляло его большинство). Они дают сведения о социальных группах в корреляции с их работой в крупных отраслях и с двумя вышеуказанными параметрами – рождение за рубежом и русская национальность, и российское гражданство.

Таблица 5. Активное население в Болгарии русской национальности и с местом рождения за границей, в корреляции с социальными группами, по полу, количественно и в процентах, за 1920 и 1926 гг.

	Самостоятельные			Помощники и служащие						Работники			Всего		
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего
1920	512	80	592	443	167	610				2412	156	2568	3367	403	3770
%	15	20	16	13	41	16				72	39	68	100	100	100
				Помощники			Служащие								
1926	1579	148	1727	167	125	292	1812	282	2094	9414	534	9948	12972	1089	14061
%	12	14	13	1	11	21	14	26	15	73	49	71	100	100	100

Таблица 6. Активное население в Болгарии с российским гражданством, в корреляции с социальными группами, по полу, количественно и в процентах, за 1920 и 1926 гг.

	Самостоятельные			Помощники и служащие			Работники			Всего					
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего			
1920	414	70	484	388	124	512	2246	126	2372	3048	320	3368			
%	13	21	14,4	13	39	15,2	74	40	70,4	100	100	100			
				Помощники			Служащие								
1926	1553	139	1692	137	73	210	1807	286	2093	9255	505	9760	12752	1003	13755
%	12	14	12	1	7	2	14	29	15	73	50	71	100	100	100

В переписи 1920 г. определены три социальные группы: первая – самостоятельные, вторая – помощники (прежде всего, члены семей) и служащие, и третья – работники. На основе этой триединой системы формируется картина тогдашнего социального расслоения на буржуазию или капиталистов (самостоятельные), интеллигенцию (служащие или работники умственного труда) и пролетариат (работники физического труда). Группа помощников весьма условна и с неясным социальным содержанием. В 1926 г. она упоминается отдельно от служащих; таким образом, данные представлены по четырем социальным группам, а именно:

- *Самостоятельные*, т.е. все, кто работает на собственные средства, сами или с привлечением наемного труда.

- *Помощники* – члены семей, помогающие главе хозяйства без вознаграждения.

- *Служащие* – лица, занятые как технический, руководящий, торговый, административный или конторский персонал в общественных или частных заведениях и учреждениях, за зарплату или иное вознаграждение.

- *Работники* – лица преимущественно физического труда в ремесленных, промышленных, земледельческих или торговых заведениях, получающие зарплату или иное вознаграждение.

В обеих переписях среди русской эмиграции в Болгарии преобладают *работники*. Это профессиональные рабочие в промышленности, ремесленных и сельскохозяйственных предприятиях, непрофессиональные рабочие на тех же предприятиях, которые косвенно участвуют в производстве и выполняют простые, подготовительные или вспомогательные работы, а также низший обслуживающий персонал в общественных и частных предприятиях (привратники, носильщики, слуги, посыльные, прислуга в магазинах и торговле, охранники, кучера, поденщики, разнорабочие).

Служащие (в их группу входили директора, администраторы, инженеры, архитекторы, агрономы, химики, агенты, духовенство, ректоры, профессора, преподаватели, бухгалтеры, кассиры, книгоиздатели, банковские чиновники и торговые служащие) составляют меньшую долю – 15% в 1926 г. (табл. 5, 6). Это естественно, учитывая, что российские подданные занимали должности на болгарской государственной службе в соответствии с законодательством страны, с разрешения Народного Собрания. Тем более, что в первой половине 1920-х годов тысячи новых русских эмигрантов не приняли болгарское гражданство – с 1921 до 1926 г. включительно было натурализовано только 437 человек³².

Мнение историка Ц. Кьосевой о том, что лишь очень небольшой части беженцев удалось создать свой собственный «малый бизнес»³³, подтверждается статистическими данными переписи. *Самостоятельные* – землевладельцы, земледельцы-собственники, совладельцы и арендаторы, самостоятельные ремесленники, промышленники, фабриканты, торговцы, независимые директора предприятий, лица свободных профессий – составляют самую маленькую долю. Налицо общая тенденция к сокращению их относительной доли в период с 1920 по 1926 г. (табл. 5, 6). Это является признаком социальной мобильности внутри русской общности в направлении ее дальнейшего обнищания и разорения ее членов.

Отраслевая занятость по социальным группам³⁴

Поскольку существует тесная взаимосвязь между отраслевой и социальной принадлежностью населения, посмотрим, в каких отраслях тогдашней экономической структуры Болгарии нашли работу вышеупомянутые социальные группы русских эмигрантов. Таблица 7 показывает, что отраслевая занятость русской эмиграции в Болгарии варьируется в весьма широких границах для различных социальных групп.

Таблица 7. Отраслевые структуры в социальных группах активного населения в Болгарии по месту рождения за границей (иностранцев) и русской национальности, по полу, в процентах, за 1920 и 1926 гг.

Экономические отрасли 1920	Самостоятельные			Помощники и служащие			Работники					
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего			
Земледелие и сельское хозяйство, охота и рыболовство	28,6	5,0	25,3	18,5	40,1	24,4				29,1	24,3	28,8
Промышленность (в т.ч. шахты), ремесло и транспорт	35,9	23,7	34,3	20,1	9,6	17,2				49,5	9,0	47,1
Торговля	15,4	3,7	13,9	10,8	4,8	9,2				8,1	21,8	8,9
Государственные службы и свободные профессии	20,1	67,6	26,5	49,0	44,9	47,9				4,8	14,1	5,3
Домашняя прислуга										2,7	30,8	4,4
Неопределенные профессии				1,6	0,6	1,3				5,8	0,0	5,5
Активное население в целом	100	100	100	100	100	100				100	100	100
				Помощники			Служащие					
Земледелие и сельское хозяйство, охота и рыболовство	14,4	6,8	13,8	72,4	84,0	77,4	1,9	0,4	1,7	14,8	30,3	15,6
Промышленность (в т.ч. шахты), ремесло и транспорт	40,0	43,9	40,3	13,2	7,2	10,6	19,8	6,7	18,0	57,5	38,9	56,5
Торговля	30,3	4,7	28,1	13,2	8,8	11,3	12,0	9,6	11,7	5,8	12,4	6,2
Государственные службы и свободные профессии	15,3	44,6	17,8	1,2	0,0	0,7	64,6	82,6	67,0	4,9	4,9	4,9
Домашняя прислуга										1,5	13,1	2,2
Неопределенные профессии							1,7	0,7	1,6	15,5	0,4	14,6
Активное население в целом	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примерно половина самой многочисленной социальной группы – *работников* – была занята в промышленности (в том числе на шахтах), в ремеслах и на транспорте: это

45% в 1920 г. и 56,5% в 1926 г. Интересно, что хотя болгарские хозяйства обрабатывались членами семей и там редко использовался наемный труд, в 1920 г. доля работников из числа русских эмигрантов в Болгарии была весьма велика не только в промышленном секторе, но и в сельском хозяйстве (28,8%). Очевидно, они работали не только на болгарских, но и на российских работодателей, так как в 1920 г. самостоятельные русские в этом секторе составляли существенную долю (25,3%). Снижение ее до 13,8% в 1926 г. привело к уменьшению там и удельного веса работников (15,6%). Остальные русские работники – эмигранты распределялись по другим секторам: 9,2% – в торговле, 5,7% – в неопределенных профессиях, 5,5% – в свободных профессиях, 4,6% составляла домашняя прислуга.

В 1920 г. половина работников-мужчин была занята в промышленности (49,5%) и 29% – в сельском хозяйстве; в 1926 г. их удельный вес в индустрии возрастает (57,5%), а в земледелии сильно сокращается (14,8%), и второе место в отраслевой структуре работников-мужчин теперь занимают неопределенные профессии (15,5%). Женщины-работницы в 1920 г. в основном являлись домашней прислужкой (31%) или же трудились в сельском хозяйстве (25%) и торговле (22%). В 1926 г. наблюдается существенная перемена – относительная доля работниц преобладает уже в промышленности (39%) (как и у мужчин), в земледелии было занято 30%, в качестве домашней прислужки работало 14% и в торговле 12%.

И в 1920 г., и в 1926 г. в отраслевой занятости *служащих* доминировали сектора государственных служб и свободных профессий (67% за 1926 г.), за ними следовали промышленность (19,8% за 1926 г.) у мужчин и торговля (9,6%) у женщин. Группа *помощников* обоего пола была занята преимущественно в земледелии. Численность группы *самостоятельных* была невелика, особенно мало их было среди женщин.

Заключение

В 20-х годах прошлого века русская эмиграция в Болгарии характеризовалась высокой трудовой активностью,

значительно более высокой, чем активность местного населения. Для ее структуры по отраслевой занятости характерно сокращение доли занятых в земледелии и сельском хозяйстве и увеличение доли трудящихся в промышленности. В то время женщины все еще не имели доступа к большинству профессий, и это подтверждается данными по русской общности в Болгарии, но все же относительная доля работающих женщин увеличивается.

Данные переписи по двум параметрам (рождаемость за рубежом и русская национальность; российское подданство) показывают одинаковую отраслевую структуру активного русского населения в Болгарии в 1920 г. В обобщенном виде она выглядит следующим образом: большинство было занято в промышленности (но все же менее 50%), далее следуют занятые в земледелии, сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве (около 25%), на третьем месте – занятые в сфере государственных служб и свободных профессий (12-15%), на четвертом месте – работники торговли (около 10%). В 1926 г. структура занятости русской общности в Болгарии изменилась по сравнению с 1920 г., но с учетом двух параметров осталась неизменной: лидировала промышленность, затем следовали государственные службы и свободные профессии, на третьем месте – земледелие, сельское хозяйство, охота и рыболовство, на четвертом – неопределенные профессии, на пятом – торговля. Всегда наименьшую долю составляла домашняя прислуга.

Социальная структура активной части русского населения существенно не изменялась. Преобладали работники, причем их относительная доля возрастала, хотя и незначительно, а доля группы самостоятельных уменьшалась.

(Перевод с болгарского Е.Л. Валевой)

Примечания

¹ Даскалов Д. Руската емиграция в България. София, 1997. С. 74.

² Там же.

³ *Кьоцева Ц.* Руската емиграция в България (20-те – 50-те години на ХХ в.). София, 2002. С. 206–207.

⁴ См.: *Кьоцева Ц.* Указ. соч. С. 208–211.

⁵ Там же. С. 211–212.

⁶ Общи резултати от преброяването на населението в Царство България на 21.XII.1920 г. Кн. IV. Активно население. София, 1928. Предисловие.

⁷ Источники статистических данных: Общи резултати от преброяването на населението в Царство България на 31.12.1920 г. Кн. IV. Активно население. София, 1928; Общи резултати от преброяването на населението в Царство България на 31.12.1926 г. Кн. IV. Активно население. София, 1933.

⁸ Стопанска история на България, 681–1981. София, 1981. С. 298.

⁹ 143000 чел. – Там же.

¹⁰ Там же. С. 299.

¹¹ Последни публикации: Чумаченко В.В., Петрусенко П.С., Янев Й., Димов Г., Лисенко-Чехларова И. Български геолози от руски произход // Списание на Българското геологическо дружество. 2012. 73. № 1–3 С. 127–141; Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания. Под ред. В.В. Чумаченко, П.В. Чумаченко, С.А. Рожкова. М., 2013. Подробности см.: Руската емиграция в България, 1878–2006. Библиографски указател. София, 2006.

¹² *Ревякина Л.* БЗНС и Съветска Русия, 1917–1923. София, 1981. С. 87–88.

¹³ Источник: Кратки резултати от преброяването на населението в Царство България на 31.12.1920 г. по околии, окръзи и общо за Царството. София, 1925. С. 6.

¹⁴ *Даскалов Р.* Българското общество, 1878–1939. Т. 2. София, 2005. С. 367.

¹⁵ *Graff H.J.* The Literacy Myth: Cultural Integration and Social Structure in the 19th Century. Brunswick, New Jersey, 1991. P. 65; *Long L.H.* Migration Differentials of Education and Occupation: Trends and Variations // *Demography*. 1973. № 10. P. 243–258.

¹⁶ *Кьоцева Ц.* Указ. соч. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 244.

¹⁸ Там же. С. 70.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Там же. С. 52.

²¹ *Пейковска П., Киселкова Н.* Руската емиграция в България според преброяванията на населението в България през 1920 и 1926 г. Демографски профил // Статистика/Statistics. 2013. С. 211–242.

²² *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 320, 322, 324.

²³ *Косик В.И.* Софии руский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М., 2008.

²⁴ *Пейковска П.* Спомени на унгарския дипломат Шандор Киш-Немешкери за България и българите // Известия на държавните архиви. Кн. 66. София, 1993. С. 274.

²⁵ *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 282.

²⁶ *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 55.

²⁷ *Даскалов Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 282–283.

²⁸ *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 56.

²⁹ Там же. С. 206.

³⁰ *Ревякина Л.* Указ. соч. С. 61.

³¹ *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 54.

³² Там же. С. 202.

³³ Там же. С. 206.

³⁴ Из-за ограниченного объема настоящей статьи мы не рассматриваем подотраслевую занятость (по группам профессий и ремесел) социальных групп среди русской эмиграции в Болгарии, хотя и располагаем данными о ней.

**К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И БОЛГАРИЕЙ:
УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Одним из ключевых событий во внешнеполитической деятельности СССР и Болгарии в середине 30-х годов XX столетия явилось установление дипломатических отношений между двумя странами в 1934 г. Несмотря на то, что за минувшие 80 лет общая канва, связанная с историей этого события, изучена российскими и болгарскими историками, тем не менее, новое обращение к первоисточникам позволяет уточнить некоторые обстоятельства, предшествовавшие установлению советско-болгарских дипломатических отношений, международные условия их заключения и последствия для каждой из сторон.

Как известно, начало 1930-х годов ознаменовалось новым витком нестабильности в международных отношениях: наиболее реакционные силы в ряде государств стремились использовать ситуацию для осуществления своих экспансионистских замыслов, а другие страны оказались перед драматическими коллизиями, связанными с определением своего места на международной арене в целях обеспечения собственной безопасности.

Для Балканского региона также была характерна крайняя нестабильность военно-политической и экономической обстановки, обусловленная нарастанием территориальных претензий со стороны фашистской Италии, угрозой разрушения установленной Версалем системы статус-кво. Серьезной опасностью для интересов балканских государств стала нацистская Германия, которая еще в период Веймарской республики установила экономические связи практически со всеми странами этого региона с целью ослабить влияние Франции и подорвать созданную под ее покровительством Малую Антанту¹. К тому же в 1932 г. в Венгрии к власти пришли реваншистские круги, открыто поставившие вопрос

о пересмотре мирных договоров, солидаризируясь таким образом с Италией и германскими национал-социалистами.

Все это побуждало правящие круги ряда стран Юго-Восточной Европы к поиску средств обеспечения собственной безопасности не через систему гарантийных пактов со стороны великих держав, а путем создания собственного союза. Поэтому у некоторых малых государств возродилась идея создания Балканского союза на базе Малой Антанты (Югославия, Чехословакия и Румыния).

В то же время Франция прилагала усилия по созданию системы союзов в Европе, которые бы предотвратили натиск Германии. На юге Европы таким союзом должен был стать общебалканский блок. Проводником этой идеи был французский министр иностранных дел Л. Барту. В общебалканский блок, по его замыслу, предполагалось включение (помимо Югославии и Румынии) Греции и Турции. Позднее была выдвинута идея вовлечения в Балканскую Антанту Болгарии. Особенно активно реализации этого плана содействовал министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску. Условием включения Болгарии в этот блок был ее отказ от притязаний на территории, утраченные по Нейскому мирному договору².

20 января 1934 г. болгарское правительство заявило, что Болгария не будет участвовать в Балканском союзе, т.к. она не отказывается от ревизии Нейского мирного договора.

9 февраля 1934 г. в Афинах состоялось подписание Балканского пакта, который представлял собой военно-политический союз Греции, Румынии, Югославии и Турции. Страны – участницы принимали на себя обязательство взаимно гарантировать целостность внутривалканских границ, согласовывать политику в отношении других балканских стран. Статья 3 дополнительного протокола предполагала оказание помощи жертве агрессии в случае нападения какого-либо балканского государства в союзе с небалканской державой³.

В 1933 г. в условиях складывания новой конфигурации политических сил в Европе, связанной прежде всего с

приходом к власти в Германии национал-социалистов и установлением фашистского режима, в советской внешней политике произошел существенный поворот, выразившийся в отходе от политики изоляционизма, восприятия и интерпретации «капиталистического окружения» как некоего монолитного союза империалистических государств. На практике это проявилось в том, что в конце 1933 г., в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б), Народный Комисариат Иностранных Дел (НКВД) СССР разработал развернутый план создания системы коллективной безопасности в Европе, который 19 декабря 1933 г. был одобрен Политбюро ЦК. 8 сентября 1934 г. Ассамблея Лиги Наций вынесла решение принять СССР в состав организации и включить его представителя в Совет Лиги Наций в качестве постоянного члена.

В то же время нельзя не отметить двойственный характер позиции советского руководства, проявившийся в том, что, с одной стороны, опасаясь создания союза между Германией, Японией и Польшей, оно усилило активность по поддержанию французской идеи создания системы коллективной безопасности: подписало в 1932 г. договор о ненападении с Францией, восстановило дипломатические отношения с Румынией, Чехословакией, высказалось в поддержку создания «Восточного Локарно» – гарантийного пакта в составе СССР, Германии, Польши, Чехословакии. С другой стороны, советское правительство проявило сдержанное отношение к Балканскому пакту с точки зрения обеспечения мира и безопасности в Юго-Восточной Европе. Анти-советскую направленность пакта советское руководство усматривало в укреплении позиций Румынии, к которой у СССР были территориальные претензии в отношении Бессарабии. Кроме того, возникли опасения, что пакт создает теоретическую возможность, что СССР и Турция окажутся в противостоящих лагерях⁴.

Балканский союз, по мнению советского руководства, являлся орудием в руках западных империалистических кругов⁵. В частности, нарком иностранных дел М.М. Лит-

винов в те годы писал, что вхождение отдельных государств, в особенности малых, в федерацию [речь идет о французском предложении в 1932 г. по созданию Дунайской федерации. – *Н.В.*] означает для них потерю самостоятельности, попадание под влияние французской политики и неизбежный антагонизм со странами, не входящими в федерацию.

Вряд ли такая оценка, в том числе и применительно к Балканскому пакту, соответствовала тогда интересам СССР. Следует учитывать, что хотя пакт был создан с ограниченными целями, обеспечивая неприкосновенность балканских границ, он явно не отвечал интересам нацистской Германии на Балканах. Создание Балканской Антанты увеличило изоляцию Болгарии. Гитлеровское руководство не скрывало намерения втянуть Болгарию в орбиту своего влияния и при ее помощи разрушить систему региональной солидарности, спекулируя на территориальных претензиях Болгарии к Югославии, Греции, Румынии.

Тем не менее, инициатива установления дипломатических отношений с Советским Союзом принадлежала болгарскому правительству во главе с К. Георгиевым, пришедшему к власти в мае 1934 г. в результате государственного переворота, имевшего антигерманскую внешнеполитическую направленность. 5 июля 1934 г. болгарский министр иностранных дел К. Батолов направил в Стамбул проект телеграммы М.М. Литвинову, в которой болгарское правительство уведомляло советское правительство о признании его де-юре и выражало готовность немедленно установить дипломатические отношения. Речь шла не о восстановлении, а именно установлении дипломатических отношений, так как соответствующие статьи Нейиского договора обязывали Болгарию считать аннулированными Брест-Литовский и все другие договоры, конвенции и соглашения, заключенные с Россией ранее⁶.

Советско-болгарские переговоры состоялись в Стамбуле. Они завершились 23 июля 1934 г. подписанием двух протоколов. В основном протоколе имелись два пункта. В первом обе стороны гарантировали взаимное уважение су-

веренитета обоих государств и обязывались не вмешиваться во внутренние дела друг друга путем агитации, пропаганды и различных видов вмешательства или поддержки такого вмешательства. Они также обязывались не допускать создания или пребывания на своей территории организаций, имеющих своей целью вооруженную борьбу против другой договаривающейся стороны или стремящихся к насильственному изменению существующего общественного строя, или подстрекающих к террористическим действиям и к подготовке таких действий против официальных представителей. Стороны брали на себя обязательства запрещать вербовку, а также пребывание на своей территории или провоз через нее вооруженных сил, оружия, боеприпасов, снаряжения и любых других видов военных материалов, предназначенных для этих организаций⁷.

Во втором пункте стороны обязывались не включать в персонал своих посольств политических эмигрантов, находившихся за границей, даже если они стали подданными третьего государства. В протоколе также отразился вопрос о русском церковном имуществе, находившемся на территории Болгарии. В соответствии с решением памятники и монастыри на Шипке и в Ямболе передавались болгарскому народу. Русская церковь в Софии оставалась в распоряжении дипломатического представительства СССР⁸.

В тот же день, 23 июля, произошел обмен телеграммами между министром иностранных дел Болгарии и народным комиссаром иностранных дел СССР. В болгарской телеграмме сообщалось о решении правительства Болгарии установить нормальные дипломатические отношения с правительством Советского Союза. Советская сторона с удовлетворением приняла это предложение.

В июле болгарское правительство объявило о назначении посланником в СССР профессора Димитра Михалчева, заведовавшего до этого кафедрой философии в Софийском университете. 31 августа 1934 г. ЦИК СССР назначил полномочным представителем Советского Союза в Болгарии Федора Федоровича Раскольников (настоящая фами-

лия Ильин)⁹. Он ранее, в 1921–1923 гг., был полномочным представителем РСФСР в Афганистане, а позднее – полпредом СССР в Эстонии, затем – в Дании. Раскольников был также известен как талантливый литератор, автор публицистических работ, книг и пьес.

Первым советским военным атташе и легальным резидентом советской разведки в Болгарии в 1935 г. стал полковник Василий Тимофеевич Сухоруков (назначен в декабре 1934 г.). Свою службу в военной разведке начинал в 1921 г. на Дальнем Востоке. Окончил Военную академию Рабоче-Крестьянской Красной Армии (1924 г.), работал в Китае, в центральном аппарате Разведывательного управления Штаба РККА, два года возглавлял Отдел внешних сношений Разведывательного управления (РУ). На этом посту был награжден орденом Красного Знамени «за исключительную храбрость, мужество и умелое руководство боевыми действиями»¹⁰.

Секретарем советской миссии был М.В. Буравцев, который, по сведениям болгарской полиции, являлся резидентом Коминтерна. Как дипломат он до этого уже работал в Канаде, Эстонии, служил в отделе печати и информации НКВД. Завхозом миссии был назначен Василий Яковлев, сотрудник внешней разведки с 1931 г., был уполномоченным, помощником начальника отделения. Трижды награждался боевым оружием, а также серебряным портсигаром «За отличную работу» и нагрудным знаком «Почетный чекист» – «за выполнение специального задания»¹¹.

К первым легальным разведчикам болгарские спецслужбы причисляли и сотрудника ТАСС Владимира Григоренко¹².

Официальная церемония вручения верительных грамот состоялась 23 ноября 1934 г. в царском дворце в Софии. Вручая верительные грамоты царю Борису III, Ф.Ф. Раскольников заявил: «Установление дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Болгарией было встречено правительством и народами нашей страны с чувством глубокого удовлетворения... Сбли-

жение Советского Союза и Болгарии и установление между ними сердечных отношений отвечает интересам обоих государств и служит делу укрепления всеобщего мира»¹³.

1 января 1935 г. Раскольников сообщал заместителю народного комиссара иностранных дел Н.Н. Крестинскому о том, что советская миссия была встречена в Болгарии с исключительной симпатией. Все газеты напечатали приветствия от рабочих, крестьян, интеллигенции. Писатели, журналисты, профессора, адвокаты непрерывно посещали советского полпреда. Раскольников подчеркивал, что нет ни одной страны в мире, где в такой степени существуют симпатии ко всему русскому, как в Болгарии. Следует обратить внимание, что советский полпред считал, что у разных слоев населения эти симпатии имеют различный политический характер. По его мнению, значительная часть рабочих и передовое крестьянство сознательно симпатизируют СССР как государству, сокрушившему классовую эксплуатацию и успешно строящему социализм. Старое поколение болгарской интеллигенции, воспитанное на русской культуре, тяготело к России как крупнейшему культурному очагу. В военной и общественной среде была живуча признательность России как освободительнице Болгарии от турецкого ига¹⁴. «По существу, – писал Раскольников, – они любят не нас, а царскую Россию, но эти симпатии отчасти переносятся на СССР как преемника старой России... Торговцы и промышленники тяготеют к нам, надеясь на экономические выгоды от установления непосредственных торговых связей»¹⁵. Вместе с тем Раскольников считал, что правительство Кимона Георгиева восстановило дипломатические отношения с СССР не из симпатий к стране, а для укрепления своего внутреннего положения, учитывая настроения разных слоев болгарского населения.

С учетом сегодняшних знаний можно констатировать, что в своих сообщениях в Москву Раскольников достаточно реально определил цели внешней политики Болгарии к моменту установления советско-болгарских дипломатических отношений. В том же документе от 1 января 1935 г. он

указывал, что Болгария в этот период стремилась выйти из состояния изоляции, улучшить отношения с Югославией. Однако, по его наблюдению, отношения Болгарии с Грецией, Турцией и Румынией были плохими из-за территориальных проблем. Советский полпред объяснял причины, по которым Болгария не хотела присоединиться к Балканскому пакту: он «санкционирует статус-кво существующих границ», а, кроме того, «внутри комбинации государств, подписавших Балканский пакт, она боится остаться в меньшинстве»¹⁶.

Составить представление о первых контактах советских представителей с болгарскими властями можно на основании некоторых архивных материалов, ранее не публиковавшихся. Среди них запись беседы советского военного атташе полковника В.Т. Сухорукова с царем Борисом III от 28 марта 1935 г. Эта запись поступила к наркому обороны К.Е. Ворошилову и была направлена И.В. Сталину и В.М. Молотову¹⁷. Беседа продолжалась один час пять минут. Судя по записи, болгарский царь интересовался состоянием Красной Армии, ее вооружением, командным составом. Борис III выражал удивление и восхищение по поводу того, как в СССР за столь короткое время была создана такая крепкая армия. Сухоруков отвечал, как и соответствовало официальному уровню беседы, в стиле пафосной риторики: «Благодаря энтузиазму народа и мудрости гениальных руководителей народов Союза мы сделались неприступными для наших врагов на Востоке и на Западе. В Красной Армии мы имели блестящих полководцев: тт. Буденного, Блюхера, Тухачевского, Егорова и др.». Из записи беседы следует, что царь обратил внимание на «умелую внешнюю политику» СССР, особенно в Азии, и задал вопрос: на чем она основана. Сухоруков ответил, что в ее основе лежат принципы национальной политики, заложенные Лениным – Сталиным, и они тщательно проводятся в жизнь. В СССР, как заметил военный атташе, «161 национальность, и все живут единой, сплоченной семьей. У нас все народы равны..., развивается собственная индустрия и культура». Царь подчер-

кнул, что болгарский народ питает глубокие чувства признательности и симпатии к русскому народу. Любопытно, что при этом Борис III упомянул такой факт: во время советско-польской войны тогдашний болгарский премьер Стамболийский предложил ему пропустить через болгарскую территорию вооружение и людей на помощь Польше против России, но он, Борис III, тогда не позволил ему это сделать, «так как был уверен, что Россия была и будет великой страной»¹⁸. В заключение беседы царь просил передать сердечный и искренний привет Ворошилову, которому, по его словам, он лично симпатизирует и уважает¹⁹.

Между тем нормализация советско-болгарских отношений, как свидетельствуют конкретные факты, не вызвала достаточно активных политических, экономических и военных контактов между двумя странами. Эти отношения были подвержены влиянию внутренних обстоятельств в СССР и Болгарии, а также зависели от изменчивой и противоречивой обстановки на Балканах и в Европе в середине 1930-х годов. Из дипломатической переписки советского полпредства очевидно, что после установления официальных дипломатических отношений сложилась довольно парадоксальная ситуация, связанная с наличием в стране белоэмигрантских организаций. Как отмечалось выше, обе стороны взяли на себя обязательства не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Они согласились не допускать присутствия на своей территории организаций, имевших целью насильственное изменение общественного строя. Однако в Болгарии продолжали существовать белоэмигрантские организации. 14 марта 1935 г. М.М. Литвинов телеграфировал полпреду СССР в Болгарии о своей беседе с посланником Болгарии в СССР Д. Михалчевым, состоявшейся 10 марта. Заявления советского дипломата о препятствиях со стороны Болгарии культурному сближению Михалчев опровергал, ссылаясь на многочисленные объявления в болгарских газетах об идущих в кинотеатрах советских фильмах и на множество книг по всем отраслям науки, имеющих в свободной продаже. В ответной телеграмме от 15 марта 1935 г.

Раскольников писал, что информация Михалчева неправильна, и что за 4 месяца его пребывания в Болгарии «разрешен только один советский фильм “Троза”. Фильм “Окраина” запрещен и снят с экрана после двухдневной демонстрации. “Челюскин” до сих пор остается под запретом. Советские книги действительно продаются, но газеты запрещены»²⁰.

Советский полпред обращал внимание на то, что «болгарское правительство проявляет крайнюю терпимость к террористической организации – Национальный союз нового поколения (НСНП), которая формально запрещена, но продолжает существовать в прежнем составе, под руководством возвращенных из ссылки Чернова и Богачева». Раскольников считал желательным в этом случае вторичное воздействие на Михалчева и предоставление ему списка членов этой организации²¹. Тема существования белогвардейских организаций продолжала звучать и в дальнейшем. Например, 6 июля 1935 г. Раскольников сообщал в Москву: «Враждебная линия к СССР наглядно проявляется и в белогвардейском вопросе. Болгарское правительство не намерено принимать никаких решительных мер по отношению к белогвардейским организациям и, напротив, оказывает им всемерное покровительство»²². Действительно, особую озабоченность советского руководства в Москве вызывал террористический характер упомянутой молодежной организации НСНП. Известно, что эта организация приняла решение совершить в Болгарии террористические акты против советских дипломатов, включая убийство Ф.Ф. Раскольникова. Ее деятельность поддерживали лидеры Русского общевойскового союза (РОВС), в том числе активный руководитель этой организации в Болгарии капитан Фосс²³. С помощью советской агентуры в стране, прежде всего, болгарина Н. Абрамова (псевдоним «Ворон»), покушение на советского полпреда было предотвращено. НКВД СССР было дано указание немедленно заявить официальный протест Болгарии в связи с готовившимся преступлением²⁴. В июле 1935 г. Раскольников сделал представление болгарскому министру иностранных дел по поводу террористической

деятельности этих организаций, потребовав от болгарского правительства решительных мер по пресечению антисоветской деятельности белогвардейских групп в стране²⁵.

Переписка Раскольниковова с представителями НКВД СССР подтверждает, что одним из ключевых вопросов, которые ставила болгарская сторона в дипломатических контактах, было зондирование возможности закупок военного имущества в СССР. Болгария, связанная условиями Нейсского договора, ограничивающими возможности вооружения ее армии, видела единственный выход из своего положения в системе тайных вооружений. 27 марта 1935 г. Раскольников сообщил заместителю народного комиссара иностранных дел Н.Н. Крестинскому, что в беседе 14 марта с председателем Совета министров Болгарии генералом П. Златевым последний обратил внимание на трудности, испытываемые Болгарией в поставках военных материалов, потому что соседние страны не пропускают их по суше, а также через Проливы. Поэтому, заявил Златев, Советский Союз оставался единственным источником снабжения Болгарии военными материалами. Раскольников рекомендовал болгарскому дипломату официально обратиться по этому вопросу в советскую миссию, после чего он доведет болгарскую просьбу до советского правительства²⁶.

22 января 1935 г. Кимон Георгиев был вынужден уйти в отставку. После этого во внешней политике болгарских правящих кругов заметно усилилась прогерманская линия. Письма из советского посольства в Софии свидетельствовали, что нацистская Германия активизировала свою деятельность в Болгарии по разным направлениям. Так, в письме от 8 июня 1935 г. Раскольников сообщал в Москву о приезде в Софию Г. Геринга, что свидетельствовало о наличии германофильских настроений в болгарских официальных кругах. По имевшимся у советского полпреда сведениям, переговоры царя Бориса и высокопоставленного гостя велись наедине. Раскольников указал также, что гитлеровский представитель всячески настраивал болгар против СССР, внушал подозрения относительно деятельности со-

ветского полпредства и предлагал Болгарии связать судьбу с Германией, обещая всяческие блага²⁷.

Прогерманская тенденция, как явствует из сообщений советского полпредства в Москву, сказывалась и на развитии советско-болгарских хозяйственных и торговых связей. Так, в письме Раскольникову заместителю народного комиссара иностранных дел от 19 августа 1935 г. сообщалось, что 16 августа советская сторона прекратила переговоры о временном торговом соглашении. Основными причинами этого, как указывал советский полпред, являлось то, что болгары настаивали на принятии своего проекта соглашения и на оплате вместо полагающегося процента иностранной валюты интересующими их товарами: железом, чугуном, солью. Сообщалось, что на основе инструкций из Москвы, советские представители отклонили это предложение. Раскольников считал, что неудача торговых переговоров произошла по вине кабинета Андрея Тошева, и отмечал, что на Болгарию был оказан сильный нажим Германией и Польшей. «Германия прямо пригрозила, что она сократит свои закупки в Болгарии, если та заключит торговые соглашения с СССР», – указывалось в документе. По мнению Раскольникову, если бы советская сторона согласилась принять за основу болгарский проект, то это повлекло за собою постатейное обсуждение договора на долгие, долгие месяцы. «Но мы, – сообщал советский полпред, – поступили правильно, отклонив предложение болгар. Этим мы внесли в дело полную ясность... Болгария больше заинтересована в торговле с нами, чем мы»²⁸. Далее он добавлял, что одной из причин болгарских действий был страх перед коммунизмом.

Вместе с тем, судя по документам, болгарская сторона к тому времени еще не сделала окончательный выбор в пользу Германии, и не все было так однозначно в отношении экономических связей двух стран.

6 июля 1935 г. Раскольников сообщал в письме М.М. Литвинову, что через советского военного атташе болгарское военное министерство выразило желание закупить в СССР значительную партию вооружения для болгарской армии, в

том числе зенитные орудия, снаряды к ним, горные батареи, минометы, 59 самолетов, из них – 15 бомбардировщиков, 18 истребителей, 6 штурмовиков, 20 разведывательных, а также до 100 грузовых машин и пр. военную технику²⁹. В этом же письме Раскольников поставил вопрос так: «Заинтересован ли СССР политически в продаже военного имущества Болгарии?». По мнению советского полпреда, нельзя было полностью отказываться от продажи оружия Болгарии, так как «этим делался подарок Германии»³⁰. Далее он замечал, что условия, предложенные болгарскими, были, по его мнению, неприемлемы. Они хотели купить военное имущество не за наличный расчет, а на основе компенсационной сделки и при условии предоставления им, по крайней мере, пятилетнего кредита. Тем не менее, Раскольников считал, что «продажа нами Болгарии зенитных и горных орудий создала бы ее зависимость от нас в деле снабжения снарядами». В случае отказа, писал он, Болгария без труда приобретет нужное ей военное имущество в Германии, которая собиралась создать специальный консорциум военных заводов для планомерной организации этого дела³¹.

Однако в поступившем из НКВД СССР ответе содержался фактический отказ советской стороны выступить с инициативой в вопросе о продаже вооружений Болгарии. Высказывалось сомнение, что ограниченная продажа оружия могла бы сильно укрепить «наше влияние в Болгарии, которая, как известно, в этом отношении всецело связана с Германией»³².

По информации секретаря советского полпредства в Софии М.В. Буравцева от 28 декабря 1935 г., можно судить об итогах экономических связей СССР с Болгарией спустя год после установления дипломатических отношений. В этом документе констатировалось, что советская сторона ни в одном из торгов на поставку товаров не принимала участие. Как следует из информации, препятствием для этого были неурегулированность с расчетами, неблагоприятная, с точки зрения СССР, политическая ориентация пос-

ледних болгарских правительств и некоторые другие обстоятельства. Например, как указывалось в документе, СССР не смог продать нефть болгарам из-за международных обязательств³³.

Из полпредства в Москву поступали сообщения о том, что болгарский экспорт в Германию в 1935 г. превышал 60%. Германия играла на струнах ревизионистских настроений Болгарии, подчеркивая несправедливость условий Нейского мирного договора, которые могли быть устранены путем союза Болгарии с Германией³⁴. Последняя занимала первое место в импорте товаров в Болгарию. По сообщению секретаря советского посольства от 30 июня 1936 г., Болгария заказала в Германии на шесть миллиардов левов военного имущества³⁵. В ноябре того же года Раскольников информировал НКВД о том, что Болгария получает от Германии самолеты, и о болгаро-германских переговорах о доставке в страну подводных лодок³⁶.

Несомненную важность имели те сообщения Раскольникова в Наркоминдел СССР в 1936 г., в которых даются оценки позиции Болгарии в отношении соседних государств-членов Балканской Антанты. Например, 28 февраля 1936 г. он писал Крестинскому, что хотя Балканская Антанта создавалась и против Болгарии, тем не менее, среди части членов этой организации росло сознание необходимости вовлечения Болгарии в Антанту. Стремление втянуть Болгарию в эту организацию поддерживалось и Чехословакией. Инициатором же, считал Раскольников, являлась Турция, которая за кулисами вела энергичную подготовку. При этом была отмечена готовность отказаться от требования гарантий неизменности границ и согласие на гарантию их спокойствия³⁷. Против принятия Болгарии в Балканскую Антанту выступала, по сообщению Раскольникова, Румыния, которая предпочитала видеть Болгарию изолированной и «не хотела допускать ее ни в какую международную комбинацию»³⁸. По мнению советского полпреда, Болгария в это время находилась на распутье. «Либо она будет окончательно втянута в германо-польский блок, либо она дол-

жна присоединиться в той или иной форме, с теми или иными оговорками к Балканскому пакту», – писал Раскольников. Но последнее, по его мнению, было возможно при условии улучшения отношений Болгарии с ее соседями и создания правительства, которое бы взяло твердый курс на открытое сближение с СССР, Францией и Балканской Антантой»³⁹.

Судя по документам, Раскольников неоднократно выражал озабоченность по поводу пассивной политики СССР в Болгарии. Особенно примечателен в этом отношении его ответ на письмо Крестинского, в котором заместитель народного комиссара иностранных дел ответил отказом на предложение советского полпреда возложить советскими представителями венок к памятнику русским воинам на Шипке. Крестинский мотивировал отказ тем, что якобы «во внешнем мире это было бы понято как солидаризация СССР с империалистическими планами бывшего царского правительства России на Балканах»⁴⁰.

В своем ответе от 4 мая 1936 г. Раскольников указывал, что его инициатива была продиктована беспокойством, что СССР не использует в Болгарии всех имеющихся возможностей для укрепления своего влияния в этой стране. Кроме того, советский полпред писал о необходимости более тесной координации работы советских представителей на Балканах с Турцией, Францией, Чехословакией и Румынией, а если возможно и с Англией. Совершенно справедливо он указывал, что эти страны в большей или меньшей степени отрицательно относятся к проникновению Германии на Балканы, и это, по его мнению, может быть использовано для координации усилий в целях «предотвращения германской экспансии на юго-восток Европы». При этом он, как видно из документа, понимал, что из-за существующих противоречий между отдельными балканскими странами «трудно рассчитывать на установление единой антигерманской политики не только в Болгарии, но и в Европе». Поэтому, писал Раскольников, речь идет лишь об установлении более тесного контакта, о координации отдельных действий, «об

использовании нашего потенциала влияния в Болгарии совместно с Францией, так как французское влияние на Балканах является наименьшим злом по сравнению с влиянием фашистской Германии»⁴¹.

Ныне можно признать, что советский дипломат был прав, так как Германия действительно использовала в определенной мере пассивность СССР в вопросах продажи вооружений Болгарии, и к 1937 г. она добилась значительных успехов в деле продвижения своей военной продукции в эту и другие малые страны.

Нельзя сказать, что в СССР не видели этого опасного для него усиления зависимости стран Балканского региона от Германии.

Сообщения о размещении в Германии военных заказов ряда малых стран регулярно поступали в Народный комиссариат обороны СССР из Разведывательного управления РККА. Так, 21 июля 1937 г. начальник управления Я.К. Берзин докладывал маршалу К.Е. Ворошилову, что Болгария, наряду с другими малыми странами, не обладая собственной достаточно развитой промышленностью, способной обеспечить нужды армии, вынуждена размещать свои военные заказы в других странах. В 1936 г. Болгария заказала в Германии 40 самолетов, из которых было получено 12 бомбардировщиков и 18 истребителей «Хейнкель». В октябре 1936 г. заводом «Феномен-Верке» в Циттау был выполнен заказ на поставку 500 автомобилей для Болгарии, велись переговоры о закупке в Германии подводных лодок. Берзин подчеркивал, что приведенные факты свидетельствуют о том, что Германия за последнее время добилась значительных успехов в поставках своей военной продукции в малые европейские государства – Турцию, Иран, Румынию, Грецию, Болгарию, а также Югославию.

В документе делался вывод: «Считал бы целесообразным принятие с нашей стороны необходимых мер противодействия попыткам Германии внедрить свое оружие в указанные государства и таким путем поставить их в зависимость от германских поставок (огнеприпасы, моторы,

зап. части). Одной из таких мер были бы поставки нами в эти страны нашего оружия»⁴².

Однако со стороны высшего советского руководства на эти предложения никакой реакции не последовало.

Между тем обстановка в мире, и в том числе на Балканах, становилась все более напряженной. Рухнули проекты обеспечения региональной безопасности путем создания Дунайского и Восточного пактов. После аншлюса Германией Австрии в марте 1938 г. в Болгарии резко усилились ревизионистские настроения. Болгарская дипломатия решительно ставила вопрос о признании за страной права вооружаться.

Несомненно, что на состояние советско-болгарских отношений оказывали влияние не только негативные, дестабилизирующие факторы, связанные с усилением военно-политической активности Германии в Европе и в Балканском регионе, но и «большой террор» 1937–1938 гг. в СССР, который нанес серьезный удар также и по деятельности советских дипломатов в европейских странах, включая Болгарию. 4 марта 1937 г. наркомат обороны СССР сообщил народному комиссару иностранных дел М. М. Литвинову о решении отозвать в Советский Союз военного атташе в Болгарии полковника В. Т. Сухорукова⁴³, который летом того же года уехал в Москву, где был арестован и до 1956 г. находился в лагерях. Этот арест имел особо тяжелые последствия для СССР, так как Сухоруков руководил разведывательной сетью практически во всех балканских странах. По некоторым данным, ее цель состояла в установлении контроля за действиями нацистской Германии на Балканах. Позднее Раскольников в своем знаменитом письме Сталину от 17 августа 1939 г. относительно последствий арестов сотрудников советского полпредства в Болгарии отмечал, что этот погром был инспирирован так называемой «внутренней линией» РОВС, т.е. спецслужбой военизированной белоэмигрантской организации. Он писал, что эта организация в лице капитана Фосса, «подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометиравшие честных ра-

ботников миссии... добилась разгрома нашего полномочного представительства в Болгарии – от шофера М.И. Казакова до военного атташе В.Т. Сухорукова»⁴⁴. Важно отметить, что сведения, которые начали добывать Сухоруков и его агенты, были военно-политического и военно-технического характера. Например, как вспоминал Сухоруков, «с помощью болгарских офицеров и других специалистов, связанных с “ИГ-Фарбениндустри”, мы получали информацию о состоянии промышленности гитлеровской Германии»⁴⁵.

Естественно, что намерения Германии далеко выходили за рамки обычных военно-политических отношений и вряд ли объяснялись «заботой» об укреплении безопасности малых стран. По меньшей мере, речь шла о превращении этих стран в потенциальных союзников в будущей войне.

Из воспоминаний Раскольниково известно, что 15 апреля 1937 г. он получил телеграмму от народного комиссара иностранных дел, который по требованию правительства приглашал его немедленно выехать в Москву для переговоров относительно нового назначения⁴⁶. К этому времени первый и второй секретари полпредства также были отозваны в Москву. Вновь назначенный первый секретарь советского полпредства Н. Прасолов приехал в Софию лишь в январе 1938 г., после чего возобновились требования немедленного приезда Раскольниково в Москву. Получив разрешение совместить служебную командировку с очередным отпуском с условием его проведения в СССР, советский полпред в Болгарии 1 апреля 1938 г. с женой и восьмимесячным сыном выехал из Софии в Москву, о чем он в тот же день информировал Наркоминдел СССР.

6 апреля 1938 г. газета «Правда» опубликовала сообщение об освобождении Ф.Ф. Раскольниково от обязанностей полномочного представителя СССР в Болгарии⁴⁷. Дипломат узнал об этом из газеты, купленной в Берлине на вокзале во время пересадки. Понимая, что за отставкой неминуемо последует арест, Раскольниково поменял планы и выехал в Париж. Так бывший полпред стал «невозвращенцем».

Накануне заключения Мюнхенского соглашения в

официальных отношениях между СССР и Болгарией не произошло каких-либо существенных изменений с точки зрения их активизации. Правда, вновь встал вопрос о закупках болгарскими оружейными заводами в СССР. Однако, как и ранее, советская сторона не была готова к каким-либо эффективным шагам в этом направлении. В марте 1938 г. болгарское правительство подписало с Германией тайное соглашение о предоставлении займа для закупки военного вооружения, и, главное, самолетов германского производства⁴⁸.

Мюнхенский сговор разрушил последние остатки Версальской системы и явился со стороны Великобритании и Франции «приглашением» Германии к дальнейшей агрессии, в том числе и на Востоке.

Следствием Мюнхена был подрыв веры малых стран в союзническую надежность западных держав в защите от агрессии. В обстановке полной непредсказуемости международной ситуации малые государства Балканского региона стали отказываться от любых коллективных действий, стремились остаться подальше от конфликтов великих держав, придерживаться политики лавирования и «нейтрального» курса между фашистскими государствами и западными державами.

Из советского посольства в Софии в конце 1938 г. постоянно поступала информация о том, что болгарские правящие круги после Мюнхена усилили свои территориальные претензии по поводу возвращения Южной Добруджи⁴⁹.

17 августа 1939 г., за две недели до начала Второй мировой войны, Ф.Ф. Раскольников написал «Открытое письмо Сталину», которое было опубликовано в эмигрантском издании «Новая Россия» 1 октября 1939 г.⁵⁰. В конце августа того же года, находясь в Ницце, Раскольников заболел воспалением легких и в тяжелом состоянии был доставлен в больницу. Вскоре у больного возник также и менингит, от которого он и скончался 12 сентября. Прах его покоится в фамильном склепе одной из французских семей в городе Ницце.

В сложный период советско-болгарских отношений и в

напряженной международной обстановке накануне Второй мировой войны советское правительство в течение длительного времени не назначало в Болгарию своего полномочного представителя. И только в начале ноября 1939 г. в Софию прибыл полномочный представитель СССР А.И. Лаврентьев. До этого времени в течение 18 месяцев советское посольство возглавлял временный поверенный в делах СССР в Болгарии. В июле 1940 г. Лаврентьев был направлен из Софии в Бухарест, а полномочным представителем СССР в Болгарии был назначен А.А. Лаврищев, до этого исполнявший должность первого секретаря советского полпредства.

Как известно, после начала Второй мировой войны Болгария 14 сентября 1939 г. объявила нейтралитет. На первом этапе, до поражения Франции, болгарские правящие круги во главе с царем Борисом III заняли выжидательную позицию, лавируя между двумя противостоящими группировками, стремясь в то же время реализовать свои территориальные притязания⁵¹. В декабре 1939 г. болгарское правительство ответило отказом на советское предложение о заключении «политического договора», т.к. опасалось как реакции Германии, так и возможного прямого вмешательства СССР во внутренние дела своей страны. Тем не менее, 11 декабря 1939 г. была подписана советско-болгарская воздушная конвенция, а 5 января 1940 г. заключен договор о торговле и мореплавании.

В то же время Болгария рассматривалась советским руководством как стержень системы безопасности СССР в бассейне Черного моря и сухопутный мост к турецким Проливам. Поэтому после капитуляции Франции в июне 1940 г. Москва была серьезно обеспокоена германской активностью в Болгарии и усилением в этой стране пронемецких настроений. В СССР было известно о существовании тесных военно-экономических связей между Болгарией и Германией⁵². В донесениях, поступавших в Москву по линии советской военной разведки в июле 1940 г., сообщалось о прибытии в Болгарию группы германских военнослужащих и германской военной миссии с целью решения вопросов

переворужения болгарской армии⁵³.

Германия выступила инициатором урегулирования болгаро-румынских территориальных споров без уведомления советского руководства. На встрече в Зальцбурге 26–27 июля 1940 г. Гитлер и Риббентроп рекомендовали представителям румынского правительства урегулировать добруджанский вопрос в пользу Болгарии. Информация об этом также поступила в Москву. В частности, в сводке 5-го управления РККА от 9 августа 1940 г. указывалось: «Гитлер предложил Румынии самостоятельно урегулировать все спорные вопросы с Болгарией и Венгрией, причем разрешение таковых с Болгарией является обязательным». Сообщалось также, что «Гитлер заявил, что настоящие действия являются первым этапом в подготовке войны против СССР, которая неминуемо будет после окончания войны с Англией»⁵⁴.

13 августа 1940 г. в редакционной статье газеты «Известия» Москва официально заявила, что претензии Болгарии о возвращении Южной Добруджи являются справедливыми и политически обоснованными. Тем самым СССР стремился перехватить инициативу у Германии в удовлетворении болгарских территориальных требований. Однако болгарское правительство решило искать поддержку в этом вопросе у нацистской Германии, опасаясь усиления влияния СССР и коммунистов внутри страны⁵⁵. Начавшиеся в августе 1940 г. в Крайове болгаро-румынские переговоры завершились 7 сентября подписанием договора о возвращении Болгарии Южной Добруджи в границах 1913 г.

На сессии Народного собрания 20–23 сентября 1940 г. глава болгарского правительства Б. Филев заявил, что разрешением добруджанского вопроса Болгария обязана «дружественному посредничеству прежде всего Германии и Италии»⁵⁶. В стране усилились германофильские настроения, активизировалась фашистская пропаганда.

1 марта 1941 г. болгарское правительство официально подписало протокол о присоединении к Тройственному пакту. В тот же день немецкие войска, расположенные в Румынии, вошли в Болгарию. Тогда же начальник политического

отдела МИД Болгарии И. Алтынов сделал заявление для советского правительства о том, что пребывание немецких войск в Болгарии является временной мерой и не ухудшит ее отношений с СССР, которые «Болгария считает постоянным элементом своей внешней политики»⁵⁷. Тем не менее, как известно, царская Болгария до сентября 1944 г. была союзником нацистской Германии и надежно обеспечивала ее тыл в Балканском регионе в период боевых действий на советско-германском фронте.

В то же время следует отметить, что советско-болгарские отношения являли собой в определенном смысле феномен межгосударственных отношений в годы Второй мировой войны, т.к. две страны, принадлежавшие к двум противоборствующим коалициям, сохраняли дипломатические отношения, причем Советский Союз был решающей силой в борьбе против нацистской Германии – союзника Болгарии.

Дипломатические отношения между двумя странами были разорваны на короткий период после того, как 5 сентября 1944 г. СССР объявил войну Болгарии, о чем сообщалось в ноте, врученной В.М. Молотовым болгарскому посланнику в Москве И. Стаменову⁵⁸. После подписания 28 октября 1944 г. Соглашения о перемирии между правительствами СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и правительством Болгарии – с другой, Болгария направила в СССР своего политического представителя Д. Михалчева, чего не имела ни одна страна из бывших сателлитов нацистской Германии⁵⁹. Дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены после Потсдамской конференции, т.е. еще до заключения мирного договора (февраль 1947 г.), путем обмена письмами между заместителем председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии С.С. Бирюзовым и Председателем Совета министров Болгарии К. Георгиевым от 14 и 16 августа 1945 г.⁶⁰

Примечания

¹ *Фогель Д.* Германия и Юго-Восточная Европа. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Под ред. В. Михалки. Пер. с нем. М., 1996. С. 418.

² Нейский мирный договор был заключен 27 ноября 1919 г. между державами Антанты и Болгарией, побежденной в Первой мировой войне. От Болгарии в пользу Югославии отходили часть округа г. Кула, города Цариброд, Босилеград, Струмица с их окрестностями; в пользу Греции – Западная Фракия. Добруджа сохранялась за Румынией. Статья 171 этого договора предусматривала аннулирование всех договоров, соглашений и конвенций, заключенных до того времени между Болгарией и Россией. По настоянию представителей держав Антанты Болгария разорвала отношения с Советской Россией.

³ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 90. Оп. 1. Д. 155; *Волков В.К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М., 1966. С. 37.

⁴ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. 17 (1 января – 31 декабря 1934 г.). М., 1971. С. 44.

⁵ Там же. С. 126, 776–777.

⁶ См.: *Мельцер Д.Б.* Советско-болгарские отношения (1917–1935 гг.). Минск, 1975. С. 157.

⁷ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1976. Т. 1. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. С. 362–363; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 13. П. 3. Д. 2. Л. 2.

⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 13. П. 3. Д. 2. Л. 2.

⁹ Известия. 1934. 1 сентября.

¹⁰ *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: Дела и люди. СПб., М., 2002. С. 60.

¹¹ *Кочик В.Я.* И террористы, и коммунисты // Независимое военное обозрение. 2006. 18 августа.

¹² Там же.

¹³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 14. П. 3. Д. 5. Л. 2; Известия. 1934. 26 ноября.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 131–132.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 138.

¹⁷ Российский Государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 754. Л. 309–316.

¹⁸ Там же. Л. 309–316.

¹⁹ Там же. Л. 316.

- ²⁰ ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. С. 181, 696.
- ²¹ Там же.
- ²² АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 66.
- ²³ Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. М., 2003. С. 128–129.
- ²⁴ Антонов В.С. Сын против отца // Независимая газета. 16 сентября 2005 г.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 66; Кольцов П.С. Дипломат Федор Раскольников. М., 1990. С. 245–246.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 98.
- ²⁷ Там же. Л. 92.
- ²⁸ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы... С. 396–397.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 19. П. 105. Д. 3. Л. 20.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 70–72.
- ³³ Там же. Оп. 19. П. 105. Д. 1. Л. 2–6.
- ³⁴ Там же. Л. 13.
- ³⁵ Там же. Оп. 18. П. 104. Д. 1. Л. 99, 139; Оп. 19. П. 105. Д. 1. Л. 82.
- ³⁶ ДВП СССР. Т. 19. М., 1974. С. 619.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 19. П. 105. Д. 1. Л. 45–46.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2. Л. 3–4.
- ⁴¹ Там же. Д. 1. Л. 59–60.
- ⁴² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1027. Л. 182–187.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 20. П. 106. Д. 7. Л. 6.
- ⁴⁴ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. Л., 1989. С. 546.
- ⁴⁵ Лурье В.М., Кочик В.М. Указ. соч. С. 309; Лота В. Информаторы Сталина: Неизвестные операции советской военной разведки. 1944–1945. М., 2009. С. 270–271.
- ⁴⁶ Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 538.
- ⁴⁷ 17 июля 1939 г. Верховный Суд СССР заочно на основании закона от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказавшихся вернуться в Союз СССР», объявил Ф.Ф. Раскольникова вне закона,

что было равносильно смертному приговору (*Кольцов П.С.* Указ. соч. С. 260–261)

⁴⁸ *Спасов Л.* Българо-съветски дипломатически отношения. 1934–1944. София, 1987. С. 50.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 21. П. 106. Д. 1. Л. 113.

⁵⁰ Основные положения «Открытого письма Сталину» впервые стали известны советским читателям из статьи В.Д. Поликарпова «Федор Раскольников» (*Огонек*. 1987. № 26). Затем появилось несколько публикаций в периодической печати. Полностью письмо было опубликовано в газете «Советская культура» 27 февраля 1988 г., а также в книге «Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди» / Сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 313–320.

⁵¹ Документы внешней политики. Т. XXII: В 2-х кн. Кн. 2. 1939 г. М., 1992. С. 465–470.

⁵² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 10. Д. 117. Л. 25.

⁵³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1294 (1). Л. 1–2.

⁵⁴ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / сост. В. Гаврилов. М., 2008. С. 451–452.

⁵⁵ *Валева Е.Л.* Болгария в советско-болгарских противоречиях на Балканах // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 380.

⁵⁶ Там же. С. 381.

⁵⁷ Советско-болгарские отношения и связи... С. 545.

⁵⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. Т. 14-3 (2). М., 2000. С. 97.

⁵⁹ Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. М., 1969. С. 94–95.

⁶⁰ Там же. С. 169–170.

**БОЛГАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО, МУСУЛЬМАНСКОЕ
НАСЕЛЕНИЕ И ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ
«КОММУНИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ»
(1960-е – 1970-е гг.)**

На территории Болгарии издавна проживало значительное по численности мусульманское население. В его состав входили турки, помаки (болгары-магометане или мусульмане болгарского этнического происхождения), цыгане, татары, гагаузы и др. По первой официальной переписи населения 1880 г. в Княжестве Болгария насчитывалось 750 тыс. мусульман, что составляло 28% всего населения¹.

Наибольшей по численности группой являлись болгарские турки. В современной литературе этим этнонимом определяется этнорелигиозная масса, сформировавшаяся на развалинах многонациональной Османской империи. Основными местами их расселения были северные, часть центральных и юго-восточных районов страны – Шуменская, Старо-Загорская, Бургасская, Плевенская и Пловдивская области.

Болгары-магометане или помаки, принявшие мусульманство в период османского владычества и тяготевшие к исламской культуре, считались в Турции турками, хотя и неполноценными, а в Болгарии – исламизированными болгарскими, также утратившими в глазах православных статус полноценных соотечественников. Не случайно этимология термина «помаки» чаще всего связывается с понятием «измена»². Болгары-магометане представляли собой компактный анклав, населявший Центральные Родопы, Восточную Македонию и Западную Фракию.

Приводимые в болгарской литературе сведения отчетливо прорисовывают тенденции, отражающие динамику этнической структуры Болгарии в XX в. Так, в 1905 г. в стране проживали 488 тыс. болгарских турок и 19 тыс. помаков; в 1920 г. – соответственно 520 тыс. и 88 тыс.; в 1934 г. – 618 тыс. и 102 тыс.³. Вследствие благоприятной в то время для болгар демографической ситуации наблюдалось стой-

кое снижение удельного веса болгарских турок по отношению к общей численности населения (17% в 1882 г., 12,2% в 1900 г., 9,7% – в 1934 г.)⁴. За десятилетие 1946–1956 гг. прирост турецкого населения составил 136 тыс. чел.⁵. Что касается помаков, то полученные по переписям 1946, 1956, 1965 и 1992 гг. сведения об их численности в итоговой статистике не отражались. В начале нового тысячелетия в стране насчитывается от 200 до 270 тыс. болгар-магометан (2,5–3,4% населения)⁶.

Вопрос о численности еще одной традиционно проживающей в Болгарии этнической общности – цыган (ромов) является наиболее сложным. Первая попытка пересчитать их, предпринятая в 1887 г., дала цифру 50 тыс. чел. Впоследствии численность цыганского населения постоянно росла, как и их удельный вес по отношению ко всему населению страны: 60 тыс. в начале XX в., 170 тыс. чел. в 1946 г. (2,4%), 370 тыс. чел. в 2001 г. (4,67%). Причем, динамика всегда была поступательной, что требовало от государства постоянного внимания к цыганской проблеме. Положение цыганского населения разительно отличалось от других. Не существовало районов его компактного проживания*, единого языка (зафиксировано наличие 30 диалектов), хотя немало цыган считали, как считают и сегодня, родным языком турецкий или болгарский.

После восстановления болгарской государственности в 1878 г. отношение власти к своим гражданам мусульманской веры, по признанию современных авторов, было в целом толерантным⁷. В Болгарии сформировалась и действовала модель сосуществования и взаимодействия «комши-лук» (от турецкого «комшия» – сосед), предполагавшая сожительство и даже сотрудничество. Отдельные проявления национального антагонизма на бытовом уровне существенно не меняли картину. Вместе с тем границы между этни-

---

* В наши дни говорится о наличии 347 отдельных поселений и цыганских кварталов (махалá) на окраинах крупных болгарских городов, быт и условия в которых часто сравнивают с гетто.

ческими и религиозными общностями оставались не просто прочными, но и, как правило, непреодолимыми.

В социалистической Болгарии при исследовании национальной, в том числе и мусульманской, политики государства всячески подчеркивались ее позитивные результаты и, прежде всего, масштабные изменения в социально-экономическом положении мусульманского населения. После падения режима Т. Живкова исследователи начали фиксировать внимание, прежде всего, на негативных сторонах этой политики: непоследовательном характере, непродуманности и недодуманности конкретных задач, наличии двойных стандартов. Авторы справедливо констатировали явную преемственность в трактовке мусульманской проблемы как государственной: и в буржуазной, и в социалистической Болгарии власти опасались концентрации больших масс мусульманского населения, усматривая в нем потенциальную «пятую колонну». Определенные объективные основы для подобных опасений имелись, поскольку мусульманское население, в первую очередь болгарские турки, являлись постоянным объектом пристального внимания соседней Турции. Рассматривая этот факт как возможную угрозу независимости, болгарские власти на разных этапах исторического развития страны прибегали к схожим методам действия, в том числе и силовым, демонстрируя повторение пройденного. Уместно в связи с этим вспомнить, например, об имевших место в 1912–1913 и 1938–1944 гг. попытках обращения помаков в православие, что, по мнению властей, позволило бы повернуть их «спиной к Турции», интегрировать в болгаро-христианскую общность⁸. Позднее власти социалистической Болгарии вспомнят об этом опыте.

Мусульманскую политику болгарского государства на этапе социализма связывают, прежде всего, с так наз. возродительным процессом середины – конца 1980-х гг. – попыткой насильственно ассимилировать часть мусульманского населения, заменив, в частности, традиционные турецко-арабские имена славянскими и христианскими. В современной болгарской историографии термин «возроди-

тельный процесс» признается исторически неточным, идеологически «загруженным», но вместе с тем утвердившимся в общественном сознании и привязанным к конкретному месту и времени⁹. Укажем на еще одну особенность этой «привязки» – наличие конкретного адресата. Таковым были *болгарские турки* – главный объект «возродительного процесса». Но в истории Болгарии он был далеко не первой попыткой насильственной ассимиляции мусульманского населения, включая и смену имен. Ранее, однако, она затронула другие мусульманские этнические общности – *помаков* и *цыган*.

В 1940-е – 1950-е гг. основные вехи мусульманской политики болгарского государства отразили резкую смену ее векторов: от признания этнической и религиозной специфики мусульманского населения и привлечения мусульман к целеполагающим задачам режима – социалистическому строительству – до преодоления национальных, вероисповедных, языковых и бытовых особенностей, усиления национально-государственного фактора и «приобщения» мусульман «к Болгарии» через устранение указанной специфики¹⁰. При этом продолжала действовать «дмитровская» Конституция 1947 г., закрепившая наличие в стране «национальных меньшинств» с их правом учиться на родном языке, развивать национальную культуру и пр., хотя и при обязательном изучении болгарского. Однако постепенно понятие «национальное меньшинство» исчезает из общепринятого партийно-государственного лексикона, со страниц печатных изданий.

Показательно, что столь кардинальные перемены в основе своей имели всякий раз идеологическую и «теоретическую» подоплеку, а в качестве неоспоримого примера объявлялся советский опыт. Если на рубеже 1940-х – 1950-х гг. за основу была взята советская модель построения многонационального государства на основе национальной терпимости, признания национальных особенностей (культурная автономия), стимулирования культурного и экономического развития, активного участия разных национальностей в пос-

троении социализма, то в конце десятилетия, в процессе «десталинизации», болгарское руководство отказалось от определения многонационального характера страны. Был взят курс на подчеркивание роли и значения в истории болгарской составляющей. В 1958 г. на октябрьском пленуме ЦК БКП, определившем основные направления национальной политики, были приняты Тезисы о работе партии среди турецкого населения¹¹. На пленуме Т. Живков предложил также «заняться в ближайшем будущем помакским населением», вывести его «ускоренными темпами» из отсталости¹².

Во исполнение партийных решений была создана специальная языковая комиссия, которая под видом «обогащения» турецкого языка начала его «болгаризацию»: в лексикон болгарских турок вводились болгарские слова, в первую очередь географические названия, календарь, названия государственных учреждений и пр. Часть турецкого населения восприняла происходившее как начало культурной ассимиляции¹³.

С конца 1950-х гг. государственные власти концентрируют свое внимание также и на положении цыган. Модернизационный процесс развивался в то время в двух направлениях – образование (по переписи 1946 г. 81% цыган были неграмотными) и приближение их образа жизни к болгарской модели. Так, в декабре 1958 г. постановлением Совета министров был объявлен обязательный переход к оседлой жизни (к тому времени кочевую жизнь вели около 14 тыс. цыган). Власть брала на себя обязательства по обеспечению цыган жильем и трудоустройству. Ставя задачу интеграции этнических групп в болгарское общество, руководство страны в 1959 г. заявило, что цыганское население является «неделимой частью» болгарского народа и перспективы развития болгарского народа, построения социализма и коммунизма являются и его, цыганского населения, перспективами. Указывалось на необходимость энергичной борьбы против любого проявления национализма среди цыган¹⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что незадолго до принятия Тезисов Болгарию посетил Н.С. Хрущев. В Советском Союзе в это время готовилась реформа школьного образования, приведшая в ходе ее реализации, помимо прочего, к ограничению преподавания нерусских языков, в первую очередь у тех народов, которые не имели административной автономии, на местах усилился процесс русификации.

Еще одна любопытная параллель связана с усилением в конце 1950-х гг. атеистической работы среди болгарских турок, развертыванием борьбы с религиозным фанатизмом¹⁵. Этот процесс протекал синхронно с начавшимся в Советском Союзе по инициативе Хрущева наступлением на Русскую православную церковь. «Хрущевская реформа» 1958 г. и прозвучавшее позднее публичное обещание советского руководителя показать общественности по телевизору «последнего попа» отразили, по мнению российских исследователей, гонения власти на церковь¹⁶. В Болгарии в это время государство уделяет повышенное внимание многочисленному исламскому духовенству. Хотя по статистике 1958 г. официально в стране действовали около 1860 ходжей, реальное их число доходило до 2800 чел.; православных священников насчитывалось 2613. При этом следовало учитывать, что турецких сел в стране было значительно меньше, нежели болгарских, т.е. охват верующих в мусульманской среде был гораздо более «плотным». На упомянутом пленуме ЦК БКП в октябре 1958 г. констатировалась активность «тысячной армии ходжей и хатибов». Прозвучала также информация, что, «по верным сведениям», у 1085 ходжей отмечены вражеские проявления, а из 18 муфтиев 12 проявляют нелояльность к народной власти¹⁷.

Проведенное в соответствии с решением Политбюро от 7 апреля 1960 г. районирование сел с турецким населением в 500 районах страны и сел с помакским населением – в 80 районах позволило сократить число ходжей до 580. До конца 1960 г. им предстояло пройти официальную регистрацию, дававшую право отправления религиозных обязанностей. Одновременно Комитету по делам вероисповеда-

ний при Министерстве иностранных дел и местным советам была дана установка регистрировать только лояльных режиму лиц. После регистрации ходжи переводились на государственное содержание: заработная плата составляла от 500 до 600 левов. (Для сравнения: по сведениям советского посольства в Софии, крестьянин в сельскохозяйственном кооперативе получал в начале 1960-х гг. в среднем около 770 левов; средняя пенсия по стране составляла 476 левов¹⁸). Был также введен запрет на проведение ходжами и цирюльниками традиционного обряда обрезания (суннета): правом совершать его наделялись единственно турки-медики, а таковых было крайне мало. Это вызвало острую реакцию болгарских турок, подпитывая подозрения в ассимиляторских тенденциях властей.

При формировании государственной политики в сфере национальных отношений болгарское руководство постоянно испытывало сильное влияние переселенческого вопроса – стремления мусульманского населения выехать в соседнюю Турцию. София была вынуждена учитывать и роль Анкары, которая не выпускала из поля зрения настроения «внешних турок», стимулируя переселенческие настроения и способствуя росту национализма среди мусульманского населения. Введенные к настоящему времени в научный оборот документы свидетельствуют, что переселенческий вопрос оставался постоянным раздражителем не только в двусторонних отношениях, но и во всей национальной политике болгарского государства, обуславливая ее зигзаги и крайности¹⁹. Достаточно напомнить, что на протяжении десятилетия – с конца 1940-х по конец 1950-х гг. – произошла кардинальная переоценка происхождения болгарских турок. Если поначалу они считались частью турецкой нации, а Турция – их родиной, то впоследствии было четко заявлено: родина болгарских турок – Болгария.

В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята новая Программа КПСС, отразившая расчеты на построение в Советском Союзе к 1980 г. коммунистического общества. В сфере национальных отношений был обозначен

новый этап стирания этнокультурных различий путем ускоренного сближения национальностей, их смешения в отдельных республиках с целью формирования предпосылок для создания новой «советской социалистической нации» на основе русского языка. В свете выраженного стремления КПСС к интеграции и укреплению мировой социалистической системы в политической, экономической и культурной сферах, ко все большему сближению социалистических наций предложение союзникам по восточному блоку последовать советскому примеру²⁰ не могло не затронуть и национальную политику.

Болгарское руководство, верное блоковой дисциплине и заявившее, что программа КПСС является также и программой БКП, как показало уже ближайшее будущее, взяло курс на создание «единой коммунистической нации». Для этого, по замыслу болгарского руководства, следовало предпринять решительные шаги в отношении мусульманского населения.

Тревогу властей вызывало положение с самоидентификацией цыган. В ходе переписи 1956 г. более 130 тыс. чел. записались турками. (Подобный прецедент уже отмечался и раньше: на протяжении 1948–1950 гг., по некоторым сведениям, свыше 100 тыс. помаков, цыган и татар зарегистрировались как турки, что вынудило власти провести депортации помаков и цыган в пределах Болгарии, отселив их из районов компактного проживания болгарских турок²¹). Опасаясь нарушения этнического баланса в стране, болгарское руководство весной 1962 г. решило начать смену имен у цыган. При этом вводилась упрощенная процедура – достаточно было написать заявление в местный народный совет. Для смены имен использовались и разного рода житейские события: рождение детей, призыв в армию, заключение брака, смена паспорта и пр. Однако значительных масштабов данная акция на том этапе не имела.

В начале 1960-х гг. фактическим провалом закончилась попытка властей осуществить «культурную революцию» среди помаков, которая, как считает российский этно-

граф Л.В. Маркова, была равнозначна их христианизации: вопреки вековым культурным традициям помакское население вынуждалось к отказу от ношения национальной одежды или тех ее элементов, которые символизировали принадлежность к исламу²². После этого власть активизировала работу по изменению этнокультурного статуса этой части мусульман путем замены традиционных турецко-арабских имен на болгарские и выдачи новых паспортов. Поводом явился крайне обеспокоивший руководство страны процесс переселения родопских помаков в места компактного проживания болгарских турок и регистрации их на новом месте как турок. Росло число смешанных браков, в результате чего у новых поколений формировалось турецкое самосознание. В связи с этим понятно, почему болгарское население, включая и представителей властных структур, отождествляло помаков и болгарских турок. Перспектива усиления «отуречивания» болгар-магометан и расширения территории их расселения стимулировала переход к активной «болгаризации». 6 марта 1964 г. на совещании в отделе пропаганды и агитации ЦК БКП был рассмотрен вопрос о работе среди болгар-магометан, в том числе о начавшейся смене их имен в некоторых селах. Были названы и «отстающие», в частности Благоевградский округ. В ответ на критику местные власти попытались ускорить решение вопроса о смене имен любыми, в том числе и силовыми, методами. Авантюра привела к кровопролитию; вооруженным милиционерам и солдатам противостояли мужчины-помаки с кольями и топорами. Женщины-магометанки действовали камнями. Местное православное население не осталось пассивным: в ряде мест были сформированы добровольческие отряды, готовые учинить расправу с болгарскими-магометанами. Под влиянием ходжей участились случаи насилия по отношению к помакам-коммунистам. В ряде сел округа появились антипартийные лозунги. В с. Рибнево, прогнав представителей власти, жители избрали новое руководство, подняли над селом турецкий флаг, разослали призывы к сопротивлению в соседние села, прервали теле-

фонную связь и, взорвав мост на подступах к селу, организовали круговую оборону. По распоряжению Т. Живкова в округ была направлена специальная комиссия во главе с генералом И. Бычваровым. Она встретила в своей работе упорное сопротивление местного партийного руководства, выступавшего за подавление «бунта» силами милиции и отрядов добровольцев. Только после вмешательства Софии начались переговоры с помаками, было решено вернуть им старые паспорта²³.

В Москве эти события оценили как проявление нездоровых, а в ряде случаев враждебных, протурецких настроений помакского населения, его религиозного фанатизма. В донесении из советского посольства в Софии указывалось, что местные власти допустили «голое администрирование», недооценили обстановку, «не сумели разоблачить и изолировать враждебные элементы и дали им возможность организовать сопротивление»²⁴. При этом сама правомерность политики «болгаризации» населения под сомнение не ставилась.

В мае 1964 г. Политбюро ЦК БКП обсудило действия Благоевградского окружного комитета партии; насильственные методы были осуждены, однако никаких «оргвыводов» в отношении местного руководства не последовало. Санкции коснулись лишь помаков – 17 человек, в том числе 6 ходжей, были арестованы, часть из них осуждены на длительные сроки тюремного заключения. В «верхах» своеобразными «козлами отпущения» стали известный своими резкими постановками национального вопроса П. Кубадинский и отдел ЦК по работе среди нацменьшинств, подвергнутые острой критике. Указывалось и на негативную роль, которую сыграло совещание агитпропотдела от 6 марта 1964 г.

Ситуацию удалось стабилизировать: округ не превратился в этнически взрывоопасный регион, однако настроения среди помаков в пользу дальнейшего «отуречивания» усилились. Болгарские исследователи полагают, что именно по этой причине события весны 1964 г. не сняли с повес-

тки дня задачу смены имен помаков, хотя на несколько лет отсрочили ее²⁵.

Помакский «бунт» выявил необходимость внести коррективы в политику «приобщения» в целом. В руководстве посчитали, что нужно выработать формулу интеграции, отвечающую стратегической цели строительства «развитого социалистического общества». Отделу ЦК по работе с массовыми организациями и турецким населением было поручено подготовить проект новой программы. К сентябрю 1967 г. соответствующая работа завершилась, и руководство отдела во главе с А. Рафиевым представило документ в Политбюро. В основу проекта была положена идея укрепления и развития этнической и культурной идентичности турецкого меньшинства, предполагавшая серьезные изменения в участии турок в производственном процессе, увеличении их удельного веса в образовательной сфере, ликвидации отставания в сфере культуры, включение в руководящие органы всех уровней, а также (после соответствующей подготовки) в структуры БАН, МИД и МВТ Болгарии. Предложенные мероприятия объективно открывали значительные перспективы для турецкого меньшинства и его культуры.

Однако проект вызвал в «верхах» негативную реакцию. После обсуждения 2 сентября 1967 г. он был отклонен как противоречивший курсу на «приобщение». Секретаря ЦК по идеологическим вопросам М. Григорова сменил В. Коцев, Секретариату ЦК БКП было дано поручение подготовить новый проект решения.

Конкретные материалы указывают, что главным вдохновителем политики по национальному вопросу являлся Т. Живков. Его неоднократные выступления на протяжении декабря 1967 г. на Политбюро, перед сотрудниками аппарата ЦК, на совместном заседании ЦК и Совета министров позволяют четко охарактеризовать ее основные положения: вопрос касается не только турецкого населения, но прежде всего болгарской нации; предложения отдела ведут к обособлению, к культурной автономии болгарских турок. Зада-

ча «приобщения и постепенного слияния» будет решаться путем фактической ассимиляции. В кругу соратников Живков предельно откровенен. «...Мы выступаем за курс на ассимиляцию турецкого и цыганского населения, но какую ассимиляцию? – заявил он 28 декабря 1967 г. на заседании ЦК и правительства. – Ленин говорил, что... есть грубая, реакционная, шовинистическая, империалистическая ассимиляция, но есть и прогрессивная ассимиляция»*. Именно за этот, последний, вариант выступал, по мысли Живкова, коммунистический режим в отношении болгарских турок и цыган. Характерна его оговорка: «Неудобно употреблять слово “ассимиляция”, но здесь, на заседании, можно». Создание «коммунистической нации», не возможное, по мысли болгарского лидера, без ассимиляционных процессов, трактовалось им как сближение, братство и равноправие всех национальностей с болгарской нацией на основе социалистического строя, общего, болгарского, языка, единой интернациональной цели – победы коммунизма во всем мире, в том числе и в Турции²⁶.

Отношение большинства соратников Живкова ясно выразил министр внутренних дел А. Цанев: «Как бы ни называть [задуманное] – приобщением или ассимиляцией, – турецкое население должно стать частью болгарской народности...»²⁷. Но высказывались и другие мнения. Например, член Политбюро Живко Живков призвал «не задевать» национальные чувства турок и высказал убеждение, что «при всем желании ассимилировать их не удастся...»²⁸. Позднее, в январе 1968 г., в беседе с послом А.М. Пузановым председатель Президиума Народного собрания Г. Трайков заметил: «Я бы не поверил, что Первый секретарь ЦК БКП может выдвинуть такую установку (на ассимиляцию турецкого населения. – Т.В.), если бы не слышал это соб-

---

* Вероятно, Живков имел в виду оценки Лениным несомненной «исторической прогрессивности ассимиляции великорусского и украинского народов», равно как и «прогрессивного перемалывания наций в Америке» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 28).

ственными ушами... По-моему, подобная установка является чуждой марксизму-ленинизму»²⁹. Резонно предположить, что в своей оценке Трайков был не одинок, однако открытой критики заявление Живкова не вызвало.

Показательно, что, действуя «во благо народа», Живков предупреждал, что «народу» говорить об ассимиляции не следует³⁰. Более того, он предложил иметь две программы по национальному вопросу – одну для широкой общественности, а другую, определяющую направления реальной политики, – что называется, «для внутреннего пользования». Болгарский исследователь С. Трифионов сравнил такой подход с трудами византийского историка Прокопия Кесарийского³¹. (Видимо, он хотел тем самым напомнить, что публичное восхваление Прокопием блестящей и трагичной эпохи императора Юстиниана, не помешало ему резко отзываться об императорской чете в своем памфлете «Тайная история»).

Основные положения «тайной» программы, определявшей реальную этническую политику, отражают следующие фрагменты выступлений Живкова:

– «турецкое население в Болгарии по происхождению не турецкое»: во времена османского нашествия в болгарские земли пришли «только турецкие гарнизоны», состоявшие из янычар, т.е. «отуреченных болгар». «Их история коренным образом отличается от истории турецкого населения, проживающего в Турции. Она связана с болгарской землей, с болгарским народом»;

– «и в будущем наш курс должен быть курсом на приобщение и постепенное слияние этого населения с болгарской нацией. ...Мы за создание единой коммунистической нации в Народной республике Болгарии, но не на основе турецкого и цыганского населения, а на основе болгарского населения (курсив мой. – Т.В.). Если создадим такую коммунистическую нацию на основе турецкого и цыганского населения, нас [болгар] сживут со света»;

– «если тенденция сокращения рождаемости [у болгар] сохранится, дело, рано или поздно, неминуемо дойдет

до создания автономных турецких областей, до автономной республики, до создания государства в государстве, до предоставления туркам права участия в управлении государством (! – Т.В.), до превращения турецкого языка в официальный, государственный язык в местах компактного проживания турецкого населения..., до оживления турецкого национального и религиозного фанатизма, до политических и других претензий турецкого правительства в отношении чисто болгарских земель»;

– задачу «увеличения болгарского элемента» следует решать через систему поощрения семей за рождение третьего ребенка, учитывая, что «болгарка не станет рожать четверых, пятерых и более детей»;

– «идеологическую работу следует вести преимущественно на болгарском языке. Если мы временно организуем радиопередачи и издаем газеты и брошюры на турецком языке, то делаем это для той части турецкого населения, которая не знает болгарского. Это будет длиться несколько лет, а затем мы постепенно их сократим и ликвидируем»;

– «турецкие дети должны учить болгарский язык, в том числе и стихотворение Ивана Вазова “Я – маленький болгарин”^{*}. Им надо разъяснять, почему они болгары, – потому что рождены на этой земле, ею кормятся, они – граждане этой страны, работают вместе с болгарским народом»;

– «мы должны разбить компактные турецкие поселения, развеять их и ликвидировать. Это следует сделать двумя способами: во-первых, заселить их болгарами, во-вторых – выселить оттуда турок. В этом нам поможет развитие промышленности и пр.»;

---

^{*} Патриотическое стихотворение классика болгарской литературы Ивана Вазова «Я – маленький болгарин» («Аз съм българче») и сегодня должен знать каждый болгарский школьник. Оно – неперенный атрибут современного букваря.

– «мы должны противостоять религиозному фанатизму, который запрещает смешанные браки^{*}. Подобный запрет следует рассматривать как антинародное проявление соответствующих кругов»;

– «ходжи должны быть нашими людьми, людьми Госбезопасности»;

– «мы не можем решать национальный вопрос как в Советском Союзе. Секретариат [ЦК БКП] решил устанавливать связи турецких районов не с Азербайджаном, а с Украиной и Россией. Даже с Украиной не следует, только с Россией»³².

Последняя установка, по всей вероятности, отразила принципиальное неприятие болгарами национально-территориальной советской модели, предполагавшей наличие автономных образований (в состав Азербайджана входили Нахиджеванская (Нахичеванская) АССР и Нагорно-Карабахская автономная область), как неактуальной в условиях продвижения к будущей этнически гомогенной Болгарии.

Зримым проявлением курса на ассимиляцию, его оборотной стороной, явилась предпринятая именно в это время с подачи партийно-государственного руководства кампания по возвеличиванию болгарской истории; большое внимание уделялось жизнеописаниям болгарских царей и ханов, староболгарским традициям и ритуалам. В печати, и особенно в устной пропаганде, упор делался на вклад Болгарии в мировую культуру, науку и пр.

События «Пражской весны», встревожившие Москву, усилили внимание советской стороны к вопросам национальной политики болгарского руководства. В обширной справке от 1 ноября 1968 г. «О некоторых вопросах работы БКП по борьбе с идеологической диверсией империализма

---

^{*} Рецепт «решения» вопроса о сближении турок и болгар через смешанные браки принадлежал П. Кубадинскому. Он, по всей вероятности, был настолько увлечен этой идеей, что даже предложил ввести количественный показатель – заключать ежегодно «хотя бы по 100–150 таких браков».

в 1968 году», составленной 1-ым секретарем посольства Г.В. Гавриковым, идея создания «единой коммунистической нации», ликвидации «национальной обособленности болгарских турок, т.е., по существу, их ассимиляции», была отнесена к разряду «серьезных ошибок [болгар] в отношении нацменьшинств». Показательно, что одновременно критике подверглись и вышеназванные «увлечения» руководства историческим прошлым болгарского народа. Вместе с тем констатировалось, что чехословацкие события привели к отказу от «некоторых крайностей» в патриотическом воспитании, болгарские руководители теперь «не повторяют тезис об “ассимиляции” турецкого населения»³³.

Однако новое десятилетие началось с закрепления в Основном законе Болгарии явного ограничения свободы личности в культурной и религиозной сфере. Принятая в 1971 г. «живковская» конституция зафиксировала наличие в стране уже не национальных меньшинств, а «граждан неболгарского происхождения», наделенных правом, помимо обязательного изучения болгарского, «изучать и свой язык» (ст. 45, п. 7). При этом обязанностью всего общества объявлялось воспитание молодежи «в коммунистическом духе» (ст. 39, п. 1)³⁴.

Начало 1970-х гг. отмечено обострением демографической ситуации в Болгарии: прирост турецкого населения почти четырехкратно превысил показатели болгарских семей (соответственно 16 и 4,8 промилле). В 1972 г. Национальный статистический институт подготовил долгосрочный закрытый «Прогноз увеличения численности болгар и турок в Болгарии до 2000 г.». Вряд ли он был благоприятным: стойкие тенденции демографического развития позволяли предположить, что 10%-ный рубеж в соотношении численности турецкого и общего населения страны мог быть преодолен еще до конца столетия. Не случайно именно в 1970-е гг. было приостановлено обнародование соот-

ветствующей статистики*. Усилился процесс «отуречивания» помаков, которые все активнее ориентировались на переезд в Турцию. В июле 1974 г. турецкие войска оккупировали часть Кипра, остров был разделен на две части. Реакция Софии в этих условиях была вполне предсказуемой: отныне опасения получить «новый Кипр в Болгарии и на Балканах» становятся для Софии «дамокловым мечом».

В такой обстановке стартует новый виток кампании против мусульманского населения. Идеологическим обоснованием ее стал тезис о социальной однородности болгарского общества на этапе «развитого социалистического общества». В 1973–1974 г. наступает очередная фаза смены имен помаков. Уже тогда для характеристики этой кампании в партийно-государственный обиход было запущено определение «возродительный процесс», но до середины 1980-х гг. это факт не получил широкой огласки³⁵. Заметим, что интенсивная «болгаризация» помаков в условиях начавшейся в 1970-е гг. постепенной разрядки международных отношений не вызвала в международном сообществе столь острой реакции в ответ на нарушения прав человека, как спустя 10 лет, в преддверии падения режима Живкова, «возродительный процесс» болгарских турок. Это, на наш взгляд, подчеркивает необходимость внимательного анализа роли и влияния внешнего фактора (в широком плане) при исследовании вопроса о судьбе мусульманского населения в Болгарии.

Новая акция по смене имен была воспринята помаками без каких-либо эксцессов. Сохранялась надежда на пов-

---

* Только в 1990-е гг. Национальный статистический институт сообщил, что уже в 1970 г. в стране проживали 859 тыс. болгарских турок. («Дума», 27 апрель 1993 г.). Учитывая, что численность населения страны в 1970 г. составила 8.489.000 тыс. чел., пугающий власти рубеж был достигнут уже тогда (10,01%). Однако в условиях развивающегося в Болгарии с начала 1990-х гг. процесса депопуляции неуклонно снижается и удельный вес болгарских турок в демографической структуре Болгарии: по статистике 2011 г. он составил 8,8%.

торение прецедента прошлых времен, а именно на то, что старые имена можно будет вернуть официально, с разрешения властей. Вместе с тем около 7 тыс. помаков, особенно в крупных городах – Пловдиве, Кырджали, Благоевграде – отказались сменить имена. Имело место и двойное наречение детей при рождении – наряду с болгарскими дети получали и турецко-арабские имена. В это же время решался вопрос и о смене имен цыган: он не был снят с повестки дня, но отложен на более позднее время.

В феврале 1974 г. на повестку дня очередного пленума ЦК БКП был вынесен вопрос о «единой социалистической нации» в Болгарии. С основным докладом по идеологическим вопросам выступил член Политбюро А. Лилов³⁶, сформулировавший задачу атеистического, классово-партийного, патриотического и интернационального воспитания народа. В выступлении обосновывалась необходимость поступательного социально-экономического развития, «национального самосознания и патриотического воспитания» помакского населения («болгар-магометан»), включения в «общественно-полезный труд» и повышения бытового, культурного и образовательного уровня цыган, полного «идейно-политического приобщения населения турецкого происхождения». Предусматривавшаяся с этими целями пропагандистская работа предполагала воздействие и «на психику личности», добиваясь формирования «определенной эмоциональности, настроений и желаний» (!) этой части населения. Конкретно предлагалось разработать целостную концепцию «системы праздников, отмечаемых болгарским народом», внедрять новые «социалистические», то есть этнически нейтральные, гражданские ритуалы и традиции.

Реализации поставленных задач активно содействовала созданная при Государственном совете НРБ новая структура – Совет по развитию духовных ценностей общества во главе с Людмилой Живковой. Вторым лицом в нем был Орлин Загоров (этнический турок Шухри Тахиров, сменивший свое имя), автор многочисленных работ по вопросам «приобщения» турецкого населения. Развертывается упор-

ная борьба с мусульманскими традициями в быту, обрядами, ношением национальной одежды, особенно женской, и пр. Вводятся новшества и в системе высшего образования – реорганизована кафедра ориенталистики в Софийском университете, приостановлен набор студентов на специальность «турецкая филология». Дошла очередь и до осуществления установок Живкова, озвученных в декабре 1967 г.: немногочисленные к тому времени турецкие периодические издания постепенно становятся двуязычными, сокращается продолжительность специальных радиопередач на турецком языке. В 1977 г. власти официально заявляют, что Болгария является страной «почти полностью этнически однотипной и движется к полной [этнической] гомогенности»³⁷.

Конец 1970-х гг. ознаменовался некоторыми серьезными событиями в национальной политике страны.

Заканчивалась переселенческая эпопея. Согласно болгаро-турецкому протоколу о дополнительном переселении, еще 62 тыс. болгарских турок воссоединились со своими родственниками, покинув до конца 1978 г. Болгарию. Впоследствии имели место лишь отдельные случаи эмиграции по особому разрешению и в порядке исключения.

Социологический опрос 1979 г. зафиксировал наличие в стране не менее 180 тыс. цыган, охваченных процессом «отуречивания». Поскольку территориально они сосредоточивались в местах компактного проживания болгарских турок (Кырджалийский, Великотырновский, Плевенский, Разградский, Силистренский, Ловечский, Тырговиштский, Шуменский, Старазгорский и Ямбольский округа), то это обстоятельство актуализировало задачу «болгаризации». Намечено было в начале 1980-х гг. провести паспортизацию цыганского населения указанных округов с одновременной сменой имен. (Забегая вперед отметим, что до 1985 г. сменили имена примерно 255 тыс. цыган).

В Москве не только отмечали «известные отклонения от ленинской национальной политики» в Болгарии, но и считали саму идею ассимиляции мусульманского населения «беспочвенными мечтами»³⁸, подчеркивая тем самым бес-

перспективность планов болгарского руководства. Официальная София, однако, думала иначе. В 1979 г. Живков открыто заявил, что национальный вопрос в стране окончательно решен³⁹. Исходя из представлений болгарских «верхов» о путях и методах достижения этой цели, следует признать явный пропагандистский характер данной констатации, попытку выдать желаемое за действительное: ведь ни ассимилировать мусульманское население, прежде всего его самую многочисленную часть – болгарских турок, ни создать «единую коммунистическую нацию» не удалось. Неблагоприятный прогноз советской стороны сбылся, причем с такими последствиями, которые аналитики не могли себе и представить: предпринятая в середине 1980-х гг. попытка осуществить «возродительный процесс» стала важным фактором, ускорившим процесс падения «живковизма».

Примечания

¹ Хаков Д. История на Турция през ХХ век. София, 2000. С. 144.

² Макарова И. Ф. Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 165.

³ Манчев Кр. Националномаджинственият въпрос в българио-турските отношения // Турция. Балканите. Европа. История и култура. Изследвания в чест на професор Дженгиз Хаков. София, 2003. С. 100; Kostanick H.L. Turkish Resettlement of Bulgarian Turks, 1950–1953. Berkely – Los Angeles, 1957. P. 75.

⁴ Манчев Кр. Указ. соч. С. 101.

⁵ Калинова Е., Баева И. «Възродителният процес» – върхът на айсберга. Българската държава и турската етническа общност в страната (средата на 30-те – началото на 90-те години на ХХ век // «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те – началото на 90-те години на ХХ век). Т. 1. София, 2009. С. 22.

⁶ Merdjanova Ina. Uneasy tolerance: interreligious relations in Bulgaria after the fall of communism // Religion in Eastern Europe/. XXXI. 1 (February 2006). P. 1–10. Электронная версия: Ненадеж-

ная толерантность: межрелигиозные отношения в Болгарии после падения коммунизма (автор перевода А.И. Куприн) – <http://www.-pravoslavie.ru/put/4992htm>).

⁷ Трифонов С. Мюсюлманите в политиката на българската държава (1944–1989) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 210.

⁸ Подробнее см.: Георгиев В., Трифонов С. Покръстване на българите мохамедани. 1912–1913. Документи. София, 1995; Груев М. Между петолъчката и полумесеца. Българите мюсюлмани и политическият режим (1944–1959). София, 2003; Манчев Кр. Указ. соч. С. 107.

⁹ Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 5.

¹⁰ Баева И. Калинова Е. Етнически и религиозни общности в следвоенна България // Изследвания по история на социализма в България. 1944–1989. Т. 2. София, 2010. С. 534.

¹¹ Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 349. Л. 6,7,9.

¹² Там же. А.е. 352. Л. 354.

¹³ Баева И. Калинова Е. Етнически и религиозни общности... С. 535.

¹⁴ Там же. С. 550.

¹⁵ Информация на П. Докузов, зав. отдел «За работа сред националните малцинства» на ЦК на БКП, относно някои проявления на ходжите в страната. 8 май 1958 г.; Информация на Лъчезар Аврамов, зам. зав. отдел «Пропаганда и агитация» на ЦК на БКП, за изпълнение решението на Политбюро на ЦК на БКП «Относно мерките за засилване и подобряване на атеистичната пропаганда в страната». 16 юли 1959 г. // «Възродителният процес»... Док. № 19. С. 57–58; Док. № 21. С. 59.

¹⁶ См., например: Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 359–393.

¹⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 352. Л. 357, 358, 372.

¹⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 25. Л. 6.

¹⁹ Подробнее см.: Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998.

²⁰ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 276.

- ²¹ *Бюксенишоту У.* Малцинствената политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци. 1944-1989. София, 2000. С. 194.
- ²² *Маркова Л.В.* Болгары-мусульмане (помаки) // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 157–159.
- ²³ *Трифонов С.* Указ. соч. С. 218.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 55. П. 242. Д. 29. Л. 66.
- ²⁵ *Трифонов С.* Указ. соч. С. 219.
- ²⁶ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 89. Л. 88.
- ²⁷ *Яльмов И.* История на турската общност в България. София, 2002. С. 372.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 59. П. 250а. Д. 8. Л. 6.
- ³⁰ *Яльмов И.* Указ. соч. С. 366–369; *Баева И., Калинова Е.* Българските преходи. София, 2009. С. 66.
- ³¹ *Трифонов С.* Указ. соч. С. 215.
- ³² ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 89. Л. 86, 87, 89, 90.
- ³³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 59. П. 253. Д. 27. Л. 42.
- ³⁴ Конституция на Народна Република България, приета чрез всенародно гласуване на 16 май 1971 г. и провъзгласена от Народно Събрание на 18 май 1971 г. // Български конституции и конституционни проекти /Съставители: В. Методиев и Л. Стоянов/. София, 1990. С. 64, 63.
- ³⁵ «Процесс возрождения»: коммунистическая Болгария против турок и ислама – // <http://blog-of-art.ru/?p=444>.
- ³⁶ *Лилов Ал.* Да издигнем идеологическата работа на висотата на задачите, поставени от Десетия конгрес и новата програма на партията за изграждане на развито социалистическо общество. София, 1974.
- ³⁷ *Стоянов В.* Указ. соч. С. 149–151.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 106–107.
- ³⁹ «Работническо дело», 28 април 1979 г.

**ДЕЙСТВИЯ СССР и БОЛГАРИИ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГГ. XX в.
И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ**

1 августа 1975 г. после трудных переговоров, длившихся почти два года, руководители 35-ти государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подписали Заключительный документ. В последней главе – «Сотрудничество в гуманитарной и в других областях», известной как «третья корзина», говорилось о необходимости сближения подходов к урегулированию таких вопросов, как развитие международных связей и взаимных визитов между родственниками, воссоединение семейств, оказавшихся разделенными государственными границами, облегчение процедур для лиц, желающих покинуть страну для вступления в брак с иностранными лицами или выезжающих по служебным и личным делам, взаимодействие в вопросах информационного обмена, облегчение визовых и технических формальностей для работы журналистов в других странах, сотрудничество в сфере культурного обмена и т.д.¹ Некоторые из принятых решений уже введены в практику процесса разрядки международных отношений.

В то же время документ представлял комплекс мер, нацеленных на приоткрытие Востоком своего «железного занавеса», и в этом смысле он стал вызовом для СССР и его «сателлитов». Л.И. Брежнев был вынужден пойти на такую уступку, чтобы добиться согласия Запада по вопросам границ, безопасности и суверенитета. Тем самым, после процедуры подписания этот важнейший документ стал средством оказания давления на «социалистический лагерь» для реализации предписаний, содержащихся в «третьей корзине».

Здесь, прежде всего, нужно отметить, что действия Запада не отличались согласованностью, что было обусловлено имевшимися различиями между политикой США и западноевропейских государств. Интересы администрации

Дж. Форда лежали преимущественно в геополитической и военно-стратегической сферах. Американцы считали, что Хельсинкские договоренности не имеют юридической силы, т.е. не являются обязательными для исполнения. Для Вашингтона эта причина обусловила слабую активность в работе Совещания вообще и, в частности, в сфере «третьей корзины», общезначимые положения которой соответствовали Хартии ООН и Декларации прав человека. Позицию Форда неоднократно критиковали американские СМИ и со стороны оппозиционной Демократической партии, так как он позволил утвердить статус-кво в Европе и власть Советского Союза над Восточной Европой (замечу, что именно демократы разделили Германию в конце 1940-х гг.)². После Хельсинки в США были одобрены два закона о прекращении продовольственной и финансовой помощи, займов и содействия в оборонной сфере для тех государств, в которых нарушаются «международно признанные права человека». Но указанные средства давления не касались Восточной Европы. Единственным рычагом воздействия в регионе считалось обещание предоставления нации режима наибольшего благоприятствования³. Вашингтон действовал осторожно и, отмечая облегчение доступа иностранных журналистов в коммунистические страны, облегчение процедуры выезда оттуда и известный успех в сфере соединения семейств, деликатно подчеркивал, что это только начало и предстоит еще многое сделать в сфере реализации Хельсинкских договоренностей⁴.

Следующий американский президент Дж. Картер (с 20 января 1977 г.) продолжил начатое с еще большей энергией: «Президент пришел к власти, и права человека стали “душой” его внешней политики. Он заставляет нас проводить ее самым ревностным образом»⁵. Картер заявил, что его страна являет собою модель соблюдения прав человека и его свобод, и поэтому не останется безразличной к их состоянию в других странах мира. Он декларировал, что прогресс между Востоком и Западом зависит от прогресса в отношениях между людьми (свободное передвижение в

мире, доступ к информации и пр.). Соответственно, в рамках планируемых контактов было отведено место и диссидентам из коммунистических стран⁶. Американские дипломаты, работающие за границей, должны были, согласно инструкциям, использовать тот факт, что каждая страна, подписавшая Хартию ООН, обязана ее применять и гарантировать права и свободы человека без различия расы, пола, языка или религии⁷.

Кампания ширилась, что не могло не вызвать соответствующей реакции на Востоке. Если в 1976 г. там царило чувство удовлетворенности, что благодаря коммунистическим партиям совершается «исторический переход от “холодной войны” к утверждению принципов мирного сосуществования», то после избрания президентом Картера ситуация изменилась. Ответ, превратившийся впоследствии в традиционную реплику, свелся к сопротивлению американской напористости и подчеркиванию неправомерности вмешательства во внутренние дела страны, т.е. к отсылке к другому положению Хельсинкских договоренностей. Так как Восток, и больше всего СССР, не хотел выглядеть уязвленным ни во внутри-, ни во внешнеполитическом плане, то была выработана концепция «слабой позиции» США. В ней указывалось на американский провал в Индокитае, уменьшение международного влияния (Вьетнам был принят в СЭВ), на огромную безработицу и инфляцию, обусловленную позже (1973 г.) нефтяным и экономическим кризисом. В позиции Востока содержалась аллюзия, что США пытаются вернуть мир к политике «холодной войны» начала 1950-х годов, чтобы принудить СССР и его союзников увеличить расходы на вооружение и тем самым ослабить их экономически. Летом 1978 г. Л.И. Брежнев в личном разговоре с Т. Живковым жаловался, что американцы создают помехи в торговле с Советским Союзом и готовят бойкот Олимпийских игр в Москве в 1980 г. Картеровская кампания в защиту прав человека была представлена в советских заявлениях как попытка подрыва международных позиций СССР⁸.

Западноевропейские государства, прежде всего Германия и Франция, зарекомендовали себя сторонниками умеренного подхода. По информации ЦРУ от марта 1977 г., «они испытывают тревогу от ухудшения этих отношений (Восток-Запад. – *И.Г.*), так как с самого начала предпочитали спокойную, закулисную дипломатию»⁹. Франция не одобряет выдвижение на передний план «третьей корзины» и ее использование для публичного обсуждения. В интервью для «Ньюсуика» (июль 1977 г.) президент В. Жискара д'Эстен заявил: «Г-н Картер вводит во внешнюю политику новое идеологическое измерение..., которое ставит под вопрос процесс разрядки». Французские дипломаты, напротив, при каждом удобном случае подчеркивали свое уважение к принципу невмешательства во внутренние дела и одновременно формулировали предложения культурного и гуманитарного характера. В то время, когда Жискара д'Эстен давал интервью, канцлер Г. Шмидт посетил Вашингтон, где советовал Соединенным Штатам быть более открытыми «к этому доброму Брежневу, который проводит разрядку и нуждается в нашей помощи»¹⁰.

В. Жискара д'Эстен должен был согласовывать свою политику и с другим фактором. Коммунисты, социалисты и радикал-социалисты достигли соглашения по общей платформе на предстоящих в 1981 г. выборах (местных, парламентских и президентских) во Франции. В этом союзе позиции ФКП претерпели эволюцию вместе с позициями Итальянской и Испанской коммунистических партий, решивших не следовать слепо «ортодоксальному советизму», что привело к появлению нового термина – «еврокоммунизм», существование которого отрицалось на Востоке. Указанное выше соглашение привело к смягчению отношений между ФСП и Восточной Европой. Весной 1975 г. генеральный секретарь социалистов Фр. Миттеран во время своего посещения СССР был принят Л.И. Брежневым, то же произошло и осенью 1977 г. в Болгарии. Такое развитие событий поставило Жискара д'Эстена перед задачей показать общес-

твенности, что ему отдается по сравнению с левыми предпочтение в качестве собеседника и партнера СССР¹¹.

Практические действия французской дипломатии видны при посещении осенью 1975 г. французским президентом Советского Союза. Жискар д'Эстен прибывает с проектом программы реализации Хельсинского Заключительного акта, но после возражения Брежнева, что она изменит смысл принятых договоренностей, снимает ее. Впоследствии, в беседах многократно «всплывает» гуманитарная тема. В апреле 1976 г. глава французского МИД Ж. Сованьяр во время своего визита в Болгарию подчеркивал, что все пункты Хельсинских договоренностей должны выполняться без предоставления каких-либо преимуществ одним или другим. В нынешней ситуации, разъяснял он, никто не оспаривает границы Европы, но большее внимания следует уделять развитию экономического и культурного обмена. Он напоминал и о необходимости выработки программы, но без особой настойчивости, и вопрос сам собою сошел на нет¹². Также с целью оказания непрямого давления на Восток, прежде всего на СССР, во Франции была организована в 1976 г. француско-советская конференция на тему «Хельсинки: год спустя»¹³.

Самым действенным инструментом французского правительства была кампания в СМИ с акцентом на независимость прессы на Западе. Описывая антидемократический характер коммунистических стран, помещая дискредитирующие их материалы, печать стремилась тем самым подтолкнуть их к большей активности в культурной и гуманитарной областях. Например, публиковалась информация о болгарских гражданах, которые занимались шпионажем в пользу своей страны, о помещении диссидентов в психиатрические клиники, о болгарских поставках советского оружия на Ближний Восток и в Чили. Причем все это подавалось как данные, предоставленные французскими разведслужбами. Другими словами, официальные французские власти снабжали печать темами. Во всех случаях болгарский посол в Париже встречался с главными редакторами и, как дока-

зательство своей независимости, газеты публиковали болгарские опровержения целиком (только в «Ле Монд») или частично. Однако центральная власть отрицала вмешательство в работу прессы. В начале 1977 г. в процессе консультаций между болгарским и французским Министерствами иностранных дел французские представители заявили, что, по полученным ими от своего посольства в Париже сведениям, появившаяся на страницах французской печати информация «не отвечает действительности». По этому поводу французская сторона выразила болгарской делегации сожаление.

Подобные материалы публикуются и относительно СССР. Самым шокирующим был показ по французскому телевидению якобы заснятого советского трудового лагеря. Однако достоверность кадров вызывала сомнения, учитывая советскую секретность, ограничения и строгий контроль за передвижением иностранцев по стране. «Юманите» перепечатала комментарий «Правды»: «Был показан какой-то участок земли, огражденный колючей проволокой, перед глазами телезрителей проезжает какая-то повозка, появились какие-то люди, и было сообщено, что речь идет о “политических заключенных” в некоем “советском трудовом лагере”». В статье выражалось сожаление, что эта «утка» появляется в тот момент, когда отношения между Францией и СССР развиваются успешно и в конструктивном духе¹⁴.

При постановке Западом вопроса об увеличении ввоза художественной литературы в рамках культурного обмена СССР и Болгария обычно ссылаются на статистику. Эти данные подтверждали, что западная литература представлена на Востоке лучше, чем литература коммунистических государств на Западе. Так, на упомянутых политических консультациях французская сторона указывала, что 78-ое место, которое занимает Болгария по закупкам французской литературы, недостаточно для болгарских читателей. Представители Софии, в свою очередь, говорили о том, что сделанное в стране по популяризации французской культу-

ры «далеко не соответствует тому, что делает французская сторона для распространения» болгарских произведений. Почти такой же разговор имел место во время политических консультаций годом позже. Болгарская делегация подчеркнула, что закупка французских книг на сумму в 20 тыс. долларов стала одной из причин валютного дефицита. Сопротивление встречал и свободный доступ к западным ценностям через прессу. В начале 1976 г. Москва объявила, что к трем продаваемым в СССР западным изданиям добавляет 18 новых заглавий, но реально они не имеют широкого распространения¹⁵. Подлинные мотивы создания препятствий крылись в страхе властей перед распространением информации о западном образе жизни среди населения. В этом отношении характерно высказывание заместителя председателя болгарского Комитета по искусству и культуре профессора А. Фола: «Если применить принцип взаимности в “духе Хельсинки”, то это означало бы, например, показ в Софии одного фильма из большой капиталистической страны в обмен на прием и демонстрацию болгарского фильма в столице этого государства. Но такая взаимность означала бы огромную разницу в ситуации с общественными слоями, так как в Болгарии показ западной кинокартины обладал бы большей популярностью среди населения, прежде всего, интеллигенции»¹⁶. В словах Фола просматривается тенденция поддержки политики количественных ограничений и фильтрации культурной продукции.

В связи с решением Хельсинки о свободе информации Запад (особенно Соединенные Штаты) потребовал прекратить глушение таких радиостанций, как «Би-би-си» (BBC), «Голос Америки» (Voice of America), радио «Свободная Европа» (Radio Free Europe), «Радио Свободы» (Radio Liberty). СССР и все восточноевропейские государства ответили решительным отказом¹⁷, тем самым защищая «идеологическую чистоту» своих граждан и не желая допустить компромата советской системы. Действительно, передаваемая политическая информация шла вразрез с официальной пропагандой. При этом часто использовалась следующая

схема: корреспондент западного издания или местный житель в письме/телефонном разговоре передавал отличную от опубликованной в восточной печати информацию, которая сразу появлялась в западной газете. В тот же день она переводилась на все восточноевропейские языки и зачитывалась по радио «Свободная Европа». Таким образом, с трудом можно было представить, например, что все граждане коммунистических государств верили в реальность требования советской помощи в борьбе с контрреволюцией (Чехословакия, 1968). Вопреки усилиям, предпринимаемым в борьбе с западным влиянием, передачи доходили до советских и восточноевропейских слушателей уже потому, что вещание шло не только на коротких волнах, которые глушилось, но и на средних и длинных волнах, на нескольких частотах. Радиостанции знакомили также с западной культурой – музыкой (джаз, рок), публицистикой, художественными произведениями. Так, в 1975 г. «Дойче велле» организовала чтение на русском языке «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына. В 1979 г. Э. Джон, приглашенный на гастроли в Советский Союз, был изумлен, увидев, что публика знает все его тексты, притом, что ни одна его пластинка там не продавалась¹⁸.

В качестве ответной реакции восточноевропейские страны усилили пропагандистскую кампанию в западных СМИ. (Важно, что не все публикации имели негативный характер, многие были посвящены культурным, прежде всего, музыкальным явлениям. Добавлю, что болгарские дипломаты устанавливали связи с рядом редакций для укрепления этой тенденции). Кроме газет, с 1976 г. болгарское посольство начинает сотрудничать с Французским радио. Многозначителен тот факт, что после долгих лет хороших взаимоотношений по государственной линии, этот шаг был предпринят едва ли не сразу после принятия Заключение документа в Хельсинки. Цель этого шага – использование ресурсов национальной институции для представления страны перед западной общественностью в более благоприятном свете. Была достигнута договорен-

ность о проведении болгарской недели на радио «Франс култур», недели болгарской музыки, специальной передачи о конкурсе молодых оперных певцов, других передач и репортажей¹⁹. Ставилась задача представить слушателям образ не просто «советского союзника», а страны с древней историей и богатыми культурными традициями.

СССР пошел по тому же пути в области телевидения. После подписания протокола об обмене материалами с американской кампанией ABC (1975) Гостелерадио подписывает 6 октября 1976 г. соглашение о сотрудничестве с CBS²⁰. Расширяется сфера взаимных контактов с Францией — организуются советская неделя на французском телевидении и французская неделя на советском ТВ. Жискард д'Эстен приветствует такое сотрудничество, помогающее «знакомству» народов друг с другом²¹. Этот феномен объясняется не только международной политической конъюнктурой, описанной выше, но и близостью позиций в области телевидения. Так, СССР поднимает вопрос о выработке международных регламентов по блокированию передач со спутников, идущих без согласия соответствующего правительства. Голос СССР находит положительный отклик среди других государств, которых тревожит чрезмерное американское влияние²². В целом, Москва выработала стандартный ответ на вопросы Запада, связанные с большим объемом показа в Советском Союзе материалов с Запада, нежели наоборот. Что же касается въезда в СССР журналистов, то власти ввели многократные визы и не возражали против контактов с представителями правительства. Одновременно, однако, ужесточился контроль в сфере выдачи виз, часто применялась такая мера, как высылка журналистов без права последующего въезда²³.

В сфере контактов между людьми, в том числе в области воссоединения разделенных семей, Москва с 1 января 1976 г. снизила стоимость визы на эмиграцию с 400 до 300 рублей (для эмиграции в другое социалистическое государство — 30 рублей). Но не изменилась такса, взимаемая за отказ от советского гражданства в сумме 500 рублей (50 руб-

лей, если выезд планировался в социалистическое государство). Были облегчены процедуры, связанные с предоставлением нужных «бумаг» с места работы. Советский Союз не скрывал, что отказывает в выезде некоторым лицам, имеющим доступ к секретным материалам. Вопреки скрытым мерам по предотвращению эмиграции, портящей официальную советскую картину о прекрасной жизни в «социалистическом лагере», в период с 1973 г. по 1980 г. из СССР выехали около 340 тыс. человек. Большинство лиц эмигрировали по этническим или религиозным причинам (около половины выехавших были евреи)²⁴. Число болгарских эмигрантов не столь велико. Согласно социологическому исследованию, за период с 1970 г. по 1979 г. нелегально выехали из страны 2662 человека (статистика не дает сведений о лицах, получивших официальное разрешение, но их едва ли было много). Анализ образовательного индекса эмиграции показывает, что ее большинство имели высшее образование. В документе также указывается, что «поток нелегальной эмиграции остается устойчивым, и число эмигрантов увеличивается в среднем за год примерно на 400 человек. Значительно растет количество смешанных браков. За последние три года их число колеблется между 150–180 в год»²⁵.

Интересно отметить, что большинство болгар покидали страну «неофициально», т.е. без предварительного уведомления о своем выезде из страны. В одном из отчетов посольства Болгарии в Париже указывалось в связи с этим: «Большая часть наших граждан, прибывших сюда по разным причинам, живет продолжительное время во Франции, не имея достаточного основания и поводов для этого. Одни хотят заключить браки, другие – лечиться, третьи ищут работу якобы для специализации и пр. С ними мы встречаем немало трудностей, так как у нас нет оснований продлевать им паспорта, в то же время нельзя их оставлять в руках полиции». На практике посольство, как правило, продлеvalo визы, т.е. делало все, чтобы болгарские «гости» не превращались в «невозвращенцев». Болгарские дипломаты также

констатировали, что постоянно росло число смешанных браков, большинство из которых заключено без разрешения болгарских властей²⁶.

У Запада не было единой позиции по отношению к инакомыслящим, именуемым на Востоке диссидентами. Дж. Картер поддерживал контакты с советскими представителями этого движения и 1 марта 1977 г. даже принял в Белом доме диссидента Вл. Буковского, надеясь, что открытая поддержка США окажет психологическое воздействие на Москву, на ее политику в «диссидентском вопросе».

В. Жискара д'Эстен, как стало ясно, избегал провокационных действий. Так, 22 февраля 1977 г. он отклонил просьбу о встрече с советским писателем-диссидентом Андреем Амальриком, рекомендуя ему встретиться с чиновником на Ке д'Орсе, на что Амальрик ответил отказом. Подобный случай имел место и с корреспондентом газеты «Работническо дело» Вл. Костовым, который решил остаться во Франции. Из информации дипломатов, полученной в Софии, следовало, что Костов на смог «зарегистрироваться» в Париже как диссидент, и был вынужден «опуститься до уровня радио “Свободная Европа”». Москва высказала свою позицию в сообщении ТАСС от 25 апреля 1977 г., в котором содержалась ссылка на принцип невмешательства во внутренние дела и мирное сосуществование. Проявление же солидарности с диссидентами было там определено как угроза разрядке и миру. Сами диссиденты названы «врагами разрядки», так как советское руководство опасалось, что если к ним применить крайние меры, то последует жесткая реакция Запада и начнется ухудшение отношений Восток-Запад. В «социалистическом лагере» не было и консенсуса по вопросу выбора действий по отношению к диссидентам – вступать ли с ними в диалог или не давать слова, или нейтрализовать их. Москва использует угрозы и аресты, но с известным опасением, что силовой подход будет иметь обратный эффект, т.е. спровоцирует усиление нежелательных настроений в обществе²⁷.

В Болгарии открытых проявлений диссидентства среди интеллигенции не наблюдалось. Власть контролирует свободу слова, предотвращая появление произведений с «неподходящим» содержанием. Но среди большинства представителей культурной жизни в стране была сильна привычка к «самоцензуре». Эта характерная для болгарских творческих деятелей черта связывалась с целенаправленной политикой властей, предоставляющих им материальные и финансовые стимулы и привилегии. Свою роль играла и нарочитая поддержка близости с ними со стороны Т. Живкова. После протестного письма к комитету, присудившему Нобелевскую премию Солженицыну, стало очевидно, что в случае нелояльного поведения самым тяжелым наказанием могло стать исключение из партии (и, следовательно, потеря социального статуса), но отнюдь не заключение в лагерь или физическая ликвидация. Когда в 1977 г. западные СМИ начали публиковать материалы о наличии болгарских диссидентов, София ответила организацией интервью с представителями интеллигенции, чтобы убедить весь мир в том, что в Болгарии царит спокойная и безоблачная атмосфера²⁸.

Тема прав и свобод человека послужила поводом для первой, но не конструктивной встречи государств-участников ОБСЕ по вопросу практического применения положений Заключительного акта в Хельсинки. Соединенные Штаты хотели обсудить этот вопрос в Белграде (4 октября 1977 г. – 8 марта 1978 г.). Однако Советский Союз, зная какой резонанс это вызовет внутри страны и какой импульс даст инакомыслящим, категорически отказался от любых дискуссий, публикаций в СМИ и упоминания в коммюнике.

В сообщении о закрытии встречи было лишь указано, что ее представители собрались, обменялись мнениями и выразили удовлетворение встречей. «Невозможно было достичь консенсуса по ряду предложений, выдвинутых в ходе встречи», – таков скрытый комментарий к бурным заседаниям²⁹.

После того, как американская дипломатия потерпела неудачу на Белградской встрече, Вашингтон стал искать

новые средства для компрометации Советского Союза. Благоприятный повод подвернулся в связи с предстоящими Олимпийскими играми в Москве (1980), и США увязали их проведение в советской стране с вопросом прав и свобод человека. Например, рассматривался вариант, по которому NBC, дорого заплатившая за права трансляции Игр, включала бы сюжеты, связанные с повседневной жизнью советской столицы за пределами спортивной арены, как было традиционно принято (ранее показывались мюнхенские пивные, канадские фольклорные танцы и т.д.). Так, можно было бы снимать русский балет, включив туда предварительно подготовленные интервью с политическими беженцами из мира балета – Рудольфом Нуриевым, Валерием Пановым и его супругой Галиной Рагозиной. Подобное могло быть применимо и для других сфер культурной жизни. Для этой цели администрация США считала нужным предложить свою помощь в переговорах с NBC, но до реализации этого сценария дело не дошло. Вторжение СССР в Афганистан в 1979 г. послужило поводом для бойкотирования Олимпийских игр. В атмосфере развернувшихся военно-политических баталий тема прав советского населения начинает бледнеть. Это заметно из записки Госдепартамента США в преддверии подписания договора ОСВ-2. В ней подчеркивается, что при единственной рамочной встрече Картера и Брежнева американский президент должен был непременно поставить вопрос о правах и свободах человека, так как в противном случае это послужило бы проявлением его слабости, особенно после того как именно под этим «лозунгом» он победил на выборах³⁰.

Усиление напряженности между двумя сверхдержавами не прошло мимо Парижа, где на выяснение отношений между США и СССР смотрели с подозрением – как бы Москва и Вашингтон не договорились о чем-либо за спиной Европы. Французская дипломатия поспешила заполнить вакуум. После Белградской встречи Париж заявил, что «Франция могла бы играть роль стабилизирующего фактора», поскольку проблемы между Советским Союзом и

Соединенными Штатами создают трудности на пути разрядки. Одновременно французские СМИ увеличили количество материалов, связанных с судебными процессами против диссидентов, с правами человека в СССР, публиковались и показывались по телевидению обширные интервью с Сахаровым, Буковским, Плющом, Зиновьевым и др. В конце 1978 г. в течение двух с половиной месяцев Болгария занимала центральное место в западных СМИ в связи с убийством писателя Георгия Маркова в Лондоне. Ситуация осложнялась тем, что восточноевропейские страны не могли защититься даже через коммунистическую печать, так как после XXII конгресса ФКП (февраль 1976 г.) «Юманите» и другие партийные издания прекратили публикацию информации по «социалистическому лагерю», и даже издательство ФКП начало печатать книги антисоветской направленности.

Но союз социалистов и коммунистов оказался хрупок, особенно после того как в 1978 г. ФСП заняла больше мест в парламенте, нежели ФКП. К концу 1978 г. – началу 1979 г. компартия меняет отношение к Востоку, декларируя, что усилит публикации по «социалистическому лагерю»³¹.

Решения в Хельсинки поставили коммунистические государства в уязвимую позицию. Они были принуждены вести гибкую политику, которая официально проводила решения Хельсинки в культурной и гуманитарной областях, но в то же время без ущерба для общих идеологических установок. Болгария и Советский Союз предпринимают схожие действия по ограничению западного влияния. Насколько стратегия самосохранения была эффективна, стало видно в 80-е годы XX в., когда коммунистические режимы в Восточной Европе рухнули.

(Перевод с болгарского В.И. Косика)

Примечания

¹ Final act, Helsinki, 1st August 1975. <http://www.osce.org/>

² *Badalassi Nicolas*. Adieu Yalta? La France, la détente et les origines de la Conférence sur la Sécurité et la Coopération en Europe, 1965 – 1975. Thèse de doctorat en histoire contemporaine sous la direction de Frédéric Bozo, Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3, soutenue le 3 décembre 2011. Paris. Pp. 441-442.

³ Foreign relations of the United States (FRUS). 1969-1976. Vol. XVI – Soviet union, August 1974 – December 1976. Department of State. Washington DC. 2012. P. 671; FRUS. 1977-1980. Vol. II – Human rights and Humanitarian affairs. Department of State. Washington DC. 2013. Pp. 1–5.

⁴ FRUS. 1969–1976. Vol. XVI – Soviet union... P. 1083.

⁵ FRUS. 1977–1980. Vol. II – Human rights and Humanitarian affairs... P. 583. Интересно заметить, что во время телефонного разговора (3 ноября 1976 г., т.е. на следующий день после президентских выборов) между советским послом Добрыниным и государственным секретарем США советский дипломат сказал, что его собеседника будет ему не хватать. FRUS. 1969–1976. Vol. XVI – Soviet union... P. 1099.

⁶ *Colard Daniel*. Détente, dissidence et droits de l'Homme // Études internationales, 1977, vol. 8, n° 4, p. 584; *Thomas, Daniel*. The Helsinki Accords and Political Change in Eastern Europe. In: The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Change. (Eds. *Risse-Kappen, Th. & Ropp, S. & Sikkink, K.*). Cambridge University Press. 1999. P. 244.

⁷ FRUS. 1977–1980. Vol. II – Human rights and Humanitarian affairs... P. 74.

⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 66. А.е. 274. Л. 6; А.е. 1345. Л. 43–57; А.е. 1373. Л. 9; А.е. 1480. Л. 54.

⁹ FRUS. 1977–1980. Vol. II – Human rights and Humanitarian affairs... P. 68.

¹⁰ *Mélandri Pierre*. Une incertaine alliance: les Etats-Unis et l'Europe, 1973–1983. P. Publications de la Sorbonne. 1988. P. 191; *Colard D.* Op. cit. P. 593.

¹¹ Докладная записка о проведенной встрече с Патриком ле Маеком, сотрудником ЦК ФКП, подготовлена Красимиром Николовым из болгарского Посольства в Париже 10 июня 1977 г.; Репортаж Радио «Свободная Европа» от 19 октября 1977 г. – ЦДА.

Ф. 1Б. Оп. 81 – Франция (необработанный фонд); Протокол «А» № 402 заседания Политбюро ЦК БКП от 28 июля 1478 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 66. А.е. 1345. Л. 77; *Colard D.* Op. cit. Pp. 562–563.

¹² Информация за посещението на Жискар д’Естен в СССР (14–18.10.1975 г.), отдел „Външна политика и международни връзки” на ЦК на БКП, София, 27 ноември 1975 г.; Информация за посещението на министъра на външните работи на Франция Жан Со-ванярг в България, МВНР, София, 17 април 1976 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 81 – Франция (необработанный фонд).

¹³ *Ghébali Victor-Yves.* Le bilan intérimaire de la CSCE à la veille de Belgrade // *Politique étrangère* 1977 (42e année). N° 2. P. 145.

¹⁴ Информация для французской печати из болгарского посольства в Париже от 15 ноября 1975 г., 20 декабря 1975 г., 10 июня 1976 г., 20 января 1977 г., 11 февраля 1977 г.; Информация о проведенных 1 и 2 марта 1977 г. в Париже политических консультаций между Министерством иностранных дел Народной Республики Болгария и Франции, МИД, София, 18 март 1977 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 81 – Франция (необработанный фонд).

¹⁵ Информация о проведенных 1 и 2 марта 1977 г. в Париже политических консультациях между Министерством иностранных дел Народной Республики Болгария и Францией, МИД, София, 18 марта 1977 г.; Информация о проведенных 26 и 27 июня 1978 г. в Софии политических консультациях между Министерством иностранных дел Народной Республики Болгария и Французской Республикой, МИД, София, 12 июля 1978 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 81 – Франция (необработанный фонд). *Ghébali V.-Y.* Op. cit. Pp. 143–144, 147.

¹⁶ *Фол А.* Хелзинки и въпросите на културното сътрудничество, образованието, информацията и обмена на хора // Хелзинки и проблемите на съвременна Европа. Материали от научна конференция, проведена на 23 януари 1976 г. по инициатива на НС на ОФ, Националния комитет за европейска сигурност и сътрудничество, Съюза на научните работници, Института за външна политика „Ив. Башев”. София, 1976. С. 30.

¹⁷ Глушение в СССР (но не в Болгарии) западных радиостанций было прекращено, когда к власти пришел Горбачев, точнее, в 1987 и 1988 гг., как свидетельствует *The New York Times*, 1 December 1988.

¹⁸ *Ghébali V.-Y.* Op. cit. Pp. 142–143; *Sémelin Jacques.* Les radios occidentales dans le bloc communiste: à propos de leur réception // *Matériaux pour l'histoire de notre temps.* 1997. N° 46. P. 4; *Sémelin J.* Communication et résistance: Les radios occidentales comme vecteur d'ouverture à l'Est // *Réseaux.* 1992. Vol. 10. N° 53. Pp. 14, 15, 19.

¹⁹ Отчет о работе Посольства НР Болгария в Париже за 1976 г., Париж, 20 января 1977 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 81 – Франция (необработанный фонд).

²⁰ *A Calendar of Soviet Treaties: 1974-1980.* (Ed. *George Ginsburgs*). Dordrecht. 1987. P. 629.

²¹ Interview accordé à la télévision soviétique par M. Valéry Giscard d'Estaing, le 23 mai 1977. // *Collection des discours publics, информационная платформа французского правительства* – <http://www.vie-publique.fr/discours/>

²² *Roth-Ey Kristin.* Finding a home for television in the USSR, 1950–1970. // *Slavic review.* 2007. Vol. 66. №. 2. P. 279.

²³ *Ghébali V.-Y.* Op. cit. Pp. 143, 144.

²⁴ *Ibid.* Pp. 138–139; *Fassmann H. & Rainer M.* La migration d'Est en Ouest en Europe (1918–1993). // *Revue européenne de migrations internationales.* 1995. Vol. 11. N° 3. P. 57.

²⁵ Доклад министра иностранных дел П. Младенова и секретаря ЦК БКП Д. Станишева в Политбюро ЦК БКП о состоянии и проблемах болгарской диаспоры в несоциалистических странах и мерах по целостному улучшению работы в ней (с приложением материалов комплексного социологического исследования о болгарской эмиграции в 1976, 1977 и 1978 гг.), 9 июня 1980 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 66. А.е. 2433. Л. 39, 98.

²⁶ Отчет за работата на Посолството на НР България в Париж за 1976 г., Париж, 20 януари 1977 г.; Доклад за работата на Единната мисия в Париж за 1977 г., Париж, 16 декември 1977 г.; Отчетен доклад на Мисията на НРБ в Париж за 1978 г., Париж, 21 януари 1979 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 81 – Франция (необработанный фонд).

²⁷ *FRUS.* 1977–1980. Vol. II – *Human rights and Humanitarian affairs...* Pp. 114, 127; *Colard D.* Op. cit. Pp. 561, 563, 564–565, 585; Доклад о работе Единой миссии в Париже за 1977 г., Париж, 16 декабря 1977 г. – ЦДА, ф. 1Б, оп. 81 – Франция (необработанный фонд).

²⁸ *Калинова Е.* Българската култура и политическият императив (1944–1989). София, 2011. С. 340, 362; *Христова Н.* Специфика

на българското “дисидентство”. Власт и интелигенция 1956–1989 г. София, 2005. С. 129, 323.

²⁹ *Mourgeo, Jacques*. La Conférence de Belgrade et les droits de l'homme. // *Annuaire français de droit international*. 1978. Vol. 24. Pp. 265–266; Document de clôture de la Réunion de Belgrade 1977 des représentants des Etats ayant participé à la Conférence sur la sécurité et la coopération en Europe, tenue conformément aux dispositions de l'Acte final relatives aux suites de la Conférence. // www.osce.org

³⁰ FRUS. 1977-1980. Vol. II – Human rights and Humanitarian affairs... Pp. 531–532, 583–584.

³¹ Информация о проведенных 26 и 27 июня 1978 г. в Софии политических консультациях между Министерством иностранных дел НР Болгария и Французской Республикой, МИД, София, 12 июля 1978 г.; Некоторые характерные моменты антикоммунистической пропаганды во Франции против Болгарии и социалистических стран. Доклад советника по печати в болгарском Посольстве во Франции Д. Лазарова, Париж, 5 декабря 1978 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 81 – Франция (необработанный фонд).

**«ПРИМИТЕ НАШЕ ПРЕЗРЕНИЕ К ВАШЕЙ
ЧУДОВИЩНОЙ ПОЛИТИКЕ»: РЕАКЦИЯ В СССР
НА «ВОЗРОДИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС» В БОЛГАРИИ**

В мировой истории есть немало примеров, когда в целях укрепления и усиления своей власти, достижения стабильности в обществе правительства прибегали к применению насильственной политики в отношении этнических меньшинств. Не стали исключением в этом плане в XX в. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Коммунистическое руководство Болгарии, пытаясь навязать обществу модель «один этнос – одна культура» (по определению Тодора Живкова), пошло на беспрецедентный шаг. В ходе так наз. возродительного процесса в 1984–1985 гг. была проведена насильственная замена имен мусульманского населения страны на болгарские.

Сегодня, с временной дистанции в 30 лет, «возродительный процесс» представляется со всех точек зрения политическим безрассудством. В конце XX века, когда тема прав человека, гражданских и политических свобод личности выступила в мировом сообществе на первый план, пойти по пути насильственной ассимиляции крупнейшего нацменьшинства в стране, отняв у турок имена и заменив их на другие, запретив им говорить в общественных местах на родном языке, запретив носить национальную одежду, соблюдать обычаи, ритуалы, традиции, и при этом верить, что эта политика может быть успешной, что она будет одобрена мировым общественным мнением и международными организациями, призванными следить за соблюдением прав человека, – это воистину политическая авантюра. На Болгарию легло такое позорное пятно, что впоследствии новому руководству на протяжении многих лет приходилось дистанцироваться, объясняя, что это было делом режима Т. Живкова, а не болгарского народа, тем более – не болгарских демократических сил, зародившихся как антикоммунистическая оппозиция в конце 1980-х гг. К их чести, они не побоялись занять категоричную позицию в этом

вопросе, объявив политику властей антинациональной и потребовав ее немедленного прекращения.

В современной болгарской историографии подробно (и с разных позиций) рассматриваются различные фазы и повороты в государственной политике по отношению к мусульманскому меньшинству, процессы интеграции и ассимиляции, состояние отдельных этнических и религиозных групп в буржуазной, социалистической и сегодняшней Болгарии, а также реакция на «возродительный процесс» мирового сообщества¹. Большую ценность для исследователей представляют документальные сборники²; среди них особенно важным для изучения международных аспектов ассимиляторской политики болгарского руководства в отношении болгарских мусульман является солидный том документов, подготовленный болгарскими историками И. Бaeвой и Е. Калиновой³. В нем собраны материалы, освещающие как внешнюю реакцию на действия болгарских властей, так и попытки внешнеполитических ведомств Болгарии оправдать грубое нарушение прав человека в этой стране. Составители публикации справедливо подчеркивают, что международную интерпретацию «возродительного процесса» следует рассматривать сквозь призму системы международных отношений, господствовавшей в тот период. А именно: он превратился в эпизод «холодной войны» между Востоком и Западом, которая с середины 1980-х гг. близилась к своему завершению в пользу Запада. Здесь уместно вспомнить о значительном ухудшении положения Болгарии на мировой арене в этот период. Западные страны обвиняли Болгарию в торговле наркотиками и оружием, а спецслужбам НРБ инкриминировались убийство в Лондоне писателя-диссидента Георгия Маркова с помощью «болгарского зонтика» и причастность к покушению на папу Иоанна Павла II. Международный имидж Болгарии был настолько плох, что ее властям, казалось, все равно уже нечего было терять, и, возможно, поэтому они решили позволить себе большую свободу во внутренней политике.

Понятие «возродительный процесс» было введено в обиход болгарской коммунистической пропагандой и исходило из официальной партийной доктрины, что все болгарские турки были насильственно обращены в мусульманство еще во время османского ига, но в жилах их течет болгарская кровь, поэтому необходимо «прояснение» и укрепление у них болгарского национального самосознания. Хотя термин «возродительный процесс» является неточным в историческом плане и несет определенную идеологическую нагрузку, он четко фиксирует определенный период (декабрь 1984 – январь 1985 гг.) и события, что делает оправданным его использование в научных публикациях. Нельзя не согласиться с утверждением И. Баевой и Е. Калиновой, что сложность научного подхода к теме о турецком населении в Болгарии заключается прежде всего в необходимости сопоставить принципы отстаивания индивидуальных прав человека, с одной стороны, с национальными интересами страны, с другой, в необходимости беспристрастно проанализировать весь комплекс внутренних и внешних факторов, которые обусловили то или иное поведение властей в рассматриваемый период и оценить его результаты сквозь призму как человеческих прав, так и национальных интересов и безопасности⁴.

Нарушение прав турок нанесло сильнейший удар по международному имиджу Болгарии, тем более, что в этот период общеевропейский процесс выводит на передний план именно защиту основных человеческих прав и свобод. Поэтому усилия болгарской дипломатии оправдать и защитить проводимую болгарской компартией политику в отношении болгарских мусульман были заведомо обречены на провал. Не только Турция и весь исламский мир, но и Запад, все мировое сообщество оказывали все более сильный дипломатический нажим на правящие круги в Софии⁵. Болгария фактически попала в международную изоляцию как страна, грубо нарушившая права и свободы населения.

Особенно неприятна для Живкова была позиция нового советского лидера М.С. Горбачева, на чью поддержку

он рассчитывал (как он всегда мог рассчитывать на поддержку его предшественников – Брежнева и Черненко). Вначале «новое мышление» советского генсека на международной арене не влияло непосредственно на оценку «возродительного процесса», официально турецкой стороне было заявлено о нежелательности советского вмешательства во внутренние дела Болгарии. Во время визита Горбачева в Софию в октябре 1986 г. Живков попытался его успокоить: «... мы сделали то, о чем Вам известно. Сейчас население работает. Это не значит, что все вопросы решены. Пройдет 10 лет, и все разрешится... Мы отдаем себе отчет, что легко не будет. Но неожиданностей не произойдет, не волнуйтесь»⁶. Горбачев тогда отказался от комментариев по данному вопросу, но постепенно советская позиция становилась в свете «нового политического мышления» все более сдержанной. Во время встречи М.С. Горбачева с турецким премьер-министром Т. Озалом в 1988 г. советский лидер дал понять, что Кремль не оказывает политической поддержки Болгарии.

Выработке критичного отношения к «возродительному процессу» способствовала и информация, направлявшаяся из Болгарии в Москву советскими дипломатами.

Так, в справке Посольства СССР «О практике осуществления прав человека в НРБ» от 3 марта 1988 г., в частности, говорилось: «Отдельно стоит вопрос о правах так наз. «болгарских турок». Болгарские товарищи подчеркивают, что гражданские права этой части населения обеспечиваются наравне со всеми жителями страны, без каких-либо изъятий или дополнений. Вместе с тем, настроения этой части лиц в отношении сохранения обычаев и традиций, культурного наследия, турецкого языка как средства общения наравне с болгарским, мусульманские вероисповедания подвергаются ограничениям, контролю и нажиму со стороны властей». Советские дипломаты сообщали, что в последнее время «в руководстве страной зреет новое, более спокойное и взвешенное понимание относительно необходимости постепенного снятия различных ограничений для

переименованных болгар, вплоть до предоставления через год-два возможности выезда этой категории лиц из страны. Не все, тем не менее, приветствуют такие возможные решения»⁷.

В августе 1988 г. генконсульство СССР в Пловдиве направило в Москву информацию «о некоторых моментах, характеризующих обстановку в районах южной Болгарии с компактным проживанием мусульманского населения». В ней приводился ряд примеров, свидетельствовавших о нарушениях прав турок и вызванном недовольстве. Так, по распоряжению административных органов в некоторых местах было запрещено празднование в июле курбан-байрама. У селян, которые не успели спрятать туши зарезанных овец, изымали их и отправляли на мясокомбинат. При этом никакой компенсации не выплачивалось. В целях отвлечения населения суббота была объявлена рабочим днем, а в воскресенье проводились мероприятия по благоустройству сел. Подчеркивая, что «проблема далека от разрешения», авторы информации отмечали, что недовольство в настоящее время открыто не проявляется, но многие не смирились с создавшейся ситуацией и пытаются найти выход в бегстве за границу. В конце прошлого года, в годовщину начала кампании по смене имен в 27 местах Кырджалийской общины были вывешены неизвестными лицами турецкие флаги⁸.

Генконсульство сообщало, что к ним обращаются советские граждане, постоянно проживающие в Кырджалийском регионе, по вопросу о перемене фамилии в связи со сменой фамилии мужа. По словам этих граждан, «там, где необходимо предъявлять паспорт, официальные лица отказываются обслуживать советских граждан с мусульманской фамилией. Даже якобы есть приказ об этом». Были случаи, когда генконсульство, направляя письменные уведомления советским гражданам и указывая на конверте мусульманскую фамилию, не получало ответа, либо письма возвращались с указанием, что данное лицо по этому адресу не проживает. Таким образом, фактически нарушались права и советских граждан. Исходя из вышеизложенного, советское

генконсульство делало вывод, что четыре года спустя после проведения «возродительного процесса» «обстановка в южных районах страны не может оцениваться как стабильная». Подчеркивалось, что «болгарские товарищи проводят политику возродительного процесса, опираясь в основном на административные меры», а это негативно отражается на настроениях лиц мусульманского происхождения. Отмечалось также отсутствие планов комплексного развития региона в социальной и культурной сфере, что также не способствует разрешению проблемы⁹.

В справке Генконсульства СССР в Пловдиве от 20 марта 1989 г. констатировалось, что «так наз. процесс возрождения, конечной целью которого является превращение Болгарии в однопациональное государство, несмотря на усиление за последнее время пропагандистской и воспитательной работы в местах компактного проживания мусульманского населения, проходит довольно болезненно». Болгарским властям пока еще не удалось убедить граждан в правильности и обоснованности мер по переименованию мусульманских имен, чему в немалой степени способствуют по-прежнему используемые местными органами власти административные методы решения вопросов. По-прежнему болгарские власти создают различного рода препятствия для выезда на постоянное жительство в Турцию мусульман, имеющих там родственников. Весьма критично в справке отмечалось, что особенно негативно «возродительный процесс» отразился на мусульманской молодежи; он привел к сокращению количества смешанных браков, резкому размежеванию между коренными болгарскими и переименованными лицами¹⁰.

В дипломатических материалах нашло отражение и желание болгарской стороны заручиться советской поддержкой своей политики. Информировав МИД СССР о болгарской оценке итогов 45-й сессии Комиссии ООН по правам человека, состоявшейся в Женеве 30 января – 10 марта 1989 г., 1-й секретарь посольства СССР в НРБ К.И. Минеев сообщал, что болгарские товарищи придают большое зна-

чение своей работе по противодействию антиболгарской кампании, в которую кроме США и Турции включились некоторые другие страны и неправительственные организации. В этой связи они выступают за усиление координации сотрудничества между восточноевропейскими странами – членами Комиссии по правам человека. «Они высоко оценивают нашу поддержку на международных форумах шагов болгарской дипломатии на этот счет и рассчитывают на дальнейшую помощь в этом плане», – сообщал секретарь посольства¹¹.

На самом деле, болгары скорее выдавали желаемое за действительное. Советский Союз все более дистанцировался от внутривосточноевропейского курса Живкова, особенно после «большой экскурсии» и связанного с ней обострения отношений Болгарии с Турцией. Как отмечалось в справке советского посольства от 1 сентября 1989 г. «Об отношении болгарской научно-технической интеллигенции к массовому отъезду из НРБ болгар-мусульман и о позиции СССР», некоторые представители болгарской интеллигенции полагали, что Советский Союз мог бы более определенно поддержать Болгарию: «В Софии распространяется информация о пассивном поведении советской делегации на Совещании по человеческому измерению, на котором НРБ подверглась нападкам со стороны Запада»; утверждается, что «Болгария получила на Совещании большую поддержку от Лихтенштейна, чем от СССР». Такая информация, подчеркивалось в справке, вызывает у части интеллигенции чувство разочарования в отношении советской политики. Болгарская интеллигенция очень внимательно и ревниво следит за материалами о Турции, появляющимися на страницах советской печати и на телевидении, и в различных аудиториях начинаются разговоры о повороте СССР в сторону Турции. Поэтому советское посольство в Софии считало «целесообразным предпринять меры по более сбалансированному отражению в советских СМИ болгарской и турецкой тематики»¹².

Впоследствии М.С. Горбачев вполне определенно дис-

танцировался от болгарских действий в отношении мусульман. Задним числом, в 1995 г., он писал: «С началом в Болгарии так называемого «возрожденческого процесса» до нас стали доходить сигналы от болгарских граждан турецкой национальности, которые протестовали против лишения их турецких имен и фамилий, насильственного присвоения болгарских. Одновременно болгарские власти обращались к нам с просьбами поддержать их «возрожденческие» акции в Организации Объединенных Наций и перед турецкими властями... Для нас были неприемлемы любые нарушения прав человека, и мы не хотели вмешиваться во внутренние дела Болгарии. Вместе с тем нельзя было просто устраниваться, сделать вид, будто нас все это не волнует. Поэтому мы довели до руководства НРБ и лично до Живкова свое мнение, что его позиция в отношении тюркоязычного меньшинства по крайней мере несправедлива»¹³.

А что же советское общество? Знало ли оно о происходящем в «братской» Болгарии и если да, то как на это реагировало? Подавляющее большинство советских людей, разумеется, пребывало в полном неведении, поскольку советским СМИ было запрещено касаться данного вопроса. Свое резко негативное отношение к происходящим в Болгарии событиям выразила лишь часть советских мусульман, прежде всего, крымских татар, которые также боролись за свои национальные права.

Непосредственно после «майских событий» в Болгарии, 28 мая 1989 г., они организовали демонстрацию протеста перед болгарским посольством в Москве. Ее участники передали меморандум на имя Т. Живкова, в котором потребовали прекратить насильственную болгаризацию и ассимиляцию турок, татар и других национальных меньшинств. Здесь очевидны аналогии с событиями, происходившими в это время в Советском Союзе: «Жестокие расправы над добивающимися своих национальных прав крымскими татарами в СССР, танки и газы против мирных демонстрантов в Тбилиси – не лучшие примеры для под-

ражания «старшему брату». Примите наше презрение к Вашей чудовишной и мерзкой политике»¹⁴.

Ярким документом является телеграмма съезду народных депутатов СССР, направленная 25 мая 1989 г. находящимися в Москве представителями крымских татар. Она свидетельствовала об их прекрасной осведомленности о происходящем в Болгарии и смелой гражданской позиции: «По поступившим сведениям, 21 мая в Болгарии произошли кровавые события... На мирных демонстрантов брошены танки и пожарные машины. Имеются десятки убитых, сотни людей арестованы. Советские средства информации хранят гробовое молчание по поводу этого преступления болгарских властей, хотя оно комментируется радиостанциями многих стран мира. Это можно расценить лишь как одобрение высшими органами советской власти шовинистической политики Болгарии в отношении национальных меньшинств... Мы просим съезд народных депутатов СССР выразить свое отношение по поводу действий болгарских властей и молчания советских средств массовой информации»¹⁵.

Участники 5-го Всесоюзного совещания представителей инициативных групп Национального движения крымских татар, проходившего в Узбекистане, направили 30 мая 1989 г. «заявление-протест» генеральному секретарю ЦК БКП Т. Живкову. «Политика, проводимая в Вашей стране по отношению к мусульманским народам, противоречит не только духу проводимого Вами марксизма-ленинизма и гуманным принципам социализма, но является также нарушением элементарных прав человека и подрывает основы Заключительного акта Хельсинкского соглашения, принятого и подписанного лично Вами от имени Болгарии... Сегодня мы глубоко возмущены насилием в Вашей стране над турками, татарами, мусульманами-цыганами и помаками и требуем положить конец этой бесчеловечности нашего времени», – говорилось в заявлении¹⁶.

Таким образом, ассимиляторская кампания болгарского руководства начала пробуксовывать еще до того, как

мощные международные факторы привели к падению режима Т. Живкова в ноябре 1989 г.

Примечания

¹ Наиболее компетентными и документированными исследованиями нам представляются: *Стоянов В.* Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998; *Бюксенишюцу У.* Малцинствената политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци 1944–1989. София, 2000; *Иванова Е.* Отхвърлените приобщени. София, 2002; *Ялъмов И.* История на турската общност в България. София, 2002; *Груев М., Калъонски А.* Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическият режим. София, 2008; *Калинова Е., Баева И.* «Възродителният процес» – върхът на айсберга. Българската държава и турската етническа общност в страната (средата на 30-те – началото на 90-те години на ХХ век) // «Възродителният процес». Българската държава и българските турци. (средата на 30-те – началото на 90-те години на ХХ век). Т. 1. София, 2009.

² Истината за «възродителния процес». Документи от архива на Политбюро и ЦК на БКП Съст. С. Леви. София, 2003; Някога, в 89-та... Интервюта и репортажи на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007; Строго поверително! Асимилаторската кампания срещу турското национално малцинство в България (1984–1989). Съст. В. Ангелов. София, 2008; «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те – началото на 90-те години на ХХ век). Т. 1. Съст. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009.

³ «Възродителният процес». Международни измерения. (1984–1989). Т. 2. Съст. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009.

⁴ См.: «Възродителният процес». Българската държава и българските турци. С. 5, 40.

⁵ По-подробно см.: «Възродителният процес». Международни измерения.

⁶ «Ново време» (София), 1995. № 6. С. 88; Анатомия конфликтов. Централна и Юго-Восточна Европа: документи и материали на последната трета на ХХ век. Т. I. С. 66–67.

⁷ АВП РФ. Ф. 74. Оп. 70. П. 97. Д. 7. Л. 254.

⁸ Там же. Л. 94.

⁹ Там же. Л. 95–96.

¹⁰ Там же. Оп. 71. П. 99. Д. 7. Л. 39–41.

¹¹ Там же. Л. 91–93.

¹² Там же. П. 99. Д. 8. Л. 78–80.

¹³ См. *Горбачев М.С. Жизнь и реформы*. М., 1995. Т. 2. С. 369.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 74. Оп. 71. П. 91. Д. 5. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 23. К сожалению, нам не известно, нашло ли какой-либо отклик это обращение к съезду.

¹⁶ Там же. Л. 22.

**Р.С. РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНУМЕНТАЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ ТОГО ВРЕМЕНИ, КОГДА СОЦИАЛИЗМ
ЯВЛЯЛСЯ ЗНАКОМ НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹**

«Величественные сооружения в граните и
бронзе – зримый отпечаток ушедшего времени»

После коллапса социалистической системы в 1980-е годы тема болгаро-советских отношений приобрела для части нашего общества небывалую остроту. Не только в Болгарии, но и в других странах советской сферы влияния возникла перспектива разрушения знаковых культурно-исторических сооружений, возведенных в недавнем прошлом. Политическая ситуация словно диктовала отрицание всех тоталитарных феноменов и артефактов, олицетворявших дух времени и идеологию общества. При этом нельзя было ожидать единодушия в оценках прошлого. Каждая значимая в истории перемена начинается с его тенденциозного переосмысления. Это как нервный тик: одну крайность сменяет другая, столь же необъективная.

Социалистическое строительство, вся общественно-политическая система были объявлены исчерпавшими себя. 26 апреля 2000 г. Народное собрание 38-го созыва приняло закон, провозгласивший коммунистический режим в Болгарии периода 9 сентября 1944 – 10 ноября 1989 г. преступным. «Основания» для этого формулировались так: «Руководящие органы и деятели БКП несут ответственность за целенаправленное и преднамеренное уничтожение традиционных ценностей европейской цивилизации, ...за злоупотребления в области воспитания, образования, науки и культуры в политических и идеологических целях» (ст. 2, п. 1); «Коммунистический режим несет ответственность за подчинение интересов страны иностранному государству, вплоть до потери национального достоинства и государственного суверенитета» (ст. 2, п. 2)².

Процесс стремительного «освобождения от прошлого» тормозился многотонным монументальным наследием, являвшимся своеобразной эмблемой эпохи. Коммунистический режим оставил в Болгарии зримый след в виде архитектурно-скульптурных комплексов, монументов, памятников, бюстов и барельефов, покрывших всю страну. Переоценка или «актуализация» произведений из камня и бронзы проходила весьма специфичным образом. Являвшиеся некогда символами гордости окружного или городского партийного руководства сакральные места возложения венков, торжественных чествований были частично разрушены или разграблены. Демонтаж не только требует определенной процедуры – решения высшего эшелона и городских советов, но и сам по себе довольно труден³.

Центральное место среди этих идеологически ориентированных объектов занимали памятники в честь Советской армии. Культурные места, создававшиеся прежним режимом «на вечные времена» как знак славы и признательности Красной Армии, становились частью «неудобного прошлого» и объектом атаки со стороны стихийных или дирижируемых митингов с требованиями их демонтажа. Дежурной темой общественных дискуссий стал вопрос об «освободительной миссии» Красной Армии.

Противоречивое отношение к культурно-историческому наследию, «протуберанцы» в культурной политике, спекулятивное использование сюжетов исторической памяти, разрушение традиций и создание новой символики и обрядности – все это лишь часть широкого спектра актуальных и в то же время чрезвычайно политизированных проблем, решавшихся в свое время прошлым режимом. Избранный коммунистами подход был связан с попыткой использовать тоталитарное искусство в качестве одного из инструментов строительства так наз. социалистического общества. Масштабное возведение памятников, характерное для любого тоталитарного режима, имеет свою логику. Власть нуждается в монументальной пропаганде, чтобы сделать зримыми абстрактные идеи, символы, ритуалы, идеологемы пра-

вящей партии⁴. Следы прошлого, отраженные в монументальном искусстве, являются идеальной иллюстрацией того, что тоталитаризм, как принято теперь именовать период после Второй мировой войны для стран Восточной Европы, это не абстракция, а реальная история.

В Болгарии коммунистический режим также стремился продемонстрировать свою значимость с помощью монументального искусства. За четыре десятилетия было построено огромное количество архитектурных объектов и мемориальных комплексов. Задача состояла в отражении в художественных образах борьбы народа и величия героев-коммунистов, в легитимации коммунистической традиции путем включения ее в национальную, в сакрализации не только дела партии и отдельных личностей, но и болгаро-русской и болгаро-советской дружбы⁵. Памятники – безмолвные символы прошлого – служат путеводителем по пережитому социалистическому прошлому. Это уникальный документ эпохи и, в частности, «хода боевых действий на культурном фронте»⁶. Правда, до сих пор не подсчитано точное количество памятников, возведенных в Болгарии с 1945 по 1989 г., во многих случаях не известны ни их создатели, ни история появления. Но более чем 150 скульптурных произведений и монументальных комплексов представляют культурно-историческое наследие тоталитарного режима в Болгарии⁷.

Отправной точкой развития социалистического монументального искусства является ленинский план его пропаганды. Как документ государственного значения он известен под названием «Декрет Совета Народных Комиссаров о памятниках республики», подписанный В.И. Лениным 12 апреля 1918 г. В нем говорится: «Памятники в честь царя и его слуг не представляют интереса ни с исторической, ни с художественной точек зрения. Они подлежат удалению с площадей и частичному перенесению на склады для утилитарных целей»⁸. Это постановление стало основой переоценки культурного наследия царского времени и одновременно долговременной политической платформой

большевистской революции в области культурного строительства, отвечающей идейно-политическим и художественным установкам социалистического общества.

В Болгарии первая волна революционных памятников нахлынула сразу после 9 сентября 1944 г. Скульпторы, принявшие участие в украшении Софии временными монументами, вспоминают об охватившем их, не испытанном прежде пионерском энтузиазме, революционном порыве и вере в новую социальную программу. Они и подумать не могли, что на произведения, создававшиеся ими как отражавшие дух эпохи и необходимые новому времени, четыре десятилетия спустя будет поставлено клеймо «тоталитарного искусства»⁹.

Непосредственно после 9 сентября 1944 г. в создание объектов наглядной агитации и монументальной пропаганды массово включились известные представители болгарского изобразительного искусства. Агитпроп ЦК БРП(к) через Радио-София, телеграммы, сообщения в газетах «Заря» и «Свобода» призывал художников в столицу, чтобы поручить им организацию образной пропаганды. Сформировались рабочие группы, рисовавшие плакаты пропагандистского содержания, – о победе народной власти и встрече Красной Армии в Софии. Сцена Народного театра была превращена в мастерскую, где маститые художники выполняли заказы на плакаты и портреты болгарских и советских политических деятелей, военачальников, руководителей антигитлеровской коалиции¹⁰. От этой продукции, создававшейся и распространявшейся в единственном экземпляре, не сохранилось почти ничего. Большинство плакатов были анонимными, изготовляли их не только софийские художники, но и любители, массово включавшиеся в процесс¹¹.

14 сентября 1944 г. в связи со встречах Красной Армии в Софии была сооружена из гипса скульптурная композиция «Свобода народам» (авторы Н. Шмиргела, Ив. Фунев, Д. Лучианов и Л. Димитров). Она была размещена на ступенях Народного собрания под портретом маршала Ф.И. Толбухина. Эта первая скульптурная композиция получила

одобрение «верхов» как подходящий способ агитации. Вскоре появились внушительные гипсовые статуи, выстроенные шпалерой в центре столицы, разрушенной бомбардировками. К открытию Первого конгресса Отечественного фронта в марте 1945 г. по боковым сторонам Народного театра – места проведения форума – были размещены две скульптурные композиции, выполненные коллективом художников во главе с Ив. Фуневым: на северной стороне три женские фигуры символизировали славянское единение, на южной – изваяния рабочего, крестьянина, интеллигента олицетворяли единство Отечественного фронта¹².

В марте 1945 г. было сформировано несколько групп по скульптурному оформлению центра Софии по случаю первой демонстрации 1 мая. Восемь фигур человека труда – «Заводской рабочий», «Сеятель», «Кузнец», «Жница», «Шахтер», «Интеллигент», «Лесоруб» и «Табачница» – должны были стать смысловым центром внимания на празднике трудящихся. Торжественное украшение площади Народного собрания сохранили и в дни празднования 24 мая и 9 сентября¹³. К 1 мая 1946 г. композиция расширилась за счет еще трех фигур, символизировавших единство рабочих, крестьян и интеллигенции в Болгарии Отечественного фронта. Руководил коллективом художников уже упомянутый Ив. Фунев.

Накануне референдума, решавшего судьбу монархии в Болгарии (сентябрь 1946 г.), был проведен конкурс на создание статуи «Республика». Задачу выполнял авторский коллектив в составе Василя Радославова, Стою Тодорова и Александра Занкова. В чрезвычайно короткий срок – 18 дней – шестиметровая статуя была смонтирована на площади. Но созданные в 1945–1946 гг. из непрочного материала (в основном, гипса) фигуры монументального украшения Софии не сохранились.

После 9 сентября 1944 г. власти ощущали острую потребность в бюстах, необходимых для убранства помещений во время различных торжеств и чествований. В этой сфере успешно работал Кирилл Тодоров. Он создал с натуры скульптурные портреты Г. Димитрова, В. Коларова, лидеров

народно-демократических государств К. Готвальда, М. Ракоши, П. Грозы. Из-под его резца вышли и образы создателей коммунистического учения Маркса и Энгельса, «вождя народов» Сталина и основоположника социалистического движения в Болгарии Д. Благоева¹⁴.

В 1950–1954 гг. новым крупным заданием стала для болгарских художников работа над памятником Советской армии в Софии. Вступление 8 сентября 1944 г. в Болгарию частей 3-го Украинского фронта приобрело в стране символическое значение «второго освобождения». В каждом городе хотели выразить в камне и бронзе признательность советским воинам¹⁵. Памятники «Советской армии – освободительнице» до конца 1980-х гг. оставались одним из наиболее важных мемориальных объектов режима. Они служили идеальной иллюстрацией целенаправленной сакрализации и утверждения формулы «Слава и признательность», являвшейся исходным постулатом и лозунгом правящих кругов Болгарии.

Памятники Советской армии воздвигались на пути движения и дислокации частей 3-го Украинского фронта по болгарской земле. Тела 1084 советских солдат и офицеров, погибших при исполнении воинского долга, а также скончавшихся от ран, полученных в боях за пределами Болгарии, в результате катастроф или несчастных случаев, погребены в 179 населенных пунктах страны¹⁶. Комитет по увековечиванию памяти советских воинов, похороненных в Болгарии, принял решение отыскать могилы павших советских бойцов, а для сохранения их останков создать специальные памятники-костницы*. Одним из первых такой памятник-костница был воздвигнут около г. Видина и открыт 8 января 1945 г. как советское военное кладбище. Здесь похоронены 134 человека, погибшие в боях с гитлеровцами западнее болгаро-югославской границы¹⁷. Памятники-кост-

---

* Костница – гробница, в которой хранятся кости погибших (прим. ред.).

ницы были открыты также в Добриче, Шумене, Новой Загоре, Русе, Сливене, Пловдиве, Ямболе и других городах¹⁸.

В Софии памятник-костница был открыт с подобающей торжественностью 23 февраля 1955 г. на холме Лозенец. Туда перенесены останки 158 советских воинов, ранее погребенных на Центральном софийском кладбище, на памятнике высечены их имена¹⁹. Бюст командующего 3-м Украинским фронтом маршала Ф.И. Толбухина был установлен в 1952 г. на центральном столичном бульваре его имени²⁰.

Один из самых внушительных по размерам и местоположению является памятник Советской армии в центре Софии. 8 сентября 1954 г., в 10-ю годовщину установления власти Отечественного фронта (по терминологии тех лет – революции 9 сентября) его открыл руководитель страны В. Червенков. Решение о создании памятника «Советской армии-освободительнице» было принято в июне 1947 г. Объявленный в 1950 г. конкурс (председатель жюри Карло Луканов²¹), выиграл коллектив во главе с архитектором Данко Митевым, директором Архитектурно-градостроительной организации и главным архитектором Софии в 1948–1956 гг. Над объектом работали известные деятели культуры Любомир Далчев, Иван Фунев, Мара Георгиева, Васка Эмануилова, Васил Зидаров, Петр Дойчинов, Любомир Нейков, Борис Ангелушев. Макет памятника как «объекта исключительно большого значения» обсуждали 28 ноября 1953 г. на заседании ЦК БКП и правительства²². Были уточнены детали и надписи на памятнике²³.

Ансамбль занимает площадь в 200 квадратных метров. На переднем плане – две скульптурных композиции, посвященные встрече Советской армии в Болгарии. По обеим сторонам композиций на каменных пьедесталах размещены 10 бронзовых венков, по пять с каждой стороны. Венки символизируют решающие победы Красной Армии на пути

от Сталинграда до Берлина^{*}. На пилоне высотой 37 метров – три бронзовые скульптуры: красноармеец с поднятой рукой и автоматом, высотой 12 метров, крестьянка с ребенком и рабочий, обе высотой по 8,5 метров. Торжественность сюжета дополняется тремя рельефными композициями – «Октябрь 1917», «Великая Отечественная война», «Тыл». Памятник считался значительным достижением болгарской скульптурной монументалистики, его авторы были награждены орденами «Георгий Димитров», «Красное знамя труда» и «Народный орден труда»²⁴.

5 ноября 1957 г. состоялось открытие другого монумента – Памятника Советской армии в Пловдиве, известного как «Алеша». Общегородской инициативный комитет по его созданию был сформирован еще в январе 1947 г. Идея принадлежала болгарским военным, воевавшим в составе 3-го Украинского фронта под командованием маршала Ф.И. Толбухина. Вначале председателем комитета утвердили генерал-лейтенанта Асена Грекова, начальника пловдивского гарнизона. На конкурс, проводившийся 31 мая 1948 г., были представлены 10 проектов. Победу одержал коллектив, руководимый Василом Радославовым.

В центре памятника высотой 17,3 метров, установленного на Холме Бунарджик (позднее – Холм Победителей), размещалась фигура советского воина с автоматом ПППШ в руке^{**}. На постаменте – пятиконечная звезда и надпись «Слава непобедимой Советской армии-освободительнице»²⁵.

---

^{*} В истории Великой Отечественной войны они известны как «десять сталинских ударов» (прим. ред.).

^{**} Хотя точного прототипа у «Алеши» нет, по традиции им принято считать красноармейца сводной роты 3-го Украинского фронта, связиста Алексея Ивановича Скурлатова. В Болгарии в 1944 г. он принимал участие в восстановлении телефонной линии Пловдив – София. Его болгарский друг Методи Витанов передал фотографию Алексея (по другой версии – карандашный рисунок) В. Радославову, с которой и был сделан скульптурный портрет «Алеши» (прим. ред.).

Советская тема находила место и в «памятниках Сопротивления», что являлось стилиевой особенностью произведений, созданных после 9 сентября. Для придания внушительности объекту использовалось сочетание в нем нескольких тем – Сентябрьское восстание 1923 г. увязывалось с вооруженной борьбой 1941–1944 гг. в Болгарии, освободительной миссией Красной Армии и дружбой болгарского и советского народов, с Отечественной войной болгарского народа 1944–1945 гг. Подобное «многотемье» в композиции памятника преследовало цель привлечь внимание к БКП и ее руководящей роли в новейшей истории страны. Отсюда напоминание о героических временах Сопротивления, и обращение к трем поколениям борцов. Новая власть как будто стремилась с помощью одного монумента достичь нескольких целей, решить несколько задач²⁶. Типичным в этом отношении является памятник «Братская могила» в Софии, открытый 2 июня 1956 г.²⁷.

Политическая иконография «социалистического строительства» ищет приемы своей образности. В рассматриваемый период приоритетом становится пополнение пантеона героев знаковыми фигурами деятелей коммунистического движения – отдается должное основателям партии и ее идеологам, что сопровождается восхвалением вождей. Воздвигаются памятники Марксу, Энгельсу, Ленину, Сталину, Георгию Димитрову и Димитру Благоеву, другим деятелям революционного рабочего движения. Их «присутствие» в монументах внушает представление о вечной ценности пропагандируемых идей, настойчиво навязывает мысль о правоте выбранного пути, о пролетарской солидарности и интернационализме коммунистической партии.

Памятники Ленину сооружены во многих крупных городах Болгарии – Софии (в 1947 и 1971 гг.), Старой Загоре (1955 и 1970 гг.), Пернике (1956 г.), Сливене (1969 г.), Пловдиве (1970 г.), Русе (1972 г.), Габрово (1973 г.). Образ Ленина занимал важное место в творчестве И. Фунева, Й. Крычмарова, С. Крумова, Л. Далчева, М. Георгиева.

В 1970 г. в Болгарии торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения вождя мирового пролетариата. Программа национальных юбилейных торжеств, утвержденная решением Политбюро ЦК БКП № 496 от 25 декабря 1967 г., включала в себя и открытие в столице величественного памятника Ленину. Внушительную фигуру в полный рост изваяли в граните видный советский скульптор профессор Лев Кербель и болгарский архитектор профессор П. Ташев. Торжественное открытие состоялось 5 ноября 1971 г. Памятников Марксу и Энгельсу было установлено значительно меньше²⁸.

Со второй половины 1940-х гг. памятники Ленину и Сталину становятся элементом праздничного убранства многих мест столицы²⁹. Внушительный памятник Сталину был сооружен при входе в Борисов парк в Софии. На почти двухметровом пьедестале во весь рост возвышалась бронзовая фигура высотой 4,5 метра. В истории этого сооружения есть интересный эпизод. 3 марта 1953 г. – за два дня до смерти советского лидера – группа молодежи предприняла попытку взорвать монумент. Непосредственным исполнителем стал 19-летний анархист Георгий Константинов. Памятник был быстро восстановлен, виновные арестованы по статье 71 Уголовного кодекса, предусматривавшей высшую меру наказания. Следствие длилось три месяца с применением советских методов допроса³⁰. 15 июня 1953 г. Георгий Константинов был осужден на 20 лет тюремного заключения, Петр Николов Петров – на 16, Васил Зафиров – на 14 лет³¹. Памятное место отражает странную преемственность – ныне здесь находится барельеф Бориса III.

Другими известными изображениями Сталина являются памятники ему в Димитровграде и Варне (при входе в Приморский парк). Множество бюстов «отца народов» украшали кабинеты официальных учреждений, попадали и в частные дома.

Масштабную представительность получил еще при жизни образ «вождя и учителя болгарского народа» Георгия Димитрова. А наиболее значительным объектом и

символом режима стал мавзолей генерального секретаря ЦК БКП и премьер-министра Болгарии в Софии³². Решение о возведении мавзолея Г. Димитрова, скончавшегося 2 июля в санатории «Барвиха» под Москвой, было принято болгарским правительством на следующий день – 3 июля 1949 г. Исполнение задания возлагалось на государственное объединение Главпроект. Первоначальный проект с дорическими колоннами, предложенный архитектором Г. Овчаровым, не получил одобрения Политбюро. К работе был подключен архитектор Р. Рибаров. Строительство объекта по упрощенному варианту осуществлялось под руководством начальника Трудовых войск генерала И. Винарова. Мавзолей был построен в кратчайший срок – всего за 138 часов. Внутри находился бронзовый саркофаг, точное подобие саркофага Ленина³³. Бронзовую маску Димитрова изготовил скульптор М. Георгиев. Дополнительные работы по оформлению боковых трибун рядом с мавзолеем и расположению бронзовых бюстов Г. Димитрова, В. Коларова, Д. Благоева и Г. Киркова проводились позже. А в свое время за восточной частью трибуны появилась могила В. Коларова³⁴.

Мавзолей Димитрова – скромное «эхо» мавзолея Ленина. Подобно первообразу, он близок по духу архитектуре 1920-х гг. Белое здание на площади «9 сентября», выполненное в строгом классическом стиле, в упрощенных пропорциях, отвечало своему предназначению. Саркофаг занял свое место в нем 10 июля 1949 г. после официальной торжественной церемонии похорон. Забальзамированное тело коммунистического лидера, сохранявшееся благодаря специальным климатическим условиям, должно было поддерживать иллюзию, что вождь «вечно жив». Со стороны фасада установили трибуну, с которой в последующие годы руководители партии и государства приветствовали демонстрации трудящихся.

Памятники Димитрову позднее появились во многих городах Болгарии – в Софии, Димитровграде, Рудоземе, Крумовграде, Трояне, Пернике, Варне, Плевене, Русе, Балчике, Хасково, Кырджали, на водохранилище им. Димит-

рова около Казанлыка и пр. Над образом Димитрова работали известные болгарские скульпторы М. Георгиева, Н. Шмиргела, С. Крумов, Ст. Тодоров, А. Апостолов, Г. Коцев, В. Белиева и др.³⁵. В пропагандистских целях режим представлял народу и других коммунистических деятелей – Д. Благоева, В. Коларова. Наиболее значимые памятники Д. Благоеву были сооружены в Пловдиве (1955 г.), Тырново (1960, 1968, 1975 гг.), Пазарджике (1969 г.), Благоевграде (1971 г.), Разграде (1972 г.), Кюстендиле (1973 г.). В его честь создано несколько монументов – в Софии, Ямболе, Габрове, Шумене. В 1964 г. в Софии появился и памятник коммунисту Трайчо Костову, репрессированному в 1949 г., а позднее реабилитированному.

Грандиозная программа монументальной пропаганды, развернутая после 9 сентября 1944 г., соответствовала главному предназначению монументального искусства – материализовать идеи и настроения своего времени. Так, уже первые творения, созданные после 9 сентября 1944 г., отражали «революционное кипение эпохи»³⁶. Динамика общественного развития и потребности исторического момента сопрягались с темами любви к советским воинам – символу свободы, братской дружбы с СССР, памяти и уважения к жертвам борьбы. В первое десятилетие после войны идея неуывдаемой памяти воплощалась в памятниках в честь Советской армии и Движения сопротивления³⁷. Герои на пьедесталах становились примером и знаменем завтрашнего дня³⁸.

Прямое перенесение советского опыта в сферу искусства началось с упрощенного толкования метода социалистического реализма. У СССР заимствовалась нормативная эстетика, соответствовавшая сталинским нормам и обслуживавшая официальные представления. Социалистический реализм с его иллюстративной, подражательной эстетикой требовал трафаретного создания типажей. Стереотипные композиционные решения, классические схемы размещения архитектурных и скульптурных компонентов, гигантомания, детализация сюжета, перегруженность композиций, в которые, в соответствии с идеологическим императивом

времени, включались все социальные группы, участвовавшие в «социалистическом строительстве», разумеется, с «братской помощью» советских «освободителей», а также преобладание внешней описательности, широкое использование позы и жеста – все это вело к повторяемости образов³⁹. И долгие годы болгарское искусство не могло освободиться от нормативов примитивной эстетики, навязанных штампов и унижительных шаблонов.

Тяжелый монументальный стиль придавал памятникам сильный советский «привкус». Влияние идеологии постоянно ощущалось в таких элементах коммунистических мемориалов, как венки славы, пятиконечная звезда, вечный огонь, в обелисках и рельефах с коммунистическими символами. Содержание «послания» дополнялось надписями на памятниках. Материалы – гранит, бронза – говорили о крепости, основательности, нерушимости режима.

За первым относительно стихийным периодом последовал «сталинский классицизм», или «социалистическое барокко». Тоталитарное искусство – каноническое по своему типу⁴⁰. Претензии создать «новую социалистическую классику» инициировали и утверждали в архитектуре и монументальных искусствах своеобразный канон. В эти годы под определяющим советским влиянием получил оформление центр болгарской столицы. Представительные общественные здания строились в соответствии с заимствованной извне моделью. Комплекс общественно-административных зданий, являющихся важным компонентом всего облика социалистической Софии, был спроектирован и отстроен в 1950-е годы. Целью было создание нового представительного центра столицы и в то же время утверждение в архитектуре социалистического реализма. Он стал известен как «Ларго» (от итальянского – широкий, обширный). Замысел изменения центральной части города увязывался с необходимостью восстановления Софии после бомбардировок. Вторая мировая война помешала реализации градостроительного плана видного урбаниста профессора Адольфа Мусмана из Дрездена. Произошедшие в 1944 г. полити-

ческие события открыли дорогу для другого иностранного влияния в контексте культуры и профессионализма и способствовали формированию архитектурного стиля иного типа.

18 ноября 1944 г. был объявлен конкурс на новый градостроительный план Софии. Приглашение участвовать в жюри получили известные советские специалисты – академик А. Щусев, создатель мавзолея Ленина, и Н. Баранов, главный архитектор Ленинграда. В разработанном авторским коллективом под руководством профессора Л. Тонева общем градостроительном плане, одобренном в ноябре 1945 г., впервые появилось пространство площади «9 сентября». Новый конкурс на тему организации городского центра проводился в 1947 г. В жюри вошли А. Микушко-виц из Праги и профессор Острогович из Загреба. Этот план одобрил лично Г. Димитров 25 декабря 1947 г. В первоначальном виде он содержал идеи «Ларго» как значительного по размерам, но неоформленного архитектурного пространства и Дома Центрального комитета компартии. 1951 год ознаменовался представлением и одобрением еще одного проекта, включающего «Ларго» и площадь «9 сентября».

Созданное в 1953–1956 гг. и стало главным представительным памятником социалистического реализма в архитектуре. Это – ансамбль зданий Министерства тяжелой промышленности (ныне Совета министров) и Центрального универсального магазина, с одной стороны, и Министерства электрификации (ныне Президентства) и гранд-отеля «Балкан» (ныне «Шератон»), с противоположной. Не был построен 14-этажный Дом советов на западной стороне площади, напротив Партийного дома⁴¹.

Сталинская архитектура усваивалась в Болгарии после смерти советского лидера. Модель «обновленного классицизма», внедрявшаяся у нас и в других восточноевропейских странах, канонична и не терпит свободного выбора и интерпретации. Для нее характерна классическая фасадная композиция, сочетающая элементы раннего итальянского ренессанса и позднего петербургского классицизма. В ре-

зультате перенесения готовой, сформировавшейся в СССР доктрины социалистического реализма архитектура середины XX в. являла собой типичный вторичный продукт с непреодоленным провинциализмом и сильно редуцированными собственными качествами⁴². Робкий поиск «национальной формы» усиливал эклектичность – в «официальную» архитектуру включались византийские мотивы, дух средневековья, возрожденческие эркеры. Несмотря на оценки этой архитектуры как тяжелой, застывшей, провинциальной, помпезной и отталкивающей, она придает строениям эпохи определенный респект. Тоталитарный неоклассицизм сумел стать мощным подспорьем власти.

В основе «архитектуры триумфа» 1948–1953 гг. – победа СССР в войне. Принятый в советской стране эталон строительства переносился в страны-сателлиты, в Болгарии он реализовался при возведении Партийного дома. Соответствующий конкурс был объявлен в 1948 г. Первоначальный проект изменялся пять раз после консультаций с советскими экспертами. Строительство было закончено в 1955 г., застроенная площадь занимала 40 тысяч кв.метров. Само здание выполнено в псевдоклассическом стиле, характерный облик ему придавала легендарная звезда из рубинового стекла, помещенная на массивном пилоне башни высотой 69 метров. В каменном орнаменте подножия башни – знамена, склоненные с двух сторон, а также серп и молот⁴³. Здание было признано первой попыткой воплощения социалистического реализма в Болгарии. Последовавшее затем его бесцеремонное внедрение остановило на время естественный процесс развития архитектуры.

События 1953 г. и последующие не положили конец иконографии коммунизма. «Апрельская Болгария» сохранила те же постоянные темы. Архитектурно-скульптурный памятник оставался основной формой монументальной пропаганды⁴⁴. С 1959 г. по решению Политбюро ЦК БКП, Секретариата ЦК и Совета министров создание монументальных памятников национального значения регламентировалось ЦК БКП⁴⁵. В ознаменование исторических собы-

тий возводились скульптурные композиции, ставились бюсты и памятники в честь классиков марксизма-ленинизма, болгарских и советских политических деятелей, оформлялись исторические и лобные места⁴⁶.

«Апрельская эпопея» оставила в монументальной пропаганде собственный след. «Мы уже не бедная страна. Настало время больших дел и в области монументального искусства, создания произведений общенационального значения», – заявил Т. Живков на открытии памятника Ленину в Софии 5 ноября 1971 г.⁴⁷. Во исполнение решения № 165 Секретариата ЦК БКП от 16 февраля 1973 г. о создании памятников в стране Комитет искусства и культуры разработал проект национальной программы на 1975–1981 гг. Первоначально планировалось создание 1712 ансамблей, памятников и бюстов по всей стране, стоимость которых оценивалась в 100 миллионов левов, но позднее размах был сокращен до 212 мемориалов стоимостью 30 миллионов. Сооружения должны были отражать важные вехи болгарской истории: Первое болгарское царство – 15 объектов; Второе болгарское царство – 14; национально-освободительная борьба болгарского народа – 117; болгаро-русская и болгаро-советская дружба – 19; рабочее и революционное движение – 28; строительство социализма – 19 объектов⁴⁸. 11 февраля 1975 г. Политбюро ЦК БКП утвердило Программу возведения памятников национального значения (46 объектов) и окружного значения (62 объекта). По решению Секретариата ЦК БКП предполагалось соорудить еще 43 памятника, а отдельными решениями Совета министров – 3⁴⁹.

Тема болгаро-советской дружбы, провозглашенная «основой нашего исторического существования», была неисчерпаемой, она не сходила с повестки дня монументальной пропаганды⁵⁰. 13 ноября 1978 г. в Варне был открыт очередной памятник по проекту варненских скульптуров Евгения Барымова, Алеши Кафеджийского и архитектора Камена Горанова. Бронзовая надпись гласила: «Дружба на века»⁵¹.

Решением № 681 Секретариата ЦК БКП от 2 июля 1977 г. началось проектирование и создание бюстов героев НРБ «т. Т. Живкова» (в селе Правец) и «т. Л. Брежнева» (в Софии). Задача была возложена, соответственно, на народного художника Величко Минекова и на художников Валентина Старчева, Бойко Бойкова и Ивана Илиева (предстояло рассмотреть несколько вариантов). По указанию Живкова бюсты должны были быть открыты одновременно, и по этой причине срок исполнения продлился до конца 1980 г.⁵² Позднее, во время визита в Болгарию, советский партийный и государственный руководитель М.С. Горбачев посетил Правец. Живкову было доложено, что высокий гость не испытал восторга при виде памятника, после чего Величко Минекову, автору произведения, было предложено демонтировать его. Художник вспоминал: «Вызвали меня в ЦК БКП и сказали, что Т. Живков решил памятник уничтожить. Предложили мне его демонтировать. Я отказался. Я делаю памятники, а не ломаю их. Это ваша работа. И “они” сделали ее, конечно»⁵³.

В Болгарии «эпоха социализма», как обозначается период развития страны после Второй мировой войны, оставила чрезвычайно богатое культурно-историческое наследие. В честь юбилеев и годовщин различных исторических событий и отдельных личностей возводились памятные объекты, отражавшие прошлое с учетом потребностей настоящего. Помимо мемориальных комплексов и представительных зданий для этого времени характерны масштабные градостроительные решения, вплоть до строительства целых городов (Димитровград), как и показательные строительные инициативы. Так, например, благодаря программе «Дипломатический корпус», центральные части многих городов были модернизированы настолько, что могли принимать официальные иностранные делегации.

Период «художник на службе партии» пережил свой расцвет, стагнацию, девиацию, мощные заключительные аккорды и логический конец, когда артефакты коммунистического режима стали экспонатами музея тоталитарного

искусства. «Протуберанцы» в политике режима в области культуры становились подчас глубоким потрясением для авторов произведений. «При падении коммунизма, что неминуемо произойдет, народная ненависть сметет ложных идолов и памятники, независимо от их художественного значения», – писал известный болгарский скульптор профессор Любомир Далчев, эмигрировавший в США в 1979 г.⁵⁴. Многие художники переживали личную драму, вынужденные подгонять свое творчество под императивы времени. Упомянутый выше Любомир Далчев писал уже в феврале 1992 г.: «Я хорошо видел намерения коммунистических правителей, стремившихся возвысить самих себя, но согласался работать, чтобы иметь возможность творить»⁵⁵.

Коммунистическое прошлое, независимо от того, под каким углом зрения его рассматривать, – это часть исторической судьбы болгар, и его нельзя игнорировать. Уцелевшие памятники – не только символы ушедшей эпохи, но и реальные свидетели пережитого опыта социализма, для сохранения его в национальной памяти.

(Перевод с болгарского Р.П. Гришиной)

Примечания

¹ Идея настоящей статьи родилась под влиянием написанных в 1955 г. строк Лазаря Шерешевского – поэта, уцелевшего в Гулаге // *Бен Луис. Сърп и ... пук!* София, 2010. С. 6.

² Държавен вестник. 5 май 2000.

³ Достаточно вспомнить демонтаж мавзолея Г. Димитрова в столице. Первый взрыв был произведен 21 августа 1991 г. в 14 час. 37 мин., а остатки сооружения взорваны 27 августа в послеобеденное время. Для ликвидации мавзолея, построенного за пять дней, понадобилось семь дней. Чтобы отправить в музей социалистического искусства (открыт в Софии 19 октября 2011 г.) монументальную статую Ленина с бывшей столичной площади его имени, весом 45 тонн, потребовалось разрезать ее на четыре части.

⁴ Стандарт. 31 януари 2006; Култура. 23 май 2003.

- ⁵ Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 78. А.е. 981. Л. 1.
- ⁶ На этом фронте велась борьба, «по важности не уступающая борьбе на военном и экономическом фронтах» // *Димитров Г.* Писма. 1905–1949. София, 1969. С. 421.
- ⁷ <http://www.project-trace.com>.
- ⁸ *Труфешев Н.* Архитектурно-скулптурният паметник в България. София, 1981. С. 184.
- ⁹ 40 години социалистическо изкуство // *Изкуство.* София, 1984. № 8. С. 7, 8.
- ¹⁰ *Царев Г.* Нагледната агитация и монументалната пропаганда в София през първите години след 9.IX.1944 // *Изкуство.* 1984. № 8. С. 14.
- ¹¹ *Стаменов А.* Мисли за нашия плакат // *Изкуство.* 1959. № 2. С.30; *Босилков С.* Българският плакат. София, 1973. С. 69.
- ¹² *Мавродинов Н.* Нашето изкуство след 9 септември // *Сердика.* 1945. № 1–2. С. 75–77.
- ¹³ *Цончева М.* Първомайската украса // *Работническо дело.* 26 май 1945.
- ¹⁴ ЦДА. Оп. 1Б. А.е. 546. Л. 11.
- ¹⁵ Памятники Красной Армии поставлены во всех крупных городах: Добрич – 1945 г., Нова Загора – 1946, Русе – 1947, Шумен и Ямбол – 1948, Стара Загора – 1949, Кула и Плевен – 1951, Сливен – 1952, София – 1954, Бургас – 1956, Пловдив – 1957, Варна – 1978.
- ¹⁶ *Ташев Т.* Съветски воини, погребани на българска земя. 1941–1947 // *Известия на Националния военно-исторически музей.* Т. 4. София, 1980. С. 108.
- ¹⁷ Централен военен архив. Ф. 39. Оп. 2. А.е. 527. Л. 3–4.
- ¹⁸ Паметници на бойна слава и братска признателност. София, 1960. С. 114, 126, 129, 130, 132.
- ¹⁹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 16. А.е. 9. Л. 2; *Райчев М.* Музеи, старини и паметници в България. София, 1981. С. 49.
- ²⁰ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 15. А.е. 436. Л. 1. В 1977 г. в Бургасе был воздвигнут памятник маршалу Ф.И. Толбухину.
- ²¹ Там же. А.е. 362. Л. 16.
- ²² Установка Т. Живкова на обсуждение вопроса в узком составе – только частью членов Политбюро – не была выполнена В. Червенковым. Там же. А.е. 613. Л. 2–4.

²³ Там же. А.е. 42. Л. 1–8.

²⁴ Там же. Л. 14. Об интересной подробности рассказывает старейший мастер монументальной скульптуры П. Дойчинов. Руководство БКП решило подарить Сталину на день его рождения золотой макет памятника в масштабе 1:10. Когда подсчитали, сколько килограммов золота для этого понадобится, А. Югов отступил и согласился на макет из камня и бронзы // <http://www.blitz.bg/article/656>.

²⁵ *Труфешев Н.* Монументалните изкуства и архитектурата в България. София, 1968. С. 178.

²⁶ *Он же.* Архитектурно-скулптурният паметник... С. 27–28, 164–165.

²⁷ Энциклопедия на изобразителните изкуства в България. Т. I. София, 1980. С. 115. Согласно решению Совета министров открытие Братской могилы должно было состояться 5 декабря 1955 г. но было отложено на более позднюю дату на основании резолюции В. Червенкова (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 16. А.е. 76. Л. 2–3.)

²⁸ Ив. Блажев – автор памятников Марксу в Софии (1959) и Энгельсу в Казанлыке (1980). Скульптор П. Дойчинов создал барельефы Г. Димитрова (1950), Ленина (1951), Маркса и Энгельса (1953). Нереализованными остались проекты памятников Марксу и Энгельсу, Благоеву в Софии (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 78. А.е. 988. Л. 4)

²⁹ *Мавродинов Н.* Иван Фунев. Монографический очерк. София, 1955. С. 35; *Он же.* Нашето изкуство след 9 септември // Сердика. 1945. № 1–2. С.75–77.

³⁰ Об этом событии в своей жизни, полной перипетий, рассказывал в 2008 г. 76-летний Г. Константинов, вернувшийся из Франции по амнистии 1991 г. – <http://e-vestnik.bg/5028>.

³¹ Высшая мера наказания не применялась к ним благодаря вмешательству советского посла М.Ф. Бодрова, доложившего о происшествии в Москву. Г. Константинов был амнистирован в 1963 г. В 1973 г. эмигрировал во Францию. (Уикенд. 9–15 март 2013 г.).

³² *Вуков Н.* Монументалните презентации в пропагандата на комунистическия режим в България. 1944–1948 // История на Народна република България. Режимът и обществото. София, 2009. С. 602.

³³ 17 августа 1949 г. радиogramмой Сталину Червенков срочно просил прислать копию саркофага Ленина и климатическую аппаратуру для мавзолея Димитрова (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 7. А.е. 1476. Л. 1). Новой радиogramмой от 27 сентября он просил ускорить решение вопроса.

³⁴ *Труфешев Н.* Монументалните изкуства ... С. 158.

- ³⁵ При обсуждении 9 апреля 1955 г. проекта памятника Димитрову на водохранилище его имени были подняты интересные проблемы состояния монументального искусства и принципов оценки жюри конкурсных заявок (ЦДА. Ф.133. Оп. 8. А.е. 65. Л. 4, 5, 7–8).
- ³⁶ ЦДА. Ф.1Б. Оп. 78. А.е. 981. Л. 1–2.
- ³⁷ *Труфешев Н.* Архитектурно-скульптурният паметник... С. 26–29.
- ³⁸ *Димчева В.* 40 години социалистическо изкуство. Път и проблеми // Изкуство. 1984. № 4. С. 3.
- ³⁹ *Труфешев Н.* Архитектурно-скульптурният паметник... С. 29.
- ⁴⁰ *Попов Ч.* Тоталитарното изкуство. Идеология. Организация. Практика. София, 2002.
- ⁴¹ *Труфешев Н.* Монументалните изкуства... С. 160.
- ⁴² София – 127 години столица. <http://www.sofia.bg.asp/lines/2115-nxt.1/update.all>
- ⁴³ *Энциклопедия на изобразителните изкуства...* С. 329.
- ⁴⁴ *Труфешев Н.* Архитектурно-скульптурният паметник... С. 32, 92, 101.
- ⁴⁵ Памятники местного значения утверждались, согласно решению Политбюро № 295 от 21 декабря 1961 г., руководством Комитета по культуре – по предложению окружных органов власти (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 78. А.е. 981. Л. 3, 9).
- ⁴⁶ Комитет по искусству и культуре проводил мероприятия и по вопросам развития изобразительного искусства в Болгарии (ЦДА. Ф. 143. Оп. 1. А.е. 110. Л. 74). 22 июня 1959 г. Совет министров принял постановление о мероприятиях по развитию монументальных искусств // Известия на Президиума на Народното събрание. № 36. 3 юни 1960.
- ⁴⁷ *Живков Т.* Избрани съчинения. Т. 8. София, 1971. С. 393, 398.
- ⁴⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 78. А.е. 981. Л. 14.
- ⁴⁹ Там же. А.е. 988. Л. 1–21, 32.
- ⁵⁰ Там же. А.е. 981. Л. 2, 5.
- ⁵¹ Там же. А.е. 988. Л. 5.
- ⁵² Там же. А.е. 1107. Л. 6, 7. Памятник Брежневу был установлен на бульваре Толбухина недалеко от памятника Советской армии.
- ⁵³ <http://www.kultura.my.html/2069>
- ⁵⁴ <http://www.Trud.bg/Article.asp?ArticleId=240599>.
- ⁵⁵ <http://parasol.blog.bg/izkustvo/2011/07/01/>

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ КРИЗИС
В СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В 1989–1991 гг.**

После политических перемен, наступивших во всем Восточном блоке в конце 1980-х годов, открылись новые возможности для исследовательской работы историков. Первой и важнейшей предпосылкой для этого стало открытие архивов, в первую очередь, партийных, благодаря чему историки смогли распознать механизмы принятия политических решений. Второй предпосылкой стал политический плюрализм, который воспрепятствовал утверждению нового политического императива для исторических исследований. Это позволило болгарской исторической науке преодолеть ограниченные хронологические рамки исследований, редко выходившие за границы «народной демократии» – 1940-е годы, и начать изучать весь социалистический период. В современной Болгарии уже имеются исследования, касающиеся и поворотного для судьбы государственного социализма десятилетия 1980-х годов¹.

Восточный блок вступил в 1980-е годы с множеством проблем, в числе которых были негативное влияние мирового экономического кризиса 1970-х гг., растущие цены на сырье и энергоносители, проблемы в торгово-экономических отношениях с объединяющейся Западной Европой, снижающиеся темпы развития, но какое-либо ощущение фатального конца отсутствовало. Однако к концу десятилетия регион выглядел совсем по-иному – всего за год, с лета 1989 до лета 1990 г., его страны начали глубокие перемены, имевшие целью заменить социалистическую систему западной рыночной экономикой и плюралистической парламентской демократией. В настоящей статье я попытаюсь проследить механизмы осуществления этой трансформации и показать, как она затронула болгаро-советские отношения, превратившиеся в предшествующие десятилетия в эталон близости.

Общая картина болгарской экономики и общественных настроений в начале 1980-х гг. обрисована Тодором Живковым перед американскими и советскими представителями. В марте 1980 г. Живков поделился с западными бизнесменами: «Надо сказать вам откровенно, что Болгария не была готова к встрече кризиса в западных странах, в капиталистическом мире, к развитию инфляционных процессов, а до известной степени и к скользящим ценам, которые были введены в торговле между нашими социалистическими странами. И это поставило нас три–четыре года назад перед серьезными трудностями. Вполне естественно, мы постарались адаптироваться к этой международной обстановке. Все наши идеи, разработки и прогнозы показывали, что мы сможем адаптироваться к этой обстановке лишь к концу 1981 г., поскольку сразу встретились с расстройством наших внутренних балансов. И чтобы покрыть убытки... мы должны были в этой пятилетке экспортировать продукции на 30% больше»². Подобным же образом Живков обрисовал болгарские экономические проблемы и в конце декабря 1983 г. перед конгрессменами США: «Во-первых, на нас оказывает влияние кризис в западных странах. Во-вторых, на нас оказывают влияние скользящие цены, которые были введены в торговле между нашими социалистическими странами»³. Иными словами, с его точки зрения, проблемы проистекали из глобального кризиса и защитных действий со стороны развитых стран. Речь не идет о пропагандистском тезисе, поскольку подобные объяснения экономических трудностей он дал и советскому министру иностранных дел А.А. Громыко 23 декабря 1980 г. в Софии: «Темпы, заложенные на всю восьмую пятилетку, занижены по сравнению с темпами в седьмой... У нас нет возможности заложить более высокие темпы... За прошедшие два года мы реализовали активный валютный торговый баланс с западными странами. Мы сделали это, чтобы остановить рост нашей задолженности перед капиталистами. По сути, мы экспортировали наш национальный доход без импорта национального дохода, так как выпла-

чиваем долги, сделанные ранее»⁴. Но, несмотря на трудности, общая оценка все еще оптимистична: «Наша экономика развивается хорошо в том смысле, что у нас надежный тыл. Этим тылом являются наши социалистические страны и, прежде всего, СССР»⁵. Оптимизм, опирающийся на блоковую принадлежность Болгарии и на веру в непреходящую помощь со стороны Советского Союза в случае возникновения любой проблемы.

То, чем различаются заявления Живкова перед разными аудиториями, – это отношение к Советскому Союзу. Перед своими западными слушателями Живков проявлял свое своеобразное чувство юмора, признавая: «Я не говорю о наших отношениях с другими странами, прежде всего, с Советским Союзом, поскольку, между нами говоря, – я верю, что вы меня не выдадите, – мы там заинтересованы в том, чтобы иметь больше долгов. Дай боже, чтобы у нас в Советском Союзе было больше долгосрочных кредитов, больше задолженностей. Это для нас не проблема, мы боремся за то, чтобы иметь долги»⁶. В то время как перед советскими представителями он подчеркивал иерархию в отношениях: «Еще раз хочу подчеркнуть, что мы неуклонно идем принятым курсом на всестороннее сближение НРБ с Советским Союзом, сближение политическое, сближение экономическое, сближение культурное, идеологическое, сближение военное, о котором публично мы не говорим. Это неизменный курс, главная движущая сила нашего развития вперед»⁷.

Спокойствие и уверенность звучат в словах болгарского лидера и тогда, когда речь идет об общественных настроениях в Болгарии. В отличие от всплеска волнений в странах Центральной Европы, в Болгарии, по мнению Живкова, дело обстоит так: «В нашей стране ситуация спокойная. У нас нет никаких трудностей в плане достижения морально-политического единства нашего народа. Нет проблем с нашей интеллигенцией, в том числе творческой интеллигенцией. Диссидентов в Болгарии нет. Имеются потенциальные, но отъявленные нет»⁸. Это он сообщил запад-

ным гостям и с уверенностью добавил: «Я разговаривал с бывшим послом США в нашей стране и сказал ему: "Господин посол, я в курсе Вашей деятельности. Вы не можете организовать много диссидентов в Болгарии. Почему бы Вам не обратиться ко мне за помощью? Я знаю 10–15 человек в Болгарии, которые являются потенциальными диссидентами. Идите, агитируйте их, но сомневаюсь, что они согласятся. Не потому, что боятся ареста. Мы не будем их арестовывать. Но условия здесь таковы, что подумайте – как они будут после этого жить, как работать? Как посмотрят в глаза своим близким?"»⁹. В то время как перед Громыко Живков признавал, что не все так гладко: «В Болгарии нет никаких отрицательных массовых акций и проявлений в связи с этими событиями [создание независимого профсоюза "Солидарность" в Польше]. Что же касается вражеского контингента, за которым мы наблюдаем, то он оживился, значительно активизировался, слушает радиостанции, но не предпринимает ничего особенного. Даже в более незначительных случаях распространялись листовки, писались плакаты, а сейчас и этого нет. Имеются лишь отдельные случаи. Но не следует себя обманывать, что в Болгарии не существует вражеского контингента. Часть нашей интеллигенции весьма активно слушает западные радиостанции»¹⁰.

В картину спокойного восприятия трудностей включается идея о возможности их разрешения: «В Болгарии сверху социализм – правительство, Центральный комитет, а внизу – капитализм. Нам за это платят – чтобы мы говорили о социализме. Но внизу мы создаем корпорации, которые являются самостоятельными и действуют самостоятельно как на внутреннем, так и на международном рынке»¹¹. Это цитата из разговора Т. Живкова с американскими конгрессменами, которым он, очевидно, хотел понравиться. Но характеристика экономических реформ как пути к капитализму позволяет предполагать, что почва для поворота 1987 г., когда была принята Июльская концепция, оказалась подготовленной. Идеи о трансформации в сторону капита-

лизма имели место еще в 1983 г., то есть до того, как в Советском Союзе во главе КПСС встал М.С. Горбачев.

Новый этап в развитии всего Восточного блока начинается с перемен в Москве. После смерти Л.И. Брежнева в возрасте 76 лет 10 ноября 1982 г. на высшем посту в КПСС ему наследуют два генеральных секретаря примерно того же возраста (Ю.В. Андропову было 68 лет, а К.У. Черненко – 73 года), что дало основание заговорить о геронтократии. Растущие экономические проблемы и меркнущий образ Советского Союза стали основными причинами для избрания новым руководителем КПСС молодого, энергичного и реформаторски настроенного лидера, каким был М.С. Горбачев, рассматривавшийся как протееже Андропова. И он сразу же продемонстрировал реформаторский дух путем ошщрения перемен, направленных на совершенствование системы в результате проведения нескольких масштабных кампаний: против употребления алкоголя (7 мая 1985 г.), против нетрудовых доходов (23 мая 1986 г.), по борьбе с коррупцией.

Уже на апрельском пленуме ЦК КПСС, проведенном 23 апреля 1986 г., Горбачев объявил о необходимости «социально-экономического развития страны» и кадровых изменениях. Еще тогда в Политбюро ЦК КПСС были избраны сторонники Горбачева – секретари ЦК КПСС Е.К. Лигачев и Н.И. Рыжков, председатель КГБ В.М. Чебриков, кандидатами в члены Политбюро стали маршал С.Л. Соколов, а позже А.Н. Яковлев, В.А. Медведев, А.И. Лукьянов и Б.Н. Ельцин. В последующие месяцы и годы были отстранены консерваторы Г.В. Романов, Н.А. Тихонов, В.В. Гришин, Д.А. Кунаев, Г.А. Алиев, В.И. Долгих, П.Н. Демичев, М.С. Соломенцев. Таким образом, до 1986 г. основным результатом реформ стали кадровые изменения, благодаря которым обновились 60% секретарей областных комитетов и 40% членов ЦК КПСС.

Как реагировали в Болгарии на первые реформы Горбачева? Они были радушно встречены не только в обществе, но и Т. Живковым, который также стремится к боль-

шей экономической эффективности. 22 и 23 октября 1985 г. в Софии проходило заседание Политического консультативного комитета Варшавского договора, после которого Горбачев остался еще на один день для официального визита и встречи с руководством БКП. Это стало первым визитом Горбачева в социалистической стране, и во время встречи Живков попытался установить «особые» отношения и с этим новым советским лидером. Стенограмма свидетельствует, что он опять разыграл карту сближения Болгарии с Советским Союзом: «Это качественно новая формулировка отношения социалистической страны к Советскому Союзу – курс на сближение. Это правда, что мы не ставим перед собой задачу стать 16-й республикой Советского Союза, потому что это не в интересах Советского Союза. И в этом нет необходимости. Но это имеет большое значение для нас»¹². Горбачев ответил в традиционном духе, но со скрытым предупреждением: «Для нас нет более близкой партии, нет более близкого народа. Если мы не в состоянии чего-либо сделать для этой партии и этого народа, то не потому, что не хотим, а потому, что не можем»¹³, «Я не думаю, что мы все исчерпали – и вопрос о ценах стоит, и другие проблемы остаются. Но давайте поспорим; давайте будем искать, чтобы найти решение... Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь»¹⁴. Несмотря на предупреждение, что в двусторонних отношениях интересы могут вытеснить чувства, Горбачев вынужден был отсрочить на пять лет (до 1990 г.) выплату болгарского долга в 1 млрд. рублей. В то же время он сохранил молчание по вопросу о «возродительном процессе» – насильственном переименовании более 800 000 болгарских турок, совершенном в конце 1984 – начале 1985 гг., несмотря на попытки Живкова заручиться его поддержкой.

Уже на первой встрече Живкова с Горбачевым выявились различия: во-первых, в экономической сфере, где Горбачев хотел освободить испытывавшую серьезные трудности советскую экономику от бремени помощи союзникам по СЭВ, а во-вторых, в связи с «возродительным процессом»,

ставшим ярким нарушением прав 800 тысяч болгарских граждан всего через десять лет после подписания Хельсинкского заключительного акта, в соответствии с которым Болгария обязалась соблюдать права человека. Это стало проблемой для Горбачева, стремившегося начать новый этап в международных отношениях. При этом Живков был на целых два десятка лет старше, что, естественно, ставило его в число консерваторов в странах Восточного блока, подобных тем консерваторам, которых Горбачев отстранил от руководства в КПСС. Несмотря на эти проблемы, в глазах Живкова визит выглядел успешным: «Достигнутые договоренности являются еще одним значительным вкладом в дальнейшее углубление братской дружбы и сотрудничества между БКП и КПСС»¹⁵.

Болгаро-советские отношения сохраняли свой традиционный характер и в последующие месяцы. Два государства уделяли большое внимание общеевропейскому процессу, где дебаты велись, прежде всего, по чувствительному для социалистических стран вопросу о правах человека. В ходе Венской встречи они были наиболее сложной проблемой, но, по мнению болгарской делегации, она не казалась неразрешимой: «Основная схватка в политической сфере касается прав человека. Запад стремится превратить эту тему в центральный вопрос встречи, использовать ее в политических и пропагандистских целях. Впервые социалистические страны не только оказали решительный отпор, но и заставили Запад перейти к обороне по ряду вопросов в гуманитарной и правозащитной областях»¹⁶. Постепенно, однако, на первый план выступают экономические проблемы, связанные с финансовыми трудностями и очередными реформами, имеющими цель вернуть высокие темпы развития. Данные по внешней задолженности социалистических стран, которыми располагало болгарское руководство, таковы: для Болгарии чистый долг составлял 3,4 млрд. американских долларов, а сумма заемных обязательств – 4,9 млрд.; для Венгрии – соответственно 12,55 и 15 млрд.; для Румынии – 5,4 млрд. и 5,9 млрд.¹⁷, для ГДР – чистый долг

составлял 6,8 млрд., для Венгрии – 8,3 млрд.¹⁸. Тревогу вызвала тенденция роста внешнего долга.

Экономические проблемы дали Т. Живкову повод направить 15 октября 1986 г. личное письмо Горбачеву с предложением о трансформации СЭВ. Оно не обсуждалось руководством БКП и, очевидно, имело целью продемонстрировать реформаторский потенциал Живкова. Не входя в подробности, процитируем лишь его самые общие положения. По мнению Живкова, «СЭВ себя изжил и, по сути, задерживает интеграционные процессы», он представляет собой «зеркальное отражение ситуации в наших странах, недостатков административных методов, используемых нами в управлении экономикой». Целью является «превращение СЭВ из органа по координации экономического развития отдельных братских стран в экономическую организацию для межгосударственного регулирования и управления процессом интеграции»¹⁹. Здесь очевидно сравнение с успешной интеграцией Западной Европы, вопрос только в том, как это можно сделать в Восточном блоке. Предложения Живкова сводились к следующему: структурные изменения (специализация и кооперация, создание наднациональных научно-производственных организаций, конвертируемость валюты по образцу европейского экю), научно-технические изменения (единая информационная система), открытие СЭВ для мировой экономики и ЕЭС. Из пространного изложения можно выделить в качестве наиболее важного вопрос о ценовой политике, которая должна обеспечить «эквивалентность в экономическом обмене между нашими странами»²⁰. Болгария традиционно страдала от низких цен на сельскохозяйственную продукцию в СЭВ и последовательно боролась за то, чтобы они не следовали за мировыми ценами, но в своем письме Живков пожертвовал этим принципом ради рыночного подхода.

Письмо Живкова заканчивалось утверждением: «Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что поднятие нашей интеграции на совершенно новый уровень требует не «косметических» изменений, а, по существу, создания нового СЭВ»²¹.

Он продемонстрировал свое желание быть в числе радикальных реформаторов. Его позиция, однако, не была ни оригинальной, ни новой, поскольку подобные подходы уже обсуждались на 118-м заседании Исполнительного комитета СЭВ (22–24 января 1986 г. в Москве)²². Новым являлось лишь то, что ей предшествовали конкретные шаги Болгарии по адаптации к мировой экономической системе – 16 сентября было принято решение обратиться с просьбой о приеме Болгарии в ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле)²³, так как: «очевидно, что в будущем страны, изолированные от международных форумов, на которых регламентируются нормы международной торговли и проводятся переговоры по ее либерализации, будут оказываться все в более неблагоприятном положении»²⁴.

Живкову потребовалось около полутора лет для того, чтобы понять, что ему не удастся убедить Горбачева в своих реформаторских качествах. Тогда появились первые признаки несогласия с преобразованиями в Советском Союзе. Их можно датировать февралем 1987 г., когда руководство БКП обсуждало январский пленум ЦК КПСС²⁵. Несмотря на декларации таких членов Политбюро ЦК БКП, как Начо Папазов, заявившего, что «Наша партия всегда была ближе всего к КПСС. Особенно сейчас у нее есть все основания безоговорочно поддержать ее руководство»²⁶, или Димитра Станишева, говорившего о «необходимости принятия дополнительных мер по развитию курса на сближение нашей страны с Советским Союзом»²⁷, в своем заключительном слове Т. Живков откровенно признал: «Мы не можем в какой бы то ни было форме выступать открыто в печати, в партийных организациях, на международной арене и где бы то ни было против Советского Союза. Мы можем высказывать у себя дома свои соображения и несогласие с Советским Союзом, но открыто мы не можем выступать против Советского Союза»²⁸. После этого он рассказал несколько случаев из истории своих взаимоотношений с Хрущевым (во время второго этапа десталинизации в 1961 г. и укрупнения кооперативов) и с Брежневым (во время создания

аграрно-промышленных комплексов, «нового экономического подхода» и сближения с Грецией). Когда советские лидеры остро его критиковали, он формально соглашался с ними, но продолжал свою политику, дожидаясь, пока те сами не изменят своей позиции. И так было всегда.

Объяснение, касающееся болгаро-советских отношений, данное Живковым 17 февраля 1987 г., является ключом к тому, что последует позже. По его мнению, отношения выглядели следующим образом: «Мы зависим от того, что происходит в Советском Союзе. Мы маленькая страна»²⁹, «Мы знаем, что если мы потерпим провал, Советский Союз не оставит нас, поддержит нас. Но если Советский Союз потерпит провал, мы не сможем ему помочь, у нас нет таких сил»³⁰. Живков выстроил болгарскую стратегию развития на зависимости Болгарии от Советского Союза и понимал, что этого нельзя изменить. В то же время он знал, что крах Советского Союза будет пагубным для Болгарии, поэтому в данном случае она не может за ним следовать. Чем более опасными для системы выглядели реформы Горбачева, тем больше дистанцировался Живков, но в направлении, отличающемся от консерватизма Эриха Хонеккера, Николае Чаушеску или Милоша Якеша.

Что избирает Живков? Его первый ответ – это Июльская концепция, обсужденная на Политбюро ЦК БКП 6, 9, 10, 13 и 14 июля³¹ и принятая на пленуме 28 и 29 июля 1987 г.³². Сегодня трудно сформулировать параметры намеченных перемен, поскольку в тексте используется коммунистическая терминология. Но по сути речь идет о трансформации системы, при которой в политической надстройке партия должна уступить часть своих государственных функций и допустить ограниченный плюрализм под эгидой Отечественного фронта; в экономике следует ввести рыночные механизмы и акционерную форму собственности, децентрализовать местную власть, но после проведения административной реформы, которая укрупняет государственное деление с 28 округов до 9 областей; наконец, следует принять новую конституцию. На XXVII съезде КПСС

Горбачев тоже предложил: «Надо решительно отказываться от несвойственных партийным органам управленческих функций», но он имел в виду возвращение политических характеристик партии.

Именно Июльская концепция вызвала первую открытую критику Горбачевым Живкова. Это произошло во время встречи двух лидеров в октябре 1987 г. Тогда Горбачев сказал: «... у нас возникли некоторые вопросы. Мы, например, спрашиваем себя, как возможно без широкого обсуждения совершить в Болгарии перестройку и в центре, и на местах, изменить все одним махом. Это по-братски вызывает у нас беспокойство... Разве можно “перескочить” через народ, не спросить его, когда ставятся и решаются такие вопросы? Может ли все это происходить без гласности, без демократических механизмов?... У нас вызывает тревогу призыв отнять власть у правящей партии, изменить принципиальные положения о руководящей роли партии... В Вашем окружении есть люди, полагающие, что надо брать технологии у ФРГ, у Запада. Такие разговоры, такая ориентация нас тревожат. И если рядом с Вами имеются люди, которые даже только подумывают о «мини-ФРГ» и о «мини-Японии», то Вы не должны их больше держать рядом. Потому что все ответы на Ваши вопросы, все решения поставленных задач следует искать не в другом месте, а в социализме, в его динамичном развитии»³³. Как видим, критике подверглись комплексный характер перемен, положение об ограниченной роли БКП и грозящая возможность переориентации Болгарии на ФРГ и Японию. Вся критика выглядит несерьезной, если иметь в виду не столько Июльскую концепцию, сколько действия болгарских властей. Ничто не указывает на то, что Живков намеревался лишить БКП власти, ликвидировать государственную собственность, центральное планирование или заменить ориентацию Болгария на Советский Союз ориентацией на ФРГ и Японию. Поэтому объяснение острой критике Горбачева надо искать в начавшейся в Болгарии борьбе за власть – в желании молодых технократов-реформаторов в БКП от-

странить дуайена Восточного блока Живкова. В борьбу включается и Горбачев, который не без помощи своих болгарских информаторов поверил, что успех перестройки связан с устранением всех консерваторов в Восточном блоке, к которым причислен и Живков. А попытка Живкова представиться радикальным реформатором дала Горбачеву возможность обвинить его в том, что он поторопился с переменами³⁴.

Последние два года существования социализма в Болгарии наполнены лихорадочными переменами – административными, структурными, кадровыми. Они породили анекдот о мешке с мышами, в том смысле, что Живков сотрясает систему с целью сохранить власть. К внутренним сотрясениям добавилась и Венская встреча государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В ее Итоговом документе от 15 января 1989 г. содержалось требование всех граждан социалистических стран получить заграничные паспорта. Это, как и начавшаяся в мае 1989 г. волна протестов болгарских турок, вызвало очередной глубокий общественный кризис.

Параллельно с растущей внутренней напряженностью происходит открытие Болгарии Западу. С 20 по 24 ноября 1988 г. страну посетила делегация из ФРГ во главе с федеральным президентом Рихардом фон Вайцеккером и министром иностранных дел Гансом-Дитрихом Геншером. Они охарактеризовали перестройку в Болгарии как «необходимый и необратимый процесс»³⁵ и наметили визит канцлера Гельмута Коля на 1989 г. в ответ на визит Живкова в ФРГ в 1987 г. Во время поездок первого заместителя государственного секретаря Джона Уайтхеда по Восточной Европе в ноябре 1987 г. (Венгрия), в январе-феврале (Польша, Чехословакия, Румыния) и в октябре 1988 г. (третий визит – Болгария) он дал положительную оценку переменам в Болгарии: «Если несколько лет назад НРБ находилась на последнем месте в отношениях США с европейскими социалистическими странами, то в настоящее время она среди тех двух-трех стран, с которыми у Соединенных Штатов самые доб-

рые отношения»³⁶. Прорывом в болгаро-американских отношениях стал визит министра по внешнеэкономическим связям Андрея Луканова в США с 23 апреля по 3 мая 1988 г., когда состоялась встреча с госсекретарем Джорджем Шульцем³⁷. Любопытная деталь тезисов о встрече Луканова с Шульцем: следует выразить «готовность к соблюдению интересов США в региональном и глобальном аспектах, уравновешенных интересами СССР»³⁸. Это показывает, что в Болгарии перестройка шла рука об руку с открытием Западу (в направлении, предпочтительном для Луканова, – США, или предпочтительном для Огняна Дойнова, – Японии и ФРГ), причем отношения с Советским Союзом должны быть сбалансированы отношениями с Западом. Иными словами, опасения Горбачева о переориентации Болгарии оказались небезосновательными, но реализовались самым близким к нему болгарским политиком Лукановым.

Начало болгарского кризиса ознаменовалось обращением Т. Живкова к населению 29 мая 1989 г. Он заявил, что в соответствии с Венскими договоренностями «каждому гражданину Болгарии предоставляется возможность выехать, куда он захочет, в любую часть мира», хотя и выразил свое убеждение, что «даже те, кто покинул нашу страну, рано или поздно вернутся, чтобы отдать все свои силы Болгарии». За общими фразами кроется обращение к болгарским туркам; Живков перечисляет заслуги социалистического государства по отношению к ним и заявляет, что «исламизированное болгарское население не появилось неизвестно откуда. Болгария является его единственной Родиной. Оно жило, живет и будет жить в Болгарии». В конце следует совершенно ясный призыв к турецким властям: «Откройте границу для всех болгарских мусульман, которые хотят поехать в Турцию временно или остаться и жить там»³⁹. После обращения началась выдача загранпаспортов болгарским туркам и переселенческая волна, которая в летние месяцы охватила более 350 тысяч человек и причинила тяжелый ущерб болгарской экономике⁴⁰.

В условиях начавшегося кризиса произошла последняя встреча Живкова с Горбачевым. Она продемонстрировала рост противоречий. Еще при обсуждении предстоящей встречи 31 мая 1989 г. Живков заявил о необходимости «изучить опыт Общего рынка, рыночного опыта США, Канады, Японии»⁴¹, о чем он говорил 30 сентября 1988 г. и с польским лидером Войцехом Ярузельским⁴². Но истинная цель встречи заключалась в том, чтобы в очередной раз попросить у СССР экономической помощи – сохранения поставок нефти на уровне 1985 г., хотя Болгария не могла уже предложить свою традиционную сельскохозяйственную продукцию⁴³.

Для того, чтобы добиться встречи с Горбачевым, Живков приложил большие усилия, поскольку Горбачев долго от нее отказывался. В конечном счете, она состоялась 23 июня 1989 г. в Москве и началась с традиционных деклараций о дружбе и близости. Живков заявил: «Мы единственная республика, которая не создавала, не создает и не создаст вам никаких трудностей». Но чуть позже перешел к критике: «В большей или меньшей степени, все мы заимствовали модель Советского Союза целиком, без изменений. Любая попытка что-то в нее привнести воспринималась как ересь. Лично меня вызывали сюда пять или шесть раз, чтобы остановить различные эксперименты. Не говорю, что я новатор, но это правда. То, что у вас происходит, тревожит меня тем, что перестройка политической системы вопиющим образом опережает перестройку производительных сил. Верно, что в истории они идут рука об руку, но это вопрос, который следует оценивать в соответствии с конкретными условиями. В нашей стране вряд ли нужно поступать так, как поступаете вы». В конце Живков откровенно задает самый важный для него лично вопрос: «Если у Вас есть какие-либо претензии к нам, к Болгарии, ко мне, прошу их высказать», на что Горбачев успокоительно отвечает: «У нас полное доверие, исключительное доверие лично к Вам и к вашему руководству»⁴⁴. Похоже, Живков достиг своей цели получить советскую поддержку, но это

только видимость, поскольку в это же время советское посольство в Софии предпринимает действия по отстранению Живкова, опираясь на советских воспитанников Андрея Луканова, министра и кандидата в члены Политбюро ЦК БКП, и Петра Младенова, министра иностранных дел и члена Политбюро БКП⁴⁵. Критическое отношение к Живкову ясно выражено в докладах советского посольства в Софии за 1989 г.⁴⁶.

Сочетание нескольких кризисных явлений в Болгарии – массовое переселение болгарских турок, острый экономический кризис, усиление деятельности диссидентов, оппозиция в руководстве БКП – делает отстранение Живкова от власти легким. Оно происходит сначала на заседании Политбюро ЦК БКП 9 ноября 1989 г., когда состоялось голосование за отставку Живкова, а 10 ноября она подтверждается Пленумом ЦК БКП, когда его преемником избирается Петр Младенов. Так 10 ноября 1989 г. начинается новый этап в истории Болгарии – переход к политическому плюрализму и рыночной экономике западного типа.

Как развиваются отношения новой политической команды в Болгарии с Советским Союзом в начале перехода? Сначала все выглядит по-старому, просто к власти в Болгарии пришли люди, которые искренне последуют за реформами Горбачева. Намерение продолжать отношения с Советским Союзом чувствуются во время встреч болгарского посла в Москве Георгия Панкова с советскими представителями 21 ноября 1989 г. Он рассказывает о реакции общественности на отстранение Живкова и первых шагах нового руководства: «Огромная и всеобщая радость, объятия, поцелуи на улицах, смертельная усталость от долголетнего управления Живкова, на митинге неформалов 18 ноября плакаты – “Живков – тиран”, “Живкова – под суд!”... Младенов и Луканов как старые друзья будут друг друга взаимно дополнять ... это нормально, что Луканов сосредоточит свои усилия в ЦК, но его истинное место – в правительстве»⁴⁷. Советская оценка в конце 1989 г. также оптимистична: «Следует отметить, что нынешнее руководство

партии состоит из убежденных сторонников реальных социальных перемен в Болгарии, которые разделяют взгляды КПСС и идеи перестройки, понимают необходимость использования ее опыта. Они безоговорочно выступают за укрепление взаимодействия между БКП и КПСС, НРБ и СССР во всех областях сотрудничества. Соответственно, появляется возможность установления действительно доверительного сотрудничества между БКП и КПСС»⁴⁸.

Однако с начала 1990 г. тон советских аналитических материалов о Болгарии меняется. 30 января 1990 г. советское посольство сообщает о деятельности западных СМИ в поддержку оппозиции в Болгарии, против которой правительство действует «нерешительно и эпизодично»⁴⁹. В то же время отмечается и болгарская специфика: «В болгарском обществе все еще сильны позиции коммунистов, сделавших много для всестороннего развития некогда отсталой страны, все еще сохраняется вера в социализм, приверженность болгаро-советской дружбе»⁵⁰. Этот факт поддерживал советскую заинтересованность в БКП, которая в апреле 1990 г. после внутривнутрипартийного референдума была переименована в Болгарскую социалистическую партию (БСП).

Советское посольство внимательно следило за эволюцией Болгарии. Так, в центре внимания оказался выбор лидера из оппозиционного Союза демократических сил (СДС) президентом страны 1 августа 1990 г. Оценка в отношении него была критичной: «В качестве приоритетных обозначаются отношения Болгарии с Западом, особенно экономические, укрепление связей с балканскими государствами, построение болгаро-советских отношений на новой основе... Президент прилагает усилия, чтобы подчинить себе парламент. Хочет полной замены аппарата ВНС [Великого народного собрания]. Дает рекомендации по кадровым назначениям, навязывает решения, противоречащие действующей Конституции»⁵¹. Но в своих контактах с советскими представителями президент д-р Желю Желев стремится развеять их опасения. На встрече с членом Президентского

совета Александром Яковлевым 10 ноября 1990 г. в Москве болгарский президент категорично заявил: «Не следует бояться за будущее болгаро-советских отношений... если кто-то попытается это сделать, он не найдет поддержки со стороны народа. Болгарский народ на стороне сохранения и развития отношений с Советским Союзом»⁵². Только надо иметь в виду, что Желев не находился в Советском Союзе с визитом, а встретился с Горбачевым и Яковлевым по пути в Японию. Всего десять дней спустя, 20 ноября 1990 г., у Желева состоялась беседа с М. Горбачевым, на этот раз в Париже во время Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Президент Болгарии снова заявил: «В нашей стране нет антирусских настроений», но лишь после того, как вместе с премьер-министром А. Лукановым они выдвинули значительные экономические требования: «Мы просим минимума, чтобы обеспечить более или менее нормальную жизнь в течение одного-двух лет. При этом на значительно более низком уровне, чем прежде. Переходим на расчеты в СЭВ [в конвертируемой валюте], готовы еще раз рассмотреть вопрос о поставках в Советский Союз необходимых товаров, используя наши возможности в промышленности и сельском хозяйстве. До прошлого года мы получали 11 млн тонн нефти. А теперь просим хотя бы 7. Когда нам сказали – 3,5, я вначале подумал, что речь идет о сокращении настолько. Оказалось, что это все. Для нас это буквально гибель. Мы понимаем, что теперь все должно строиться на взаимовыгодной основе. Будем поставлять то, что вам действительно необходимо, будем развивать туризм для советских людей»⁵³. Этот разговор показывает, что зависимость Болгарии от советских ресурсов оставалась константой в болгаро-советских отношениях, которая мало зависела даже от политических перемен.

Подписанное 20 сентября 1990 г. в Москве двустороннее экономическое соглашение свидетельствовало, что сохранить эти отношения было невозможно. Согласно ему, экономические отношения между Советским Союзом и Болгарией строились на основе «рыночного механизма»,

предусматривающего «расчеты и платежи в свободно конвертируемой валюте и торговлю по текущим мировым ценам». Соглашение предусматривало пересмотр всех конкретных торгово-экономических договоров Болгарии с Советским Союзом, предоставляя соответствующим ведомствам и организациям право изменять их или даже «прекращать их действие»⁵⁴. По сути, данным соглашением уничтожались союзнические двусторонние экономические отношения.

Крах социализма в Восточной Европе заставил руководство КПСС еще в первой половине 1990 г. пересмотреть свои отношения с партиями – наследницами коммунистических. Советские аналитики делают вывод, что: «Будущее бывших коммунистических партий, возможно, за исключением болгарской, – это уход в оппозицию», поэтому «С потерей руководящей роли этих партий объем отношений не может не измениться... Нельзя демонстрировать и предпочтение по отношению к бывшим коммунистическим партиям, чтобы не вызвать подозрения у новых сил, что не нужно ни нам, ни нашим друзьям»⁵⁵. Более того, по мнению руководства КПСС, дистанцированность от бывших союзнических партий, потерявших свои властные позиции, следовало компенсировать установлением отношений с новыми руководителями в Восточной Европе: «Появление новых политических сил, таких, как „Солидарность“, Гражданский форум, Фронт национального спасения в Румынии, подобные партии в Венгрии, ГДР, Болгарии, ставят перед нами вопрос о наших контактах с ними. Нельзя терять времени – надо устанавливать контакты. После визита в Москву их лидеров вопрос о контактах поставлен фактически всеми, следует разработать практику установления контактов»⁵⁶. Различные исторические процессы в Советском Союзе и в Восточной Европе предопределили неминуемое отдаление между бывшими союзническими партиями Восточного блока.

Изменения в болгаро-советских отношениях стали реальностью в 1991 г. 17 мая 1991 г. новый беспартийный

премьер-министр Болгарии Димитр Попов вел переговоры с Горбачевым в Москве, при этом основные вопросы снова касались трудностей в болгаро-советской торговле. Чтобы ее оживить, Попов предложил использование клиринговой системы, но у Горбачева была другая идея: «Необходимо ввести конвертируемость наших валют. Тогда многие вопросы исчезнут... Поэтому мы решили постепенно открыть наш рынок и ввести с начала 1992 г. внутреннюю конвертируемость рубля»⁵⁷. Это решение означало отказ от преференциальных позиций Болгарии на советском рынке и предопределило исчезновение болгарских товаров. Единственным аргументом, который оставался премьер-министру Болгарии, было напоминание о традициях: «Мы прибыли в Советский Союз с визитом доброй воли, с желанием содействовать поиску новых возможностей для развития болгаро-советских отношений в различных областях... В Болгарии традиционно испытывают самые дружеские чувства по отношению к русским, к народам Советского Союза. У нас имеются обширные человеческие контакты. В СССР проживают около 400 тыс. этнических болгар, тысячи болгарских студентов учились в Советском Союзе. Народы наших стран тесно связаны исторически»⁵⁸. Советский Союз способствовал экономическому отдалению, но отдаление политическое является «заслугой» Болгарии в связи с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Болгаро-советский договор был заключен в 1948 г., а в 1967 г. подписан новый, где параграф 10-й гласил: «Договор заключается сроком на двадцать лет и автоматически пролонгируется каждый раз на следующие пять лет, если ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не денонсирует его путем направления уведомления за двенадцать месяцев до истечения соответствующего срока»⁵⁹. Таким образом, договор был продлен в 1987 г., а очередной срок его денонсирования истекал 4 августа 1991 г. Это использовали для перезагрузки отношений с Советским Союзом. Вопрос о судьбе договора совпал с обострением политической напряженности, вызванной разработкой и принятием

новой болгарской конституции летом 1991 г. В такой обстановке 1 августа 1991 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи по предложению СДС был ратифицирован большинством в 160 против 90 голосов, хотя абсолютное большинство в Народном собрании имела БСП. Уменьшение значения СССР для Болгарии заметно и из решения не заменять денонсированный договор новым, а выждать. Немного позже, 19–21 августа в Москве произошла неудавшаяся попытка консервативного переворота, которая привела к самороспуску Советского Союза в конце 1991 г. Так закончились болгаро-советские отношения. Их история на заключительном этапе демонстрирует последствия трансформационного кризиса.

В годы перестройки Живков и Горбачев вели полемику, в какой стране реформы являются более радикальными, но в конце 1989 г. Живкова отстранили от власти не без помощи Горбачева. Перемены в Болгарии не ограничились рамками правящей коммунистической партии, а вызвали крах всей системы. Таким образом, Болгария начала переход к рыночной экономике и демократии, в то время как Советский Союз продолжал попытки реформировать социализм. Различия в процессах привели к разрушению союзных отношений и поиску новых возможностей, но теперь уже для стран с различными политическими системами. Расхождение вызывала прежде всего нестабильность позиции БСП, которой удалось остаться одним из основных игроков в переходный период. Все это время она разрывалась между политической и эмоциональной привязанностью к СССР и необходимостью для Болгарии найти новое геополитическое место в западном мире. Геополитическая переориентация оказалась сильнее исторической традиции даже после того, как Российская Федерация начала политическую трансформацию по западному образцу. Разная геополитическая направленность перехода в обеих странах надолго отдалили их друг от друга, независимо от сохранившихся сильных симпатий в обществе.

Примечания

¹ *Марчева И.* Българската икономика през 80-те години на ХХ век между Изтока и Запада // Проблемът Изток–Запад. Историческа перспектива. София, 2003. С. 685–692; Перестройката в България в светлината на модернизацията // Историческо бъдеще. София, 2003. № 1–2. С. 79–98; Началото на края на социализма в България през първата половина на 80-те години // Исторически преглед. София, 2004. № 3–4. С. 89–114; Съветският фактор в българското преустройство през втората половина на 80-те години на ХХ в.: Гласността срещу Тодор Живков // Минало. София, 2004. № 2. С. 75–83; Политиката по аграрния въпрос в контекста на перестройката на социализма в края на 80-те години на ХХ в. // Сборник в чест на доц. д-р М. Минчев. Велико Търново. 2006. С. 204–230; Конфликтът М. Горбачов – Т. Живков или още веднъж за съветско-българските отношения през втората половина на 80-те години на ХХ в. // Историята–професия и съдба. София, 2008. С. 577–593; За субективния фактор в съветско-българските отношения по време на «перестройката» 1985–1989 г. // Русия и България: между признателността и прагматизма. София, 2009. С. 699–711; *Никова Г.* Живковата икономическа реформа, перестройката и стартът на скритата приватизация в България // Исторически преглед. 2003. № 5–6. С. 92–125; Кризата в Източния блок и опитите на Живков за икономически реформи // Следвоенна България между Изтока и Запада. Хасково, 2005. С. 64–78; «Флиртът» на България със Западна Германия през 70-те и 80-те години на ХХ в. // Историята–професия и съдба. София, 2008. С. 561–575; *Баева И.* Българо-съветските отношения в годините на «перестройката» // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 118–127; Из историята на българското дисидентство – Общественият комитет за екологична защита на Русе и властта // Известия на държавните архиви. № 76. 2000. С. 33–53; 80-те години – десетилетие на пропуснатите реформи в България // Ново време. 2003. № 11. С. 115–127; Създаването на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. 2004. № 87. С. 3–32; Ролята на етническите малцинства за прехода в Източна Европа от края на 80-те години на ХХ век // Малцинствени и етнорелигиозни проблеми в Югоизточна и Централна Европа между двете световни войни. София, 2005. С. 151–166; Предизвикателства пред българска-

та външна политика в края на държавния социализъм // Международна политика. 2007. № 1. С. 105–121; Между Сцила и Харибда: Годор Живков при последната си среща с Горбачов // Ново време. 2007. № 11. С. 101–112; Последната година: България и страните от Източния блок през 1989 г. – Исторически преглед. № 3–4. 2008. С. 90–108; Социалноикономически предпоставки за и последици от «възродителния процес» // Евразийски хоризонти: минало и настояще. София, 2011. С. 154–170; Ролята на Съветския Съюз за разпадането на Източния блок // Русия, Европа и светът. София, 2012. С. 356–365; Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2010. София, 2010.

² Централен държавен архив (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 60. А.е. 262. Л. 7.

³ Там же. А.е. 323. Л. 8.

⁴ Там же. А.е. 277. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. А.е. 262. Л. 8.

⁷ Там же. А.е. 277. Л. 21.

⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 60. А.е. 270. Л. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. А.е. 277. Л. 7.

¹¹ Там же. А.е. 323. Л. 33.

¹² Среща на Политбюро на ЦК на БКП с М. С. Горбачов – генерален секретар на ЦК на КПСС // Ново време. 1995. № 6. С. 82.

¹³ Там же. С. 80.

¹⁴ Ново време. 1996. № 1. С. 89.

¹⁵ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 1025. Л. 4.

¹⁶ Там же. Оп. 101. А.е. 1497. Л. 2.

¹⁷ Държавен архив на министерство на външните работи (ДА МВНР). Оп. 44-12. А.е. 79. Л. 24.

¹⁸ Там же. А.е. 105а. Л. 7–9.

¹⁹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1443. Л. 3, 4, 7.

²⁰ Там же. Л. 24.

²¹ Там же. Л. 26.

²² Политбюро ЦК БКП обсъдил и одобрил эти решения и деятельность болгарской делегации 20 февраля 1986 г. – Там же. Оп. 68. А.е. 1436. Л. 68–78.

²³ България была в числе последних европейских социалистических стран, сделавших этот шаг, так как членами ГАТТ уже стали

Чехословакия, Польша, Румыния, Венгрия и Югославия. Но все же она сделала его раньше Советского Союза. – Там же. А.е. 2191. Л. 1–8.

²⁴ Там же. Л. 5.

²⁵ Это произошло на заседании Политбюро ЦК КПСС, проведенного 6, 10, 17 февраля 1987 г. – Там же. А. е. 2662.

²⁶ Там же. Л. 83.

²⁷ Там же. Л. 153.

²⁸ Там же. Л. 155.

²⁹ Там же. Л. 172.

³⁰ Там же. Л. 167.

³¹ Там же. А.е. 30526.

³² Там же. Оп. 65. А.е. 83, 84.

³³ Там же. Оп. 68. А.е. 3272. Л. 36–38.

³⁴ Реформы, о которых оповестил Живков, действительно вызвали большое удивление, о чем свидетельствует интервью первого заместителя госсекретаря США Джона Уайтхеда газете «The Associated Press» 2 октября 1988 г.: «В ходе визита президент Болгарии Тодор Живков раскрыл планы превратить государственные предприятия в корпорации, которые будут предлагать доли своим сотрудникам и другим инвесторам. Марк перевернулся бы в гробу, если бы мог услышать слова Живкова... Болгария движется к быстрой трансформации очень шумно, особенно в области экономических перемен. Политических перемен там меньше, но думаю, они наступят. Еще меньше перемен в области прав человека, но думаю, что и это произойдет». – ДА МВнР. Оп. 45-4. А.е. 125. Л. 2–3.

³⁵ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1859. Л. 2.

³⁶ ДА МВнР. Оп. 45–2. А.е. 9. Л. 5.

³⁷ Там же. А.е. 112. Л. 32–42.

³⁸ Там же. Л. 23.

³⁹ Живков Т. Единството на българския народ е грижа и съдба на всеки гражданин на нашето мило отечество (Изявление на предс. на ДС на НРБ Т. Живков по БТ и БР, 29 май 1989 г.) // Международни отношения. № 5. 1989. С. 3–7.

⁴⁰ Подробнее об этих процессах см.: «Възродителният процес». Българската държава и българските турци. Т. I. София, 2009; «Възродителният процес». Международни измерения (1984–1989). Т. II. Съст. И. Баева и Е. Калинова. София, 2009; Баева И.

Социалноикономически предпоставки за и последици от «възродителния процес» // Евразийски хоризонти: минало и настояще. София, 2011. С.154–170.

⁴¹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3665. Л. 6.

⁴² Тогда Живков выразил зависть к западным интеграционным процессам: «За этим будущее. Теперь на Западе с удостоверением личности можно разъезжать по всей Европе, каждый может жить и работать, где захочет. Почему бы в социалистических странах не создать такие же условия? В гуманитарной области впереди они, а не мы, к сожалению; многие их ценности можно принять. Предубеждение, что мы не можем принимать ценности западных стран, является большой ошибкой. Ясно, что формируется новая цивилизация, и на Западе, и в нашей стране изменятся сознание и поведение людей». – Там же. Оп. 60. А.е. 411. Л. 38.

⁴³ По словам Живкова: «Нужна осторожность, поскольку они хотят продовольственных товаров, а у нас их нет. Следует разъяснить, что по сравнению со всеми другими социалистическими странами мы исчерпали наши возможности в сельском хозяйстве еще раньше, когда следовали курсом на сближение». – Там же. Оп. 68. А.е. 3665. Л. 10. Однако подготовка к встрече проходила очень серьезно, о чем свидетельствуют подготовленные материалы. – Там же. Л. 18–80, 115–138.

⁴⁴ Основная часть стенограммы опубликована в: Ново време. 2007. № 11. С. 104–112.

⁴⁵ Об этом пишет в своих воспоминаниях советский дипломат в Софии В. Терехов. Они опубликованы журналистом Т. Томовым. См.: *Томов Т. Превратът // Труд*. 1998. 10–17 ноември.

⁴⁶ За доступ к советским архивным документам выражаю благодарность Петеру Ругенталеру из Института им. Больцмана (Австрия), с которым мы работаем по совместному проекту. В докладе от 4 января 1989 г. ситуация оценивается так: «Попытки БКП перестроить идеологию не носят глубокого характера и демонстрируют противоречие между попытками руководства приспособить старые методы к современной перестройке без критического осознания всего негативного, что накопилось в обществе». – Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 102. А.е. 745. Л. 2. Еще более критичная оценка содержится в докладе посольства от 30 июня 1989 г.: «Прошедшие два года показали, что основной характеристикой болгарской пере-

стройки является декларативность, половинчатость и противоречивость преобразований... Общественные круги и прежде всего интеллигенция встревожены традиционными методами управления в Болгарии, для которых характерны культ личности, кумовство и протекционизм... Примечательны и пространные рассуждения политического руководства о соотношении между базисом и надстройкой, признание, что социализм в наших странах является «недоноском» и что спасение следует искать только на Западе». – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. А.е. 745. Л. 108–112.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. А.е. 743. Л. 136.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. А.е. 745. Л. 144.

⁴⁹ Там же. Оп. 103. А.е. 710. Л. 16.

⁵⁰ Это признавал советский посол в Софии В.В. Шарапов 18 апреля 1990 г. в своем докладе «О внутривнутриполитическом положении накануне парламентских выборов». – Там же. Л. 93.

⁵¹ Там же. Ф. 121. Оп. 5. А.е. 368. Л. 17–18.

⁵² Там же. Л. 41.

⁵³ Там же. Ф. 121. Оп. 5. А.е. 368. Л. 49.

⁵⁴ България и Русия. 125 години дипломатически отношения. София, 2004. С. 152.

⁵⁵ Документ не датирован, но описанные в нем события показывают, что он подготовлен между февралем и апрелем 1990 г. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 103. А.е. 654. Л. 3–4.

⁵⁶ Там же. Л. 6–7.

⁵⁷ Там же. Ф. 121. Оп. 5. А.е. 368. Л. 92.

⁵⁸ Там же. Л. 96.

⁵⁹ България и Русия. 125 години... С. 132.

Илияна Марчева

БОЛГАРО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1992–2013 гг.: ЗАМЕТКИ И НАБЛЮДЕНИЯ

В начале 90-х годов прошлого века прекратили свое существование недавние союзники по Восточному блоку – НРБ и СССР. На политической карте мира появились два новых субъекта – парламентская Республика Болгария и Российская Федерация. Подписанный 4 августа 1992 г. договор о дружественных отношениях и сотрудничестве отразил наступившие изменения. Былые лозунги «вечной и нерушимой дружбы» и верности принципу «социалистического интернационализма» сменило заявление о новых ценностях, отныне исповедуемых обеими сторонами. Будущие контакты предстояло основывать на содействии «строительству новой Европы, объединенной общими ценностями демократии, верховенства закона, прав человека и основных свобод». Договор зафиксировал установление нового типа отношений: прежние, союзнические, сменились добрососедскими со всеми вытекающими отсюда последствиями для болгаро-российских контактов и связей на всех уровнях и во всех сферах¹.

Как развивались отношения между двумя странами, еще недавно очень тесные, в 1992–2013 гг.? Какие тенденции в этом плане наметились за истекшие два десятилетия? Каковы основные факторы, определяющие эти отношения? На эти вопросы я попытаюсь ответить, поделившись с читателем своими наблюдениями и размышлениями в контексте изменений, происходивших в обеих странах на протяжении указанного двадцатилетия. Подобный подход, претендующий на исчерпывающее освещение вопроса, продиктован не только объемом настоящего сборника, но и состоянием источниковой базы для изучения болгаро-российских отношений. Это, прежде всего, доступные исследователю сегодня документы, журналистские расследования, а также уже имеющиеся работы историков и экономистов². Характер ис-

точников позволяет представить и отношение болгарского общества к России в изучаемый период, дать прогноз на будущее.

* * *

В целом болгаро-российские отношения можно рассматривать по отдельности – в 1990-е и «нулевые» годы. В таком формальном обособлении есть своя логика, если исходить из условий, в которых действовали национальные элиты обеих стран – главный фактор в осуществлении двусторонних контактов, их целей и задач.

В 1993–2001 гг. болгаро-российские связи стали объектом различной по интенсивности борьбы двух основных политических сил Болгарии – БСП и СДС*, которая сопровождалась усилиями включить страну в европейские структуры и НАТО. В условиях проводившейся приватизации политическая власть превратилась в средство достижения власти экономической, личного обогащения. Поэтому борьба двух основных партий приобрела особую силу, и в ней каждая из сторон искала себе внешнеполитических союзников и покровителей.

Россия, однако, не могла претендовать на такую роль, поскольку сама переживала радикальные внутри- и внешнеполитические перемены, которые обусловили ее слабое влияние на мировые процессы, руководимые Соединенными Штатами Америки. 90-е годы в России – время острой политической борьбы между президентом Борисом Ельци-

---

* БСП – Болгарская социалистическая партия. Создана в результате преобразования БКП в апреле 1990 г.; СДС – Союз демократических сил – антикоммунистическое движение, созданное в декабре 1989 г. в ходе общественно-политического обновления страны, впоследствии партия, объединявшая широкий спектр политических сил – от консервативных до правоцентристских. С 1997 г. восприняла христианско-демократическую идеологию, входит в Европейский христианско-демократический союз (Здесь и далее подстрочные примечания сделаны переводчиком).

ным и парламентом, кульминацией которой стал обстрел здания парламента 3–4 октября 1993 г. Противостояние решилось принятием в 1993 г. Конституции, утвердившей президентскую форму правления. Укрепление позиций Ельцина в результате президентских выборов 1996 г. привело ко второй, так наз. либеральной, революции в России в 1997 г. с приватизацией государственных корпораций и сферы социальных услуг. Все это вызвало тяжелейший финансовый кризис 1998 г. Россия оказалась в сильной зависимости от западных кредиторов и была вынуждена сообразовываться с интересами США.

Следуя политике М.С. Горбачева, Ельцин занялся налаживанием сотрудничества с США и Западом, а не с недавними союзниками по бывшему Восточному блоку. Так, в 1994 г. Россия подписала Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС и заявила об участии в предложенной НАТО программе «Партнерство ради мира». Стремление стран бывшего Восточного блока, которые также присоединились к этой программе, войти в структуры НАТО заставило Россию настоять на включении в основополагающий акт о взаимоотношениях России и НАТО специальный пункт, по которому на территории стран бывшего Варшавского Договора не будет размещено американское ядерное оружие, и страны Прибалтики в обозримом будущем не будут приняты в НАТО. Кроме того, Ельцин сумел добиться включения России в «большую семерку» (группу G-7), но, несмотря на все эти шаги, Москва оказалась не в состоянии помешать осуществлению бомбардировок Сербии, предпринятых НАТО без санкции ООН³.

Внутри- и внешнеполитическое положение России в 90-е годы, бесспорно, отразилось на болгаро-российских отношениях. Как и правительство Ельцина, кабинет Любена Берова (1993–1994), правительство БСП Жана Виденова (1995–1996) и второй кабинет правых сил Ивана Костова (1997–2001) оказались перед необходимостью проведения болезненных реформ по превращению Болгарии в страну рыночной экономики и, прежде всего, приватизации. Этим

правительствам предстояло также продолжить интеграцию Болгарии в ЕС и НАТО. В этих условиях ни со стороны России, ни со стороны Болгарии не последовало политических импульсов должной силы к оживлению болгаро-российских связей. Несмотря на договор 1992 г., двусторонние отношения пришли в упадок. Более того, они приобрели негативный и даже криминальный характер. В 90-е годы для новых экономических акторов – выходцев из структур Госбезопасности или бывшей номенклатуры (знаковая фигура последней – Илия Павлов*) – основными становятся деловые контакты и бизнес. Пример – тесные связи Павлова с тогдашним руководителем «Газпрома» Рэмом Вяхиревым. Попытка бывшего лидера БСП Андрея Луканова основать в 1995 г. частное болгаро-российское общество «Топ Энерджи» указывала, что и часть руководства левицы была связана с российскими экономическими кругами⁴.

По этой причине в болгарском обществе и среди западных партнеров утвердилось представление, что БСП занимает пророссийские позиции в политической и экономической жизни страны, в то время как антикоммунистические правые силы в лице СДС проявили себя на политической сцене как антироссийские, что СДС активно продвигает идею вступления Болгарии в НАТО, а БСП придерживается нейтралитета. Подобные, зачастую поверхностные, суждения подхватили средства массовой информации, для которых они стали излюбленными клише. Создаваемый СМИ имидж политических соперников мало соответствовал реальным глубинным процессам, определявшим их позиции. «За кадром» остался, например, тот факт, что левое правительство Жана Виденова ушло с политической сцены не без участия «Газпрома». Причина – негативная реакция

---

* Президент, затем директор инвестиционной компании «Мультигруп». С 1998 г. гражданин США. По версии польского еженедельника «Впрост», в 2002 г. открывал список 25 самых богатых людей в Восточной Европе. Состояние Павлова оценивалось в 1,5 млрд. долларов. Застрелен в Софии 7 марта 2003 г.

премьер-министра на требования российской стороны повысить цены на газ (это противоречило Ямбургскому соглашению середины 80-х годов*) и отказ передать в собственность российской стороне трубы газопровода, проходящего по болгарской территории. В апреле 1997 г. временное (Службное) правительство Стефана Софиянского, бывшего представителя правых политических сил, а позднее независимого кмета Софии, подписало с «Газпромом» соглашение об увеличении цены на газ⁵.

Политическое дистанцирование Болгарии от России, однако, продолжалось. Так, второе правое правительство ОДС** во главе с Иваном Костовым поддержало США и НАТО во время бомбардировок Сербии в 1999 г. и отказалось предоставить воздушный коридор российским военным самолетам. Эти действия объяснялись намерением болгарского руководства взамен выторговать у Вашингтона согласие не принимать албанских беженцев из Косово. (Позиция болгарской стороны ранее вызвала трения с американскими представителями в Софии⁶). Тогда Костов мог позволить себе подобное поведение, поскольку Болгария формально не являлась ни членом НАТО, ни ЕС, лидер его партии (СДС) Петр Стоянов занимал проамериканские позиции, а в плане внутривнутриполитическом ОДС имела абсолютное большинство в парламенте (137 голосов из 200)⁷. Несмотря на отказ болгарской стороны принять беженцев, ведущие американские конгрессмены воспринимали кабинет

---

* Ямбургские соглашения середины 1980-х гг. со странами-членами СЭВ, в том числе и с Болгарией, фиксировали их участие в освоении Ямбургского нефтегазоконденсатного месторождения в Заполярье и строительстве объектов газовой промышленности. Соглашения предусматривали поставку российского природного газа в соответствующие страны в счет их участия в проекте. Достигнутые договоренности действовали с 1989 по 1997–1998 гг.

** ОДС – коалиция Объединенные демократические силы (СДС, БЗНС, Демократическая партия). Одержала победу на парламентских выборах в апреле 1997 г.

Костова как «наиболее надежного союзника» США. Россия уже не могла рассчитывать на БСП как на традиционно пророссийскую партию, поскольку на 44-м съезде 6–7 мая 2000 г. она заняла пронатовскую позицию, отказавшись от прежней идеи нейтралитета⁸. В дальнейшем болгарские правительства предпринимали последовательные шаги ко вступлению страны в НАТО, что не могло найти понимания в Москве и вызывало беспокойство.

Внешнеполитическое отдаление двух стран в 90-е годы отразилось на культурных, научных и экономических контактах. Было отменено обязательное изучение русского языка как первого обязательного иностранного языка в болгарских школах, прекратилось поступление в страну литературы и кинофильмов на русском языке, закрылись и были возвращены прежним владельцам здания магазинов русской литературы, отменены трансляции передач российского телевидения по государственному каналу. Деятели культуры и науки, подобно политикам, спешили устанавливать контакты и связи с западными коллегами, поворачиваясь спиной к российским. Вместе с тем, следует отметить, что это отдаление было взаимным, чему способствовал финансовый кризис в обеих странах как следствие перехода к рыночной экономике и развития капитализма.

В начале 90-х годов в Болгарии активизируются западные культурные центры – Институт «Гёте», Австрийский институт, «Открытое общество» и другие неправительственные организации⁹, выполнявшие определенную идеологическую миссию, в том числе и по ограничению российского влияния в стране. Их деятельность развивалась на фоне свертывания из-за финансовых проблем работы Российского культурного центра. Он превратился в один из теперь уже многих центров культурной пропаганды и, кроме того, вынужденно уступил часть своего здания. Российская (русская) литература и фильмы теперь должны были конкурировать с западными, главным образом, американскими, распространение которых в стране прежде тщательно дозировалось. У населения они пользовались повышен-

ным спросом. Нельзя сказать, что в Болгарии не издавались популярные в России Борис Акунин, Виктор Пелевин, Александра Маринина, Сергей Минаев и другие авторы, главным образом, на шумевших криминальных романов, был показан и культовый сериал «Бригада», но российская культурная продукция лишилась своего привилегированного положения в интеллектуальной жизни страны.

Подобное наблюдается в то время и в России. Внимание не только политической и интеллектуальной элиты фокусируется в 90-е годы в большей степени на США и Западной Европе. Это свойственно и простым людям. Подтверждение тому – результаты опроса, проведенного социологами «Левада – центра» в 2001 г. Ответы на вопрос «Партнерство с какими странами в большей степени соответствует интересам таких людей, как Вы?» распределились следующим образом: Западная Европа – 64%; США – 41%; Беларусь – 46%; Украина – 40%; страны Восточной Европы – всего лишь 18%. Болгария как отдельная страна не упоминалась вообще¹⁰.

В 90-е годы политическое и культурное отдаление между Болгарией и Россией выразилось и в таком не типичном для страны явлении, как русофобия. (Заметим, что страна всегда славилась своими русофильскими настроениями). Русофобия при этом часто шла рука об руку с антисоветизмом и как будто пряталась за его спину. Время от времени всплывал вопрос о судьбе Памятника Советской Армии (по решению Софийского общинного совета, принятому в 1993 г., памятник должен быть перенесен из центра столицы), Русско-турецкая война 1877–1878 гг. теперь именовалась просто Освободительной. Обрел актуальность вопрос о славянских корнях болгар. В параисторических исследованиях популяризируется в эти годы теория о выдающемся вкладе протоболгар в развитие государства в раннем Средневековье, муссируется спорный тезис об индоевропейском происхождении болгар. Известный историк объясняет с телеэкрана, что «в качестве» славян болгар не примут в НАТО. Особую популярность обрела личность политика-ру-

софоба Стефана Стамболова (1854–1894): он превратился в объект чествований национального масштаба, в центре Софии был открыт памятник¹¹. В то же время многие громкие убийства в Болгарии начинают приписывать российской мафии, что привело к падению авторитета России в болгарском обществе. Этому процессу способствовало очевидное для болгар бессилие России защитить свою союзницу Сербию в бушующей в 90-е годы войне в Югославии.

Свертывание болгаро-российских политических и культурных отношений сопровождалось и резким сужением экономических связей и контактов. Содействовала этому и переориентация Болгарии на ЕС. Поначалу особо негативное воздействие имело Соглашение Республики Болгария об ассоциации с ЕС, вступившее в силу в 1995 г., по которому страна получила статус зоны свободной торговли («свободного экономического пояса»). Но открыв свой рынок западноевропейским товарам, Болгария сама не смогла закрепиться на рынках Западной Европы, а одновременно потеряла и российский рынок, откуда ее вытеснили западные фирмы или их китайские подобию. Это вызвало кризис в болгарском сельскохозяйственном производстве, электронике, легкой и пищевкусовой промышленности: продукция указанных отраслей из-за низкого качества не была конкурентоспособной и не могла завоевывать новые рынки. Упомянутое выше правительство Ивана Костова, исповедуя монетаризм и неolibерализм, не оказывало болгарскому бизнесу никакой поддержки. Более того, оно изгнало из страны российских олигархов Майкла Черного, Дениса Ершова и других, которые пытались вложить капиталы неясного происхождения в болгарскую экономику*. Продолжился спор о невыплаченных долгах СССР Болгарии, начиная с середины 80-х годов, но одновременно начал расти болгарский дефицит в торговле между двумя странами¹².

---

* Основанием для решения болгарских спецслужб о высылке из страны указанных бизнесменов явилась представляемая ими «угроза национальной безопасности» Болгарии.

Наиболее существенной сделкой между Болгарией и Россией в те годы стала приватизация нефтеперегонного завода в Бургасе российской компанией «Лукойл». В 1999 г. «Лукойл» стал обладателем контрольного пакета акций на сумму 101 млн. долларов, что явилось единственной крупной российской инвестицией в реальный сектор болгарской экономики. Но так как инвестиции «Лукойла» в экономику Болгарии осуществлялись через его филиал в Голландии, то в последующие годы они фигурировали в статистике как голландские¹³.

В 2001–2009 гг. наступил период потепления отношений и их активизации по всем направлениям: в политике, экономике (особенно в энергетике), культуре, хотя обе страны продолжали двигаться по разным орбитам. Новому этапу в отношениях между Республикой Болгария и Российской Федерацией положил начало приход к власти правительства НДСВ и ДСП* в 2001 г. По времени это совпало с переменами в России – приходом к власти В.В. Путина, и в мире – объявлением Соединенными Штатами войны терроризму и поиском с этой целью союзников. В силу этого в отношениях между двумя странами утверждается политический прагматизм, чему в немалой степени способствовала смена руководства.

В России новый президент взял курс на создание сильного государства и консолидацию общества, усматривая в этом предпосылку для укрепления позиций страны на международной арене и создания системы полицентризма вмес-

---

* НДСВ – Национальное движение «Симеон Второй», либеральная партия во главе с царем Болгарии Симеоном, созданная в апреле 2000 г. с целью «борьбы против коррупции и нищеты». С 2007 г. приняла новое название – Национальное движение за стабильность и расцвет (на болгарском языке аббревиатуры старого и нового названий совпадают); ДПС – Движение за права и свободы. Партия представляет, прежде всего, интересы турецкого этнического меньшинства. Создана в 1990 г.

то гегемонии США. В 2002 г. Россия сотрудничала с Соединенными Штатами в борьбе против террористических сил в Афганистане и подписала Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений обеих стран. Она рассчитывала и на созданный в Риме 28 мая 2002 г. Совет НАТО – Россия. Но в тот период кардинальных изменений в отношениях Запада и России, в том числе и по вопросу расширения в 2004 г. НАТО на Восток за счет бывших членов советского блока, не произошло. Трения возникли и по проблеме Ирака, и по чеченскому вопросу, который Запад рассматривал в контексте национального соблюдения Республики Чечня, а Россия – как проявление терроризма¹⁴. В создавшихся условиях президент Путин не пренебрег визитом в Болгарию. Одна из причин придания контактам с Софией столь высокого уровня – очевидное стремление Кремля играть более активную роль в международных отношениях, причем не только, как прежде, с Западной Европой и США, но и с Восточной Европой и СНГ.

Новая сила на политической сцене Болгарии – Национальное движение «Симеон Второй» обеспечила приход к власти лиц из окружения бывшего царя Симеона II, а президентом страны был избран бывший лидер БСП Георгий Пырванов (2001–2009). Правительство НДСВ и БСП (2001–2005) проводило политику уменьшения внутривластных конфликтов, что отразилось и на состоянии болгаро-российских отношений. В 2003 г. во время визита Путина в Болгарию в связи со 125-летием установления дипломатических отношений между двумя странами президенты подписали Совместную декларацию об углублении дружественных отношений и партнерства между Республикой Болгария и Российской Федерацией. Улучшение двусторонних отношений, начатое на самом высоком уровне, было призвано, как отметил в октябре 2004 г. министр иностранных дел Болгарии Соломон Паси, развенчать представление, что «только одна из двух партий (в Болгарии) записала за собой связи с Россией, а другая – связи с США, со-

ответственно с Европой. Нынешнее правительство демонстрирует, что одинаково хорошие отношения можно поддерживать и с Соединенными Штатами, и с Советским Союзом..., извините, с Россией. И ни в коем случае одно не за счет другого»¹⁵.

Разумеется, эти хорошие намерения и проявления имели не только внутри-, но и внешнеполитические основания. 29 марта 2004 г. Болгария стала членом НАТО вместе с шестью другими странами бывшего Восточного блока, главным образом, ближайшими соседями РФ – Эстонией, Латвией, Литвой, Румынией, Словакией и Словенией. Чтобы не раздражать Россию очередным расширением Североатлантического альянса, болгарским политикам, вероятно, был дан совет «извне» декларировать свою благонамеренность и внести, таким образом, успокоение, как в российские правительственные круги, так и в болгарское общество в целом. Подобные заявления были особенно важны для страны, чье вступление в НАТО и предстоящее присоединение к ЕС ясно свидетельствовали об окончательном переходе Болгарии в геополитический лагерь соперников России. Особенно ясно это стало при следующем правительстве тройной коалиции – БСП, НДСВ и ДПС во главе с лидером БСП русского происхождения Сергеем Станишевым (2005–2009). Именно в это время в Болгарии размещаются так наз. легкие американские, а не натовские, «передовые действующие базы для обеспечения безопасности в XXI в.», что дало повод президенту Путину на конференции по вопросам безопасности 10–11 февраля 2007 г. в Мюнхене обосновать выход России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе. (*Бывший министр обороны США Роберт Гейтс в вышедших в 2014 г. мемуарах** оценил решение о создании баз как «безответственную провокацию», притом «ошибочную»¹⁶). Путин выступил с критикой расширения НАТО, особенно в Прибалтике, и

---

* Имеется в виду книга: *Robert M. Gates. Duty. Memoirs of a secretary at war.* Washington, 2014.

проектов США по созданию системы противоракетной обороны в Польше и Чехии. Более того, российский президент объявил, что Москва не присоединится к Европейской энергетической хартии, предусматривающей либерализацию энергетического рынка, до тех пор, пока Брюссель не отреагирует на российскую критику¹⁷. Россия подписала Европейскую энергетическую хартию в 1991 г., а также и Договор к ней в 1994 г. (вступил в силу в 1998 г.), но отказалась ратифицировать его, поскольку он предусматривал диверсификацию (расширение) источников энергии в странах и особенно невыгодное для государственной корпорации «Газпром» разделение добычи и продажи газа, как и разделение его доставки и транспортировки в одну и ту же страну¹⁸. Подобное поведение России рассматривалось (с основанием или без – другой вопрос) как угроза для Европы и атмосферы свободной конкуренции. Россию обвинили в использовании своей монополии на энергоносители в политических целях¹⁹.

(Эти действия, однако, явились проявлением новой политики В.В. Путина под лозунгом «Россия сосредотачивается», заимствованным из письма князя Горчакова, написанного в 1856 г. * Данное определение означало, что Россия не будет отныне взаимодействовать с Западом во имя общецивилизационных идеалов, а лишь когда это взаимодействие будет продиктовано национальными интересами. Главными становились собственные внутривнутриполитические приоритеты²⁰).

---

* «Россия не сердится, Россия сосредотачивается» – знаменитая фраза из депеши министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, разосланной в конце августа 1856 г. в российские посольства за рубежом. Отразила необходимость тщательного анализа новой для России ситуации, сложившейся в результате поражения в Крымской войне 1853–1856 гг.

Сложные отношения России с ЕС, НАТО и США, с одной стороны, и стремление Болгарии стать с американской помощью полноправным членом этих структур, с другой, отразились на болгаро-российских экономических отношениях в 2001–2009 гг. Секретарь президента Пырванова по экономическим вопросам Ивайло Калфин в 2004 г. констатировал, что по отношению к России и на правительственном уровне, и в сфере бизнеса «мы все еще держим скелеты в шкафу». И хотя Калфин не сказал об этом прямо, но «скелетами» являлись идеологические и геополитические предубеждения против России не со стороны Болгарии, а со стороны Западной Европы, которую болгарские правящие круги должны были убедить в своей лояльности. Именно по этой причине при проведении в стране тендеров выдвигались невыполнимые по определению условия в целях умышленного воспрепятствования участию в них российских фирм. Это заставляло российскую сторону откладывать принятие окончательного решения по ряду крупных, затрагивающих инфраструктуру Болгарии, проектов, как, например, нефтепровод Бургас – Александрополис. Все это вело к стагнации двусторонних экономических отношений. Определенный вклад в подобное состояние дел вносили своей пассивностью и болгарские фирмы, которые считали возможным устанавливать деловые контакты с российской стороной лишь на основе конкретных межправительственных соглашений, предварительных договоренностей о поставках или госзаказах. Такая позиция подавляла деловую инициативу. Для устранения подобных недостатков в 2004 г. был создан постоянный Болгаро-российский бизнес-форум, задача которого – вносить в свои правительства предложения по конкретным проблемам, с которыми сталкиваются фирмы в обеих странах при проведении совместной работы²¹.

Предпринятые Бизнес-форумом усилия, несомненно, принесли свои плоды: в 2006 г. в Болгарии были зарегистрированы более 4600 фирм с российским участием (по этому показателю Россия заняла второе место после Тур-

ции), а Болгарская торгово-промышленная палата зарегистрировала 400 представительств чисто российских фирм²². По сведениям Национального статистического института за 2007 г., российский импорт в Болгарию достиг 5293,5 млн. левов, что вывело Россию на первое место в болгарской торговле. Однако болгарский экспорт в Россию исчислялся только 641,8 млн. левов. Среди стран, покупающих болгарские товары, Россия занимала 10-е место²³. И хотя в 2007 и 2008 гг. товарообмен между двумя странами увеличился, на долю России в общем объеме болгарского экспорта приходилось в 2008 г. лишь 1,4%. Положительная динамика отмечалась, прежде всего, в энергетической отрасли, включая импорт нефти, природного газа, алюминия, угля, ядерного топлива. Природное сырье составляло 90% импорта из России²⁴. Наряду с растущим торговым дефицитом и сильной зависимостью от российского сырья, проблемы возникли и с лицензионными сборами, выплачиваемыми предприятиями болгарской военной промышленности, которые работают почти полностью на основе примерно 600 российских лицензий. Из-за отсутствия средств болгарские предприятия ограничили свой ассортимент только 10-ю видами военной продукции, что отражается на состоянии болгарской военной промышленности в целом²⁵.

В 2007 г. Болгария стала членом ЕС, а у власти оказалась тройная коалиция БСП, НДСВ и ДПС. Во время второго президентского срока В.В. Путина (7 мая 2004 г. – 7 мая 2008 г.) России удалось стабилизировать экономику и финансы, что позволило ей играть более активную внешнеполитическую роль. Энергетика превратилась в главный инструмент политики Москвы в Европе и по отношению к странам ЕС, включая Болгарию²⁶. Этому способствовала предпринятая президентом ренационализация корпорации «Газпром» и других государственных корпораций. Образно выражаясь, российский лидер подставил свое плечо национальному энергетическому гиганту.

Вторично Путин посетил Болгарию в 2008 г., когда отмечалось 130-летие освобождения Болгарии от османского

владычества. Выражением значительного потепления отношений стало проведение в 2008 г. года России в Болгарии, а 2009 был объявлен годом Болгарии в России. Эти символические жесты преследовали цель расширить возможности торгово-экономических и культурных связей между обеими странами. Самыми важными результатами в этом плане явились подписанные договоры о присоединении Болгарии к российско-итальянскому проекту строительства газопровода «Южный поток», о строительстве АЭС «Белене»²⁷ российскими фирмами (среди них «Атомстройпроект») совместно с франко-германским консорциумом «Карсиб» (CARSIB) и о строительстве нефтепровода Бургас – Александруполис²⁸. Планировалось, что прямые российские инвестиции в болгарскую экономику превысят 5,5 млрд. евро. Стремясь сбалансировать участие в указанных российских проектах, Болгария еще в 2004 г. установила контакты с международной проектной кампанией по сооружению конкурента «Южного потока» – нефтепровода «Набуко», по которому газ должен поступать из Центральной Азии и с Ближнего Востока. «Набуко» отводилась задача уменьшить зависимость Европы от российского газа, обеспечив 5% ее потребностей в этом топливе²⁹.

Другой сферой интересов российского капитала в Болгарии являлась недвижимость, особенно на Черноморском побережье. Несмотря на введение в 2007 г., в связи с вступлением Болгарии в ЕС, визового режима между двумя странами, оно по-прежнему оставалось одним из любимых мест отдыха российских туристов.

В значительной степени оживление политических и экономических отношений способствовало и расширению культурных контактов. Регулярными стали майские спектакли «Звезды российского балета», гастрели таких известных коллективов, как балетная труппа «Тодес», академический русский народный хор имени Пятницкого, танцевальный ансамбль под руководством Игоря Моисеева, ансамбль песни и пляски Российской армии и др. В 2009 г. фураор вызвала постановка в Москве на сцене Академиче-

ского театра Российской армии чеховской «Чайки» известным болгарским режиссером Киркором Азаряном. Ждал в Москве успех и талантливое театральное режиссера среднего поколения Александра Морфова, прославившегося нестандартными творческими решениями. По словам директора Болгарского культурно-информационного центра в Москве в 2001–2009 гг. Павла Васева, тогда происходил «невероятный, не отмеченный средствами массовой информации, культурный обмен между Болгарией и Россией, поскольку большинство наших городов поддерживали установленные когда-то побратимские связи. А мне любо-дорого было быть своего рода посредником во время гастролей танцевальных коллективов, детских хоров и передвижных выставок»³⁰.

Сказанное Васевым подтверждает большая популярность, особенно среди болгарской молодежи, рок-группы «Любэ», которая часто гастролировала в стране. А свой последний концерт прощального турне любимица старшего и среднего поколения болгар примадонна российской эстрады Алла Пугачева дала именно в Софии 4 марта 2010 г. в Национальном дворце культуры³¹. Поддерживался интерес и к русскому языку. Он стал одним из наиболее изучаемых иностранных языков и, хотя уступал по популярности английскому, привлекал внимание болгарских школьников. По данным Министерства народного просвещения, из 900 тыс. школьников, имевшихся в стране, 600 тыс. изучали английский, 200 тыс. – русский, 160 тыс. – немецкий, 90 тыс. – французский. Предпочтение русскому языку отдавали в основном в провинции и на Черноморье, явно учитывая при этом постоянное наличие там российских туристов.

Начиная с 2010 г., интеграционные процессы в ЕС, стремление Болгарии вступить в клуб привилегированных стран, оформившийся в Шенгене, поставили страну в затруднительное положение. Она должна была следовать общеевропейской политике по отношению к России. Лучше всего это удавалось депутатам Европарламента из прежних правых кругов, за которыми тянулся шлейф не только анти-

коммунизма и антисоветизма, но и русофобии. По всей вероятности, именно их имел в виду бывший итальянский евродепутат и политолог Джульетто Кьеза, признав, что депутаты от Болгарии вместе со своими коллегами из стран Балтии, Венгрии и Польши «работают систематически и хладнокровно» как «антироссийское лобби» вообще, а не только против конкретных действий российского правительства³².

Новая правящая партия, которая победила на выборах в 2009–2010 гг. и находилась у власти до начала 2013 г., уже своим названием – «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ) – демонстрировала готовность не отступать от подобной позиции в ЕС. Сформировав правительство меньшинства, ГЕРБ в силу этого особенно рассчитывал на внешнеполитическую поддержку ЕС и США. (К слову, у Соединенных Штатов существовало крайне отрицательное мнение о премьер-министре, лидере ГЕРБ Бойко Борисове как о болгарском мафиози). Поэтому новый кабинет достаточно твердо следовал общеевропейской политике применительно к России, особенно в энергетическом секторе, поддерживая тем самым напряженность в болгаро-российских отношениях.

С самого начала своего мандата Борисов поставил под вопрос утвержденные прежним кабинетом энергетические проекты. Используя протесты жителей Бургаса, обеспокоенных возможным ухудшением экологии в связи со строительством нефтепровода Бургас-Александрополис, правительство Борисова в 2010 г. отказалось от проекта³³, а заодно заморозило строительство АЭС «Белене». Поводом явилось утверждение, что тендер был проведен «непрозрачно»³⁴.

Реакция России не заставила себя ждать. После отказа от проекта «Бургас–Александрополис» администрация президента Путина заявила, что точная дата его визита в Болгарию не зафиксирована, хотя болгарское правительство ожидало российского руководителя в ноябре 2012 г. Одновременно Россия настолько усилила свои контакты с Турцией, что поддержала проект нефтепровода Самсун–Джей-

хан (конкурента «Южного потока»). Была также достигнута договоренность о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Турции для поставок его продукции в третьи страны³⁵. Следующим шагом России стало заявление, что «Южный поток» сможет пройти по территории Румынии, в обход Болгарии. Оказавшись перед столь неприятной перспективой, правительство Борисова попросило у Москвы время для размышления. Важный для экономики Болгарии «Южный поток» был направлен против Украины и устранял ее как посредника при транзите российского газа, причем в тот момент, когда Запад всячески обхаживал Украину в рамках программы ЕС «Восточное партнерство»³⁶ (о ней речь пойдет ниже). Тайм-аут, взятый болгарскими руководителями, указывал на зависимость принимаемых в Софии экономических решений от большой политики ЕС.

Болгаро–российские отношения зависят не только от политики ЕС, но и от интересов США. Это зримо проявилось в вопросе о АЭС «Белене». После выхода из проекта в 2009 г. германской фирмы RWE*, на долю которой приходилось 49% финансирования, объединение «Росатом», дочерняя фирма «Атомстройпроекта», предложило 100%-ное финансирование при сохранении контрольного пакета за болгарской стороной. Однако правительство ГЕРБ, в руках которого находился контрольный пакет (51%), не согласилось на превращение проекта в сугубо российско-болгарский. Понятна причина этого шага: Болгария должна следовать общеевропейской стратегии в сфере атомной энергетики. Сооружение атомных реакторов в отдельных странах не запрещается, но в соответствии со стратегической программой развития атомной энергетики подобное строительство не должно финансироваться государством, – пояснил ситуацию многолетний руководитель лаборатории анализа

---

* RWE (Rheinisch – Westfälisches Electricitätswerk) – германская энергетическая кампания, занимающаяся реверсными поставками газа.

энергетических систем Института ядерных исследований и атомной энергетики БАН доктор технических наук Пламен Цветанов³⁷.

Аргументы против строительства АЭС «Белене» имеют экономический и политический характер. Поскольку они озвучены упомянутым экспертом, я буду далее ссылаться на него, но они встречаются и в выступлениях политиков, и в комментариях журналистов. Во-первых, отрицается необходимость энергетических мощностей для болгарской экономики. Во-вторых, внушается, что АЭС «Белене» усилит энергетическую зависимость Болгарии от России. «Если мы используем российское ядерное топливо, российские ядерные технологии, после чего ядерные отходы вывозятся также в Россию для переработки, а затем возвращаются в наши национальные хранилища, то есть, если мы полностью зависимы в атомной энергетике, говорить о том, что все это укрепляет национальную независимость, – чистой воды заблуждение». Подобная зависимость ничем не оправдана, продолжает эксперт. «Когда я веду свою машину, не российского производства, почему-то считается, что я должен ехать на российском бензине»³⁸. В-третьих, по мнению противников проекта в лице указанного эксперта, АЭС «Белене» угрожает использованию национальных энергетических ресурсов: ее эксплуатация «будет осуществляться за счет всей национальной электроэнергетики, то есть за счет теплоэлектростанций (ТЕЦ) системы «Марица» [собственность американских инвесторов, у которых болгарское государство покупает электроэнергию по максимально возможным ценам. – *И.М.*], за счет возобновляемых источников* [собственность приближенных к власти бизнесменов, цены на электроэнергию у которых также одни из самых высоких в стране. – *И.М.*], то

---

* Возобновляемые источники, или «зеленая энергетика», – источники энергии, не исчерпаемые по человеческим масштабам (солнечная, геотермальная, ветровая, морских волн, приливов и отливов, течений и пр.

есть за счет разнообразия болгарской энергетики, включая и национальные энергетические ресурсы»³⁹. На мой взгляд, данная аргументация – убедительная иллюстрация того, как проект «Белене» противопоставляется «национальным» интересам Болгарии. Это отражают и комментарии интернет-форумов⁴⁰.

28 марта 2012 г. болгарское правительство отказалось от проекта, несмотря на неприятную перспективу уплаты огромной неустойки в 1 млрд. долларов по иску российской кампании, представленному в Международный арбитражный суд в Париже. Руководство ГЕРБ сочло, что дешевле обойдется строительство 7-го блока действующей АЭС в Козлодуде⁴¹. На следующий день решение правительства утвердило Народное собрание: «за» прекращение проекта проголосовали 120 депутатов от ГЕРБ, Синей коалиции (представители бывшей правой партии СДС, расколовшейся на две фракции – Демократы за сильную Болгарию (ДСБ) с лидером Иваном Костовым и СДС во главе с Мартином Димитровым) и независимые. «Против» выступили 42 народных представителя от БСП, крайне националистической партии «Атака» [поддерживает правительство Б. Борисова и в то же время подозревается в финансировании российской стороной. – *И.М.*] и пятеро независимых. Один независимый депутат воздержался. Депутаты от ДПС в голосовании не участвовали. На заседании парламента вновь прозвучало обвинение в национальном предательстве, на этот раз со стороны БСП⁴².

Но зато правительство удостоилось поздравлений со стороны государственного секретаря США Хилари Клинтон и посла в Софии Дж. Уорлика. На проходившей в Турции очередной встрече «друзей Сирии»^{*} Клинтон в беседе с болгарским министром иностранных дел Николаем Младеновым приветствовала правительственный кабинет за столь

---

^{*} Группа «Друзья Сирии» – международный дипломатический коллектив. Периодически проводит встречи за пределами Совета Безопасности ООН для обсуждения ситуации в Сирии.

трудное решение. Более красноречивое свидетельство того, кто стоит за болгаро-российскими отношениями и направляет поведение болгарской элиты, трудно себе представить. Тем более что к болгарским энергетическим делам проявляет интерес конкурентка «Росатома» американская компания Вестингхаус Электрик Компани (Westinghouse Electric Company). Болгарская сторона заказала ей экспертизу, призванную установить, может ли заказанный в России и почти готовый реактор для АЭС «Белене» в будущем быть использован в 7-м блоке на АЭС в Козлодуге⁴³. (Это, вероятно, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения российской стороны: «Росатом» отказался передать американцам документацию по реактору, и Россия направила иск против Болгарии в арбитражный суд).

Борьба вокруг АЭС «Белене» продолжается, она перенесена в общество. БСП предложила создать Инициативный комитет по проведению референдума⁴⁴. Его участникам предлагалось ответить на вопрос «Развивать ли атомную энергетику в Болгарии путем строительства новой АЭС «Белене»?» Против проведения референдума высказалась Синяя коалиция, традиционно позиционирующая себя как русофобская⁴⁵. За референдум, кроме БСП и «Атаки», выступил лидер ВМРО* Красимир Каракачанов. Не связанный с властными структурами, он может позволить себе «навести на резкость» свое мнение. По его словам, «встает вопрос о деле национального масштаба. Если мы не создадим новые мощности, то через девять лет превратимся в страну, не производящую атомную энергию. Надоело слушать, что, построив «Белене», наша страна попадет в зависимость от России. Если не построим, тоже попадем, но только уже от Турции. Как патриота Болгарии меня раздражает, когда тот или иной болгарский руководитель принимает решение под чужим нажимом. Референдум – это спо-

---

* ВМРО – Внутренняя македонская революционная организация – партия национал-патриотического толка, занимающая крайне правый фланг политических сил.

соб, с помощью которого болгарские граждане смогут участвовать в принятии решения. Имеется возможность провести полноценную дискуссию, но без политических клише, а оперируя реальными данными, цифрами»⁴⁶.

После того, как за референдум было собрано 777 тыс. подписей граждан (более 543 тыс. из них признаны действительными), ГЕРБ согласился на его проведение, но изменив формулировку вопроса. Теперь он звучал так: «Развивать ли атомную энергетику в Болгарии путем строительства новой АЭС?» Руководство ГЕРБ объяснило, что под «новой АЭС», так или иначе, понимается «Белене». Однако результаты проведенного 27 января 2013 г. референдума показали, что изменение вопроса не было случайным и преследовало цель собрать голоса в пользу 7-го блока в Козлодуге. Его монтаж, по сути дела, означал строительство новой АЭС. В референдуме приняли участие свыше 20% (точно 21,8%) граждан, имеющих право голоса; более половины из них (60,5%) высказались за развитие атомной энергетики и строительство новой АЭС. Итоги референдума позволили парламенту вернуться к обсуждению вопроса⁴⁷. В Народном собрании ГЕРБ и Синяя коалиция голосовали против проекта, и для болгарского общества вопрос о нем сошел с повестки дня.

При правительстве Пламена Орешарского, сформированного после парламентских выборов в мае 2013 г. из членов БСП и ДПС и поддерживавшегося в Народном собрании депутатами «Атаки», история с 7-м блоком нашла свое логическое завершение. 15 декабря 2013 г. в программе «Горизонт» Национального радио в еженедельном обзоре «Неделя на высоких скоростях» («Седмица на бързи обороти») ведущие передачу журналисты объявили, что правительство согласилось на строительство 7-го блока в Козлодуге под давлением американцев, что с этой целью закуплен реактор у уже упоминавшейся американской компании «Вестингхаус», причем без проведения тендера. Произошло это во время поездки министра энергетики Добромира Стойнева в США в начале декабря 2013 г. и при ответном

посещении Болгарии президентом кампании Дани Родериком, встречавшемся 12 декабря с премьер-министром.

Пламен Орешарский успокоил общественность, заявив, что государство не заплатит ни лева за этот реактор. Избрание американской фирмы без проведения тендера и оформления госзаказа оправдывалось тем, что таким образом государство избежало обязательства выкупать всю произведенную электроэнергию. Вероятно, именно этого сумел добиться министр Стойнев в Вашингтоне в качестве облегчения для болгарской стороны. Ведь всем было ясно, что между 5-м и 6-м реакторами, построенными по советской технологии, и будущим, новым 7-м возникнет технологическая несовместимость, что вызовет дополнительные сложности. Это признал и исполнительный директор АЭС «Козлодуй» Иван Генов, в прошлом выпускник Московского энергетического института по специальности «атомные электростанции», в интервью газете «Монитор». Генов отметил, что американский реактор нового поколения AP-1000 (так наз. поколение реакторов 3+), в отличие от российских, снабжен пассивной системой безопасности, зависящей не от человеческого фактора, а от состояния природных факторов⁴⁸. «Имея российские реакторы на АЭС «Козлодуй», считаю, – подчеркнул Генов, – что нужно запустить и западный реактор, и я говорю об этом уже 7-8 лет». С этой целью, по словам Генова, следует направить на стажировку в США болгарских специалистов, чтобы те впоследствии обучили своих болгарских коллег. Такие реакторы AP-1000 уже строятся, и первый из них вступит в эксплуатацию в Китае в 2014–2015 гг. и будет референтным, т.е. соотносимым с имеющимися. В Болгарии же по расчетам сооружение такого реактора начнется в 2016 г., а ввод его в строй намечен через 5 лет⁴⁹. Болгарские экологи молчат и не выражают никакого беспокойства по поводу возможных в будущем проблем с новейшими технологиями безопасности. Все это убедительно свидетельствует о сильной зависимости Болгарии от США в отношениях с Россией. Очередное подтверждение этому дал американский по-

сол в Софии Марси Райс в интервью Болгарскому агентству новостей (BGNES) 14 января 2014 г.: «США довольны сотрудничеством с Болгарией в энергетическом секторе. В нем участвуют американские кампании-инвесторы. Мы поддерживаем переговоры между «Вестингхаус» и правительством Пламена Орешарского и гордимся, что американские технологии занимают первое место в мире. «Вестингхаус» – всемирно известная компания в области атомной энергетики, славящаяся безопасностью своих реакторов и инновациями», – подчеркнул посол⁵⁰.

Гарантией продолжения подобного курса болгарской политической элиты в данный момент является пребывание у власти правительства, которое, начиная с первых своих шагов после выборов 29 мая 2013 г., слышит требования об отставке. Протесты стали массовыми после назначения 14 июня медийного магната (недавно близкого ГЕРБ) и депутата от ДПС Диляна Пеевского руководителем Государственного агентства национальной безопасности (ДАНС). С того момента протесты неизменно проходят под лозунгом отставки кабинета, хотя уже на следующий день после назначения Пеевский ушел со своего поста. С различной интенсивностью они продолжаются и поныне. Видимо, за этим стоят европейские силы и США, поскольку действующие послы Франции, Германии и бывший посол США в Болгарии поддерживают протестующих, основное требование которых сводится к отставке правительства.

Между тем правительство Орешарского и глава «Газпрома» Алексей Миллер подписали соглашение по «Южному потоку» на достаточно благоприятных для Болгарии финансовых условиях: предоставление займа в 629 млн. евро при 4,25% годовых вместо 8% обговоренных ранее⁵¹. Но чтобы успокоить своих западных партнеров, президент Росен Плевнелиев в интервью французской газете заявил, что Болгария не будет «троянским конем» Москвы в ЕС.

Следствием этого шага болгарского правительства стала новая волна протеста с прежним требованием его отставки. На сей раз инициаторами выступили студенты Со-

фийского университета «Св. Климент Охридски». 29 октября 2013 г. они захватили ректорат. 13 ноября с участниками акции протеста встретился германский посол Матиас Хёпфнер. Оказалось, дипломата интересовало, как относятся протестующие к «зарождающемуся крайнему национализму», и «не испытывают ли они тревогу за будущую европейскую ориентацию Болгарии и ее замену на евроазиатскую»⁵². Крайний национализм ассоциируется с партией «Атака». Как уже отмечалось выше, в обществе бытует мнение (ничем не подтвержденное), что партия существует на российские деньги и защищает российские интересы. Но тревога Запада по поводу европейской ориентации страны и возможности ее смены на «евроазиатскую», при членстве Болгарии в ЕС, связана, по всей вероятности, с перспективами болгаро-российских энергетических проектов.

Очередной аккорд в борьбе против России на болгарской почве – решение Софии, принятое под нажимом Европейской комиссии*, по которому она делегировала еврокомиссару по энергетике Гюнтеру Оттингеру право пересмотреть на переговорах с «Газпромом» достаточно выгодные для Болгарии условия по «Южному потоку». Формальное основание для такого пересмотра – несоблюдение требований европейского права по диверсификации источника газа по трассе газопровода. Об этом говорилось в официальном письме Д. Стойнева Г. Оттингеру от 18 декабря 2013 г.⁵³. Единственным утешением для болгарской стороны явилось подобное поведение и других шести стран, подписавших контракты с «Газпромом» на строительство «Южного потока», в том числе и Сербии – ассоциированного члена ЕС. Произошло это после того, как 17 декабря Кремль и Киев договорились о снижении цены на газ на 30% и предоставлении Украине кредита в 15 млрд. долларов⁵⁴.

Перечисленные события проливают свет на реальные возможности Болгарии развивать свои отношения с Россией. Они показывают, насколько труден и несамостояте-

---

* Европейская комиссия – исполнительный орган ЕС.

лен этот процесс на современном этапе, сколь велико при этом влияние геополитических целей обеих сторон. Если Россия добивается своего экономического и политического присутствия в Болгарии через различные энергетические проекты, то Болгария должна сообразовываться со своими новыми союзниками, приближая их к себе или отдаляя, независимо от того, выгодны ли они для нее и до какой степени, в чисто экономическом плане. Бесспорное значение имеет и позиция правящей элиты, ее настрой и цели. В ходе политической борьбы каждая из партий спешит позиционировать себя в глазах главного внешнеполитического союзника – ЕС и США как сторонницу проевропейской ориентации, понимая, что именно от этого зависит политическая судьба, как самих партий, так и их лидеров.

Прозападные позиции, которые часто имеют русофобский характер, все шире распространяются в обществе. Они подпитываются интерпретацией определенных исторических событий и доминирующим дискурсом в СМИ. Так, 3 марта 2012 г. в интервью по радио «Дойче велле» («Немецкая волна») известный русофоб профессор-историк Пламен Цветков вновь поднял вопрос о том, что 3 марта не может быть национальным праздником Болгарии, поскольку знаменует собой смену турецкой оккупации русской. По Цветкову, «единственным событием 3 марта, достойным чествования его болгарам, может быть Брест-Литовский мирный договор 1918 г. Тогда Болгария вместе со своими союзниками в Первой мировой войне – Германией, Австро-Венгрией и Турцией оказалась в лагере победителей. Этот договор не принес стране никаких территориальных приращений, но стал документом, спасшим ее от уничтожения: благодаря великому подвигу болгарской армии в Добрудже, русская агрессия в направлении Царьграда и Проливов была остановлена, обеспечено сохранение в целостности болгарского государства. Этот факт гораздо более важен для осуществления национального объединения позднее. Естественно, когда малое государство противостоит агрессии со стороны великой силы, оно платит более высокую цену, и в

данном случае такой ценой стал недостигнутый национальный идеал, который воодушевлял несколько поколений болгар», – заявил проф. Цветков⁵⁵.

Проявляются и периодически становятся все более зримыми антироссийские настроения и по отношению к памятнику Советской армии. Они отличаются политической направленностью против правления Путина и «Газпрома». Но если в июне 2011 г. фигуры на памятнике были раскрашены как герои американских культовых комиксов, а ироничная надпись гласила: «В ногу со временем», то в августе 2013 г. все было серьезнее: скульптуры раскрасили в розовый цвет, на чешском и болгарском языках были написаны извинения за участие в подавлении Пражской весны 1968 г.⁵⁶. Российская сторона по дипломатическим каналам выразила в связи с этим свое недовольство. В том же году памятник встретил рассвет в капюшонах в знак поддержки девушек из «Пусси райт», позднее осужденных за хулиганство⁵⁷. (Позволившие себе оскорбительную для верующих выходку в храме Христа-Спасителя в Москве были одеты в куртки с капюшонами). Памятник каждый раз приводили в порядок, мыли и чистили, но долгое время на одном из второстепенных элементов сооружения сохранилась надпись «Памятник Газпрому».

Протестные выступления летом и осенью 2013 г. также способствовали возрождению русофобии. Такие настроения особенно ощущались в оппозиционных БСП и ДПС кругах, включая интеллектуалов, деятелей искусства, бывших политиков, связанных с правыми политическими силами начала 90-х годов. Например, рок-певец руководитель группы «Подуене блюз бенд» Васил Георгиев, известный как Васко Заплата, который в начале 90-х входил в число музыкантов, активно поддержавших демократические перемены, и не изменил своей позиции и в 2013 г., приветствуя летнюю кампанию протеста, так объяснил свое бунтарское поведение: «[...] Дело заключается в том, что «народ против мафии»[...] Я считаю, что общественное мнение исключительно важно для отпора злым силам, которые ру-

ководят страной. Всё еще живу с чувством, что прикасаюсь к свободе и не всё еще потеряно. Причина тому – ощущение, что мы пока остаемся частью свободного мира. Повернемся спиной к свободному миру, обратимся лицом к России – и с нашим чувством независимости будет покончено, наступит конец свободе». А на вопрос, что такое, по его мнению, свобода, Васко Заплата ответил так: «Можешь заставить душу летать, надеешься, веришь, смеешься... Умешь увидеть солнце во тьме – это свобода»⁵⁸.

Писатель-сатирик Михаил Вешим более завуалированно выразил негативное отношение к России. В 2013 г. он выпустил книгу «Русский сосед», в которой продолжил тему о болгарях, их характере глазами живущих в Болгарии иностранцев. И если в своей первой книге «Английский сосед» (2011 г.) выходец из далекого Альбиона представлен как положительный герой, который, в конце концов, перенимает недостатки соседей-болгар, то русский покупает село и превращает односельчан в крепостных. Сам автор объяснил свой подход к образу русского следующим образом: «Не хочется, чтобы роман читался как политический фельетон. Не нужно рассматривать его и как извечный наш спор между “русофилами” и “русофобами”. Ведь мой герой – не простой русский, который купил здесь у нас имущество... (Таких уже более 110 тыс. только в Южном Причерноморье). Мой герой – маленький олигарх, русский держиморда и ведет себя соответственно... Но не он, русский сосед, главное действующее лицо в романе. Главные лица – мы, болгары...». Это уточнение существенно, поскольку оказалось, что болгарские читатели восприняли книгу неоднозначно и, вопреки выраженному пожеланию автора, именно в контексте оппозиции русофильство – русофобство. Это проявилось в вопросе одного из журналистов «Как читатели встретили “Русского соседа”?» и ответе самого Вешима: «По-разному, для одних книга смешная, для других – печальная. Одни здороваются, другие делают вид, что меня не замечают. На сайте “Геликона” [сеть книжных магазинов. – И.М.] один читатель написал, что я заслужи-

ваю тумака. Если требуется, я и тумак вынесу...», – отреагировал на упреки читателя сатирик⁵⁹.

Вместе с тем некоторые действия российской стороны в известной степени провоцировали подобные настроения. Так, для ученых Болгарской академии наук стало неприятной неожиданностью назначение бывшего министра финансов в правительстве ГЕРБ (2009–2013) Симеона Дянова ректором Российской экономической школы (РЭШ) в Москве в начале октября 2013 г.⁶⁰. В свое время Дянов аргументировал свое пожелание распустить БАН, помимо прочего, и доводом, что ученые в академических институтах не знают никаких иностранных языков, кроме русского, и посему не способны заниматься наукой.

На мой взгляд, новым вызовом для болгаро-российских отношений явилось расширение ЕС на Восток по программе «Восточное партнерство» (с 2009 г.), к участию в которой привлечены на правах ассоциированных членов Украина, Молдова, Беларусь, Армения, Грузия, Азербайджан, а также стремление Кремля усилить евразийский вектор интеграции на постсоветском пространстве⁶¹. Россия возражает против программы «Восточное партнерство», из которой исключена и которую рассматривает как направленную против своих экономических и политических интересов. В качестве альтернативы в 2011 г. Москва создала Таможенный союз на Едином экономическом пространстве (начал действовать с 1 января 2012 г.) между Россией, Беларусью и Казахстаном. Другим бывшим советским республикам было предложено присоединиться к Союзу. Госсекретарь США Хилари Клинтон охарактеризовала Таможенный союз как «новую версию СССР», выразив на пресс-конференции в Дублине 7 декабря 2012 г. негативное отношение Соединенных Штатов к российской политике интеграции на постсоветском пространстве⁶².

Болгария ведет себя как дисциплинированный и лояльный член ЕС. Ее представители голосовали за предложенную Литвой резолюцию Европарламента против России⁶³ за оказываемое Москвой давление на страны, прим-

кнущие к программе «Восточное партнерство». В подобном критическом духе, как попытку навязать членам «Восточного партнерства» неевропейское будущее расценили действия России президенты Эстонии и Болгарии Тоомас Хендрик Ильвес и Росен Плевнелиев на встрече 12 сентября 2013 г. в Вильнюсе. В России все эти действия воспринимают как проявление «русофобии»⁶⁴. Позиция Болгарии обусловлена, однако, не только характерной для нее лояльностью к ЕС. Страна сильно заинтересована в «Восточном партнерстве»: предусмотренное программой создание в странах-участницах зон свободной торговли облегчит развитие там и болгарского бизнеса. Более того, София надеется играть определенную посредническую и миссионерскую роль в этом процессе. Об этом говорила 17 июля 2012 г. бывший министр экономики Лидия Шулева на открытии Болгаро-украинской промышленной палаты, усмотрев в ней инструмент, обеспечивающий участие Болгарии в этой европейской инициативе⁶⁵.

В конце 2013 г. напряжение между ЕС и Россией по вопросу об Украине – главной участнице программы «Восточное партнерство» достигло своей кульминации. 21 ноября 2013 г. Украина объявила, что не подпишет Соглашение об ассоциации с ЕС вместе с двумя другими странами – Молдовой и Грузией (подписание планировалось на 28 и 29 ноября в Вильнюсе) из-за того, что не получает достаточную компенсацию. Отказ Украины и, как следствие, провал расчета болгар на создание беспошлинного рынка серьезно затронули болгарские экономические интересы. 14 ноября 2013 г. на «круглом столе» «Соглашение об ассоциации Украины с ЕС и его воздействие на болгаро-украинские отношения», организованном по инициативе Группы за дружбу Болгарии и Украины в парламенте 42-го созыва, Болгаро-украинской промышленной палаты, Посольства Украины в Республике Болгария, отчетливо проявились надежды представителей болгарского бизнеса на развитие двусторонних связей. Они основывались на том, что после спада в 2012 г. болгаро-украинские отношения

резко пошли на подъем в 2013 г. Ассоциация Украины с ЕС⁶⁶ рассматривается как главное условие продолжения в дальнейшем такой тенденции, в частности, создания бесполошинного болгаро-украинского рынка.

Для временного отказа Украины от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС значение имели не только экономические и «санитарные» санкции России в отношении некоторых товаров (медленное их прохождение через таможенную, претензии к украинской кондитерской корпорации «Рошен» и пр.), но и полученный Украиной от России заем в 15 млрд. долларов, о чем говорилось выше. Противопоставляясь таким образом ассоциации Украины с ЕС, Россия исходила не только из торгово-экономических, но и политических интересов, которые затрагивали Крым и российскую военно-морскую базу на полуострове, судьбу крымских татар.

Иными словами, столкновения между процессами европейской и евразийской интеграции будут продолжаться. Определенный импульс они получили в результате политического кризиса на Украине в ноябре и декабре 2013 г., который сопровождался взаимными обвинениями России, с одной стороны, и ЕС и США, с другой, во вмешательстве в украинские дела. Ухудшение отношений между Россией и ЕС проявилось и накануне зимних Олимпийских игр в Сочи: ряд лидеров объявили, что не будут участвовать в церемонии открытия в феврале 2014 г.

Однако, как признал в 2014 г. Й. Фишер, вице-канцлер и министр иностранных дел Германии в 1998–2005 гг., вину за подобный ход евроинтеграции несут и европейские руководители, чьей заложницей стала Болгария: «Мы не можем обвинять Путина за то, что он умело реализует собственное представление о российских [национально-государственных] интересах. Вина за последствия потерь Европы в Украине лежит и на руководителях ЕС, которые так плохо представляли интересы Европы. Громогласные пустые заявления не могут скрыть отсутствия внимания Европы к собственным стратегическим интересам, а это нанесет

вред и ее отношениям с Россией. Если европейцы хотят изменить создавшееся положение, им следует инвестировать свои интересы, разработать эффективный подход, чтобы гарантировать себе возврат этих инвестиций»⁶⁷.

В силу вышеизложенного я опасаясь, что обстановка вокруг Украины и будущее расширение ЕС в постсоветских республиках сделают для Болгарии проблематичной возможность использовать свое членство в Евросоюзе для решения актуальных внешнеторговых и экономических задач.

* * *

Даже беглый обзор болгаро-российских отношений в 1992–2013 гг. показывает, что они стали заложниками геополитики и союзнических обязательств обеих сторон. Определяющее значение имеют политические расчеты правящих элит, поскольку именно они ускоряют или тормозят развитие всех прочих – культурных, научных, общественных – контактов.

Антироссийские настроения по традиции проявляются среди части руководства правых политических партий, а также в некоторых кругах интеллигенции или тех, кто к ней себя причисляют. Но в целом болгарская политическая элита настолько сильно зависима и привязана к ЕС и США, что предпочитает, по меньшей мере, дистанцироваться от тесных связей с Россией, если не демонстрирует откровенную враждебность. Особенно наглядно эта зависимость проявляется после 2009 г., когда страна, став полноправным членом ЕС, вынуждена соотносить свой курс с Евросоюзом даже в ущерб собственным чисто экономическим интересам. И такую политику проводят как правые (ГЕРБ), так и левые (БСП) партии.

Но помимо политических препятствий, обусловленных союзническими обязательствами, что гарантирует пребывание нынешней элиты у власти, перед болгаро-российскими отношениями в последние годы возникли и экономи-

ческие препятствия. Болгарский бизнес стремится воспользоваться новыми рынками в странах «Восточного партнерства», надеется проникнуть туда, используя договоренности с ЕС. Россия, со своей стороны, противостоит экономическому расширению ЕС в бывших советских республиках, которым предлагает в качестве альтернативы интеграцию вокруг Москвы. Все это определяет перспективу если не конфронтации, то дальнейшего экономического, политического и культурного отдаления Болгарии от России.

(Перевела с болгарского Т.В. Волокитина)

Примечания

¹ Баева И. България и Съветския съюз / Руската федерация пред предизвикателствата на новия световен ред след 1989 г. // България и Русия между признателността и прагматизма. Сборник от доклади на Международна конференция. София, 2009. С. 726.

² Укажу наиболее значимые из них, вышедшие из-под пера ученых БАН, РАН, Софийского, Московского и Велико-Тырновского университетов и др.: България в сферата на съветските интереси. (Българо-руски научни дискусии). София, 1998; България и Русия през XX век. (Българо-руски научни дискусии. София, 2000; 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. М., 2008; България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2009; България и Русия в миналото, настоящето и бъдещето. София, 2009; Россия-Болгария: векторы взаимопонимания XVIII – XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010; О чем поведает архивы... Российско-болгарские отношения и связи. Москва, 2011; България, Балканите и Русия. XVIII – XXI век. София, 2011.

³ Терещенко Ю.Я. История России XX – начала XXI в. М., 2004. С. 424–426.

⁴ Марчева И. Приватизацията в България и нейните социално-икономически последици (Статья принята к печати в журнале БАН «Bulgarian Historical Review»).

⁵ Баева И. Указ. соч. С. 731.

⁶http://bg.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2

⁷ *Емилія Милчева* Не е 1999, Костов го няма, а бежанците идват – http://www.webcafe.bg/id_562213042/fpage_0/; *Пройчев Т.* Тихият фронт срещу бежанците – <http://www.politika.bg/article?id=7256>

⁸ *Баева И.* Указ. соч. С. 731.

⁹ Во время обсуждения в Софийском университете нашумевшей книги Достены Лаверн «Эксперты перехода» (София, 2010), затрагивающей связи болгарских неправительственных организаций с мировыми сетями влияния, социолог и политолог Андрей Райчев обратил внимание, что автор сосредоточивается, главным образом, на институциональной истории этих организаций, недооценивая при этом неизменную сущность их позиции. Она сводится, по мнению Райчева, к «трем китам»: демократии, неолиберализму и русофобии.

¹⁰ *Дубин Б.* Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М., 2011. С. 12–13.

¹¹ *Марчева И.* Българите в края на ХХ век – в търсене на нова идентичност. Сбогуване с Изтока // Проблемът Изток–Запад. Съвременни измерения. София, 2004. С. 127–140.

¹² *Делиславкова-Хубенова Т.* Съвременни аспекти на развитието на българо-руските икономически отношения // България и Русия в миналото, настоящето и бъдещето. София, 2009. С. 118–119.

¹³ Там же. С. 118.

¹⁴ *Ревякина Л.* Русия през първото десетилетие на ХХI век (външнополитически аспекти) // Русия в отражението на историята. В памет на проф. Емил Михайлов. Almanach VIA EVRASIA. 1. 2012. С. 390; *Терещенко Ю.Я.* Указ. соч. С. 440.

¹⁵ *Баева И.* Указ. соч. С. 728.

¹⁶ Экс-глава Пентагона назвал ошибкой приглашение в НАТО Украины и Грузии: <http://vz.ru/news/2014/1/15/667965.html>

¹⁷ *Баева И.* Указ. соч. С. 729; *Ревякина Л.* Указ. соч. С. 390.

¹⁸ *Ревякина Л.* Указ. соч. С. 413–414. Прим. 8.

¹⁹ *Фишер Й.* Украинската грешка на Европа // Култура. Бр. 1 (2750). 10 януари 2014 г.

²⁰ Нельзя объяснить слепому, что здесь темно: <http://vz.ru/politics/2014/1/16/666224.html>

²¹ Ивайло Калфин: По отношение на Русия още държим скелети в гардероба // Сега. 10 юли 2004 г. С. 9–10.

²² *Делиславкова-Хубенова Т.* Указ. соч. С. 121.

²³ Труд. 11 март 2008 г.

²⁴ Делиславкова-Хубенова Т. Указ. соч. С. 123.

²⁵ Статев Д. Икономическото сътрудничество между България и Русия в сферата на интелектуалната собственост // България и Русия в миналото, настоящето и бъдещето. С. 133.

²⁶ Фишер Й. Указ. соч.

²⁷ Строителство началось в 1981 г. и прекращено в 1990 г.

²⁸ <http://vz.ru/economy/2010/6/11/409967.html>

²⁹ http://www.dnevnik.bg/biznes/companii/2012/05/22/1832071_deputatite_odobriavet_zakonoproekta_za_gazoprovoda/

³⁰ Димова М. Режисьорът зад бюрото на Славейков // Сега. 1 юни 2013 г. С. 13–14.

³¹ Последнее выступление должно было состояться в Польше, но было отменено. Певица рассказала, что включение Болгарии в программу турне было несчастливым: именно в Болгарии на международном конкурсе «Золотой Орфей» в 1975 г. она завоевала главную награду, которая окрылила ее // Желева О. Алла Пугачева препълни НДК: <http://e-vestnik.bg/8539>.

³² <http://vz.ru/politics/2013/9/12/650050.html>

³³ <http://vz.ru/economy/2010/6/11/409967.html>

³⁴ Прокуратура раздула скандал, выступив с обвинениями лиц, причастных к проекту АЭС «Белене». «Четверо ответят за присвоение более 8 миллионов левов. Бывших министров подозревают в бесхозяйственности и должностном преступлении – незаконном присвоении средств», – писала газета (Сега. 5–6 октомври 2013 г.).

³⁵ <http://vz.ru/economy/2010/6/11/409967.html>

³⁶ Откровенно по этому поводу высказался бывший министр иностранных дел Германии Й. Фишер на страницах газеты «Культура»: «... Путин, приняв наследство от Ельцина в качестве президента Российской Федерации, начал добиваться осуществления трех стратегических целей (делает он это и сегодня) – положить конец зависимости постсоветской России от Запада, восстановить власть над большинством советских республик (или хотя бы необходимый контроль над ними, чтобы остановить расширение НАТО на восток), и, наконец, постепенно восстановить статус России как мировой силы. Намеченное следует осуществить не с помощью Красной Армии, а с помощью российского экономического потенциала, особенно стратегической энергетической политики, опирающейся на огромные запасы нефти и природного

газа. Для этого необходимо обеспечить контроль над этими ресурсами. Кроме того, необходимо создать новые каналы экспорта в Европу, минуя Украину. Это сделает ее уязвимой перед шантажом, так как прекращение поставок на Украину не будет больше для Европы поводом для беспокойства. Конечной целью является возвращение контроля над украинской трубопроводной сетью. В этом случае Украина созреет, чтобы присоединиться к путинскому «Евразийскому союзу» – российской альтернативе Европейского союза, цель которого удержать бывшие советские республики в сфере влияния России. Не только «Северный», но и «Южный поток» предназначены для того, чтобы отрезать Украину от канала российского энергетического экспорта в Европу» (Фишер Й. Указ. соч.).

³⁷ <http://www.svoboddata.com/page.php?pid=5358>

³⁸ <http://www.svoboddata.com/page.php?pid=5358>

³⁹ <http://www.svoboddata.com/page.php?pid=5358>. Согласно договоренностям, электроэнергию, получаемую от указанных мощностей, Национальная энергетическая кампания (НЕК) покупает по гораздо более высоким ценам, нежели у других поставщиков.

⁴⁰ В блоге jelezov, среди материалов о референдуме за 25 октября 2012 г. читаем: «... ГЕРБ потому хочет, чтобы будущая ЯЭС (АЭС «Белене») была частной, но собственником был бы западный инвестор (и ни в коем случае российский), что западцы хорошие, а русские, естественно, – олицетворение зла...». В ответ некто Аноним написал 25 октября: «Русофилом ты родился, болгарофобом умрешь... Но будет это не таким способом, когда ты за одну только ночь «созрел» и из коммуниста превратился в «социалиста» – <http://jelezov.blog.bg/politika/2012/10/25/referendumyt-za-iaec-aec-belene.1013384>

⁴¹ Парламентът одобри прекратяването на проекта АЕЦ Белене. Народното събрание възлага на правителството да извърши необходимото за изграждането на нова ядрена мощност на площадката на АЕЦ Козлодуй – <http://www.investor.bg/ikonomika-i-politika/332/a/parlamentyt-odobri-prekratiavaneto-na-proekta-aec-bele-ne,132332/>

⁴² Во время обсуждения лидер СДС Мартин Димитров заявил, что денег на строительство новой АЭС взять неоткуда. «...Кто даст эти 10 млрд. евро? ...Русские хотели предоставить нам огромный заем под 10-12% процентов. Это могло довести нас до ситуации

«Греция», до банкротства...», – подчеркнул оратор. Руководитель ДСБ Иван Костов также акцентировал внимание на непосильной для страны стоимости второй атомной электростанции. По его мнению, выход следовало искать на пути уменьшения потребления электроэнергии и повышения эффективности в сфере энергетики. Депутат от «красных», бывший министр экономики Петр Димитров оценил прекращение проекта АЭС «Белене» как крупнейший политический провал правительства и самую большую глупость кабинета Бойко Борисова в экономике. По словам Димитрова, «...пахнет национальным предательством, пахнет судом, и ответственность за содеянное Совет министров хочет переложить на парламент» – <http://www.investor.bg/ikonomika-i-politika/332/a/parlamentyt-odobri-prekratiavaneto-na-proekta-aec-belene,-132332/>). Опасения правых по поводу высокой стоимости реакторов развеял исполнительный директор АЭС «Козлодуй» Иван Генов. В интервью газете «Монитор», опубликованном 18 декабря 2013 г., он заявил: «В настоящий момент стоимость нового реактора составляет около 4 млрд. евро... Я не говорю, о каком реакторе идет речь [Генова спросили, имел ли он в виду стоимость нового, американского реактора AP – 1000, который будет установлен как 7-ой блок на АЭС «Козлодуй». – *И.М.*]. Говорю, что для нового реактора это нормальная цена. Мы упустили выгодный шанс с русскими, так как два больших реактора по 1000 мегаватт мы нигде больше не найдем по такой цене» – <http://www.monitor.bg/article?id=411930>

⁴³ <http://www.argumenti.ru/science/n335/170195>.

⁴⁴ В Инициативный комитет вошли политики Сергей Станишев, Янаки Стоилов, Румен Овчаров от БСП, ученые акад. Георги Марков, проф. Венцислав Кисьов, акад. Васил Згуров, акад. Ангел Гылыбов и др. Акад. Стефан Воденичаров был избран председателем Комитета – http://3e-news.net/show/23181_iniciativen%20komitet%20organizira%20podpiska%20za%20referendum%20za%20sydbata%20na%20aec%20belene%20/dopylneno/_bg/

⁴⁵ От Сиянта коалиция са против референдума за «Белене», 12 октомври 2012 г. – http://dariknews.bg/view_article.php?article_id=977557

⁴⁶ http://3enews.net/show/23181_iniciativen%20komitet%20organizira%20podpiska%20za%20referendum%20za%20sydbata%20na%20aec%20belene%20/dopylneno/_bg/

⁴⁷ <http://избори2013.bg/tag/%d1%80%d0%b5%d1%84%d0%b5%d1%80%d0%b5%d0%bd%d0%b4%d1%83%d0%bc-%d0%b1%d0%b5-%d0%bb%d0%b5%d0%bd%d0%b5/>

⁴⁸ <http://www.monitor.bg/article?id=411930>

⁴⁹ <http://www.monitor.bg/article?id=411930>

⁵⁰ <http://video.bgnes.com/view/46072>

⁵¹ <http://www.investor.bg/analizi/85/a/rusiia-se-predade-na-bylgariia-smiata-komersant-no-dali-e-taka,160709/>

⁵² <http://www.monitor.bg/article?id=407500>

⁵³ <http://www.segabg.com/article.php?id=679317>

⁵⁴ <http://www.segabg.com/article.php?id=679314>

⁵⁵ България. Санстефански митове и български комплекси – <http://www.dw.de/dw/article/0,,15781481,00.html>

⁵⁶ На фасаде памятника над надписью «Советской армии – освободительнице от признательного болгарского народа» красными буквами было написано: «Praha’68 Извините нас!!! Прага’68». Западная скульптурная часть памятника окрашена в розовый цвет, внизу надпись на болгарском и чешском языках: «Болгария извиняется!». На восточной части памятника окрашено было только одно орудие – <http://www.manager.bg/news/svetovnite-medii-za-boyadisaniya-pametnik-na-savetskata-armiya>

⁵⁷ http://www.sofiautre.bg/2013/08/21/182495-pametnikut_na_suvetskata_armia_osumna_boyadisan_v_rozovo

⁵⁸ Патосът на 90-те, както и Удсток няма да се повторят // Сега. 5 октомври 2013 г. С. 9.

⁵⁹ Пазарът на сатирата се премести в телевизиите // Сега. 19 октомври 2013. С. 9.

⁶⁰ http://bg.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BE%D0%BD_%D0%94%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2

⁶¹ Вопросы Евразийской интеграции, в том числе Таможенного союза, обговаривались на встрече на высоком уровне руководителей стран СНГ в Душанбе в октябре 2007 г. В.В. Путину удалось добиться принятия резолюции о создании такого союза между Беларусью, Казахстаном и Россией, а также получить согласие участников на обладание Россией как крупнейшей страной контрольным пакетом голосов в будущем Евразийском экономическом союзе, наподобие ЕС и особого места в нем Франции и Германии – <http://vz.ru/politics/2007/10/8/115759.html>

⁶² Хилари Клинтон подчеркнула, что США не позволят России под прикрытием экономической интеграции создать новую версию Советского Союза. «Называется ли она Таможенным союзом, Евразийским союзом или как-либо еще, не будем себя обманывать. Мы знаем, какова истинная цель, и пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это» – <http://vz.ru/opinions/2012/12/31/613930.html>

⁶³ Декларация «О давлении, оказанном Россией на страны Восточного партнерства в контексте предстоящего саммита Восточного партнерства в Вильнюсе», принята 12 сентября 2013 г. Европарламентом простым большинством – <http://vz.ru/politics/2013/9/12/650050.html>

⁶⁴ <http://vz.ru/politics/2013/9/12/650050.html>

⁶⁵ Шулева заявила: «Вопрос стоит не только о поступлении украинских товаров на европейский рынок. Приобщение стран бывшего Советского Союза к европейским ценностям и принципам – вопрос исключительно важный. Болгария как член ЕС приводит в соответствие свое законодательство с нормами и законами ЕС, и это расширяет наши возможности, как с точки зрения получения инвестиций, так и развития торговых взаимоотношений. Наблюдается весьма серьезный рост болгарского экспорта. Болгария может оказать значительную помощь Украине в процессе все более широкого ее приобщения к указанным принципам. Так же, как нам в свое время помогали Греция, Австрия, Германия и др., так сегодня Болгария может помочь Украине в освоении предприсоединительных фондов, в двустороннем сотрудничестве и в осуществлении ряда программ и проектов ЕС. Иными словами, мы не должны никоим образом недооценивать роль Болгарии в этих процессах, что имеет исключительно важное региональное значение... Мы должны максимально воспользоваться членством Болгарии в ЕС, чтобы стать для украинского бизнеса (разумеется, без каких бы то ни было мегаломанских амбиций) дверью на европейский рынок» – <http://www.focus-news.net/opinion/0000/00/00/21770/>

⁶⁶ <http://www.sbuds.org/current.php?id=16&n=268>

⁶⁷ *Фишер Й.* Указ. соч. Германский политик имел в виду, что ЕС отказался компенсировать Украине приведение экономики страны в соответствие с евростандартами и предоставление своего рынка для европейской продукции.

Наши авторы

Баева Искра – д-р истории, профессор, Исторический факультет Софийского университета «Св. Климент Охридски».

Богданова Румяна – д-р истории, доцент, Институт исторических исследований БАН.

Валева Елена Любомировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Васильева Нина Владимировна – кандидат исторических наук, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Григорова Дарина – д-р истории, доцент, Исторический факультет Софийского университета «Св. Климент Охридски».

Григорова Ирина – д-р истории, главный ассистент, Институт исторических исследований БАН.

Гришина Ритта Петровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гусев Никита Сергеевич – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Козлов Владимир Петрович – член-корреспондент РАН, Председатель Российской части Комиссии историков России и Болгарии.

Косик Виктор Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Макарова Ирина Феликсовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Марчева Илияна – д-р истории, доцент, Институт исторических исследований БАН.

Пейковска Пенка – д-р истории, доцент, Институт исторических исследований БАН.

Стоилова Тамара – д-р истории, доцент, Институт исторических исследований БАН.

Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Российско-болгарские
научные дискуссии

**Российская и болгарская
государственность:
проблемы взаимодействия.
XIX–XXI вв.**

Ответственный редактор – *чл.-корр. РАН В.П. Козлов*

Оригинал-макет – *А.А. Улыбина*

Обложка – *А.А. Улыбина*

Подписано в печать 04.12.2014 г. Объем – 21,5 п.л.
Формат 60x90. Тираж – 100 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ПолиМЕдиа»